

Библиотека
всемирной литературы

Серия третья * * *

Литература XX века

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажач М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэакман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Кербабаев Б. М.
Косолопов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Ризов Б. Г.
Самарин Р. М.
Сомов В. С.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Шамота Н. З.

ПОЭЗИЯ АФРИКИ

АЛЖИР
АНГОЛА
БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ
ГАМБИЯ
ГАНА
ГВИНЕЯ
ДАГОМЕЯ
ЕГИПЕТ
ЗАИР
ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА
КАМЕРУН
КЕНИЯ
КОНГО
ЛИБЕРИЯ
ЛИВИЯ
ОСТРОВ МАВРИКИЙ
МАЛАВИ
МАЛАГАСИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА
МАЛИ
МАРОККО
МОЗАМБИК
НИГЕРИЯ
ОСТРОВ САН-ТОМЕ
СЕНЕГАЛ
СУДАН
СЬЕРРА-ЛЕОНЕ
ТАНЗАНИЯ
ТУНИС
УГАНДА
ЦЕНТРАЛЬНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
ЭФИОПИЯ
ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1973

Вступительная статья
Роберта Рождественского

И (Афр)
П 67

© Издательство «Художественная литература», 1973

Составление и примечания

М. Ваксмахера, Э. Ганкина,
И. Ермакова, А. Ибрагимова, М. Курганцева,
Е. Ряузовой, Вл. Чеснокова

© Издательство «Художественная литература», 1973

ОБРЕТЕННЫЕ ГОЛОСА

(Вместо предисловия)

Некоторые стихи антологии африканской поэзии надо читать, зажав уши. Так много крика в этих стихах! Крика яростного, надсадного, нечеловеческого. Крика, который переполнял и потрясал Африку. Крика, который полз по крутой лестнице столетий и никогда не умолкал, ни на миг не прерывался.

В этом крике все: и муки, и поруганные надежды, и глухие трюмы невольничьих кораблей, и сломленная гордость, и сжатые кулаки, и слезы, и молитвы. В этом крике — всепоглощающая любовь к Африке. В этом крике — ее сердце. Огромное, доброе сердце.

Большинство стихов африканских поэтов похоже на гравюры. Где есть только два цвета. Два! Черный и белый. Но, в отличие от гравюр, эти два цвета не дополняют друг друга. И даже не контрастируют. Эти два цвета постоянно борются! Борются долго, страшно, непримиримо. И тогда возникает третий цвет. Цвет крови.

Белый убил моего отца —
Гордого моего отца.
Белый опозорил мать мою —
Мою красавицу мать.
Белый заставил моего брата,
Могучего моего брата,
Спину под солнцем гнуть.
Белый протянул ко мне руки,
Красные от черной крови,
И крикнул надменно:
«Бой, умыться! Воды!»

(Давид Дион)

И тут же:

На отелях,
на барах веселых,
на гранитных
церковных приделах,
на больницах,
вокзалах
и школах —
всюду надписи:
«Только для белых!»
На рассветах,
пылающих в небе,
на мечтах,
безрассудных и смелых,
на любви,
на свободе,
на хлебе —
всюду надписи:
«Только для белых!..»

(Леонард Коса)

И — задыхающиеся, торопящиеся, издевательские строки гвинейского поэта Рэй Отра. Вполголоса читать их нельзя. Любоваться их «поэтичностью» кощунственно. Они звучат, как хрип человека с простреленной грудью. Их надо слушать, оцепенев. Слушать, сжавшись, как от удара.

Да, я невежда,
я зверь,
я всего лишь вонючий негр,
я пожираю червей,
и лесные плоды,
и корни, выкопанные из земли,
и пучком травы прикрываю срам.
И тело мое — на шраме шрам,
я многоженец, как павиан,
я покупаю жен
и продаю дочерей,
и клозетом мне служит зеленый куст,
и череп мой обрит наголо,
и в тыкке сухой хранится моя еда,
и я хватаю руками куски и рыгаю во время еды,
и в хижине — жалкой лачуге — живу,
и огонь развожу на камнях,
и пищу варю в глиняном грубом горшке,
я — варвар,
и искусство мое — примитив,
и ты говоришь про меня: темный, жалкий дикарь...

Как вам это? Знакомо? Слишком грубо — считаете? Но вы узнаете: ведь почти этими самыми словами описывали «бесстрашные» завоеватели

Африки ее жителей! Вспомните сногшибательные миссионерские рассказы о дикарях, о примитивных людях. Вспомните экспонаты старых европейских зоопарков, где африканцев показывали в клетках. «Человекоподобное» — было написано на пояснительной дощечке. А ежели так, то «цивилизаторский долг» белых был просто необходим! И, естественно, охота на дикарей — никакой не грех, и торговля «человекоподобными» — вещь вполне нормальная! Не так ли? Ведь убивают горилл, и никому в голову не приходит протестовать против этого! Ведь торгуют макаками, — а эти чем лучше?! Дикари...

А Рэй Отра продолжает:

Но вчера...

.....
Ты даже сумел позабыть, что кожа моя черна!
Вчера...
Вчера, потому что «родине» грозила беда,
и ты собирал солдат
и кричал:
— За свободу умрем! —
Вчера, потому что в бою
смешалась кровь твоя и моя —
черного красная кровь и белого красная кровь,
вчера, потому что я был бойцом,
отваги и верности
образцом,
вспомни, мы побратались с тобой,
и ты не скупился на лесть:
негр — самый лучший друг,
негр — непревзойденный герой!..
А сегодня...
Сегодня, когда я сам свободу выпустил из тюрьмы,
ты сразу вспомнил, что я — антипод,
и снова я — выкормыш обезьян,
пожиратель кузнечиков и саранчи,
снова я — черная мразь,
дикарь, которому клетка нужна,
а не свобода...

Честные, прекрасные стихи! Помимо талантности их автора, стихи эти свидетельствуют еще и о том, что Рэй Отра очень точно понимает законы политических взаимоотношений в капиталистическом обществе. Понимает и отвергает идеологию империализма. Слово «родина» он поставил в кавычки. И действительно, это была не его родина. Это была родина его угнетателей. Его убийц.

Но не зря стихотворение Рэй Отра названо «Я — человек!» И не зря эта тема — я — человек! — ощущается во многих стихах африканских поэтов. Они не хотят, не желают, чтобы слово «родина» ставилось в кавычки. Африка выходит на бой за свою свободу!..

Сначала — это почти неосознанный ритм, какой-то неведомый подземный гул. Сначала — только глухая интонация страдания, только шорох шагов:

На дальних дорогах
Толпы народа,
Толпы народа,
Толпы народа...

Заклинание слышится в этом повторе. И еще непонятно, как сам автор относится к тому, что он видит и слышит. Но — с каждой повторной фразой, с каждой повторной строкой крепчает голос, горячее, будто приближаясь к нам:

...Толпы народа,
Изгнанного отовсюду,
На дальних дорогах.
До самого горизонта...
И снова на дальних дорогах
Шагают люди,
Бессильно повесив руки...
Зарево,
танцы,
тамтамы,
ритмы...

Я читаю эти строки и чувствую сердцем, как нервно дрожит земля от шагов миллионов людей. Они идут — грозные, большие, — и уже никто и ничто не сможет остановить, не сможет замедлить этот трагический поток:

Ритмы в свете,
Ритмы в цвете,
Ритмы в звуке,
Ритмы в движенье,
Ритмы в шагах окровавленных ног,
Ритмы в крови, текущей из-под ногтей,
И все это ритмы...
Ритмы...
О, голоса истерзанной Африки!

(Агостиньо Нето)

Последняя строчка — будто последний миллиметр бикфордова шнура. Дальше — взрыв!..

Дальше — бой. Дальше — стиснутые зубы и бессонные ночи. И — солнечная одержимость восставших, и — пьянящая бравада взявшихся за оружие людей.

...Мы погибнем на поле боя,
Мы не примем позорной жизни,
Наши ружья погибнут с нами,
Наши копья погибнут с нами, —
Мы погибнем на поле боя!..

(Кofi Авунор)

Описание самого боя дано расплывчато. Оно не слишком сфокусировано. Это — не какой-то конкретный бой у конкретной деревни. Это — общий, а вернее — всеобщий бой. Бой не на жизнь, а на смерть!..

И когда я читаю строчку: «Винтовки белых палят...», то вдруг понимаю, что когда-то и мой дед произносил эту фразу. «Винтовки белых...» Я понимаю, что в этом словосочетании главное уже не цвет кожи, а цвет идеи. «Белые» здесь, в этой строке, удивительно точно совпадают с нашими российскими «белыми». Своей жестокостью совпадают и своей обреченностью...

И мне вспоминается даже песня похожая: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов. И, как один, умрем в борьбе за это!..»

В борьбе за это...

У восставшей Африки перед глазами и перед сердцем был гигантский пример нашей Революции.

Если бы ты
Эдельвейсом была,
Я залез бы на горную кручу,
Чтобы тебя сорвать.

Если бы ты
Была растеньем морским,
Погрузился бы я
В зеленую бездну,

Чтобы тебя
Со дна морского достать.

А это что? Стихи о любви? Сладкозвучное обращение к возлюбленной? Уход от слишком запутанной действительности? Вроде бы — да...

Если бы ты
Звонкоголосою птицей была,
Я пошел бы в глухие леса,
Чтобы услышать тебя.

Поэт продолжает свою, в общем-то, традиционную речь, плетет орнамент, не жалеет красок. Очевидно, ему — поэту — нет никакого дела до страдающего народа, нет дела до битвы, до крови, до надежд людских...

Если бы ты
Звездой была,
Я бы все ночи не спал,

Читать дальше или не надо? Ведь, пожалуй, эту любовную нить можно тянуть до бесконечности... Нет, читайте! Обязательно читайте дальше!

...Я бы все ночи не спал..
Чтобы только смотреть на тебя,
Свобода!

(Зехор Зерари)

Вот вам и обращение к возлюбленной...

Слышите, как звучит последнее слово в этом стихотворении? «Сво-бо-о-о-да-а-а!» Нараспев оно звучит, каждый звук смакуется, даже каждый оттенок звука...

А дальше — снова ритм. Ритм боевого танца.

Мы танцуем
при свете костров
свой воинственный танец,
а вокруг —
ни колодцев, ни хижин,
ни девичьих глаз.
Только черные кедры
стоят,
приосанясь,
и смотрят на нас.
Юность моя!
Тонко поет
школьная дверь...
Розовый мак
слабо хрустит
под сапогом.
Школьная дверь
стала от пуль
как решето.
Вот мы стоим
здесь.
А в глазах —
нет ни слезы.
Вот мы стоим
здесь.
А в глазах —
только огонь.
Наших врагов
он навсегда
испепелит.

(Катэб Ясин)

«Дыханье свободы пробегает по нашим лесам, как дыханье грозы по шкуре барса...» — пишет алжирка Анна Греки. И это не просто красивое преувеличение, лихой образ. Так и должно быть, так и было: вместе с людьми поднялась сама земля, поднялись на справедливый бой закаты и рассветы, поднялись горы и леса, полночи и полдни. Бой этот невероятно труден, потрясающе жесток! Ибо «цивилизаторы», привыкшие считать себя хозяевами африканской земли, так просто, ни с того ни с сего, уйти не могут. Они бросили в бой всю свою силу, все достижения своего «военного прогресса»...

Но вдумайтесь, каким высоким, каким прекрасным должно быть сердце народа, если поэт этого народа — окровавленный, шатающийся от бессонницы поэт — в самый разгар сражения может клясться сквозь слезы:

Клянусь рыданиями девушки,
Потрясенной воздушным налетом,
Клянусь отчаяньем матери,
Потерявшей ребенка в сумятице бегства...
Клянусь молчаньем захваченных наших селений,
Клянусь горизонтом,
Который, как рана, раскрылся...
Клянусь бушующим морем страданий
И гневом клянусь,
От которого женщины наши стали прекрасней,
Клянусь нерасцветшей любовью,
Немеркнувшей дружбой,
И верой глубокой,
И пламенем негодованья.
Клянусь, что к народу французскому мы не питаем вражды!

(Башир Хадж Али)

Немногие поэты мира могут сохранить в трагической ситуации такую ясность ума, такое убежденное благородство, основанное отнюдь не на всепрощении. И не от слабости эта клятва! А от силы. От сердечной щедрости и сердечного мужества.

Как психологически верно звучат стихи другого алжирского поэта — Жана Сенака, озаглавленные «Неужели настал мир?». Это — медленные стихи очень усталого человека, пришедшего к своей победе по бесконечной дороге потерь:

Заросли остались давно позади.
В небе — спокойная луна.
Я промываю рану сам.
Охрипшее радио молчит.
Женщины несут мешочки с крупой...
Неужели настал мир?

Я вижу его, этого человека. Он сидит прямо на земле. Пыльный и усталый, как эта земля. И воспаленные глаза его почти безотчетно фиксируют то, что происходит вокруг. И луну — такую обычную и все-таки не совсем обычную. И дорогу, и очень спокойных женщин на этой дороге. Человек потрясен тишиной. Такой тишины в его жизни никогда не было. Никогда. И он до сих пор еще не может поверить этой тишине. За долгие месяцы боев он узнал, что тишина чаще всего — обманывает. И поэтому автомат лежит рядом. На земле. На пыльной и усталой земле. Такой же пыльной и такой же усталой, как этот человек. Что поделаешь, — земля тоже устает от войны...

Я вспоминаю наш советский фильм «Никто не хотел умирать». Он — о другом и про другое. Но там — в финале — есть великая по точности сцена, чем-то очень похожая на стихи, которые я процитировал. Там тоже — после страшного, суматошного и сумасшедшего боя — сидит на земле главный герой фильма — старший из братьев Локисов. Он устал. Очень устал. А вокруг шумят возбужденные люди, смеются, острят, размахивают руками,— каждый хочет рассказать о своих недавних переживаниях громче других!.. А старший Локис ничего этого не слышит. Да и не видит ничего, хотя глаза его широко раскрыты. Он сидит на земле и кажется частью этой земли. Той земли, которую он защитил. Той земли, которую никто у него не отнимет...

Однако вернемся к антологии. К ее интонациям. К ее голосам. К восторгу многочисленных стихов об обретенной свободе.

Африка наша,
империя знойного солнца,
наша земля,
напоенная светом и тенью,
ты рождена для свободы.
как сердце мое — для любви.

(Гауссу Диавара)

Перечитайте эти строки еще раз. Перечитайте и вдумайтесь: эти стихи написаны об Африке! О той самой Африке, в которой несколько лет назад (буквально несколько лет!) слова «свобода» и «независимость» воспринимались колонизаторами только в ироническом смысле. Эти стихи написаны об Африке, которая, казалось бы, навечно была поставлена на колени. Это написано, это сказано, это провозглашено о континенте, где до сих пор идет борьба, до сих пор льется кровь, а названия некоторых африканских стран (Родезия, ЮАР) звучат как страшные символы нашего слишком разнообразного земного шара. Названия этих стран стали символами откровенного, неприкрытого расизма. Символами угнетения. Символами позора для правительств и грядущего освобождения для народов.

Двадцатый век отличается от девятнадцатого не только порядковым номером. В двадцатом веке на шаре земном возникла, выстояла и окрепла абсолютно новая экономическая и политическая система — социализм. Поэтому колонизаторы уже не могут, как это было раньше, безнаказанно командовать миром, командовать веком, командовать Африкой. И есть величественная закономерность в том, что многие африканские страны, получившие независимость, прежде всего идут по пути социальных реформ, социальных преобразований.

Одновременно в этих странах проходит естественный процесс «осознания себя», пробуждение и утверждение собственного национального достоинства.

Сегодня непреклонно
свою судьбу творящая,
перед врагом стоящая
с мечом в руках —
наша вера в счастье выше
злой силы «расы высшей»!
Ты ли это, Африка?

Гордая.
Красивая.
Исполненная мудрости.
Ты ли это, Африка?

Некогда презренная,
втопанная в прах,
сегодня — сердце будущего —
ты ли это, Африка?..

(Роланд Тамбекай Демпстер)

Человек впервые стал называться человеком. Получил человеческие права. Человек разогнул спину, огляделся вокруг и увидел и понял, что обладает он несметными богатствами. Богатствами земли. Богатствами души. Богатствами культуры. Да, культуры,— несмотря на то что колонизаторы всеми возможными и невозможными способами искореняли, выкорчевывали древнюю африканскую культуру.

Но африканское искусство, африканский фольклор, африканская народная культура все-таки существовали. Существовали всегда!..

Сурово глядели на белых пришельцев («людей без кожи», как называли белых африканцы) ритуальные маски. Они были величавы и загадочны, как этот континент. Они очень точно передавали самые мимолетные выражения человеческого лица. Скорбь, гнев, печаль, радость, страх, ненависть. Маски передавали все, кроме покорности! Покорности в них не было. Неживые и безмолвные, они все равно кричали! И крик этот перекачивался из года в год, из века в век. Крик этот дошел до наших дней, но сейчас мы слушаем его в прекрасных музейных залах, современных музейных залах, просторных музейных залах, где такая хорошая акустика...

Но и самый протяжный крик не может заглушить тихих стихов, певучих стихов, гордых стихов, обращенных к маскам:

А мы несем на плечах
корзины, полные звезд,
и влетаем мы звезды в одежду свою,
и дорогу мы устилаем звездами,
и звезды бросаем горстями
в тусклую ночь, в ночь вашего цвета,
маски...

(Бернар Дадье)

В антологии много стихов о негритянском искусстве, «что старо, как мир, и, как мир, первозданно...». Стихи эти наполнены народными ритмами, как тучи — дождями. И когда такие дожди идут над землей, на этой земле, помимо пшеницы, арахиса, пальм и риса, помимо щедрого буйства тропических лесов, вырастает еще и гордость. Гордость за свой народ. Гордость за свою землю. Гордость за лучших сынов этой земли — братьев по крови и цвету кожи.

Труби Армстронг труби
волны твоего дыхания бьются
в твоей трубе взвиваются на дыбы
в них память о предсмертных хрипах
в трюме и насилиях в полночный час
о щелканье бичей и столах линчуемых
о клыках ищеек вонзающихся в живую плоть

Труби Армстронг труби

Рычанье твоей трубы — отзвук мужественных тамтамов
воскресшей Африки

(Франсуа Сенгат-Куо)

(В Нигерии мне говорили: «Луи Армстронг? Да он же наш! Он из племени йоруба!.. И боксер Джо Луис! Слышали, наверно, про него?») И такой гордостью светилось лицо говорящего, будто он сам одновременно был и Армстронгом, и Луисом, и Пеле, и Дюбуа, и — немножко — Полем Робсоном...)

Африканские поэты осмысливают мир и осмысливают себя в этом мире. Они торопятся. Они порою говорят прерывисто. Будто на лету, на бегу. Они спорят с веком, спорят так яростно, словно делают это не только за себя, но и за свих молчащих, покоренных предков. Они помнят, что их много раз обманывали. Они ищут настоящих друзей и начисто отвергают рассуждения о «всеобщем божьем равновесии» мира и «цивилизаторской миссии белых».

Кстати, об этой «миссии». Колонизаторы хозяйничали в Африке двести лет. Их говорливые теоретики до сих пор пытаются доказать, что колониализм, несмотря на все его «промахи», дал возможность Африке крупно шагнуть вперед, многому научил африканцев. Так это или не так?

Давайте возьмем любую (даже самую отсталую) страну Европы и рассмотрим ее путь, ее прогресс за двести лет, а после сравним с любой (даже самой «промышленной») страной Африканского континента. Разница в уровне развития (естественно, не в пользу африканской страны) получится страшная! И все разговоры о тех благах, которые якобы припесли колонизаторы, сразу же станут жалкой попыткой доказать недоказуемое. Станут блефом.

Вот что пишет камерунец Рене Филомбе в стихотворении «Цивилизация»:

Они отыскали меня в моей первозданной
и сумрачной бамбуковой хижине.

Они отыскали меня,
одетого в смрадные шкуры,
меня, говорящего не на их языке,
и хохотавшего, как струя водопада,
и полюбившего черных богов,
тамтамы
и амулеты.

— Первобытный! Бедняга! — сказали они
и принялись за работу.

И вот мне на голову хлынул холодный душ
болтовни и книжных сентенций.

А потом меня втиснули
в узкий костюм
с чужого плеча.

А потом мне впрыснули в кровь,
в мою чистую, светлую кровь,
коварство, и алчность,
и алкоголь,
и блудливость,
и готовность продаться за грош
и братьев продать...

Ур-р-ра! Смотрите, какой я красивый —
цивилизованный человек!

Стихи эти довольно характерны для настроения некоторых африканских поэтов в разных странах черного континента. «Верните нам наше прошлое! — говорят они. — Верните его! В прошлом все так прекрасно и просто...»

Давайте попробуем разобраться в этом вопросе. «Верните нам наше прошлое!...» Конечно, речь идет о доколониальном прошлом Африки. Что ж, как это ни кощунственно звучит, — такое «прошлое» вернуть легко. Ибо, к сожалению, для многих африканских племен общечеловеческое прошлое — каменный век — отнюдь не вчерашний день. Очень даже не вчерашний. Он — в разных вариациях и в различной степени — существует и сегодня. И это тоже — итог двухсотлетней политики колонизаторов. Это их вина.

«Верните нам наше прошлое! В нем все так прекрасно и просто...» Что касается простоты, то спорить вроде бы нечего: действительно, мотыга, к примеру, намного проще трактора. А деревенский колдун для земледельцев, пожалуй, проще (и, главное, понятнее) приезжего городского врача. Особенно, если этот врач говорит о каких-то прививках, которые он обязательно должен сделать жителям деревни. Иначе, дескать,

они заболеют и умрут... В свою очередь, колдун напоминает взбудораженным людям, что деревенские старейшины (даже они) никогда никаких «прививок» не делали. Однако не заболели и не умерли. Да и отцы их жили долго, ничего не зная о «прививках». И деды отцов. И прадеды...

А приезжий врач торопится. Он-то знает, что в районе эпидемия. И что ситуация не так комична, как это может показаться со стороны... А ведь если разобраться, голосом деревенского колдуна говорит прошлое. То самое прошлое, в котором «все прекрасно и просто».

Это — только один пример, характеризующий взаимоотношения прошлого и настоящего. И молодые африканские государства проводят колоссальную работу для того, чтобы в сегодняшней африканской действительности таких примеров не стало. Работа эта буднична, монотонна и очень тонка. Иногда — почти ювелирна. Но она необходима Африке, как свобода! Потому что в этой работе — будущее всего континента. Его истинный расцвет.

«Верните нам наше прошлое! В нем все так прекрасно и просто...» Что ж, это действительно прекрасно — ощущать себя частью природы, понимать язык деревьев и зверей, дружить с дождями, ветрами, джунглями... Но ведь житель Африки и в доколониальную эпоху был не только частью природы, — еще он был частью общества. Бесчисленные лоскутки царств и княжеств покрывали континент. «Великие» цари отличались от «невеликих» и богатством, и обширностью завоеванных территорий, и количеством покоренных племен. И разве не ясно, что величие это тоже замешивалось на крови. На большой крови! Ведь добровольно-то племена не сдавались, добровольно-то они не платили дани. Наверняка не платили... И наверняка «великим» царям приходилось подкупать царей «невеликих» и убивать царей неподкупных. И наверняка одни племена возвышались за счет других. Так что в прошлом все не так просто, а многое — совсем не прекрасно...

Хотя, в общем-то, я могу понять, почему некоторые африканские поэты искренне и подолгу вздыхают о далеком прошлом. Для них оно — вроде собственного детства, в котором — и реки шире, и небо выше, и земля обильнее, и люди честнее. Того самого детства, в которое хочется вернуться, чтобы начать жизнь заново. Без ошибок. С мудрыми поправками на приобретенный опыт... Само по себе это желание похвально, но, к сожалению, невыполнимо. В прошлое вернуться нельзя.

Ведь и наш век, наш летящий, вихревой, двадцатый век — когда-нибудь тоже станет прошлым. Даже далеким прошлым... И ответьте, люди: неужели ж мы с вами согласимся, чтобы о веке нашем говорили: «В нем было все просто и прекрасно»?! Неужели ж эти два слова могут хоть в какой-то степени охарактеризовать наше время?! Неужели они могут вместить в себя все надежды и все трагедии века, весь его по-

рыв и простор, всю его гордость и зыбкость, все его бессонницы и свершения?!

Когда летишь над Сахарой, то с большой высоты знаменитая пустыня раскрывается, будто книга столетий. На ее страницах есть даже нечто анатомическое... Пепельно-желтый песок в мареве. А марево это дрожит, как прозрачный студень. И черные скалы посреди песка. И от этих скал начинаются бесчисленные русла рек, речушек, ручейков. Будто поваленные стволы гигантских деревьев, лежат они на песке. И ты ясно различаешь длинные ветви, которые отходят от ствола в разные стороны. Ветви так подробны, так извилисты, так тщательно прорисованы, что тебе начинает казаться: там, внизу, раскинулась гигантская карта кровеносной системы человеческого мозга. Мертвого мозга. Ибо русла этих рек, речушек и ручейков пусты. Абсолютно пусты.

Но ведь было время, но ведь когда-то было время — и пенились эти реки, и бежали они вниз по скалам, шумящие, грохочущие, быстрые! И была Сахара страной миллиона рек. Миллиона! И не было никакой пустыни вокруг. И все это было давным-давно. В прошлом...

Я за то, чтобы такое прошлое вернулось в Африку! Вернулось в Сахару. Я очень хочу, чтобы это прошлое стало будущим. Но вы представляете, какой фантастический, какой невысказанный труд надо вложить в подобное «возвращение прошлого»! Здесь уже нужны усилия не только всей Африки, здесь нужны объединенные усилия всего земного шара. Пока еще путь до этих объединенных усилий далек, почти бесконечен, но он — единственно правильный путь.

Поэтому так опасны в искусстве проповеди об исключительности какой-то одной расы или какого-то одного народа. К счастью, стихов, проповедующих «расизм наоборот», в африканской поэзии мало. Подавляющее большинство поэтов Африки понимает, что границы между светом и тьмой, между свободой и рабством, между бедностью и богатством, между правдой и ложью проходят не по границам континентов и объясняются не принадлежностью к той или иной расе.

Не зря же выплеснулись из сердца камерунского поэта Элонгэ Эпанья Йондо горькие строки стихов «Служака»:

— Отпусти меня,
Черный солдат.
Послушай,
Ведь ты —
Мой брат.
Маленького
Мне надо кормить,
Он вырастет —
Будет большой,
Как ты.
Отпусти!

— Я тебя заберу.
Мне белый велел:
«Брата,
Сына,
Родного отца
Забер!»
Белый
Лычку мне обещал
На погон.
Я тебя заберу...

И не зря появились стихи Гастона Барт-Уильямса «Письмо к матери от черного сына из Вьетнама», в которых есть будничное и равнодушное признание убийцы: «Милая мама, слава богу, я уже прикончил нескольких вьетконговцев...»

А нигериец Джон Эквере пишет точное стихотворение «Ответ».

Наследие наших доверчивых отцов —
Всё попирающие бледнолицые чужеземцы —
Изгнаны прочь.
Теперь благожелательные миссионеры
Измученный народ больше не дурачат,
Теперь залетные коршуны
Не терзают чужих дылят —
Мы сами теперь терзаем себя!

Да, жизнь развивается по строгим экономическим законам. Социальные взаимоотношения в обществе невероятно сложны. Даже самые привычные слова в устах разных людей имеют неодинаковый смысл. И если независимость какой-либо страны выражена только в том, что «белого господина» в роскошной вилле сменил «черный господин», трудящимся от такой «независимости» не легче. Это — правда.

И африканские поэты приходят к пониманию этой правды. Приходят, мучаясь, споря друг с другом, споря сами с собой. Тогда в стихах появляются очень четкие формулировки, свидетельствующие о настоящем проникновении художника в жизнь.

Я и ты задумали
выстроить наш мир.

Ты носил камни, воду, размешивал известь.
Я стоял поодаль, наблюдая твою работу:
— Красивое будет здание!..—
Я вошел,
я все осмотрел внимательно,
с благодушной улыбкой:
— Хорошее будет здание!..—
Ты орудовал ломом, лопатой...
Ты дороги прокладывал,
и сажал деревья по обочинам этих дорог,

и поранил руки, и до крови стер ноги
на этой тяжелой работе...
А я тем временем сел в машину,
и проехал по этим дорогам,
и сорвал плоды с деревьев, которые ты посадил.
— Как все хорошо, как все красиво!..—
Ты копал землю и бросал в нее семена.
Ты окропил эту землю собственным потом.
Я восхитился твоим урожаем и крикнул:
— Сытость!..—
Ты опустил заступ
всего на одну минуту.
И вытер пот со лба,
и сосчитал скудную плату,
и закричал:
— Голод!..—
Ты и я задумали застроить наш мир..
Но когда труд был закончен,
я вошел, захлопнул двери
и оставил тебя за порогом.

(Агиналдо Фонсека)

Как видите, схема взаимоотношений в капиталистическом обществе дана четко и недвусмысленно. Еще резче написано остроумное стихотворение южноафриканского поэта Л. Коса. Перед тем как его процитировать, я хочу сказать вот о чем: несколько лет назад буржуазная пресса многих стран стала на все лады восхвалять и прославлять новое экономическое чудо планеты — промышленный бум в Южно-Африканской Республике. Пресса била в литавры так, что дрожали окна в зданиях знаменитых банков и бирж. «Бум! Бум! Бум! Бум!» — неслось со страниц английских и американских газет. Портреты «рыцарей конъюнктуры», «экономических гениев» ЮАР распространялись в деловых кругах лучше, чем портреты кинозвезд. Еще бы — бум!!

Жаль, что ни одна газета не напечатала голос настоящего африканца, коренного жителя ЮАР. А ведь экономический бум этой страны стал возможен только за счет прямого грабежа африканского населения. Итак, «Бум».

Говорят, у нас в стране
наступило процветанье.
Посему на пропитанье
что-нибудь подайте мне.

Всем дельцам — хвала и честь!
Изобилье! Конъюнктура!
А жена твердит мне, дура:
«Дети плачут. Просят есть».

Крик стоит на всю округу:
«Много строится жилья!»
О, с каким подъемом я
прихожу к себе в лачугу!

Нашу славную страну
бум обогатил безмерно.
Я — от радости, наверно,—
скоро ноги протяну.

Кто-то сказал, что сарказм есть самое острое выражение боли. Стихотворение «Бум» полностью подтверждает правильность этих слов. А еще оно подтверждает другое, не менее мудрое, правило: настоящий художник, настоящий поэт не может находиться в стороне от жизни, не может стоять «над схваткой». С поэтическим «я» во время сражения происходят странные вещи: оно полностью растворяется в миллионах других «я» — знакомых поэту и неизвестных ему. Но от этого голос поэта становится еще громче! А его поэтическое «я» — еще отчетливее. Поэт как бы конденсирует в себе силы, мечты и надежды многих людей.

И совсем не удивительно, что поэты, представленные в антологии,— это прежде всего общественные и политические деятели Африки. И в переносном смысле (ибо настоящий поэт — всегда политический деятель) и в буквальном. Да вы судите сами. Вот несколько имен:

Агостиньо Нето — председатель партии «Народного движения за освобождение Анголы».

Бернар Дадые — общественный и политический деятель Западной Африки.

Патрис Лумумба — национальный герой Конго. Возглавлял борьбу за независимость своей страны. Убит приспешниками колонизаторов.

Каобердиано Дамбара — один из руководителей национально-освободительного движения на островах Зеленого Мыса.

Жозе Кравейринья — основатель первой патриотической организации Мозамбика.

Антонио Томас Медейрос — активный участник борьбы за освобождение островов Сан-Томе и Принсипи.

Леопольд Седар Сенгор — государственный деятель. Президент Республики Сенегал.

Многие, очень многие африканские поэты прошли сквозь тюрьмы, работали и работают в подполье, хорошо знакомы не только с автоматическими ручками, но и с автоматическим оружием.

Для них поэзия — не забава, не тихое вышивание бисером в свободное от работы время. Слово «поэзия» для них равнозначно слову «борьба». Причем это не какая-то абстрактная борьба за абстрактные идеалы, а вполне жизненная, насущная, конкретная борьба. С очень конкретными и предельно безжалостными врагами.

Поэтов, уклоняющихся от этой борьбы или «не замечающих» ее, поэтов, считающих свою персону таким центром вселенной, Африка не жалуется.

Однажды, приняв себя слишком всерьез,
Ничто превратилось в Нечто.

Сперва было: мама, мама!
Потом было: мало, мало!
Затем: мое и моя!
И, наконец: Я!
— Откуда?
— Не знаю.
— Зачем?
— Неповятно.
Но Я — это Я.
И ты для меня,
И он для меня,
И все для меня...
Приятно!

(Мухаммед Азиз Лахбаби)

Наверное, поэтому болезнь «бестемья», болезнь нарочитой вычурности не грозит настоящим африканским поэтам. Да и какое может быть «бестемье», если непрерывающаяся жизнь постоянно удивляет художника, требует от него отдачи всех сил, возводит — одну за другой — гигантские проблемы. И решать эти проблемы надо сегодня, сейчас, немедленно. И надо остро — почти болезненно — чувствовать пульс времени. И быть всегда вместе с тружеником — «видеть все сновиденья людей» — такая сложная, такая тяжелая ноша легла на плечи поэтов черного континента. Впрочем, эта ноша не обходит и поэтов других континентов.

Линии наших рук —
Это нежные цепи,
Они связали навечно
Живых и погибших —
Друзей со всех континентов.

Линии наших рук
Не черны,
Не белы,
Не желты.
Линии наших рук
Связали наши мечты
В большую охапку цветов...

(Бернар Дадье)

Эти строки написаны о настоящих друзьях Африки. О настоящем братстве, о настоящем всепланетном единстве людей труда.

Кожа твоя горда белизной,
Кожа моя черна.
Дай мне руку, пойдём со мной,
Музыка грянет, звучна...
. . . . .
Музыка в воздухе.
Слышат все,
Как, ненависть прочь гоня,

Звучат, сочетаясь,
Клавиш ночной
И клавиш белого дня.

(Гастон Барт-Уильямс)

Африканские поэты могут быть жесткими, как горная дорога, звенящими, как металл, когда они говорят о страданиях Африки, о ее прошлом, когда они клеймят врагов.

Но эти же африканские поэты могут быть ласковыми, как дыхание влажного ветра, когда они говорят о любви, о женщине. В этот момент самые обыкновенные слова в стихотворной строке наполняются вечным светом, и даже прозаическое подлежащее согласуется с не менее прозаическим сказуемым нежно-нежно:

Обнаженная женщина, непостижимая женщина!
Спелый, туго налившийся плод, темный хмель черных вин, губы,
одухотворяющие мои губы,
Саванна в прозрачной дали, саванна,
трепещущая от горячих ласк Восточного ветра.
Тамтам изваянный, тамтам напряженный, рокошущий,
под пальцами Победителя-воина;
Твой голос, глубокий и низкий,— это пенье возвышенной
Страсти...

(Л. Сенгор)

Строки затихают, а эхо от них еще долго звучит где-то в глубинах твоего сердца, и сердце вздрагивает, раскрывается, будто всю жизнь ждало оно этого живительного ритма,— на такое способна только настоящая поэзия!

Она же способна рассказать и о любви трагической, о любви, которая вынуждена бороться с каменными традициями прошлого:

И во взглядах прохожих,
И в печатах бумаг —
Всюду он, этот враг:
Как мы смели посметь,
Двое — с белой и черной кожей?
.....
Все стоит на нашем пути,
Все: традиции, расы, привычки.
Они провели меж нами черту:
Я по эту сторону,
Ты — по ту...
.....
...Мы с тобою — два цвета,
Но песня одна
Навсегда, навсегда!

Скажи богу, о! скажи ему,
что он слишком долго был в священных местах, где мы
молимся у алтарей
и где нет никого, только священники.
Скажи богу: пусть он в трущобы придет, о, скажи ему:
пусть он придет
Скорей!!

(Огендо Хейстингс)

В этих строчках передано даже дыхание отчаявшегося человека. А в его крике: «Скорей!», в общем-то, больше неверия, чем веры. Наверное, поэтому африканские поэты все чаще и чаще разговаривают с богами на высоких тонах, без особого почтения.

Однако действие религии еще ощущается довольно сильно. И молитвенные хибары каких-то африканских сект все еще жмутся к океанскому берегу. По ночам в этих хибарах горят слабые лампадки, и от близости невероятно огромного океана огоньки лампадок кажутся еще крохотнее. Почти такими же, как сама надежда на бога... Звонят колокола в церквах, и каждое воскресенье выходят из церковных дверей стерильно-чистые и благопристойные супружеские пары... По утрам на свою паству кричат муэдзины. А каждую пятницу в два часа дня все улицы, улочки, проходы и дворы вокруг мечетей заполняются людьми. Их — десятки тысяч.

Жарко. Даже очень жарко. Люди расстелили на пыльном асфальте коврики, циновки. Люди стоят на коленях. Все — в одну сторону. Длинными ровными рядами... Раздается крик муэдзина, и вся эта масса людей скидывает вверх руки, а после — по следующей команде — падает ниц. И гул общей молитвы, будто эхо океанского прибоя, ползет по раскаленным улицам. И видны только спины людей. Одни спины. Куда ни взглянешь — впереди, сзади, справа, слева. Всюду... Покатые серые спины. Зной смягчил, размыл, растворил краски одежд. И поэтому все одежды кажутся одинаковыми по цвету. Спины, спины, спины. Будто гигантская крупнобулыжная мостовая. Пустая и гудящая.

По этой мостовой, по согбленным спинам этим, катится время. То медленно, как сегодня. Медленно, потому что в такую жару никто не хочет и не может двигаться быстро. Даже время... Но оно же бывает и стремительным, быстрым! С гиканьем и грохотом катится тогда колесо времени по спинам молящихся. Катится по их судьбам и радостям, просьбам, стопам и надеждам...

Все чаще церковь берет на вооружение самую новейшую технику. Проповеди и молитвы гремят уже из мощнейших динамиков. Создается впечатление, что церкви идут на все — лишь бы перекричать друг друга.

Я проходил мимо дома горшечника —
Он молил, чтобы солнце светило всегда.

Когда я достиг шалаша земледельца,
Я услышал, что он призывает дождь.

Рыбаки молили бога о ветре,
А москиты просили затишья.

И наши друзья, и наши враги
Просят бога послать им удачу,—

Чью же молитву слышит бог?

(Израэл Кафу Хо)

А действительно, чью?

Не знаю. И какой храм окажется самым «голосистым» — не знаю. Лично мне по душе другие храмы, число которых, к счастью, увеличивается в Африке с каждым годом. Я говорю об университетах. Строятся они быстро, строятся во многих африканских странах. А те, что уже построены — большие, красочные, светлые,— кажутся мне великолепными кораблями, готовыми к отплытию.

Что ж, в добрый путь, корабли! Плыть вам долго и далеко. Плыть вам и плыть, никогда не останавливаясь. И пусть будет счастлива, пусть будет всегда дотошна и настойчива ваша вечно молодая команда! Счастливого вам, корабли завтрашнего дня Африки!..

Я вспоминаю один из последних вечеров своего пребывания в Сенегале. Местные писатели и профессора университета устроили ужин в честь нашей делегации... На самом берегу океана, на открытой веранде — столики. Каждый освещен маленькой лампочкой, и поэтому вечерняя темнота неба, помноженная на темноту океана, кажется почти осязаемой. Странная получается картина: видны только белые куртки официантов. А их лица и черные брюки целиком сливаются с темнотой ночи. И ты вдруг ощущаешь (именно ощущаешь, потому что глаза в этом ощущении участия не принимают), как откуда-то сама собой к твоему столу плывет белая тарелка с рыбой. На чем держится? А ни на чем не держится! Просто — летающая, а точнее — плывущая тарелка. Плывущая плавно, будто под музыку. А за нею — белое пятно куртки. Куртка эта никак с тарелкой не соединяется, движутся они отдельно. Потом возникает еще одно светящееся пятно. Это — добрая, широченно-белозубая улыбка официанта.

А вокруг — ночь. Вокруг — звезды, духота, чуть смягчаемая слабым, едва уловимым ветром. Темно. Только справа, на океане видны огромные белые полосы пенного прибоя. И кажется, что полосы эти тоже висят в черноте ночи. И больше ничего нет. Ни берега, ни неба, ни океана. Только ночь. Фантастическая, теплая, прекрасная ночь...

Луна плывет
Спокойно и безмолвно
По звездами усыпанному небу
Издревле предначертанным путем;

Плыви и ты, отечество мое!
Изведаны дороги. Парус поднят.
Плыви, о Африка..
Но край обетованный —
Где он?

(Майкл Дей-Ананг)

Я тоже не знаю адреса обетованной земли. Да и ответить словами на этот вопрос невозможно. На этот вопрос надо отвечать жизнью своей. Своей любовью и ненавистью. Своей ежедневной, напряженной работой во имя грядущего.

РОБЕРТ РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

ПОЭЗИЯ АФРИКИ

ПА Д И А Г Е Н Д У З

А Л Ж И Р

Я видела камни твои,
Я видела землю твою,
И горы твои, и долины,
И снег, и весну;
Я видела, как пробивались ростки
И становились колосьями,
Видела, как в январе
Расцветало миндальное дерево,
Видела, как извивалась
Колючая проволока,
Напоминая о том,
Что было вчера.
Но в оливковых рощах
Издали мне кивали деревья.
Но в песне ветра
Мне слышался шорох листвы.
Алжир!
Навсегда я твоя.
Вчера твою землю
Кровь обаграла.
Сегодня детям твоим
Принесла я оливы.
Вчера на земле твоей
Корчились в муках тела.
Сегодня над теми, кто пал,

Наливаются соком колосья.
Вчера свои черные зерна
Сеяла смерть, но сегодня
Посеяны зерна другие:
Они не из стали,
Не из свинца,
И дети знают об этом...
В земле твоей мертвые спят.
Деревья в оливковых рощах
Залиты солнечным светом,

АННА ГРЕКИ

В МЕНАА, В ГОРАХ ОРЕСА

Помню: даже зимой
День был садом цветущим,
Гранаты — только плодами,
И красный сок, что из них сочился,
Был только соком. Не кровью.
А когда мы ныряли в кустарник,
Мы просто прятались друг от друга,
Мы просто играли в прятки.
Если взрослые брали ружье,
Значит, они собирались
Охотиться на птиц и зверей.
А когда от динамитного взрыва
Сотрясались гранитные скалы —
Это отец мой, школьный учитель,
Расширял дорогу для своей машины.
Помню: домам не нужны были двери,
Глаза открыто в глаза смотрели,
И не было в ту пору ночей:
Ночами все люди спали.

Это было в горах Ореса,
В Менаа, в деревне Арис —
В смешанной общине, как говорится в газетах.
Детство мое и забавы
Там родились, в Менаа,

В смешанной общине Арис.
И все мои страсти, вся юность —
Все, чем жила я потом, распрощавшись с детством,
Уходит корнями в ту пору,
Когда из ладоней Неджая
В небесную ширь и в мои глаза
Рвались испуганно птицы.

Был он хрупок, как ирис,
Мой друг Неджай,
Он выслеживал скорпионов,
Гонял вечерами шакалов,
Ходил на ходулях
И стрелял в луну из рогатки.

Теперь в моей деревне война.
Моя деревня сложила устало
Километры радужной радости,
Свои вчера еще яркие крылья,
Которые теперь стали серыми,
Словно у мертвой бабочки.

Больше нет шелковистых садов.
От которых веселый ветер
Был медоноснее пчел.
И не слышно шагов
Босоногого мальчишки Неджая.
На корни моего детства
Навалились пласты
Страха, ненависти и крови.
Теперь в Менаа, в горах Ореса,
Живут только жирные скорпионы.

Война.
Земля содрогается от динамита,
Раскололи глубокие трещины
Голубой фаянс небосвода,
И не слышно жужжания пчел
За стрекотом вертолетов.

Но горы Ореса трепещут от ласки —
Их ласкают, их нежат волны
Подпольных радиостанций.

Дыханье свободы
Пробегает по нашим лесам,
Как дыханье грозы
По шкуре барса.

Мне кажется вдруг, что гул умолкает.
Немеет война,
Растворяясь во времени и пространстве.
За плотно запертой дверью,
В затаившемся ночном городе,
Я сижу перед экраном своего детства.

Я теперь понимаю:
Все, что меня волнует и задевает,—
Все уходит корнями в горный массив,
Окрашенный белым и розовым
На географических картах
Для средней школы.

Белым и розовым цветом
Залито все мое детство.
Все, что я делаю, все, что люблю,
Ведет меня в горы Ореса,
В Менаа,
Где меня ждет
Мой первый в жизни товарищ.
И хотя с того времени мир
На двадцать лет постарел,
Я по-прежнему с нежностью думаю
О хрупком, как ирис,
Мальчишке Неджае.

ГРЯДУЩЕЕ ПРИДЕТ ЗАВТРА

Грядущее придет завтра.
Грядущее придет скоро.

Солнце наших ладоней пылает неистовым жаром,
Лава кипящего гнева подступает к нашим устам,
И многоликая память вынашивает грядущее —
Стойкая хрупкая память, горькая чуть на вкус.
Когда ты в тюремной камере, ты видишь, как слово «Свобода»

Обретает свой самый чистый, свой единственный смысл:
Свобода — значит любовь, и любовь нас бросает в битву,
Бросает в кровавое крошево
Людей и олив.

Грядущее придет скоро.
Грядущее придет завтра.

Грядущее очень трудно словами сегодня выразить —
Язык еще не умеет грядущее выражать.
А тупые унылые скептики говорят, зеленея от ужаса,
Что мертворожденное утро
В землю зарыто вчера,
Твердят, что порыв к свободе — всех смертных грехов страшнее,
За восьмой этот смертный грех
Уготована смертная казнь...
Но семена рассвета в наших ночах вызревают,
Обезглавленное грядущее
Голову подняло.

Грядущее придет скоро.
Грядущее придет завтра.

Но обезглавленное грядущее поднимает упрямо голову,
И изможденные женщины
Своими детьми гордятся,
И изможденные женщины, по горло терпением сытые,
Никак не хотят и не могут заставить себя молчать.
Их руки — листва прохладная — освежают наш лоб воспаленный.
Их руки — живые ветви — к небу устремлены,
И с каждым новым рассветом
Они приручают звезды,
Они наповал убивают
Мглу,
Непроглядную мглу.

Грядущее придет скоро.
Грядущее придет завтра.

Над глухими тюремными стенами,
Сквозь ржавые прутья решеток
Наши мысли тянутся к солнцу
И грядущее тянется к нам.
Строительницы свободы,

Скромные зодчие нежности,
Я вас обнимаю, сестры,
И говорю:
«До завтра!» —
Потому что мы с вами знаем:

Грядущее придет скоро.
Грядущее завтра придет.

АСИА ДЖЕБАР

КАЖДОЕ УТРО

Каждое утро
Я ищу тебя среди трупов
В двух шагах от нашего дома,
Каждую ночь
Темнота
Опять и опять извергает тела —
В двух шагах от нашего дома,
Под мостом,
Среди зарослей лавра.
Мне говорят:
Если жандармы увели человека —
Больше нет человека.
Каждое утро
Я ищу тебя среди трупов.

Я ищу. Я одна по утрам.
Лишь заря,
Многоликая, в красных кровавых рубцах,
Ходит молча со мной,
И ее немота означает молчанье
Твоей бессрочной отлучки.
Я ищу — и надеюсь,
Что в одно непонятное утро
Я встречу тебя
Среди зарослей лавра.

Мне говорят:
Если живая кровь человека
Бьется в сердце друзей,

Которых он, может быть, даже не знал, —
Такой человек не умрет.
Каждое утро
Я ищу тебя среди трупов.

Каждое утро
Мертвецы глядят на меня,
Широко раскрывая глаза.
Каждый глаз точно солнце,
Что втоптан в землю.
Я ищу тебя,
Я хочу тебе показать
Поле нашего завтра,
Наши посевы.
Я тебя жду, я узнаю тебя
Среди зарослей лавра.

Я говорю:
Пусть скорее сгорит безнадежность.
Жизнь, горячее небо, долина мучений —
Все уместилось во мне.
Твоя плодородная кровь
Пропитала грядущее поле.

Каждое утро
В двух шагах от нашего дома
Я ищу тебя среди трупов.

МУХАММЕД ДИБ

ВЕСНА РАСЦВЕТЕТ

Заря наступает, и вот
Пейзаж, нарисованный кровью,
Передо мною встает.

Но голос поет и поет,
Поет и летит над холмами
В край ссылки, печали, невзгод.

Вокруг только ветер и лед,
И буря смертельна. Но голос
Поет, что не вечно изгнание,

Что мята опять расцветет,
И пальма плоды принесет,
И кончатся наши страданья...

О девушка с сердцем печальным,
Поешь ты в кровавую зиму
О том, что весна расцветет.

В Е С Т Ь

Слово надежды ко мне прилетело
Издалека... Мне слышится песня,
Которая сумрак ночной разгоняет
И заставляет забыть про усталость.
Забыть о беде и глазах иступленья.

О мирная песня, о добрая песня!
Биение сердца, в котором терпенье.
Не может иссякнуть...
Вокруг меня сумрак, а в сумраке этом
Передо мною горит огонек.

Гори же, не меркни,
И ветра не бойся,
И ночи не бойся,
Ты утра дождешься,
И солнце взойдет!

Вечерние ветры,
О ветры глухие!
Вернитесь в края,
Что сюда вас послали,
Скажите им:
Это весна наступает
И ясные дни
За собою ведет.

Дни меда и света,
Пшеницы и света,
И хлеба для всех,
И счастья для всех.

СТИХИИ

1

В небе Большая Медведица мчтсья
К центру туманности мутно-кровоай,
Мчит, обеспамятев, россыпью медной,

Схожая обликом с птицею певчей,
С птицей, охваченной яростным ливнем
И охраняющей дерево детства.

А минотавра надорванный голос
С давних времен заглушает стенанье
Города вымершего и глухого.

Неподвижных ног безмолвье,
Тишина кустов терновых
И обвивших шею рук.

С голодом моя подруга
Борется неистребимым,
Веки сомкнуты, поет.

Снова снег. Звезда убила
Свет своей горящей плоти,
Стала пеплом. В пепле всё!

Слышу крик и вижу губы,
Ни бледны они, ни алы.
Спит сирена вся в крови.

3

Ладонь большая сердца
Раскрыта в этот мир
Огней, лучей, животных,
Она черна, дрожит.

Выходит прямо к солнцу
Окно из детских дней,
Пылающие степи
Преследуют его.

Вода, ты здесь бессильна,
Иссохнув, стала ты
Лишь нитью мутно-алой,
Воздушная вода.

4

Обжигает сады
Блеклый дождь, он уснул,
Как павлин. В эту пору?

Бесконечный терновник
Тело рвет до костей,
Волки рвут наши руки.

Рот открыт. В эту пору?
К сердцу черные воды
Неустанно бегут.

Для того чтоб услышать
Крови лиственный шелест
На вершине холма.

5

Звезда, поющая в ушах вселенной,
Мерцающая тускло и мертво,
Приходит землю рыть, когда я сплю.

Когда-то женщина с лицом бескровным,
Подобная полипу на груди,
Сидела, бледная, у врат страны.

Ее тоска ладони простирала;
В глухой степи слепой ребенок плакал,
Сон беспокойный тела моего.

П О Р Т

Дождь. Шумный порт. Зачем я шел сюда?
Стоять, глядеть на белые суда?

От шумных толп все серо на причале.

В дыму повисло солнце над толпой.
Тебе завять бы впору. Что с тобой?

Корабль отчалил, отплывает в дали.

Вокруг зима, и всё как страшный сон,
Бордо водой и скукой окружен.

Где успокоишь ты свои печали?

В пространстве дождь во всю бушует мочь,
Лишь полдень миновал, и сразу — ночь.

Где ты найдешь приют, в каком квартале?

В кино? А может, в баре на углу?
Там голоса, там пьют, там свет сквозь мглу.

А на твои слова здесь наплевали!

З Е Х О Р З Е Р А Р И

Е С Л И Б Ы Т Ы...

Если бы ты
Эдельвейсом была,
Я залез бы на горную кручу,
Чтобы тебя сорвать.

Если бы ты
Была растением морским,
Погрузился бы я
В зеленую бездну,

Чтобы тебя
Со дна морского достать.

Если бы ты
Звонкоголосою птицей была,
Я пошел бы в глухие леса,
Чтобы услышать тебя.

Если бы ты
Звездой была,
Я бы все ночи не спал,
Чтобы только смотреть на тебя,
Свобода!

КАЗНЬ

Палачу
По душе темнота.
Убийца
Света дневного боится.

Человеку vybrили голову
И повели к эшафоту.
Должно быть,
Он улыбнулся,
Увидев хмурые лица
Чиновников.
Им надлежало
Придать законную силу
Убийству.

Ночь была,
И накрапывал дождь.

Палач торопился,
Боясь простудиться.

Чиновники,
Раскрыв свои черные зонтики,
Топтались на месте:
«Какая медлительность!
Надо кончать это дело...»

Он
Поглядел на них
И улыбнулся.
«Бояться, — подумал он, —
Все здесь боятся
Простуды».

Сейчас
Они домой возвратятся
И снова будут вдыхать
Запах еще не остывших простынь.
А он
Будет спать
На жесткой постели,
От которой пахнет дождем.

КАТЕБ ЯСИН

ЖИВАЯ ПАМЯТЬ

(Фрагмент)

Наша кровь
Опять
Обретает корни.

Казалось,
Мы всё забыли,
Но земля наша,
Впавшая в детство,
Снова прежним клокочет огнем.

Даже расстрелянный,
Человек ногтями впивается в землю,
Даже расстрелянный,
Он старается землю
На себя натянуть,
Как одеяло, —
Скоро живым
Не останется места для сна.
А под одеялом земли,

В глубоких, как звезды, могилах,
Мертвецы, с пробитым сердцем в зубах,
Крепко держатся за корни деревьев,
Мертвецы
Выдыхают своими пробитыми легкими
Землю —
Это она
Раскаленную пылью
Вливается в горло живым.

Это убитые предки
Бьют по памяти нашей
Раскаленными
Красными
Ядрами.

СЕКРЕТ ОГНЯ

(Фрагмент)

Линия фронта.
Притаились мортиры:
Ждут сытного завтрака,
Обильного обеда...

Какой огонь
Озарил эти лица
С их беспощадной верой в победу?

В этом огне —
Секрет всех жертв принесенных,
Он бушует повсюду —
И вдруг возникают отряды крестьян,
У которых украли землю.
Он бушует повсюду —
И навстречу отряду
Выходит старик из руин
И отдает последнее, что у него сохранилось.

В эту ночь перед боем
Люди пляшут при свете огня.
Близится утро...

Позабудь лохмотья свои,
Усталое тело,
Натертые ноги,
Лишенья,—
Сделай так,
Чтобы руки народа
Еще сжимали оружие
При свете костров,
Разведенных в земле.

ТАНЕЦ ПРИ СВЕТЕ КОСТРА

Мы танцуем
при свете костров
свой воинственный танец,
а вокруг —
ни колодцев, ни хижин,
ни девичьих глаз.
Только горные кедровые
стоят,
приосапясь,
и смотрят на нас.
Мы танцуем
при свете костров
гневный танец Алжира.
В этом пламени грозном
рождается
завтрашний день
и умирает все,
что преступно
и лживо,
и шумят
молодые оливы
пад руинами
деревень.
Юность моя!
Розовый мак
в поле расцвел...
Юность моя!
Тонко поет
школьная дверь...

Розовый мак
слабо хрустит
под сапогом.
Школьная дверь
стала от пуль
как решето.
Вот мы стоим
здесь.
А в глазах —
нет ни слезы.
Вот мы стоим
здесь.
А в глазах —
только огонь.
Наших врагов
он навсегда
испепелит.
Нашим друзьям
он принесет
мир и тепло.
В небе ночном,
словно стрижи,
пули свистят...
В наших сердцах
только одно
слово — Алжир!
Ты огнем полыхаешь,
Алжир!
Ты вулкан!
В древних недрах твоих
раскаленная лава —
это грозная армия
нищих крестьян.
Над немой вереницей
безрадостных лет,
над ночами
предательства,
рабства и пыток
занимается
нашей свободы рассвет.
По сожженным полям,
по кровавым камням
мы идем,
и победа —

в стволах наших ружей,
и сердца наши
отданы
будущим дням!

В О Р О Н

(Пронзается в темноте вороном, чей образ — всего только знак в пространстве, драматическая поэма, площадка для взлета, возможность завершить все действие на едином дыханье. Жесты и декорация — по усмотрению зрителя. Ему предоставляется полная свобода трактовать эту вещь по-своему и даже, если он не желает открыть себя своему собственному внутреннему театру, — устранился вовсе.)

Лишь чужестранца я люблю
Ты говорила
Возлюбленного тайного люблю
Дев непорочных,
Любой супруг законный должен знать
Час своего заката

Зачем я соблазненная тебе
Я соблазнить не смевшая тебя
Ты говорила

Лишь чужестранца я люблю
Отшельника почти
И многоженца
Который сдунет нас легко
Одним дыханьем

В траву забвенья

И столько рук влечет к себе
Его немилость

Вот роза
Взятая за горло
Поникшая
Перед своей кончиной
Но как сносить
Ее предсмертные мученья
Ее не помышляя задушить?

Печальная
Бесплодная
Любовь!

Пролить такую малость твоей крови
Единственное преступленье
Которого я мог бы быть лишен!

Излишне откровенен всякий раз
Перед явлением высоты твоей
Не смог бы я тебя повергнуть ниц
Пролить такую малость твоей крови
Единственное преступленье
Которого я мог бы быть лишен.

Печальная
Бесплодная
Любовь!

Безумная
Ушедшая к безумцу
Как любит непорочность обнажиться
Пред негодяем
Мерзким и трусливым

Но если говорить о птице
Она уже не ощущает крыльев.
Печальная, бесплодная любовь!

Когда с нее упало покрывало
Мне в ту минуту силы не хватало
Чтобы откинуть волосы ее

О изваянья
Обнаженность
Тайная!

Печальная
Бесплодная
Любовь!

О изваянья
Обнаженность
Тайная

Единственное чем мы будем живы
Не хлеб
Но алкоголь

И зыбкость
Равновесья
Наших тел
Здесь на краю бездонного колодца
Чья чистая
Единственная свежесть
Так манит одного из нас к себе!

АНРИ КРЕА

ДОБРЫЙ НАРОД

Добрый народ!
Ты во власти убийц
И безумцев.

Добрый народ!
Сильные
Стали добычей
Бесчестных.

Добрый народ!
Преодо мною открылся
Твой свет,
И мои стихи он наполнил.

Добрый народ!
Только чистые сердцем
Твою древнюю музыку могут услышать,
Услышать голос надежды.

Добрый народ!
Разве можно сравнить
Твой гнев справедливый
С жестокостью тех,
Кто тебя угнетает?

Добрый народ!
Отвергаешь ты преступленье,
Потому что тебе ненавистно оно;
И ложь отрицаешь,
Потому что не нужно тебе
Притворяться.

Добрый народ!
Открытый для солнца
И света познаний!
Когда день настает,
Возрастает величье твое.

Добрый народ!
Не вступаешь ты в заговор с ночью,
Мрак — тебе не помощник,
Туман — не союзник,
Гроза — вызывает насмешку,
А буря —
Ничто по сравнению с гневом твоим.

Добрый народ!
Справедливый народ!
Порох
Не затуманил твой взгляд,
И ты видишь ясно контур свободы,
Справедливости видишь дорогу.

Добрый народ!
Неумолимо твое пробужденье,
И в изумленье оно повергает безумцев,
Которые больше не знают, что думать,
Не понимают,
Откуда исходит презренье твое.

Добрый народ,
На ногах твоих рваная обувь.
Сильный народ,
Ты приветствуешь разум.
Честный народ,
Поднимается солнце,
Чтобы твой путь озарить,
Мой добрый народ,
Мой свободный народ.

Несмотря ни на что,
 Ненавидеть не можешь ты слепо
 Тех, кто тебя убивает.

На безумцев ты смотришь,
 Словно на призраки ночи,
 Которые сами не знают,
 Что они делают,
 Что они делали,
 Что они делать
 Не смогут уже никогда.

Их память так же глупа,
 Как безответственны все их поступки.

Отныне
 На континенте людском
 Нельзя безнаказанно
 Угнетать человека.
 И в царство шакалов
 Изгнан теперь произвол.

Добрый народ!
 Больше нет благодарных рабов,
 Доброты угнетателей,
 Жалкой похлебки,
 Заменяющий плату за труд,
 Хитроумных обманов бесполезного голосованья,
 Обездоленных женщин,
 Занятых грязной работой,
 Оскорблений, которые низость
 Швыряет слугам в лицо.

Видишь, добрый народ,
 Как ничтожны
 Доспехи безумцев?

Добрый народ!
 Угнетенный народ!
 Хотели они
 Навсегда сохранить твою слабость,
 Они принимали ее
 За отказ от борьбы,

Но ошиблись опи,
Принимая за слабость твою доброту.

Добрый народ!
Воскресший народ!
После бури
Опять распрямляешь ты спину,
И, хотя над твоими детьми
Кружат коршуны,
Все же не меркнет надежда твоя,
Разгораясь сильнее и сильнее
После каждого залпа
И каждой невзгоды.

Добрый народ!
Расцветет под небом свободы
Наша земля,
И твоей будет жатва,
Виноградники будут твоими.
И шахты,
И уголь звенящий.
Который тепло тебе даст
И величье.

Добрый народ,
Свободный народ,
Народ моего Алжира.

БУДЕТ ДЕНЬ

Будет день —
в аэропорту Алжира
мы высечем надпись
на белой стене:
«Здравствуйте, пассажиры!
Вы в свободной стране».
Сердце Алжира
для всех открыто.
Мы вас ждали
сто тридцать лет.
Посмотрите на небо:
синева и свет —
нашей кровью
оно омыто.

КАДДУР М'ХАМСАДЖИ

ДА, МОЙ АЛЖИР!

Слезы...

Но разве я плачу?
Не склонилась моя голова,
и лицо мое ясно, как снег,
покрывающий братьев моих,
что закрыли глаза навсегда.
— Да, мой Алжир, да!

Крик...

Я разве кричу?
Мой голос
слился с твоим,
мой голос
из твоего вырывается горла,
мой голос
звучит в твоём сердце всегда.
— Да, мой Алжир! Да!

Я разве страдаю?
Изражена плоть моя
в братьях моих,
но их руки
уносят меня под дождем,
и на раны мои
дождевая льется вода.
— Да, мой Алжир! Да!

Слезы...

За слезы мои
покаялись отомстить
в Оресе,
в Митидже,
в лачугах убогих,
в селеньях, где бродит беда.
— Да, мой Алжир! Да!

Разве я плачу?
Дороги мои дождями размыты,
дороги мои бесконечны,
дороги мои искалечены,
тяжки, туманом покрыты,
и ночь над монми дорогами
длится года.

— Да, мой Алжир! Да!

Я разве кричу?
Мое ложе — горящие угли,
мое ложе — холодная тина,
кровь,
негашеная известь,
и нет мне покоя на ложе моем
никогда.

— Да, мой Алжир! Да!

Я разве страдаю?
Ветер, где мои братья?
Где сестры мои?
Раскидал ты по белому свету
плоть,
и разум,
и зерна мои.
Но над жизнью моей
всходит солнце,
и свет его ярче мечты.
— Это ты, мой Алжир! Ты!

С О Н Р Е Б Е Н К А

Ребенок сидит у небесных врат,
Ребенок ждет своего отца.
Он ждет — и не знает, это сон или явь.
И на щеке его — злая слеза,
А вокруг — никого,
Пустота.

Один-одинешенек в царстве своем,
Ребенок ждет,
И считает звезды,

И пересчитывает горизонты,
И видит: катятся сотни солнц —
Головы казненных по голубой мостовой,

Головы казненных, как сотни солнц,
Как острый луч сквозь толщу листвы,
Пррезают светлую просеку в завтра
Для детей,
Которые ищут отцов.

АБУ АЛЬ-КАСИМ СААДАЛЛА

БЕССМЕРТИЕ

Заря поднимается
над тобой,
и красной кровью
окрашен лес,
и тучи бегут
трусливой толпой —
захватчики,
оккупанты небес.
И руки зари
горло ночей
стиснули,
словно горло врага,
а для земли
потоки лучей
нежнее,
чем девичья рука.
Алжир,
мое сердце и кровь моя,
заря поднимается
над тобой,
и горы трубят,
и плещут моря,
и каждую грудь
сотрясает прибой.
Герои идут.
Дорога звенит.
Поля
протягивают нам цветы,

и солнце,
рвущееся в зенит,
улыбается
нам с высоты.
Алжир!
Сыны неустанны твои.
Алжир!
Гремят барабаны твои.
Бессмертна свобода твоя.
Алжир!
Время врачует
раны твои.

ПИСЬМО С ГОР

Ты медленно строки скупые прочла,
качнулась земля под тобой,
а в сердце вошла, как тупая игла,
щемящая, острая боль.

Ударила молнией черной война,
и рухнул нехитрый уют,
и в комнату хлынула вдруг тишина,
которую мертвой зовут.

Руками колени свои обхватив,
ты села на низкий порог
и долго шептала: «Неправда! Он жив,
он жив, он погибнуть не мог.

Пройдя невредимым сквозь тысячу бед,
он встретится снова со мной...»
И вот тебе чудится, будто в ответ
доносится голос родной:

«Любимая, губ твоих розовый шелк
меня не коснется, скользя.
По горной тропе далеко я ушел —
обратно вернуться пельзя.

Атласские кедры шумят обо мне,
поет надо мною звезда.
Я — камешек малый на этой земле,
вошедший в нее навсегда.

Я верю: продлится мое бытие,
продолжится времени ход.
Как семя проросшее, сердце мое
живыми цветами взойдет».

Ж А Н С Е Н А К

* * *

Друзья мои!
Истинной Франции дети!
Во время вашего праздника
Я возвышаю мой голос,
Потому что мы вместе страдаем
От несправедливости,
От нищеты
И от боли.
Друзья мои!
Истинной Франции дети!
Я возвышаю мой голос,
В то время как падают братья мои,
Потому что вручить я вам должен
Эстафету надежды,
Свирель наших гор,
В которой свобода,
Соединяясь с дыханьем людским,
Поет о грядущей победе.

Я говорю, чтобы все узнали мой край.
Я говорю, обращаясь к юности мира:
Смотрите все на прекрасную родину нашу,
На расправивший плечи Алжир, истекающий кровью под солнцем.

* * *

Если земля разверзнется вдруг под ногами,
Если тайфуны обрушатся вдруг на родные селенья,—
Весь этот ужас померкнет пред вами, Проконсулы Мрака.

Близ родников умирают дети от жажды;
Перед воротами лагеря
Юноши дерзко бросают в лицо палачам:
— Не прекратится борьба,
Пока на земле такие, как вы, существуют! —
За ними захлопнутся тяжко ворота,
И вот прожекторы, сторожевые собаки, бичи
Их будут стеречь и грызть молодые тела.

Города, вы слышите наши слова?
Бушуют пожары,
Но лес расцветет и поднимется снова.
Города, над вами трепещут и бьются
Испуганных аистов крылья.

Погибший мой брат!
Мы клянемся тебе:
Династия смерти
Потомства не будет иметь.

* * *

— Смотри, — сказал командир, —
Яйцо змеиное стало со временем камнем.
— Да, но у Времени было ведь время.
У нас его нет!

— У нас есть уверенность наша, — сказал командир. —
Мы развеем черный туман,
Мы познаем свойства камней,
Наши дети гордыми и беззаботными будут,

* * *

Бубенцы его черной тоски растравляли нам душу.
— Не мешай нам, — сказал командир, —
Не думай о склепах.
Пусть стрела твоя к дереву цель пригвоздит,
Пусть привет принесет она братьям в горах,
Пусть она им расскажет,
Что мы — потрошители мрака.

ЭТИ БОЙЦЫ

(Фрагмент)

Эти бойцы не имеют винтовок.
Их оружие — ночные розы.
Они не умеют на шпагах биться,
Но мужеством бьются сердца.

*

Люди, живущие в темноте,
Дайте моему народу свет,
Дайте здоровье народу моему,
И пусть он огненные будет зодчим.

*

Неграмотные,
Они умеют читать —
В глазах своих братьев
Читать письма.
Они говорят:
Не чахлый кустарник —
Выпустим к солнцу лес молодой.

Они говорят:
Настала пора
Эту тягучую ночь превозмочь.
Неграмотные,
Безошибочные
Счетоводы мудрости...
В сердце своем они подвели
Точный итог
Дня.

*

Они научились читать
Ради других,
Ради всех.
Строить
Они научились
Ради других,
Ради всех.

Они научились драться
Ради других,
Ради всех.
Не ради кого-то,
А ради всех.

*

Отважный факел рванулся вперед —
Все факелы двинулись вслед за ним.

*

Они об истине не рассуждают, —
Они ее доказывают
Жизнью своей.

*

Когда говорят они о грядущем,
Их мускулы светом зари золотятся,
Гул раннего утра
В их голосе слышен,
Они горды,
Они — полумесяц,
Пронзающий мертвенный сумрак неона.
Взглядом своим
На косматых тучах
Пишут они суровую фреску.
«Прочти! Расскажи!» — говорят нам они.
И мы по крохам
Им открываем
Простую истину:
«Вы герои».

С О Н

Птица грозы
впивается в самое сердце.
Птица грозы
долетела до самого солнца.

Птица грозы,
перед тем как на дереве
тихо усесться,
резко и громко смеется.
Ласточка...
ласточка...
гром
и слепящий песок.
Алое небо
крылом
ударяет в висок...
Конь, настоящий,
вздохмаченный конь
вороной,
в море лазоревом
будет купаться со мной!
Будут деревья привычно дремать,
будут спесиво брюзжать корабли.
К берегу моря придет моя мать,
будет на нас любоваться с земли.

НЕУЖЕЛИ НАСТАЛ МИР?

Заросли остались давно позади.
В небе — спокойная луна.
Я промываю рану сам.
Охрипшее радио молчит.
Женщины несут мешочки с крупой...
Неужели настал мир?

МАЛЕК ХАДДАД

ОНИ ВХОДЯТ В ЛЕГЕНДУ

Они входят в легенду,
И легенда им открывает объятья.

Я разговаривал с ними,
Я пожимал им руку,
У них были дети... и даже были у них недостатки,
Но как умели они улыбаться, когда окружала их ночь!

Покупая газету,
Я снова с ними встречаюсь,
Они были моими друзьями,
Они не были цифрами, именами, словами,
Они — это десять лет и тысяча дней меня самого,
Хлеб, который делили по-братски,
Сигарета в минуту досуга,
Они знали моих малышей,
Моя мать их любила,
Все мои стихи я читал им,
Беседовал с ними.

И вот...

Они входят в легенду,
И легенда им открывает объятия.

Душой моей родины стали они,
Но я никогда не увижу
Моего отважного друга, шахтера,
Не пожму твою руку, мой старый товарищ, школьный учитель,
И не увижу тебя, мой веселый приятель, мясник.
Я мысленно к вам обращаюсь:
Простите, что я остался в живых.

Они входят в легенду,
И легенда им открывает объятия.

* * *

Я бы хотел
Быть достойным людей.
А еще —
Просто слушать,
Как дождь шумит.

ЧЬЯ ОЧЕРЕДЬ?

За кем пришли — за мной? — в рассветный этот час?

Чья очередь?

К доске! Ты выучил урок?
Французскую историю ты знаешь назубок?

И ты идешь в тоске,
И ты шагаешь к черной —
Ох, слишком черной! —
Доске.

Оцеплен весь квартал. И каждый молча ждет —
Чья очередь пришла,
Кому настал черед.
В автобусе, в метро — чья очередь теперь?
В домашней тишине — чья содрогнется дверь?

Чья очередь?

Того, кто отчий дом припомнил в этот миг?
Кто бога помянул отборнейшим словом?
Кто в двадцать лет — больной седой старик?
Кто через час уткнется в грязь лицом?

Кому пришел черед?

Гитаре с покрасневшими глазами?
Свече, что умирает на рассвете?
Алжирской флейте, замолчавшей флейте?
Последней, незажженной сигарете?

Кому пришел черед?

Голубке, что в ладони-крылья хлопает?
Улыбке друга? Я любил его.
Дождю, который туч лохмотья штопает?
Тоске и счастьем сердца моего?

Кому пришел черед?

Тебе, моей родной, моей любимой?
Твоим большим глазам, твоим слезам?
Всему, что так бывало мило нам?
Всему, что проплывало где-то мимо?

Кому пришел черед?

Черед, наверно, мой. По лестнице иду,
Надеждою цепляясь за перила,
И каждая ступенька — как в бреду

Секира палача, и я бреду, бреду,
И боль
    дыхание
        перехватила.

Кому пришел черед?

Черед, быть может, твой.
А мне, как жизнь, нужна твоя улыбка.
И песня, песня мне твоя нужна.
Убив тебя, они самим себе
Свой смертный приговор заранее подпишут.

Чья очередь?

Кому пришел черед? Пусть сгинут натюрморты.
Живых цветов для Герники хочу.
Хочу мучительнейшей смерти палачу.
Хочу цветов и радости для нас.

За кем пришли — за мной? — в рассветный этот час?

ПЕСНЯ УВЕРЕННОСТИ

Голубь на крыше,
Голубь не в небе,—
Разве ты птица?..
Но все изменится.
Я должен помечтать.

Она придет, она к нам обязательно придет.
Весна, которую в минуту казни
Провидел мученик.
Оно придет, то утро,
Когда газеты на пяти колонках
Провозгласят
Талантливость рабочих рук.
Оно придет, придет к нам —
Светлое смущенье
При виде неба чистого над родиной,
И в это небо голуби взлетят.

Когда пожар войны погаснет,
Мы ночь зальем
Огнями радости,
И мы поверим линиям судьбы
На трудовых ладонях.
Поверим
Счастливым бороздам
На вспаханных феллахами полях.

И он придет, придет,
Свободы день.
К нам в дом ворвутся песни,
Что сложены в горах солдатами свободы.
И голубь
Снова станет птицей
В огромном небе.

Пою любовь — любовь к стране, к свободе,
Святое
Политическое чувство.
Любовь пою, которая таится
В опущенных глазах,
Стократно оплетенных
Колючей проволокой недомолвок.
Любовь пою, которую убить
Стремится враг,
Любовь, которая
Как материнский взгляд,
Как поцелуй любимой.

Любовь и счастье — точные науки.
Вот почему мы правы.

Я ФРАНЦУЗ?

Мама моя,
ты себя называешь «умми»¹,
а я говорю «ма мэ»².
Нет у меня бурнуса
и нет калама,

---

¹ У м м и — мать (арабск.).

² М а м э р — моя мать (франц.).

я потерял ружье.
В эту ночь
не насвистывать бодрых песен.
Страшно?
Да, страшно мне.
Странный двойник
меня преследует ночью.
Днем смеются друзья.
Чиновник спрашивает:
— Национальность? —
Отвечаю: — Француз.
— Француз?
А может, алжирец?
— Нет, не алжирец...
Чадры не носит сестра...—
Французский,
французский,
французский
французский —
язык моих школьных наград.
Но почему
в эту ночь немую
у меня темнеет в глазах?

МНЕ СНИЛОСЬ..

Мне снились призрачные корабли
и город, где на улицах стрельба,
где похоронный звон моей земли
предсмертным потом катится со лба.

Мне снилось: задыхается Алжир
и судорожно корчится во тьме.
Он, словно в качке палуба, дрожит,
и это в сердце, в памяти, во мне.

Я от рожденья узник, я привык
искать везде особый коридор.
Я к снегу чужеземному приник,
чтоб белизна припудрила позор.

Ты, сердце,— странник по дорогам сна,
по закоулкам памяти, по злым
отелям, где тоска погружена
в бессонницу, по гаваням пустым.

Подслушиваю реку под мостом
и с ней веду безмолвный диалог.
В ее ворчанье хмуром и простом
я различаю зов моих дорог.

Увижу день: веселья карусель
на родине и солнца желтизну.
Шумливый бриз домчится на Джебель,
разгонит боль и принесет весну.

Б У А Л Е М Х А Л Ь Ф А

* * *

Родившись, плачет ребенок.
Родившись, плачет весепнее утро.
Слезы ребенка...
Роса на траве...
Это жизнь, пробуждаясь,
Лицо умывает свое;
Перед тем как светло улыбнуться,
Совершает она омовенье.

Слезы,
Которые матери льют,
Предвещают
Рождение нового мира.

Д О Ж Д Ъ Н А Д М О Е Ю С Т Р А Н О Й

Дождь, воспетый тобою, Верлен,
Пахнет пеплом
И пахнет увядшим цветком,
Опозоренным, мертвым цветком,
Забытым между страниц.

Над моею страной, Верлен,
Дождь неистов, как наши страдания.
Словно ненависть в наших сердцах,
Он бурлит по склонам холмов,
Наполняет речные потоки.
Подобно тому как любовь
Наполняет наши сердца.

Столетиями падает он
На алжирские скалы,
На деревни в долинах,
На рваные крыши лачуг,
На увядшие женские лица,
На впалые щеки детей,
На поблекший жасмин
Девичьих щек.

Верлен! Я знаю теперь,
Почему наше солнце сожгло
Слезы алжирского пеба,
Почему зажигаются звезды на скалах,
Почему появились белые голуби
В наших долинах,
И высохли слезы детей,
И не льются слезы из глаз матерей,
И опять расцветает жасмин
На девичьих щеках.

Верлен! Ты вспоил мою грусть
Изгнанника, грусть сироты,
У которого отняли родину.

Знаешь ли ты, о Верлен,
Что сердца наши
Полны любви,
Полны гнева и ярости,
Ибо так много было пролито слез,
Что лопнуло наше терпенье,
И так долго лились дожди,
Что они обнажили скалу.

БАШИР ХАДЖ АЛИ

КЛЯТВА

Клянусь рыданиями девушки,
Потрясенной воздушным налетом,
Клянусь отчаяньем матери,
Потерявшей ребенка в сумятице бегства,
Клянусь добротой Али Буменджеля
И разумом ясным Мориса Одена
(О братья мои! О надежды,
Убитые в самом расцвете!),
Клянусь молчаньем захваченных паших селений,
Клянусь горизонтом, который, как рана, раскрылся,
Клянусь терпеливою мудростью,
Что притаилась во мраке,
Клянусь неизбежностью дня,
Что из сумрака должен родиться,
Клянусь бушующим морем страданий
И гневом клянусь,
От которого женщины наши стали прекрасней,
Клянусь перасцветшей любовью,
Немеркнувшей дружбой,
И верой глубокой,
И пламенем негодованья.
Клянусь, что к народу французскому мы не питаем вражды.

5 ИЮЛЯ

Оттого, что они захватили ключи городов,
оттого, что они расточили богатства земли,
оттого, что они испоганили наши дома,
расположились в старинных дворцах
под певучими арками,
словно в хлеву,
оттого, что они посягнули на наши цветы,
на багряную свежесть садов,
на стада белоснежных газелей,
на солнечный луч в роднике,—
возомнили они

себя
господами нашей земли.
Вот, ритмично стуча,
открываются окна в домах,
по извилистым улицам
тени живые скользят —
и тотчас
просыпаются в страхе
и дрожат, как сухая трава,
иноземцы,
чужие всему,
вооруженные,
в касках,
с собаками на поводках.

ЖОАН АБЕЛ

АЛЛЕГОРИЯ СОЛНЦА

В тот день
солнце светило...
Солнце
сверкало на крышах,
играло на стенах лачуг,
зажигало глаза
золотыми лучами своими
солнце.

И прыгали дети
на красном песке,
дети бегали взапуски,
дети
лепили из глины
смешных человечков,
лепили под солнцем
этого дня,
бесконечного дня,
при свете которого
ты, мой брат,
наконец-то увидел
в глазах у подруги своей
надежду на лучшую долю.

В тот день
солнце светило
и сохло белье,
на веревке качаясь,

и боль утихала,
тайная боль,
что в душе притаилась твоей.

В саду
куры копались в мусорной куче,
на улице
звонко смеялись
увядшие девушки,
что отдают себя
мраку ночному за хлеб,
эти девушки солнцу смеялись,
которое ярко светило
в тот день бесконечный...
Солнце
сверкало на крышах,
играло на стенах лачуг,
зажигало глаза это солнце,
о брат мой,
то самое солнце,
которое ты
хотел бы
потрогать руками.

МАРИО АНТОНИО

ЧЕТВЕРТАЯ ЛИНИЯ

На площади Мутамба в полседьмого —
машины вправо, машины влево,
народ проходит, народ теснится —
я подожду.

В молчанье глядя на перекресток,
куда под вечер приходит утро
с тобою вместе, —
я подожду.

Пойду к развилке четвертой линии
вслед за тобою. (Зачем же имя?)
Вслед за тобою. Тебе ни слова
я не скажу.

(А люд рабочий проходит мимо:
усталым шагом, в глазах — мечтанье...
Рабочий люд.

Так каждый вечер к четвертой линии
идет Домингас. За нею — Зито.
Как мы, случайно.

В рабочий поезд четвертой линии
салятся вместе. Рука в руке,
мечтают молча.)

Рабочий поезд четвертой линии
мои мечтанья тебе расскажет.
Слова скрываю и тку молчанье,
и так мы ближе.

Скрываю тайны и пораженья;
и так же Зито. Туманным взглядом
ты, как Домингас,
мне отвечаешь!

Рабочий поезд четвертой линии
нас мчит все дальше. И так же в жизни.
И так же в жизни — вверх по дороге...
И так же в жизни.

Люблю я молча — ведь жизнь такая!
Люблю я молча — ведь ты со мною;
мы вместе, вместе — зачем мечтанья?
Зачем слова?

Рабочий поезд четвертой линии...
В нем я и Зито. Ты и Домингас.
Те, кто страдает, кто не сдается.
Мы не одни.

Мы не одни здесь. Ни я, ни Зито.
И так же в жизни. Те, кто страдает —
мечты немые, мечты глубоко, —
мы не одни.

И так же в жизни! И так же в жизни!

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР

В этот вечер море мертво, море немо, море сине,
И сидят, нахохлясь, птицы на уключине весла.
Кто сказал, что эта тягость может жизнью называться?
Кто сказал, что это море — тоже родина моя?

Вечер. Завтра воскресенье. Грузчики сидят без дела.
Грузчики глазают с мола на валов голубизну.
Кто сказал им, что прекрасно это зарево заката?
Кто сказал им, что назавтра можно будет отдохнуть?

На лице моем и вечер, и закатный свет пылает,
и тебя, товарищ, тоже свет заката золотит.
И тебя, товарищ, тоже. Ты сидишь спокойно рядом,
прост, как этот жаркий вечер, и, как море, молчалив.

Кто сказал тебе, что вечер так прекрасен? Одиноко
смотришь вслед своим мечтаньям... Одиноко мы сидим,
опустив бессильно руки!
Кто сказал нам эти строки из поэмы этой ночи,
здесь — у моря, здесь — у моря?.. Кто он был?

АНТОНИО ЖАЗИНТО

ПОЕЗД-КАНАЛЯ

Этот поезд-каналья
знай себе шпарит,
гудят под колесами рельсы и шпалы:
уэ-уэ-уэ,
тэ-кэм-тэм, тэ-кэм-тэм,
шши-шши-шши...

Поезд-каналья шпарит,
спешит,
В окнах — лица, лица.
До свидания, люди,
доброе вам пути!..
Красавицы зеленщицы

поглядывают из-под красных косынок,
везут тростник в Луанду на рынок.

...шши-шши-шши...

В вагоне с решетками быки-крепыши:

— Му-у, му-у, му-у...—

В другом вагоне
(в таком же, как тот)
едут люди, черные люди,
едут, как скот,
глотают пыль, ко всему готовые,
печальные, как быки,—
люди законтрактованные.

Быки умирают в дороге,
но черный — он не умрет,
как дитя, одно и то же поет:
— *Мулонда иа Кессуа уадибале,
уадибалé, уадибалé...*

Это поезд по шпалам бежит,
знай себе шпарит,
спешит,
безразлично проносится мимо:
уэ-уэ-уэ,
все вокруг почернело от дыма:
шши-шши-шши,
тэ-кэм-тэм, тэ-кэм-тэм, тэ-кэм-тэм...
Поезд-каналья спешит,
изрыгает огонь на траву.
Слышишь, угомонись!
А он поджигает хижину, где живу.
Этот поезд-каналья
сжег мой маис...

Если буйволы забредут в мой маис —
яму глубокую вырою я!
Кабаны повадятся в посевы мои —
я уложу их из старого своего ружья!
Если поезд-каналья
будет сыпать огненный дождь,
пу что ж!..
Уэ-уэ-уэ,
тэ-кэм-тэм, тэ-кэм-тэм, тэ-кэм-тэм,—
дыми на полном ходу,
я подожду...

Подожду,
когда под поездом лопнет рельс
и белые кликнут черных, живущих окрест.
Я выйду,
но работать буду для виду
(не побоюсь и бича) —
для виду, хоть и буду кричать:
— Взя-а-а-али!..

Вот и придется каналье
протянуть свои ноги
посреди железной дороги!

СЕГОДНЯ Я МОГУ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ТАК

Грохот гром скрежет
ноги руки головы
мужчины женщины дети
черная кость Анголы
кровь кровь хлопок
черный бос и наг
хлопок хлопоты хлопоты

к
о
т
о
к о т о \$ н а н г
п
а
п
г

крест христосик на каждой степке
инженеры спецы директора
белые люди акции деньги
патриотизм ура-ура
кровь деньги кишки наружу
деньги рулетка банки оружие
Пикассо Герника напалм
белые охотники пам-пам

за головами побольше ухлопай
бедность голод сироты хлопок
геройство трусов коварство змей
права человека голод смерть
голод черный чернее саж
Пикассо Герника
Кассанже.

НАРОД УШЕЛ НА ВОЙНУ

Мафумейра режет ветвями
Сияние солнца,
А в тени на циновке
Матушка Лемба
Кормит сына,
Заблудившись в мечтах об ушедшем муже.
(Сынок ее и Каянги — плачет.)
Каянга ушел на войну. Каянга ушел на войну...

Заброшенная деревушка.
Свет и тень молчаливо играют между хижин друг с другом.

Дети спят,
Старики размышляют,
Женщины вспоминают,
Собаки томятся от жажды.
Мухи вьются
В струистом колышании зноя —
Это все потому, что ушли создатели жизни — мужчины.

Солнце
Накаляет вопрос вопросов:
Народ ушел на войну, народ ушел на войну,
А когда он вернется?
Даже птица не режет крылом раскаленное небо.

Каянга ушел на войну. Каянга ушел на войну,
Вернется ли он, не знаю.

Народ ушел на войну, народ ушел на войну.
Я знаю: народ вернется.

АНТОНИО КАРДОЗО

ЗАВТРА

1

Завтра,
когда я умру,
я хочу, чтоб меня погребли
стоящим,
со скрещенными руками,
лицом на восход,
в ожидании Солнца.

Скажут ли надгробное слово
(на буржуазный манер)
или зароят меня, как собаку, —
одного лишь прошу: погребите меня
стоящим,
со скрещенными руками,
лицом на восход,
в ожидании Солнца.

2

Завтра
спелое Солнце взойдет
над моей крышей —
над мною, сытым ребенком.

Завтра
спелое Солнце взойдет
над бедной травой,
над голодным ребенком.

Завтра
(в день рождения спелого Солнца,
желтого, как гуява,
которую хочет изгрызть летучая мышь)
сытый ребенок, живущий во мне,
и все голодные дети,
живущие на земле,
сойдутся — сойдемся — в большом хороводе,
чтобы прыгать,
вспомнив древние наши прыжки.

ПОЕЗД ИЗ МАЛАНЖЕ

Пленник конторы, в бумагах по пояс,
я рвусь к горизонтам всею душой,
когда за окнами проносится поезд,
задыхающийся,
огромный,
большой.

Он несется, крича:
— Я спешу горизонтам навстречу!
Земля эта — чья, чья, чья?

Что я ему отвечу?..

Однажды я сяду на поезд, спешащий
через долины, горы и чащи,
мы вместе этот путь совершим.
Я стану, как этот поезд летящий,
задыхающимся,
свободным,
большим!

И однажды крикнет народ,
очнувшись от забвения:
— Эта земля отныне моя!

ФЕРНАНДО КОСТА АНДРАДЕ

МАТЬ-ЗЕМЛЯ

Красная земля Лёпи — моя мать.
Мать-земля дает детям больше,
чем жизнь, — дает разум.
Разум орла,
царя небесных просторов
и земных пустошей,
поросших колючкой.
Красная земля Лёпи,
спокойные сумерки манговых рощ
на красной земле,

черпая скала с железным отливом,
вода, поющая, как поет мать...
Орел
покачивается на скале,
ветер
в лунной ночи
стонет,
кричит,
будоражит долину, рощи,
священные деревья мулембы,
гладит глинистую кожу равнин,
черные тела малышей.
Земля, ничто на тебе не меняется.
Твоя судьба — в руках сыновей.

А Л Д А Л А Р А

З А В Е Щ А Н И Е

Проститутке самой веселой
из квартала самого мрачного
завещаю серьги мои
из хрусталя прозрачного.

Девственнице, которая строит
воздушные замки, где принц
ее заключает в объятия,
завещаю мое кружевное,
мое подвенечное платье.

Старые четки мои
завещаю хорошему другу,
отрицавшему существование бога.

Книги (их, словно четки,
перебирала чья-то тревога)
завещаю скромнейшим из скромных,
не прочитавшим за всю свою жизнь
ни единого слога.
А мои стихи сумасшедшие,
что сотканы все из боли

отчаянной,
неодолимой
и пронизаны жаркой надеждой моей,—
завещаю тебе, любимый!

Чтобы в тихий задумчивый час,
когда в опустевший твой дом
душа моя вдруг прилетит
и коснется ее поцелуй твоих глаз,
ты бы вышел на улицу
и подарил стихи мои детям,
в этот тихий задумчивый час.

ЭНРИКЕ ЛОПЕС ГЕРРА

ПРИДИ, КАСИМБО..

Коспись спокойными пальцами
моих курчавых волос,
разлей непостижимый покой
над моей безбрежной печалью.

Приди, касимбо.
Я жажду увидеть, как заросли кофе
сгибаются от красных ягод.
Выпрями сутулые стебли бамбука,
надень диадемы на пики Байлунды,
промой запыленные фары
поездам, спешащим в Бенгелу,
выгни радугу на горизонте —
ворота шоферов Анголы.

Приди, касимбо.
На рассвете ласково склонись над посевами,
развей безвольную скорбь сынов моей родины,
открой для них горизонты надежды.

Приди, касимбо.
Пролей неистощимую влагу на мою землю
в этот пропыленный час,
с толкотнею на улицах,
с бензиновой вонью автомобилей,
когда подросток, чей заработок —

пятнадцать жалких эскудо в день,
спит на дорожке бульвара...

О касимбо,
я хочу пройти по твоим спокойным лугам,
оркестрованным веселым папевом колибри.

В О Ж И Д А Н И И Б У Л Ъ Д О З Е Р А

Уже забор стоит на стройплощадке,
но все недавним прошлым дышит здесь:
бедняцкий дом, заплатка на заплатке,
фанера и проржавленная жель.

Еще не спилен баобаб — на нем
в Тарзана что ни день играли дети.
Где ступа? Где очаг с его огнем?
Сад замер, ветви опустив, как плети.

Старуха в черном думает с рассвета
о тех, кто умер здесь — об Анаклето,
Шиминье, о Луанде прошлых лет, —

пока не зарычит бульдозер ярый
и рухнет мир ее, слепой и старый,
как этот арханческий сонет.

А Г О С Т И Н Ь О Н Е Т О

Д О Р О Г А З В Е З Д

Дорога звезд берет свое начало
За быстрым поворотом шеи газели
И продолжается над облаком
И над волной,
Над разворотом весенних крыльев дружбы...

Простейший музыкальный звук —
Гармонии незримый атом.
Частица,
Сердцевина

И зародыш
Всего многообразья мира.
Дорога звезд,
Необходимая и неизбежная,
Как неизбежно прошлое,
Что проступает
На совести сегодняшнего дня;
Дорога звезд,
Не отвлеченная, бесцветная,
Среди бессодержательных идей,
Не аритмичная,
Среди абсурдной аритмии,
Не безуханная,
Среди лесов, лишенных аромата,
Среди деревьев без корней —

Одна-
Единственная,
Точная дорога,
Поросшая лесами,
Омытая дождем,
Наполненная соком и благоуханьем,
Лучами озаренная,
Разбуженная громом...
Ру́ки,
Защищающие прорастанье смеха
На полях надежды,
Свобода взора
И слуха нашего!
Руки жадные на коже барабана,
Все ускоряющие четкий ритм.
И от Зайре до Калахари,
До самых дальних гор,
Пылает красный свет
Пожарищ бесконечных,
Озаряя
Порабощенные саванны...
Священная гармония тамтамов
В железном ритме Африки...
Итак,
Дорога звезд берет свое начало
За быстрым поворотом шеи газели
И достигает
Гармонии вселенной!

ПЛАМЯ И РИТМЫ

Звон кандалов на дорогах,
Пенье птиц
В зеленой прохладе леса,
В сладостной музыке пальм...
Пламя...

Пламя на травах...

Пламя над крышами хижин
Каяте...

На дальних дорогах
Толпы народа,
Толпы народа,
Толпы народа,
Толпы народа,
Изгнанного отовсюду,
На дальних дорогах,
До самого горизонта...
И снова на дальних дорогах
Шагают люди,
Бессильно руки опустив...

Зарево,

Танцы,

Тамтамы,

Ритмы...

Ритмы в свете,
Ритмы в цвете,
Ритмы в звуке,
Ритмы в движенъе,
Ритмы в шагах окровавленных ног,
Ритмы в крови, текущей из-под ногтей,
И все это ритмы...

Ритмы...

О, голоса истерзанной Африки!

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Жерди, обитые жестью,
Вбитые в красную землю,—
Остов убогого дома.

Жалкие тряпки в лохмотьях —
Как дополнение к пейзажу.
Солнце, сквозь щели пробившись,
Будит хозяина дома.

Двенадцать часов работы —
Его ежедневное рабство.
Дроби камни!
Таскай камни!

Дроби камни!
Таскай камни!
Палит солнце,
И жгут ливни.
Дроби камни!
Таскай камни!

Старость приходит быстро.
Хватит для успокоенья
Рваной одной циновки.
Ночью он, благодарный,
Умрет голодною смертью...

АРНАЛДО САНТОС

ВОЗВРАЩЕНИЕ

На ветру развеваются
бесцветные флаги...

Пылит грузовик, в нем парни,
они поют — они возвращаются.

Звонкая песня летит, замирает...
В одиноких лачугах матери ждут...

На ветру развеваются
флаги-желанья...

Голоса оставляют на хмурой дороге —
там, позади, где стелется пыль, —
напев отреченья.

Развеваются, развеваются
бесцветные флаги желаний...

А в поселках рождаются новые дети!

ДВА НАБРОСКА

1. ПРАЧКА

Отполированная скамейка,
ушат,
черные руки на белом белье.

Прачка неразговорчива.
Бьет поклоны над бесконечной стиркой,
курит — за густым дымом
колеблется мир.
А рядом, над полуоткрытым ртом
ее спящего сына,
кружатся мухи.

2. БАРАК

Полутемный проход,
по обе стороны — койки.

Тишина, полосатые одеяла,
свисающие со стропил,
беспорядок скомканых тканей,
затхлость пещеры.

И время от времени — вдруг! —
поднимается голова, словно ящерка
из-под опавшей листвы.

БЕРНАР БУА ДАДЬЕ

НЕ ЛЮБЛЮ

Я ношу узорный ошейник,
Ошейник галантной Европы.
Галстука я не люблю.

Я опоясан цепью,
Цепью военной Европы.
Я не люблю ремня.

Я ношу железный колпак,
Колпак безумной Европы.
Каски я не люблю.

Я смерть на руке ношу,
Смерть бредовой Европы.
Я не люблю часов.

И не люблю я камня, камня,
Тяжкого камня надгробий,
Хитрого камня темниц.

Не люблю я звона ключей,
Ключей в руках часовых,
Часовых у каменных тюрем,
Тюрем возле кладбищ.

Не люблю я крик воронья
Над пляшущими городами,
Зов гены в ночной тишине.

И не люблю я видеть
Слезы в глазах детей,
Тоску в глазах матерей,
Опущенный на руки лоб,
Исполненный муки взгляд,
Сведенное страхом лицо,
Женщин в лохмотьях,
Мужчин в лохмотьях.

И не люблю я видеть
Малыша, протянувшего руку.

Не хочу я видеть,
Как грядущее наше
Подаяния просит.

Не хочу!..

ЛИНИИ НАШИХ РУК

Линии наших ладоней,
Линии наших рук —
Это не сеть параллелей,
И не обручи меридианов,
И не дороги в горах,
И не шрамы на коже деревьев,
И не древних сражений рубцы.

Линии наших ладоней,
Линии наших рук —
Это не змеи трапшей,
Не паутина тропинок
В зарослях диких колючек,
Не угрюмые щели окопов
И не рваные раны рвов.

Линии наших рук —
Не лабиринт переулков,
Где горе пустило корни,

Не тощие нити каналов,
Впитавшие горечь слез.
Это не цепи злобы
И не веревки для виселиц...

Линии наших рук —
Желтых, черных и белых —
Это не ленты границ,
Не межи на полях
И не цепкие пальцы пеньки,
Обвившие сноп раздоров.

Линии наших рук —
Это линии Жизни,
Дружбы и светлой Судьбы,
Линии Сердца и Счастья.

Линии наших рук —
Это нежные цепи,
Они связали навечно
Живых и погибших —
Друзей со всех континентов.

Линии наших рук
Не черны,
Не белы,
Не желты.
Линии наших рук
Связали наши мечты
В большую охапку цветов.

ВЫТРИ СЛЕЗЫ!

Вытри, Африка, слезы!
Возвращаются дети твои,
сквозь бури и грозы идут
из бесплодных скитаний.

Под смех прибоя и лепет бриза,
в позолоте восхода,
в багрянце заката
с горделивых вершин,
из затопленных солнцем саванн

идут к тебе,
сквозь бури и грозы идут
из бесплодных скитаний.

Вытри, Африка, слезы!
Наши души испили
из всех родников
горькой доли
и славы.

Наши души открыты
сверкапью твоей красоты,
ароматам твоих лесов,
волшебству твоих вод,
сини твоих небес,
ласке твоих лучей,
чарам зелени в перлах росы.

Вытри, Африка, слезы!
Возвращаются дети твои.
В их ладонях дары,
в сердце — любовь.
Возвращаются, чтоб тебя облачить
в одеянья мечты и надежд.

ЧЕРНЫМ ПО БЕЛОМУ

Нерешительному собрату

Чтоб ложилось «по белому черным»,
ни к чему быть искусным писцом,
лишь бы образы жили в глазах,
лишь бы сердце болело.
Шаткий домик, дрожащий от ветра,—
чем не тема? —
без гардин, самый ветхий —
не тема, а клад —
без цветка на окне, без окна —
первоклассная тема.
Но есть и другие.

Заботы мужей
и горести жен,
тоска матерей
и слезы невест,

пляска мошек под сенью цветущих акаций,
стрекоза в камышах, камыши на ветру.
Звезды. Стадо, бредущее в стойло.
Труд, который не в силах тебя прокормить.
Голод — с ним и садись за стол, и встаешь.
Укусы шершавой земли — на спине, на плечах, на локтях.
Дом родильный без коек.
Больница с аптечкой пустой.
Ненствоство Мартовских ид над планетой.
Белый маленький голубь, которому некуда сесть.

Вот вам темы. А сколько других...
Но всегда, чтоб ложилось «по белому черным»,
падо было священный испытывать гнев,
видеть все сновиденья людей,
людей угнетепных,
всех неграмотных гениев, не видевших школы,
которых нарочно держали в потемках,
чтоб к земле приковать человека навек,
чтоб не мог он увидеть ни солнца, ни звезд.
Чтоб непрестанно вращались станки
ненасытной Европы,
чтоб трюмы ее кораблей
тяжелели от пряностей, золота, амбры.
Надо было увидеть все это во сне
и достоянье свое завещать
людям,
свет во мраке зажечь.

Для того чтоб ложилось «по белому черным»,
ни к чему быть искусным писцом,
надо слушать лишь сердце свое,
остальное —
мишура.

ЛИТАНИЯ НА ФРАНЦУЗСКИЙ МОТИВ

От жестоких насилий
избавь нас, Господь.
От любителей бойни и от нашествий
избавь нас, Господь.
От секретных агентов
избавь нас, Господь.

От Европы, о нашей свободе пекущейся,
избавь нас, Господь.
От ее притязаний
избавь нас, Господь.
От чиновников ревностных также
избавь нас, Господь.
От политики колониальной
и от монополий
избавь нас, Господь.
От знатоков африканской проблемы
избавь нас, Господь.
От ханжей-победителей, от лихоимцев
избавь нас, Господь.
Успокоение дай всем погибшим во имя господ.
Наши песни и наши надежды верши.
Истреби нашу алчность и нашу
доверчивость — все,
что к рабству приводит
народы. Амины!

НЕБО МОЕ

Ассамале Кутуа, моей нареченной

Небо мое, этот вечер — улыбка ребенка,
небо мое, этот вечер — улыбка любимой.

*Мирное небо мое,
африканское небо мое.*

Это — скрижаль. Мы напишем на ней
эпопею.

Небо мое, этот вечер — напевы пернатых,
небо мое, этот вечер — как ты, мне даровав.

*Мирное небо мое,
африканское небо мое.*

Может быть, снова ее, долгожданную,
встречу,
может быть, снова его, долгожданного,
встретишь.

— Денег не надо, — скажи, — чтоб вернуться
в селенье,
месяц небесный, — скажи, — колесницею
быстрой

сквозь спеву и созвездья
доставит к порогу.

*Мирное небо мое,
африканское небо мое,
небо моей любви.*

Небо мое, этот вечер как матери ласка,
небо мое, этот вечер как взор беззаботный.
Это — скрижаль. Мы напишем на ней
эпопею.

Небо мое, в этом вечере блеск твой
и запах,
небо мое, в нем твоя красота колдовская,
небо мое, он, как наша любовь, безграничен.
*Мирное небо мое,
африканское небо мое,
небо моей мечты.*

ПРАЗДНИЧНЫЙ ТАМТАМ

Прыгай,
прыгай,
чаровница.
Слышишь? Рокотом тамтама
вечер в круг тебя зовет.

Куба,
юная царица,
для тебя
все эти такты,
ритм салумский,
ритм баульский.

Почему луна
так ярко светит?
Озаряет круг
яростного тапта.

Что же это? Песнь,
праздничная песнь тамтама.

Прыгай,
прыгай,
танцовщица.
Слышишь? Рокотом тамтама
вечер в круг тебя зовет.

ЖИЗНЬ МОЯ

Я бы хотел подарить
к празднику
матери старой — платок,
другу — набедренную повязку.

Я бы хотел хоть разок,
маленькая моя,
к празднику тебе принести
кулек пралине и нуги
в сказочных пестрых обертках,
кулек французских конфет.
Я бы хотел!..

День пробегает за днем,
год за годом...
Я бы хотел!..
Чувствую: что ни день — я старею,
все белей голова,
все меньше зубов,
а болезней все больше.
Я бы хотел!..

Что ни час, что ни шаг — все ближе к могиле.
Так и умру, как будто
не жил никогда, и не будет
улыбки,
улыбки Забвения,
улыбки Мира, улыбки Жизни
на губах человека...
Я бы хотел... Я бы хотел...
Жизнь моя!

РУКИ

Руки — свободные,
живые руки,
умеющие обнимать,
а не душить,
дарить,
а не отнимать.

Руки, созданные,
чтобы выстукивать ритм,
чтобы очистить от злобы мир.
Руки — разлапистые,
корявые,
заскорузлые руки
каменотеса,
лесоруба,
землекопа,
рыбака,
поденщика на плантациях кофе,
хлопка
и сахарного
тростника,
изможденные трудом,
закаленные на ветру,
обожженные дочерна!
Руки говорят
откровенно и до конца,
докапываются до корней,
взметаются ввысь,
встречаются,
соприкасаются,
сжимаются в братском пожатье.
Кулаки, словно набухшие почки,
символ жизни, символ единства.
Рука ребенка, не творившая зла,
ладонь старика, отяжеленная мудростью,
пальцы женщины, излучающие состраданье...

Руки смывают усталость и пыль,
руки указывают путь,
руки рассеивают мрак,
руки — украшение твое, человек!

Черные руки
хранят любовь,
наживают мозоли,
сметают зло,
снимают горький осадок дней,
срывают маски с фальшивых богов.
Руки, я надеваю на вас
браслеты радости и надежд!

Черные руки,
возьмите
молоток и гвозди!
Вселенная — глухая стена.
Прибейте к ней
старую надпись:
«Охота на людей запрещена!»
Руки нищих и угнетенных,
руки — от Конго до Миссисипи,
в ущельях меж небоскребов,
на дорогах, ведущих к сердцу!
Руки строителя и человека —
на земле и в пеще,
при свете дня,
под звездами ночи,
в утренних росах,
в мягкости сумерек,
сегодня, вчера и завтра, —
во всем, что живет, и поет,
и кружится в танце!
Черные руки —
руки брата,
я протянул к тебе
над океанами и горами,
чтобы слились воедино
цвета наших рук,
чтобы тебя найти
и приветствовать,
Друг!

Ц Е П И

Как тяжелы, тяжелы эти цепи,
Которые негр
Надевает на шею негру,
Чтобы хозяевам угодить.

Не преграждайте дорогу народу!
Цепи долой,
Прочь заслоны, рогатки, плотины!

Пусть чистые воды землю затопят
И грязь беззаконий сметут!

Как тяжелы, тяжелы эти цепи,
Которыми негр
Ноги негра опутал,
Чтобы хозяевам угодить.

Тяжкие, тяжкие, тяжкие цепи,
Которыми скованы мои руки!

Пусть все оковы падут!

ЛЮДИ ВСЕХ КОНТИНЕНТОВ

Пьеру Сегерсу

Я выхожу из забрызганных кровью ночей.

Вот глядите — бока мои
Перепаханы голодом и огнем.
Я пахотной был землею.
Посмотрите — в мозолях рука моя
    Черная,
Я месил ею мир.
Вот глаза мои, опаленные
Жаром любви.
Был я здесь, на земле, когда ангел
    гнал предков моих из рая,
Был я здесь, когда воды потопа
    лизали вершины горных цепей,
Был я здесь, когда Иисус
    примирить попытался небо и землю
И когда, над бездной витая, улыбка Христова
Нас к общей судьбе приковала.

Люди всех континентов!
По-прежнему пули
На волшебной заре
Сбивают головы роз.

Выйдя из ночи, пропитанной дымом котешных огней,
Я хочу вас воспеть,
Люди, вас —
Вас, кто небо в ладонях несет,

струятся звезды,
созидаются континенты,
как птенец отправляется
в первый полет
на первой, вытканной солнцем
заре?

Маски масок!

До вас на земле было слово.

И поэты. Вот из глины какой

Был господом мир сотворен.

Тусклые маски, не светит над вами звезда.

А мы несем на плечах

Корзины, полные звезд,

и влетаем мы звезды в одежду свою,

и дорогу мы устилаем звездами,

и звезды бросаем горстями

в тусклую ночь, в ночь вашего цвета,

маски...

Маски!

Маски во мгле усыпальниц,

маски па перекрестках, маски

на пьедесталах,

маски в гробах.

Мы будем всегда загадкой для вас,

ибо мы — дети Солнца.

И...

И был

день,

и была ночь,

мерцали звезды

и пели птицы,

была любовь,

были Авель и Каин,

дубина

и пятна крови

на белых одеждах Земли.

Был крик среди дня

и вопль в ночи.

И пожар на земле.
И змея,
    и две змеи,
                    и десять змей
на полях,
                    площадах,
                            в городах,—
сотни, тысячи змей
                            и разбойничий посвист
  беды.

И были головы турок,
                    голова мавров,
                    и голова скалили зубы
                    на кончиках копий и пик.

И была война,
                    война всем неграм
                    Африки, Азии, и Европы,
                    и Австралии, и обеих Америк,

война всем неграм,
                    что стыли в грезах,
                    вitalи в сказках,
                    в кровавых венках
                    и пестрых масках,

война всем неграм,
                    забитым, темным,
                    всем неграм бедным,
                    всем неграм беглым,

война их пляскам,
                    их песням,
                                    сказкам.

И было то, что вы знаете сами:
                    голод
                            и жажда,
                    ладан
                            и кляп,
                    вулкан
                                    и молчанье,

и тучи крови,
молнии крови,
                    ливни крови,
                            равнины крови,
  потопы,

оконь, костры, стервятники, ямы,
кораблекрушенья в открытом море,

и негры белых,
и негры негров,
и черно-белые негры,
и турбины,
и жабры,
и обитатели жидкого ила,
и опрокинутые пироги,
и утонувшие в луже люди,
и задохнувшиеся
под открытым небом.

И было
великое
поражение
Разума и Любви.

Тысячелетняя ночь была,
багровая,
черная,
белая ночь.

И была над расцветшей вновь землей
ясная радуга,
и она увенчала
Вас и Меня,
радуга, которая нас замкнула
в круг единый
общей судьбы.

В Е Т Е Р

Ветер
над сонной рекою
тайком подбирает
сны рыбаков.

Ветер
на скатерти озера,
расшитой кувшипками,
в букет собирает
шутки и смех
девушек-водоносов.

Ветер
на тропах лесных
и в траве луговой

урожай собирает
песен крестьянских.

Ветер

с кустов и цветов
дань собирает:
ароматы лесные,
у края деревни
наряжается ветер,
прихорашивается,
и садится
на крыши дремлющих хижин,
и в очагах раздувает
прикорнувшие угли.

Ветер

на пальцах считает
сновиденья людские.

Ветер

ветвями деревьев качает,
убаюкивая детей.

Ветер

свищет в оврагах,
летит над морями, горами
и садится на миг отдохнуть
у двора постоялого.

Ветер

по древним дорогам земли,
по обочинам времени
тащит

жатву воспоминаний.

ЛЕНРИ ПИТЕРС

* * *

Осенняя улица
 Катится за окном
 Мой зов заглушен
 Пыльным дождем

Деревья острижены
 Дремлют в дыму труб
 Опускают плечи
 Каштан и дуб.

Их сожженные руки
 Тянутся разом
 За своею долей
 Объятий солнца.

И только редкие
 Золотые слезы
 Еще оплакивают
 Смерть Лета

Тряся слабыми кистями
 Не пугайте
 Слабых птиц —
 Все в ожидании.

На мостовых ослизлых
Переломанные листья
Бывшая пышность Весны
Балдахин Лета

Дрожа надвигаются
В иступлении смерти
Войска Наполеона
К снежной могиле

А за ними подобны
Каретам «скорой помощи»
Старухи палками
Тычут в свои гроба

Ищут шаг последний
В котором явлена
Смерть неизбежная
Как падеье листьев

А через дорогу
Пылкие юные бедра
Потеют немывы до весны
Запахи новых и тлеющих лет.

Я усаживаюсь в кресло на колесиках
Вывешиваю легкие сушиться
В табачном дыму
И жду нового года.

* * *

Каждый раз когда запирают ворота
Вывешивают запрет
На табличках стальных
О том что любви предаваться нельзя
После восьми кто-то
Сорвет непременно их.

Каждый раз как надменно сочтет меньшинство
Что все оно знает
И во всем установит лад
Ленивые толпы спешат
На место поставить его.

Везде на запрете запрет
Говорят как ты должен быть одет
Предишут прическу и галстука цвет
Даже учат тебя умирать
И что делать попав на тот свет.

* * *

Первая Роза
Бела иль красна
Как зародыш в яйце
Свернула она
Лепестки аккуратно
За слоем слой
Под живыми росинками
В безупречном балансе
Того что придет
В полном могуществе
Сдержанного аромата.

* * *

Забытая песня
Под грудой яиц
Где разбился голос
Еще не наученный речи
До того как годы сна
Когтями птиц
Разметали нервы
И память медом пропитана
Сочилась из
Пронзенного мозга.

Я знаю тебя не смирить

Когда резкий смех умирает
И долгая ночь
Наполняет легкие
Свежим воздухом

Когда усталый ум
Узнает хилую тишину
Я отделяю желток
Ставший нежным от лет
Безгласно лежащих
С моей забытой песней.

КОФИ АБУНОР

МОРЕ ПОЖИРАЕТ ЗЕМЛЮ У МОЕГО ДОМА

В городе море чувствует себя как дома —
Врывается прямо в жилища,
Уносит дрова от очагов
И по ночам возвращает их на волнах.
Море пожирает землю у моего дома.
Оно пожрало уже много домов.
Однажды оно ворвалось в непроглядной ночи,
Разрушило глинобитные стены
И прочь унесло всех домашних птиц,
Все миски, горшки и ложки.
Море пожирает землю у моего дома.
Рыдают дома под ударами волн,
Женщины оплакивают погибших
И призывают всех богов на свете
Защитить их от гнева моря.
Аку стоит там, где стоял ее дом,
Ее двое детишек дрожат от холода,
А она прижала руки к груди
И безутешно рыдает.
Ей не пришли на помощь предки,
И боги покинули ее в беде.
Было ненастное воскресное утро,
Буря ярилась,
Козы и куры барахтались среди волн,
Неумолимых волн жестокого моря.
А темные воды бились, бились о берег,

И над глубокими низкими стенами женщин
Стоял вечный рокот живого моря.
Оно унесло у них все пожитки.
У Абны погубил серьги и бусы —
А ведь это было все ее приданое
И единственная радость.
Море пожирает землю у моего дома,
Отнимает всю землю у моего дома.

ПЕСНЯ ВОЙНЫ

В белом саване я усну...
К сыновьям человека пришла война,—
Время в саванах белых уснуть...
В наступленье идут ребята
И вперед прорывается Кпли;
Пусть винтовки белых палят,
Все равно мы сегодня прорвемся
Или в саванах белых уснем.

В каждый дом ворвалась война,
От войны земля задрожала,
Только трусы домой удирают,
Чтобы дома с бабами спать.
Если мы возвратимся с войны,
Мы проучим бабников этих,—
Только тыквы с плеч полетят.

Старпки говорят, что змея
Не решится напасть на ребенка,
Не прикончив сначала мать.
К нам в дома ворвалась война,
Убивая сынов человеческих,
Нас за горло взяла война.
Пусть винтовки белых палят,
Пусть глаза нам дым застилает,
Мы сражаться пасмерть должны.

Мы погибнем на поле боя,
Мы не примем позорной жизни:
Наши ружья погибнут с нами,
Наши копыта погибнут с нами,—
Мы погибнем на поле боя,

ПРИЗЫВ БАРАБАНА

Когда мы полностью сольемся с призывной дробью барабана,
Когда мы полностью сольемся с извечным ритмом наших песен,
Когда, быть может, ты ответишь на зов израненной души?
Твой звездный взгляд мне посылает лучи из-под прикрытья плоти,
По капле собирая мудрость за сумрачной завесой век.
Душа моя несмелым шагом приходит к твоему порогу
В стремленьи встретится с надеждой,
В стремлении познать себя.
Мне кажется, что я извечно хранил в душе улыбку эту,
Которая срывает маску, тепло сердечное дарит,
В ночи дорогу освещает.
Мне кажется, до края света идти бы мог я за тобою,
Туда, где призрачные тени блуждают в рощах средь холмов
И зовывают нас домой.
Мне кажется, никто на свете так не умеет улыбаться.
Мне кажется, твоя улыбка сияет только для меня.
Итак, пора! Дорога наша ведет нас в рощи средь холмов
Под дробный рокот барабанов, под стук сердец, под пенье вод.
Скажи скорей, что есть надежда, что ты пойдешь со мною рядом
По трудным каменистым тропам, петляющим среди мимоз.
Быть может, мы одни из первых под мерный рокот барабанов
Достигнем призрачных холмов.

САМОЕ ДОЛГОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Свил ворон надо мной свое гнездо,
Пока в пустынном зале ожидания
Я тщетно ждал, что кто-нибудь придет, —
Придет разгладить ранние морщины.
Потом в ночи истошный детский крик
Прервал мой сон, потом я вновь забылся
И видел, как на реках вавилонских,
Где боль врачует мертвый барабанщик,
Кружатся девушки под барабанный бой.
О, дай мне посох, я пойду туда,
Я принесу израненную душу,
Я в дом войду к пирующим в ночи,
Где на пороге остывает сердце,
Разбитое по приговору жизни.

Я БЫЛ СРЕДИ ТОЛПЫ...

Стояла ты в тени своей души
И улыбалась изредка прохожим...
Я был среди толпы, и ты кивнула мне.
Я прочитал в глазах твоих призыв
И бросился к тебе, но ты исчезла.
Ты в дом ушла к своим.
С тех пор я у твоих дверей
И жду, перебирая струны,
Что ты придешь и будешь слушать песни —
Заветный дар отцов, —
Придешь и будешь танцевать
Под музыку моей печали.
Придешь ли ты, когда взойдет луна
И детский смех уснет,
Иль в час ночной,
Иль в час, когда к утру
Раскинёт крылья радуга над крышей
И рыбаки с уловом возвратятся, —
Когда ты ни придешь, я жду тебя.

О Т З В У К И

Когда наши слезы падают на песок,
и несут рыбаки свои сети домой,
и возвращаются чайки на острова,
и детский смех стихает в ночи,
остаются друзья, что ты выбрал когда-то,
тризна дружбы, чьи ритуалы ты совершаешь.
И еще тот бессменный сторож,
который запирает ворота кладбища,
торопя последних плакальщиков.
И ты этой ночью не музыку слышишь,
звучащую под сводами памяти,
а хор позабытых товарищей
и аллилуйю твоей души.

ПАМЯТЬ

Терзаемся на материнских коленях времени,
на костре неисполнившихся желаний,
цели достигнутые не достигнуты,
ибо радости умирают,

боль возвращается в сердце,
чувствующее, что оно позабыло,
но не забыло навечно,
и в сон погружается медленно,
скользя по угасающим надеждам,
но каждый день возрождается к мукам
позабывших восторгов,
испытанных давно на давних берегах,
странствуя по детским воспоминаниям:
птицы, охота, и дедушкина ферма,
и белки — все сжато серпом времени.

Д Ж О Й С А Д Д У

Э Ф У А

Вон проходит Эфуа,
Мальчишки свистят и пляшут,
И проплывает над головами
Нагретая солнцем корзина
С золотыми, как луны, плодами.
А ну, покупай бананы!
Возьмешь одну
Молодую луну —
И сразу попросишь другую!
Надкусишь одну золотую луну —
И в зубы возьмешь улыбку!
Доешь до конца золотую луну —
И в сердце веселье хлынет!

Неважно, что синее платье
Выгорело на солнце,
Что девчонки кричат ей проклятья, —
Все равно вдогонку за нею,
Заглушая любые часы,
Будут тикать мужские сердца.
А ну, покупай бананы!
Возьмешь одну
Молодую луну —
И сразу попросишь другую!
Надкусишь одну золотую луну —
И в зубы возьмешь улыбку!

Доешь до конца золотую луну —
И в сердце веселье хлынет!
Ровно в восемь каждое утро
Можно голос ее услышать —
Он спускается словно с неба,
Он эхом скользит по крышам,
А улыбки — смертельные стрелы —
Останавливают дыханье.
А ну, покупай бананы!
Возьмешь одну
Молодую луну —
И сразу попросишь другую!
Надкусишь одну золотую луну —
И в зубы возьмешь улыбку!
Доешь до конца золотую луну —
И в сердце веселье хлынет!

О, слепящая молния взгляда
И величавая поступь!
А девчонки злословить рады,
Недаром-де каждое утро
Все мужчины торчат у окон,
Чтобы песню ее услышать:
А ну, покупай бананы!
Возьмешь одну
Молодую луну —
И сразу попросишь другую!
Надкусишь одну золотую луну —
И в зубы возьмешь улыбку!
Доешь до конца золотую луну —
И в сердце веселье хлынет!

После дождливой ночи,
Предвещающей скучную зиму,
Эфуа выходит на площадь,
И плывет над нею корзина
С золотыми, как луны, плодами,
А за нею выходит солнце!
А ну, покупай бананы!
Возьмешь одну
Молодую луну —
И сразу попросишь другую!
Надкусишь одну золотую луну —
И в зубы возьмешь улыбку!
Доешь до конца золотую луну —
И в сердце веселье хлынет!

ГЬОРМБЕИ АДАЛИ-МОРТИ

ПАЛЬМОВЫЕ ЛИСТЬЯ ДЕТСТВА

Когда я был совсем еще малыш,
А Джо и Фреду было лет по шесть,
Мы помогали нашему отцу
Навоз месить с землею во дворе.
Три пальмочки тогда мы посадили,
Своими именами их назвав.
Они росли куда быстрее, чем мы,
И много раньше, чем я стал большим,
Они, цвеля, своей достигли цели.
Подобные серьгам сестер, на них
Цветочки золотые зазеленело,
Их золото потом позеленело,
И выросли огромные орехи,
Величиною с голову отца,
И я мечтал о молоке их сладком.
Я слушал шепот листьев наших пальм,
Я слушал шорох, шелест, шепот листьев,
Оживших от ночного ветерка.

Я и поныне слышу эти листья,
Их шепот, доносящийся сквозь щели
В стенах хибарки, где мечтал я в детстве
О будущем...

ЕДИНСТВЕННЫЙ СУП

Запах супа,
который варят три матери
под деревьями в сумерки,
    плывет по лесному воздуху,
разжигая голод их двадцати детей
    и расслабляя усталые мускулы,
    полные воспоминаний
о прошлых трудах
и мыслей
    о будущих.

Глаза пронзают чашу небес,
    опрокинутую высоко
        над башнями деревьев.
Молодая луна —
    тоже чаша,
        обращенная к востоку, —
предвещает удачу всему племени.
    Люди смотрят с надеждой,
но не видят, а только слышат
    последнюю птицу,
    спешащую в горы
        на небесную веточку
            священного дерева бдум.
Вечерние сумерки
окутывают неутомимые ноги
    и беспокойные руки
    трех матерей,
    которые варят суп,
    единственный на день,
в то время как усталые мускулы
    отца и его товарищей по труду
        и братьев по охоте
дрожат
от бесконечных воспоминаний
    о пахоте, о рубке леса,
        о криках антилопы,
            что тонут в жутком пении ночи,
                а пенье это, замирая,
                    глохнет
в далеких джунглях.
    Где-то
ревет неистовая река
    и шумные воды
        устремляются к морю.

КОРОЛЬ-КОКОС

В королевстве пальм
Немало королей,
В королевстве пальм
Немало королев.

Скромно величавы
Пальмы-королевы,
Стройно горделивы
Пальмы-короли.

А король-кокос
Небо распахал,
Отгоня солнце
Сотней опахал.

Под зелеными зонтами
Бусы золотые,
А на шее ожерелья
С нежными цветами,
Из которых вызревают
Бусы золотые.

РАФАЭЛЬ Э.-Г. АРМАТТУ

ОДИНОКАЯ ДУША

На пустынной дороге
Старая мать
Идет и смеется одна
И сама с собой говорит,
На пустынной дороге одна
Сама с собой говорит.
Разве ты знаешь, дитя,
Почему человек
Один с собой говорит?
Если долгий путь позади,
А попутчиков нет, —
Человек с собой говорит.
Если горе хлынуло ливнем
И беды, как стрелы, ложатся вокруг,
Одинокий путник
Идет и с собой говорит.
Так и старая мать
На пустынной дороге

Идет и смеется
И бормочет что-то себе,
Чтобы слезы свои удержать.
Мать, велика твоя скорбь!
Но разве не то же со мной?

А Ф Р И К А

Посвящается 2-же Леони Армату

Девушка лицом темна,
одинок у обочины грустит она.
Я спросил у нее — отчего она
одинок так и грустным-грустна?

— Сэр, мне чужд одинокой печали гнет,
но среди глухих и бесстыжих людей
я безжалостно жду их смерти — и вот
охладело сердце в груди моей!

Ц А Р Ь К И - Л А К Е И

Пускай остаются одни,
Что делать нам с ними вместе?
Царьки-лакеи они,
Народ без стыда и чести!
Прислужники-короли,
Отребье худшего сброда,
Готовые обратить
Оружье против народа.
Над ними смеется враг
И их за людей не считает, —
Орудует ими враг,
Он ими хитро помыкает.
Бесчестные все они,
Бессовестные людишки,
Царьки-лакеи они,
Прислужники-королишки!

ЮНЫЕ МЕЧТАНИЯ

Как сердца ваши в юности радостям вторили:
О любви и о славе мечталось тогда!
А потом оказалось: в житейской истории
Только блеклых да горестных дней череда.

Сколько счастья веселого ждали смолоду,
По садам наслаждений беспечно бродя;
А теперь вы плететесь, понуриив голову,
Как измокшие путники после дождя.

БЕНИБОНГОР ДЖ. БЛЕЙ

НОЧЬ ЗАБОТ

В забвеньи канет ночь забот,
Устав к утру от тишины,
И, обесцвечивая сны,
В победном блеске день взойдет.

И расцветут в садах цветы
Без терний и шипов забот,
И, сбросив тяжкий груз невзгод,
Свободным сделаешься ты.
И свет благословенных дней
Разгонит хор почных теней.

Но если станет вновь темпо,
Не повторяй: «Надежды нет!» —
А продержись, пока рассвет
Не постучит в твоё окно.

ТЕНЬ УЛЫБКИ

Когда померкнет светлый Май
И хлынут беды через край,
Под карканье вороньих стай,—
Мой друг, судьбе не уступай
И тень улыбки сохрани!

Когда, погибелью грозя,
Ведет над пропастью стезя,
И повернуть назад нельзя,
И отступаются друзья,
Ты тень улыбки сохрани!

Да, тень улыбки сохрани,
Когда волна встает стеной
Над неподвижной глубиной
И, застилая свет дневной,
Иной сменяется волной.

О, тень улыбки сохрани
И ветру двери распахни
В глухие пасмурные дни,
Пока в их сумрачной тени
Надежда не зажжет огни!

ЗНАМЯ АФРИКИ

Встань, юность Африки, в порыве смелом,
Сжимая стяг в израненных руках!
Не сникнет наше знамя под обстрелом,
Нас не согнет бессилие и страх.
Мы боремся не за свои доходы
И не за власть: наш путь ведет вперед,
Над Африкой пылает стяг свободы,
И вспять никто из нас не повернет.
Грозятся нам, но мы не из пугливых —
Оружие уймет врагов крикливых.

К ВЕСИ БРЮ

РОЖДЕНИЕ РЕБЕНКА

Достиг порога долгожданый топот,
На ветви Гамелли лопнули почки,
И прорицатель, раковины бросив в пыль,
Прочел по узору судьбу ребенка —
Ребенок явится у грома на плечах,
Он факел молний пронесет над головой,
Он озарит в ночи дорогу дням грядущим.

Мечтал Гамелли по ночам в сезон дождей,
Что лопнет почка и покажется росток,
И, оплетая ветвь руки отцовской,
Начнет карабкаться по склону вверх и вверх.

И вот грядущее ступило на порог —
Откройте дверь, ему пора войти!

ОДИНОКИЙ ПУТНИК

Оставь его, любезный враг,
Ведь матери всего живого
Ему свободу даровали:
И, принимая мир бесценный,
Скользит он в зыбкой благодати,
Пришелец с вечных берегов.
Согретый заревом отваги,
С копьем надежды,
Со щитом традиций
Он вышел цепи разорвать.
А там вдали, на горизонте,
Закаты алые сгорают,
Рассветы бледные сгорают
И звезды черные восходят
У изголовья новых дней.
И оживают наши руки,
Дремавшие на барабанах,
И, ободренный мерной дробью,
Проходит одинокий путник
По склонам золотых холмов.

С Е Т Ь

Мы подходили к перекрестку,
Где поджидала нас разлука...

Я медлил с выбором дороги.
Вдруг в сумраке моих сомнений
Зажегся свет твоей любви,—

И ярко осветил мне путь
Единственный...

МОЛЬБА О СОСТРАДАНИИ

О мать-земля,
Мы в храм к тебе пришли,
Мы сыновья земли.
Босой пастух,
Пригнав домой коров,
Стоит безмолвно с дудкой тростниковой,
Не страшивая капель дождевых, —
Так ждут рассвета для неспетых песен
Росою окропленные птенцы.
Толпятся у реки ночные тени
И ласково склоняются к земле...
У очагов усталые крестьяне
Рассказывают небылицы
О давних-давних днях...
Зачем мы просим милости покорно,
Мы, сыновья земли?
Кого мы молим робко и смиренно,
Когда сердца поют, а губы плачут,
Костер пылает, как земное солнце,
Взлетают искры,
Затмевая звезды,
И в гулких тыквах плещется вода,
Вода могущей Вольты.
А мы, босые нищие в лохмотьях,
К хозяину приходим за подачкой.

Д Ж У Д Е Г Р А Ф Т

ПЛАТИНОВАЯ ЛУ

*Заходите, ребята.
Ровно в семь.
Посидим, поболтаем за рюжкой вина,
Вспомним старые времена.*

И вот
Ровно в семь
Вваливаемся толпою к Сэму.
«То-то, думаем, будет веселье,
Ведь он у нас заводной».

*Заходите, дорогие, все заходите:
Коротышка Ди, и Кобина,
И Джон со своею женой,
И Офори вместе с женой.
А это моя половина —*

Лу.

*Познакомились с ней в Колумбийском колледже,
Когда я был в США.
Правда же, хороша?*

*И верно, женщина — первый класс.
Ослепительна, как певица.
Ноги —
хоть выставляй на витрине.
Изумительный бюст.
А волосы —
не оторвешь глаз.*

Располагайтесь, ребята, как дома.

Уселись.

Лу взболтала коктейль

темно-алый —

*Такие пьют на восточном побережье,—
Сэм
разносили бокалы.*

*Приятный был вечерок.
Болтали мы, пили вино,
Наворачивали котлеты
И лихо отплясывали рок
Под магнитофонные ленты.*

*Тем временем Лу изводила нас
своею заботой.*

*Хотите еще вина?
Бурбонского виски с содовой?
Угощайтесь.
Пейте в свое удовольствие.
Спасибо друзьям из посольства:
Напитки
у нас
в избытке.*

Сэм сидел у окна
И, устало
        глядя в ночную мглу,
Осушал бокал за бокалом.
Ни слова.
Ни взгляда на Лу.

Его жена
        между тем
                        блистала.

Мы лихо отплясывали рок
И ели
        все, что она
                        подавала,

До отвала.

А Сэм сидел у окна —
И ни слова.

Странно было смотреть на него —
Такого прилизанного и лощеного,
Охолощенного
Ангелом
        с платиновым мечом.

Мы простились с ними под утро.
Они стояли, держась за руки,
У открытой двери,
        в подъезде;
Сэм не сводил взгляда
С бледнеющих созвездий.

Сейчас он войдет в дом
И, закатав рукава,
Примется устранять беспорядок,
Оставленный нами,
        духами,
Которых вызвал из прошлого
Опрометчивым приглашеньем.
Что поделаешь?
Жизнь такова.

Потом они улягутся спать.
Назавтра
После привычных объятий —

Пятнадцать лет
их жизни брачной —
Сэм проснется
такой же мрачный,
Сделает две-три затяжки
И выпьет свое молоко с медом
Из тончайшей
фарфоровой
чашки.

Потом —
Благо отпуск еще не кончен —
Свернется клубком на кушетке
И будет читать заметки
В журнале «Тайм»
(Свежий номер, только что из Штатов).
Даже не взглянет на спимки
Черных девушек — своих землячек.
Только со старческим вздохом
Уронит:
«Вот потаскухи!»

Скажи нам, милый Сэм
(Хоть шепотком) —
Куда подевался твой огонек?
Твой огонек быллой?
Отчего ты все время не в духе?
А может, спросить у нее,
Какая в душе у тебя
рана?
Может, спросить у нее, Сэм,
У платиновой Лу
Из Нью-Орлеана?

Д Ж . - В . - Б . Д А Н К В Е

ГОЛОСА МОРЯ

По косматой траве я сошел к очертаньям Нептуна
И вошел в оживленные струи, ища покоя,
Охлаждал свое сердце в объятиях моря,
Ибо тяжесть ненастья, свинцом давившая плечи,
Отступала у легких стежков прибоя.

Я видел
Бело-зеленую голубизну Атланта,
Охранителя неба и знатока глубин,
Который дыханьем колышет легчайшие руна раздумий
И возвышает мысль.

Но в этом ли только твое волшебство, о море?
Твоя необъятная красота
Отступает от скудных прибрежий далеких стран,
Где безутешная Афродита склонилась над прахом Адониса.
Плещется, хлещет, плачет море,
Стонут, режут и бормочут его голоса;
Вздохи и песне подобные жалобы,
Посвисты, стоны, протяжные крики,
Необъяснимые грохоты, громы и гулы
В сладчайших песнях, лишенных мелодии,
Сливаются в рокоты-вздохи и шепоты-громы,
Сплетаются, гложут, уносятся,

И замирают,

И замирают,

И мягкая тишина обнимает море.
Но вот носовые звуки
Полных бегущих октав
Бряцают тяжелыми струнами.
Сверкают под пальцами клавиши:
Многоголосая, многоголосая
Неуверенная мелодия
Начинается вновь —
Гром, шипенье и плеск,
Высокогорные ноты несутся лавиной,
А вдалеке — прохладные, спелые, как плоды,
Мирно дремлют округлые волны.

Шорох, шорох, поспешный шорох:
Небо вступает в борение звуков.
Острые рыбки стучат по дробящейся глади —
Дождь над Атлантом,
Дождь над Атлантом.

Но вслушайся,
Только внимательно вслушайся:
Сквозь хаос внезапный и четкий порыв,
Подобный мысли, порвавшей оковы,
Волны катятся вечно,
Волны катятся вечно.

В острых ритмах, лишенных мелодии,
Разве чайка нам не приносит вести с соленого неба?
Разве гром не выносит жемчужин со дна океана?
Разве на своде небесном бессмысленны туч письма?
Но этого нам не услышать.
Но этого нам не увидеть.
Но этого нам не узнать.

Разве смертный греческий бог,
Превращающий наши земные созвучья
В высокие песни,
Не свидетельство нашей земной высоты,
Не слушатель наших жалоб,
Не наш сосед по жилищу?
А может быть, боги, принявшие образ людской,
Нисходят сюда ослеплять нас, смертных,
И вечно бряцать на немолчных струнах?

Разве бесчисленные чудотворцы,
Чтецы и отгадчики тайн природы,
Мы, сыновья большелобых муз,
Частицы бескрайней души человечества,
Не вбираем в себя ужасную силу играющих звуков,
Когда под нависшим небом
Пляшут атомы моря?

МАЙКЛ ДЕЙ-АНАНГ

КУДА ТЫ, АФРИКА?

Под звездным куполом небес
Сидел я, наблюдая,
Как тихая,
Спокойная луна,
Расправив паруса,
Плыла своей дорогой.

Ей словно было все равно,
Какой удел назначен ей природой...
Она плыла,
Не ведая сомнений,
И молчаливо улыбалась
Чуть свысока.

И тут,
О Африка,
Земля великих фараонов
И пирамид, чье сотворенье
Подчинено неведомым законам,
О Африка, отечество мое,
Тут я подумал о тебе:
Ты, как луна, плывешь,
Вознесши парус.
Но край обетованный —
Где он?
Ответь мне, Африка,
Куда плывешь ты?
Вспять?

Туда, где барабан будил зарю,
Где пальмы, исцелованные солнцем,
Отбрасывали тень на хоромы;
Вспять, к тем наивным временам,
Когда, из страха пред богами,
Девы бережно хранили честь свою
И юноши пороков избегали;
Назад,
Под крыши тростниковых хижин,
Где среди тьмы царили доброта,
И утешительство,
И суеверье?

Или вперед?
А впереди?
Трущобы,
Дома и люди — мусорная свалка,
Где нищета с бездольем свили
Себе гнездо,
Где все — тоска и мрак.
Вперед! А впереди?
Проклятые фабрики,
Чудовищная мельница,
Которая стальными жерновами
Стирает в прах отпущенный нам срок.

Вперед? А впереди?
Вонючий дух
Средневековых зверств,
Там ястребы арийского происхождения

Под жадный клетот своих бомб и пушек
Доказывают миру превосходство
Над низшей расой.
Вперед, к цивилизации?

К грохочущим машинам
И беспардонным барышам —
Залогу неизбежности
Смертельной схватки?

Вперед,
В хитросплетения законов
Адама Смита,
Которые переворачивают рынки,
А сердцам
Дают такую крепкую закуску,
Что люди могут сжечь и утаить
То, чем полмира можно прокормить.
И пусть полмира с голоду сдыхает.

Назад?
К источнику всех нравственных начал,
Любви ко ближнему
И страху перед богом,
Которые живут в непросвещенных душах,
Свободных, радостных,
Открытых для добра?

Луна плывет
Спокойно и безмолвно
По звездами усыпанному небу
Издревле предначертанным путем;
Плыви и ты, отечество мое!
Изведаны дороги. Парус поднят.
Плыви, о Африка...
Но край обетованный —
Где он?

АШАНТИ КОТОКО

Ашанти, древняя Ашанти,
Земля великих Туту,
И Премпе, и Бонсу.

Ашанти, грозная Ашанти,
Заморских царств когда-то достигала
Твоя
Неудержимо-дерзостная слава.

Ашанти,
Мать африканских цеварей,
Ты собрала в единую державу
Народы Золотой Страны;
И под твоей рукой могучей
Они одним законом жили.

Я не хотел бы
Припасть к твоим ногам
С напрасными стенаньями о прошлом,
О былой силе
И бередить твои воспоминанья
О войнах и войнах,
О кровопролитьях,
Бесчисленных и грозных.

Не мне
Убогим словом описать,
Как в дни былые
Армада войск твоих,
Неисчислимых, как пчелиный рой,
Щетинясь дикобразом,
Катилась на врага,
Пуская иглы-стрелы,
Подряд кося «проклятых иноземцев» —
Так ты порой звала своих соседей.

Не искушайся памятью о том,
Как принц дагомбский
Осмелился помериться главами
С правителями гордыми Ашанти.
И без того пустынный край свой
Он разорил,
И каждый год дагомбские рабы
Шли на чужбину.
Дань победителям:
В год тысяча рабов.
Теперь — иные времена.

И молчаливые победы мира
И доблестью и славой превосходят
Неукротимость яростную войн.

Мир похож на женщину,
Когда она за топливом идет,
Чтоб обогреть свой дом.
Она берет валежник и корягу,
Сухую щепку, хворост и плавник —
Все, что горит.
Связала воедино
И вот, взвалив на плечи
Большую и тяжелую вязанку,
Идет домой.
Вот так и мир
Сбирает воедино
Двунадесять языков:
Могучих га,
Бесстрашных акап,
Воинственных эве, искусных фанти,
Выносливых крепи,
Ашанти благородных
И верных акимов и аквапимов;
Мир всех сплотил
В могучую семью.

Воистину молчанье мира
Красноречивей суетного крика
Войны.

О мир,
Праматерь всех искусств
И всех ремесел,
Надежный спутник радости людской!
Приди и нами правь.
Мою страну, усталую от войн,
Навеки осени.
Творенья рук и сердца
Пускай живут во имя мира.

Ашанти Котоко,
По-прежнему могучи
Твои прославленные рати!

Но грозное оружие свое
Ты не поднимешь больше на соседа,
Отныне всею силой ты будешь бить
По зависти, междоусобной злобе,
По узколобым местническим козням,
По подозрительности, недоверью, страху.
О мир! Даруй рукою щедрой
Расцвет стране родной
И единенье,
Воспетое в легендах древних.

ОТВАЖНЫЕ РЫБАКИ

По морю пляшут волны,
Лунные блики на гребнях.
Берег и дом. Хозяйка
К ночи готовит постель:
Во всю ширь стелет циновку,
На немудрящее это ложе,
Загасив тихую лампу,
Укладывает детей.

Пора! Хозяин дома, рыбак,
Встает и выходит в ночь,
Он идет, привычный к своему ремеслу,
К тяжелому, выструганному веслу.

Жизнь рыбака —
Бесконечный бой.
Волны ревут медногорлой трубой,
Каждую ночь,
Морю наперекор,
Рыбак с судьбою вступает в спор.

По морю идут без карты,
Без компаса и секстанта.
Еще со времен прапрадедов
По звездам проложен курс.
Шершавые днища лодок
Династии этой рыбацкой
За многие поколения
Им проторили путь.

Они у волны умеют
По цвету узнать характер
И в штормовую погоду
Зря не выйдут во мрак,
Нюхом почуют рыбу,
Вовремя выберут снасти, —
Словом, знают все, что должен
Знать настоящий моряк.

Пройдя через все опасности,
Которые и не снятся
Тем, кто штормливой ночью
Не рассекал моря,
Сильные и спокойные,
Рыбаки домой возвращаются.
Они приходят с уловом,
А в это время заря
Веки усталого солнца,
Слипшиеся от сна,
Трогает легкими пальцами,
И сонная пелена
Медленно отлетает...

Отважные рыбаки —
Цвет моего народа,
Надежда моей страны.

Вы сила ее силы,
Вы славы ее и могущества
Наследники и сыны.

ПАУТИНКИ МИРА

Мне бы стать пауком
Не надолго, хотя бы на день;
Как паук, я бы пряд свою мирную нить.
Тихий шелест деревьев —
Прибежище мне и укрытье...
Чтобы, нитью мира
Опутав людей и события,
На дорогах войны
Человечество остановить.

Паутишки мои,
Вы советесь в надежные сети,
В них завязнут кишасшие орды.
Им не прорвать ячеи:
Всем нахлебникам войн
Не удастся уйти от ответа,
Их навек оплетут
Паутинные нити мои.

Нити хрупкие,
Мирной исполнены силы,
Вейтесь, вихрем летите,
Спешите по белому свету,
А потом возвращайтесь назад,
Паутишки, посланницы мира,
И прильните тихонько
К коленим поэта.

У П Р Я М А Я   Д У Ш А

Душа моя полна
Веселья легким газом.
Что мне невзгоды? Я смеюсь над ними,
Хочу — взлечу; они мне не помеха.

А если вдруг ударит в душу боль,
Она — упругая, как шар из каучука,—
От плоти плоть моей лесной страны,
Прогнется и опять упрямо взмоет
Высоко — выше горестей моих.

М А Т Ь - Л У Н А

Сколько я ни стараюсь —
Понять не могу.
Сколько раз ни пытаюсь —
Понять не могу,
Для чего это нужно?
Луна, терпеливый фонарщик,
Гасит маленьких звезд фонари,
Стоит солнцу восход просигналить
Золотыми лучами зари.

Но я думаю так:
Когда мы
Поднимаемся ото сна,
Мать-Луна
Начинает уже пеленать
И укладывать спать
Звездных своих малышей —
Там, за пологом ночи,
Хочет их спрятать она
От горячего света
И хлопочет,
Опуская завесу тьмы,
Оберегая их сны.

Вот орапжевым гребнем
Встает на Востоке светило,
И округа залита
Палящим и яростным светом.
Но за черной ночью завесой
Спят спокойно спасенные звезды,
Солнце в ярости стонет,
Роняя бессильные слезы.

А мать-Луна
Подобрала серебряный шлейф
И ушла
Неторопливой походкой
За далекий
Ночной горизонт.

С М Е Р Т Ь

От боли корчиться,
Когда вокруг
Вся жизнь освещена улыбкой;
Быть от тоски
Наперекор счастливым лицам
Друзей;

Стоять в толпе людей,
Быть одному как перст
Среди толпы людей;

Истину поправ,
Бродить по тропам низкой мысли,
Знать, что есть честь,
Но, совесть
Заставив замолчать,
Гопяться за бесчестьем;

Жить как в пустыне,
Словно ты —
Один,
А каждый —
За себя,—
И привкус горечи чужой
Гнать с губ своих.

Покинуть мир земной
Без поминанья;
Ибо
Мы живы только тем,
Что отдано другим:
Любовью, делом, словом,
Иначе — смерть!

ЭЛЛИС ЭЙТИ КОМЕЙ

ЗЛО СОТВОРИВШИЙ

Когда я вижу кровь, стекающую в низины,
Черных деревьев дрожь,
Боль согбленных пальм,
Я знаю: ты должен сгнуться,
Ты, не принесший света,
Зло сотворивший, ты.

Сегодня, когда вспоминаю,
Каким ты вошел в мой дом впервые,—
В левой руке — свеча, в правой — раскрытая книга,—
Я знаю: недолговечен,
Как саранча на поле,
Зло сотворивший, ты.

Когда же первая капля дождя
Падет на иссохшую почву, —
В левой руке — пшеница, в правой руке — мотыга, —
Тебя проклиная, я буду трудиться,
Сколько бы землю мою ни мучил,
Зло сотворивший, ты.

С Е Т Д. К У Д Ж О

В О Л Н Ы

Они идут в ночи,
Им нет числа в просторе ночи,
Они приходят в пенных кружевах
И в изумрудно-голубых одеждах.
Они придут в ночи,
Оставят на песке непрочный вечный след.
Уйдут, и вновь придут, и вновь уйдут
По призрачной дороге в никуда.
Они придут к земле, живые мертвецы,
И лягут у порога новой жизни,
У полосы прибоя.
Всю ночь я слышу их шаги
За материнским сдавленным дыханьем,
За мягким перебором ветра...
Всю ночь, пока не заночует петух
И не взмахнет рассвет
Руками, обгаженными росой...

К О Д Ж О Г И Н А Й Е К Ь Е И

А Ф Р И К А Н Е Ц В Л У И З И А Н Е

Добрался я как-то
До Луизианы.
А фараон за мной по пятам:
— ЭЙ! ЧЕРНОМАЗЫЙ! ПОШЕЛ ПРОЧЬ!
МЕСТО НЕ ДЛЯ ЦВЕТНЫХ!

Конечно, обидно,
Но я был голодный,
И потому ответил только:
— МЫ ЕЩЕ СВИДИМСЯ,
И тогда
СЕРДЦЕ ТВОЕ СМЯГЧИТСЯ.

И, значит, сижу,
А мне подают
Пойло
В такой расшикарной бутылки,
Что я храню ее до сих пор
КАК ПАМЯТЬ.

АКВА ЛАЛУА

СЛУЖАНКА

Лоснящаяся, как сандал, горлянка —
В ней ужин мой мне принесла служанка.
Она и рыбу белую, как пена,
Зажарила с приправами отменно,
И нежный сок уснувших пальм она
Мне нацедила — пряного вина.
Но кто узнает, кто поймет из вас,
Что я нашла в глубинах этих глаз?

АЛЬБЕРТ КЕЙПЕР МЕНСА

КАРТИНА

О, я хотел бы всех
В стихи мои вобрать,
Кто в этот мир пришел,
Чтоб жить и созидать.

Я рассказал бы,
Как бедняк поэт
«Искать и не сдаваться!»

Дал обет,
И как слепой художник
Во мраке ищет свет,
И как любовник жаждет
Любви, которой нет.

Как век свой в горе
Влачит рабочий люд
И как злодеи
Чужим трудом живут.

И как Мидас-Шопен
Движеньем рук
Рождает золото —
Волшебный звук;
Как страсть Франчески
Живет средь адских мук.

Всех показал бы, всех:
И грешных и святых —
Белых и грязно-розовых,
Красных и голубых.

На полотне моем
Смешал бы плоть и кровь
Тысячи людей.
И чистая любовь
Открылась бы для глаз,
Обнажена,
И жизни тайный смысл
Открыла бы она, —

Она б сумела
Миру показать,
Каков был человек
И чем он может стать.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Проспектом Гарфилда я шел порою равней,
Ряды колодцев темных миновал,
Где старые когда-то были бани,
А ныне элеватор гордо встал.

И позади меня остался путь в Дамаск, а
Передо мной Колледж белел впотьмах.
И вдруг я Лазаря увидел — словно маска,
Прекрасное лицо и саван на плечах.

Но пеленам не скрыть сверкающее тело,
Восставшее, как пламя из могил;
Он шел, большой, могучий, но еще несмелый,
Не зная, хватит ли у Смерти сил

Отнять его оживший гордый Лик.
И я увидел: это мой двойник.

А Т У К В Е Й   О К А Й

СИМФОНИЯ СВОБОДЫ

Покуда я дышу!
Покуда я дышу
Всей силой легких,
Не мешайте мне петь
О безмолвии камня
И звоне тыквы,
О тени на луне
И величье зерна,
О пенье урагана
И зелени лугов,
О тайнах семян
И кривлянии червей,
О дрожании тени
И злости осы,
О твердости улитки
И зыбкости травы,—
Не мешайте мне петь,
Покуда я дышу,
Как и все на свете!

Покуда я дышу!
Покуда я дышу
Всей своей головой
И открытым ртом,
Не мешайте мне смотреть

На храбрость метлы
И на высоту холма,
На цветенье побега
И на зов трубы,
На пустынность неба
И на голод ястреба,
На кровь ветерка,
И на шаг мотыги,
На сгибание луков
И на ласку листьев,
На смелость пчелы
И на смех весла,—
Не мешайте мне жить,
Покуда я дышу,
Как и первый встречный!

Покуда я дышу!
Покуда я дышу
Сквозь ногти на ногах,
Сквозь веки на глазах,
Не мешайте слушать мне
Колыханье полей
И шуршание кустов,
Шелестение флага
И скрипление ствола,
Бормотание лягушки
И чавканье вола,
Жужжание мухи
И пенье пальм,
Свежесть рыбы
И гладь пруда,
Поединок птиц
И призыв пути,—
Не мешайте мне жить,
Покуда я дышу,
Как и все мои друзья!

Покуда я дышу!
Покуда я дышу
Всею костью лба
И обоими ушами,
Не мешайте думать мне
О твердости скалы,
О мутности ручья,
О цепкости корней

И росистости рассветов,
О грубости палки
И чуткости уха,
О звоне тростника
И кряканье утки,
О ярости грозы
И прохладе глины,
О поединке волн
И течение облаков,—
Не мешайте мне жить,
Покуда я дышу,
Как и тысячи прохожих!

Покуда я дышу!
Покуда я дышу
Обеими щеками
И обеими поздрами,
Не мешайте мне сказать
Об остроте копыа
И упрямстве мула,
Об устремленьях дыма
И путях луны,
О нежности земли
И беззвучии горы,
О стыдливости небес
И мягкости ковров,
О крепости соли
И жалобах ветра,
О хитрости кошек
И проворстве рыб,—
Не мешайте мне жить,
Покуда я дышу,
Как и все на свете!

ФРЭНСИС ПАРКС

АФРИКАНСКИЙ РАЙ

Дай мне души негров —
Пусть они будут
Черного,
Или

Шоколадного цвета,
Или же цвета
Пыли,
Что темней песка.
Но если можно,
Пусть они будут
Черными,
Черными!

Дай мне барабаны —
Пусть их будет три
Или четыре,
Черных барабана,
Черных и грязных,
Деревянных,
Обтянутых овечьей
Кожей,
И пусть они
Гремят,
Гремят!
Пусть гремят,
Грохочут
Громче
И громче,
А после
Тихо,
Очень тихо
Пусть говорят барабаны!

Пусть калекас,
Обвитый бусами,
Бусами агри,
Яростно бренчит,
Напевно
Звенит,
Пусть он гремит
Барабанам в лад!

Пусть в эти звуки
Вольется лязг
Дерева о жезь:
Кен-ген-тсе-кен-кен,
Кен-тсе-кен-кен-кен!

Дай мне голоса
Обыкновенных
Душ —
Женщин голоса
И басы
Мужчин.
(И плач детей?)
Пусть танцоры
Широкоплечие
Бьют по земле
Босыми ногами
И полуголые
Танцовщицы
Извиваются
В четком
Ритме
Том шики-шки
И кен,
А голоса их душ
Поют,
Поют!

Пусть сняет
Закат
Над пальмами
Вдали.
А здесь пусть будет
Битая дичь
И горою
Ямс!

И если на пиру
Не слишком много
Гостей,
Позволь, о бог,
Зрителям прийти,
Черным
И
Белым.
Зрителей пусти,
Пусть увидят
Они
Битую птицу,
И сладкий ямс,

И зелень пальм,
И танец душ.
Одоманкома,
Разреши им
Прийти,
Чтобы услышать
Наш родной напев,
Палок стук о жесть,
Песни звонких бус
И барабанов гром.

Тверампон,
Прошу тебя,
Зрителей
Пусти!
Чтоб им
Погреться
В ласковых лучах
Вечернего
Солнца
На нашем милом
Африканском небе!

ЭФУА ТЕОДОРА САЗЕРЛЕНД

СПАСЕННАЯ

Меднокожая плоть в зеленом,
Уступи, уступить ты должна!
Все равно твой взгляд неподвижный
Прильнет к чешуе запыленной,
Прежде чем солнце с неба
Оборвется спелым лимоном.

Я змей,
Я сосу по капле
Нерожденную жизнь.
Все равно ты уступишь, как все!
Все равно проклятие яда
Тебя иссушит до дна,
Уступи, уступить ты должна!

Как люблю я литую колонну
Твоей обнаженной шеи
И мерные ритмы кувшина
Высоко над твоей головой,
Но я разобью твой кувшин!

Как люблю я блеск твоей кожи,
Но я погашу его
Своей ядовитой слюной!
Как люблю я страстную песню
Твоей упругой походки,
Но ей придется умолкнуть:
Я выжгу тебя дотла
Огнем, зажженным тобой!

Я змей,
Я сосу по капле
Нерожденную жизнь.
И тебе пощады не будет:
Ты душиста, как юная Ева,
Как она, ты уступишь мне!

Я пришел и лег на твоей дороге,
Я пришел, содрогаясь в пожарах джунглей,
Я пришел, разъяренный собственным ядом,
Я пришел уничтожить тебя!
Я сломаю литую колонну шеи,
Погашу мерцающие нежной плоти
И осколками глиняного кувшина
Осыплю то, что было тобой,—
Клубок изумрудной одежды,
Поверженную тебя!

Ты, шаги замедляя, подходишь ближе,
Ты очами пронзаешь мой мир ползучий,
Ты кольца мои к земле пригвождаешь.
И яд застывает смолой.
Ты должна уступить мне, но я уступаю,
Ты должна отступить, но я отступаю
Перед твоей спасенной душой!

Это значит, что время мое ушло,
Это значит, что яд мой теряет силу,
Это значит, что нежная плоть в зеленом
Никогда не уступит мне!

Улыбаются темные губы,
Странно светятся темные очи,
Пыль взмывается стружкой дыма...
Чуть склоняясь под грузом кувшина,
Ты проходишь мимо...

ТАК СЛУЧИЛОСЬ

Так случилось.

Я стала страшиться
Этой горькой причины,
Земли, а не неба.
И опалила его ресницы
Дерзновенная вспышка гнева.
— Разве мы не равны? —
Закричал он. — Скажи,
Разве мы не равны, родная? —
Я сказала: — Не знаю,
Ты спроси у них, у других.

Не хочу, не хочу боли этой,
Я хочу быть рядом с тобою —
Пусть звенит наша песня,
Пусть поет наша радость!

Мы разбили свой сад,
Засадили его цветами,
О державы и расы!
Мы растили в нем пальмы и розы
Без ваших благословений
И без ваших согласий.

Но где на проклятой земле
Найдется для нас уголок?
Пигде — ни в горах, ни в пустыне...
Почему? Отвечай — почему?
Все по той же горькой причине!

Не хочу, не хочу боли этой,
Я хочу быть рядом с тобою —
Пусть звенит наша песня,
Пусть поет наша радость!

Призрак горькой причины
Стоит перед нами,
Он стремится наш сад
Истопать сапогами:
Как мы смели посметь?

И во взглядах прохожих,
И в печатях бумаг —
Всюду он, этот враг:
Как мы смели посметь,
Двое — с белой и черной кожей?

Будет день — ты меня упрекнешь:
— Как мы смели посметь? —
Как забуду я смех твой жестокий,
Как я выдерну слов твоих нож
Из души, обреченной на смерть?
Как мы смели посметь?
Мы не смели,
        не смели,
        не смели!

Так страшна, так всеильна причина,
Все равно мы не справимся с ней,
Потому что она сильнее
Не на словах, а на деле.
Нет, мы не смели!

— Ну конечно, нам лучше расстаться, —
Нам с тобою не по пути,
Не хочу, чтобы ты за меня отвечал,
Ты свободен и можешь уйти!

Будет день — мы придем в этот сад,
Будто прежние —
        ты и я,
Но цветы отцветут,
Опадут лепестки,
И останется нам с тобой
Только песня моя
И боль.
Все стоит на нашем пути,
Все: традиции, расы, привычки.
Они провели меж нами черту:
Я по эту сторону,

Ты — по ту,
Они разлучают нас,
Но все же не разлучат!

Мы с тобою — два цвета,
Но песня одна
Навсегда, навсегда!

Вы, тупые лбы,
Вы, слепые глаза,
Вы, орущие рты,
Понимаете:

мы — два цвета,
Два цвета,
А песня одна навсегда,
Вы понимаете это?!

Вы, пустые сердца,
Равнодушные взгляды,
Заскорузлые души,
Вы слышите, я говорю:
— Мы два цвета,
А песня одна,
Прозрачная, как вода,
Мы приносим ее к алтарю
Навсегда, навсегда.
Злые ухмылки угаснут
На ваших сухих губах,
Ваши слова напрасны —
Нет, мы не будем несчастны,
Мы свободны от вас!

Ради нашей улыбки
И нашей песни
В саду расцветают розы,
Благоухают фиалки,
Крокусы тянутся к свету,
И поэтому горькой причине
Не удастся сгубить наш сад!

Слышите, вы, державы и расы,
Мы встретились,
Мы — два цвета,
И узнали, что раньше впустую
Вращалась для нас планета.

ЛЕГЕНДА

I

Когда народ ашанти искал деревья кола,
Трех сыновей Аванси послали в дальний путь,
И братья дали клятву терпеть жару и холод,
Но без орехов кола назад не повернуть.
Все трое — и Веддли, и Спиндли, и Тад.
Их было три уродца, три неразлучных брата,
У первого на шее торчал пустой котел,
Второй и грудь и плечи в гигантском брюхе прятал,
А третий всех прохожих коленями колол.

Обшарили три брата все заросли и скалы,
И возле самой Къеки спустился к ним закат,
Но лишь они уснули под деревом какао,
Их разбудил внезапно сердитый треск цикад,

Они вскочили в страхе, уродцы и неряхи,
И головы задрали, пугаясь и дрожа:
Качалась на лианах женщина чужая,
Звенящая и злая, как лезвие ножа.

Лицо ее качнулось в улыбке леденящей,
По трем дрожащим лицам скользнул ленивый взгляд,
И, словно по приказу, сверчки запели в чаще:
— Спешите домой, ашанти, скорей вернитесь назад!

Прижавшись к ветке тика, она смеялась тихо,
Смеялась и качалась, как лист на ветерке,
И лес затрясся в смехе, и падали орехи,
И хохотало эхо в испуганной реке.

Три брата сбились в кучу, не зная, как им лучше —
Удрать или послушать, что скажет им она.
Но вдруг ее не стало, лишь лес молчал устало,
Да песней погребальной звенела тишина.

Один сказал другому: — Пора поближе к дому.
Ашанти, о ашанти, скорей вернитесь назад! —
И, справившись с испугом, смеялись друг над другом
И старший брат, и средний брат, и самый младший брат,
Все трое — и Веддли, и Спиндли, и Тад!

II

Они землей ашапти прошли, забыв про голод,
И вот свою деревню увидели к утру,
А рядом на пригорке росли деревья кола,
И листья их резные качались на ветру.

Вбежали в рощу братья, глазам своим не веря,
Погладили все ветви, коснулись всех стволов,
И наконец веселью они раскрыли двери,
И громко обсуждали невиданный улов.

Так, значит, не смеялась та женщина над ними!
Ашанти, о ашанти, скорей вернись назад!
Она их одарила щедротами своими,
И сказочному чуду был несказанно рад
Каждый — и Веддли, и Спиндли, и Тад!

Наверно бы, с удачей домой явились братцы,
Но очень им хотелось попробовать плодов,
А кто из них решится на дерево взобраться,
Из этих трех голодных, усталых дурачков?
Никто — ни Веддли, ни Спиндли, ни Тад!

Был прав, конечно, Веддли: верхушка стройной колы
Дрожала и качалась над синей высотой,
Нет, он не удержал бы башки своей тяжелой,
И рухнул бы на землю котел его пустой.
Рассорились — Веддли, и Спиндли, и Тад!
И Спиндли прав был тоже: с таким огромным брюхом
Ну как ему взобраться по гладкому стволу?
А Тад тихонько хныкал и жаловался глухо,
Показывая братьям костей своих пилу.
Рассорились — Веддли, и Спиндли, и Тад!

III

Тогда они решили: Тад поплюет на пальцы
И поползет, костями цепляясь за кору.
И вот он со слезами на дерево взобрался,
А листья без умолку шептались на ветру.
Так решили Веддли, и Спиндли, и Тад!

И вот он потихоньку добрался до верхушки
И начал рвать тугие, тяжелые плоды,
А братья их сносили и складывали в кучки,
И складывали в кучки на берег у воды.
Развеселились — Веддли, и Спиндли, и Тад!

— Тук-тук! — стучат орехи.— Берите сколько надо!
Тук-тук! И запивайте водою из реки! —
Но дерево качнулось, и ветром сдуло Тада,
И бедный Тад разбился на мелкие куски,
О Веддли и Спиндли, где же ваш Тад?

От горя взвыли братья, запричитали шумно,
Потом захохотали, вставая на носки,
А Веддли так смеялся и так рыдал безумно,
Что с треском разорвался на мелкие куски.
О Спиндли! Где же Веддли, где же Тад?

— О Веддли! — крикнул Спиндли.—
О Тад мой, где ты, где ты?
О, где моя деревня, отец и все друзья? —
На пятках он качнулся и полетел, как ветер,
Забыв, что с грузом брюха бежать ему нельзя.

Он рухнул на дорогу, — ах, какая жалость!
И брюхо расколосось на мелкие куски,
А маленькая сказка вместе с ним скончалась,
И роза на осколки роняла лепестки...
Нет их больше — ни Веддли, ни Спиндли, ни Тада!

Послушать эту сказку вас я попросила,
Чтоб вы могли запомнить раз и навсегда:
Старайтесь делать то, что сделать в ваших силах,
От жадности излишней вам грозит беда,
Как Веддли, и Спиндли, и Таду!

ИЗРАЭЛ КАФУХО

ХОЛМ АДАКЛУКО

Ты не причастен ли к культу Йеве?
Не ты ли его святая святых?
Или, может быть, ты обращен недавно?
Ответь, почему ты в белых одеждах,

А темя твое выбрито гладко?
Послушай, мне жаль тебя, Адаклуко.
Когда бы словом или подарком
Ты пригласил нас к себе, мы бы стали
Веселиться с тобою на празднествах.
Но ты презираешь суетность нашу,
Ты сам избрал свое одиночество,
И вот ты живешь вдали от людей,
Холм Адаклуко!

Н Е Б О

Ночное небо — как огромный город,
Живут в нем и животные и люди —
Но никогда небесный человек
Не убивал ни птицы, ни козы,
И ни один медведь не задирает добычи.
На небе нет несчастий, нет смертей.
И каждый там идет назначенным путем.

М А Л Ы Ш

Малыш — совсем как европеец:
Он отвергает нашу пищу
И пьет он лишь из своего стакана.

Малыш — совсем как европеец:
Он не умеет говорить по-нашему
И сердится, когда его не понимают.

Малыш — совсем как европеец:
Он о других и думать не желает,
Родителей он держит в подчиненье.

Малыш — совсем как европеец:
Он так изнежен —
Пустычная царапина на нем
становится язвой.

МОЛИТВА

Я проходил мимо дома горшечника —
Он молил, чтобы солнце светило всегда.

Когда я достиг шалаша земледельца,
Я услышал, что он призывает дождь.

Рыбаки молили бога о ветре,
А москиты просили затишья.

И наши друзья, и паши враги
Просят бога послать им удачу, —

Чью же молитву слышит бог?

ЛАГУНА КЕТА

Грузные парусники рыболовов,
Спешите домой, а не то будет поздно!
Солнце садится, и тянутся сумерки,
Ветер свеж, и спина моя стынет.
Большие и малые чайки лагуны,
Вы летаете за парусами
И ныряете в воду за рыбой,
Скажите, как нам скорей вернуться?

Уже темнеет, и зыблется море.
Рыба, которая из лагуны
В лодки попала, уже уснула.
Ветры, прошу вас, гоните нас к дому.
Женщины, кличьте мужей домой.
Трудитесь, трудитесь, шесты и весла,
Трудитесь, трудитесь, ноги и руки.
Пора домой, ведь уже темнеет.
Будь спокойной и тихой, лагуна,
Спаси нас, храни наши лодки, Гбеле,
О мать, веди нас к родному берегу.
Пусть твои воды из темной глуби
Вынесут нам самую вкусную рыбу,
Чтоб рыбаки не знали печали,
Не знали голода и болезней.
И тогда, белозубая Афубака,
Ты улыбнешься нашему счастью.

ДРОЗДЫ

На ветках старые дрозды
Скакали: скок-скок-скок,
На ветках желтые птенцы
Кричали: чуи-чуи-чуи.
Они хотели есть,
Они хотели спать
И спрятаться хотели
Под крылышком дроздихи.
Все это сделал Кофи,
Все это сделал Кваджо —
Они забавы ради
Все гнезда разорили.
Тут Ама прибежала
И песенку запела,
Она запела песню
Про глупых, злых мальчишек.
И Кофи рассердился,
И Кваджо рассердился,
А после стало им
Невесело и стыдно.
На дерево они
Залезли и птенцов
Вернули их матерям.
И птицы замолчали, и дети замолчали.
И радостно им было, и весело им было.

Г Е М И

Геми, древний оплот наших воинов,
Крепость народа байя,
Очаг людей амедзофе,
Да сияют на ярком солнце
Твои седые тяжелые камни,
Которыми твои дети во время оно
Отгоняли врагов от твоих ворот!
Да светят они в ночи, как маяк,
Чтобы дети окраинных деревень
Могли издали видеть Геми и повторять:
«Геми, Геми, спасибо тебе большое».

СОЛНЦЕ

Где твои дети, солнце?
Где твои дети?
Ты съело всех своих детей
И теперь гоняешься за луной
И хочешь отнять у нее детей!
Но тебе не удастся, доброе солнышко,
Иди и пщи своих детей,
Каждый должен заботиться о своих детях!

НЕНЕ КХАЛИ

ПОБЕДОНОСНОЕ ШЕСТВИЕ

Независимой Гвинее

Революция наша в пути!

Все иллюзии,
все миражи разлетелись!
Пробил час медно-красный —
земля укрывает в дыму
сообщничество потайное,
возникшее в вихре торнадо.

...Клокочет нетерпеливая кровь
в телах атлетов, под кожей сухой,
дубленной порывами яростного харматтапа.

Они слиты в одно,
их тысячи тысяч,
бессчетны, как память моя,
как песчинки на отмелях белых
по берегам безымянных ручьев.
Во главе —
подростки с пылающей паклей
и девочки с чашами масла
на пороге совершеннолетия...

Во главе — нищета;
плоть, клейменная жгучим железом бича;
полномочные вестники боя и мира.

Вот воительниц гордых когорты,
вот рабыни любви посильней,
чем слепое влечение полов.

Оборванцев голодные орды,
перекатная голь, развращенная совесть низов,
окужавшая города,
обреченная голодать.

Вот буруны крестьян, кипящий прилив их
выплескивает из амбаров опустошенных
омерзительный след непосильных поборов.

Дальше пешее племя хитрых купцов
с караванами кола, бананов, арахиса,
пальмовых масел и соли.

Дальше братья мастеровых,
зачарованная челнока непрерывным спованьем;
рыбаки, околдованные беспредельной надеждой
на сети,
которые краб продырявил...

Вот с утробным упорством надвинулись массы
рабочих,
это решимость клепальщиков черных,
черных докеров — темная лава заводов.

Девочки с чашами масла молили:
— Единство! —

Я кричал что есть силы: — Свобода! —
И вот этот пояс широкий
окужает огромное Африки сердце
с воительницами,
с оборванцами и попрошайками,
с земледельцами и купцами,
с рыбаками и мастеровыми,
с отчаянной дерзкой отвагой рабочего кулака,
подъятого над волной океана.

Океан простирается, каждый идущий
полной грудью вдыхает
дуновение брызг...
Их здесь не достигнет мертвящий
порыв харматтана...
Приближение ночи почуя, смыкается пальмовый лист.
Стих мой — там, он под звездами пляшет
священную пляску героев
вкруг запретных пещер,
а затем его крылья уносят к равнинам,
к человеческой жизни началу...
Рушатся наземь тела необузданной, дикой волною,
торсы пляшущих гнутся в отчаянье, плечи
содрогаются в ярости...

— Дай мне руку, мой брат.
— Подари мне свой голос, сестра.

Призываю к труду созидания нацию вольных
и гордых,
чтобы приступом взять твердыню прошедших веков.

ТАМТАМЫ

Тамтамы... Тамтамы...
Ксилофоны,
И гонги,
И кастаньеты, и кастаньеты,
И топот толпы, и топот толпы,
И щелканью пальцев
Вторят ладони, стуча по груди.
И тамтамы.

Широко раскрыты глаза,
Мои раскрыты глаза,
Они в исступленье, они в исступленье
Глядят на тебя.

Уши мои
Заполнены шумом тамтамов,
Тяжелых тамтамов,
Гулких тамтамов,
Звонких тамтамов,

И ксилофонов, и кастаньет,
И шумом шагов, шорохом ног,
Щелканьем пальцев,
Стуком ладоней по голой груди.
Тамтамы спешат,
Задыхаясь,
И рвутся тамтамы,
Тамтамы!..

Лопнули
Барабаны.

ВОЗДУХ АФРИКИ

Солнца —
Как много солнца в небе Африки!
И даже
Земля нести его в себе устала.

И я стремлюсь твой знойный груз отбросить,
И я бреду над свежей бороздою,
А ноздри все вдыхают и вдыхают
Твой жар и с ним — кипенье новой жизни.

Дождя —
Дождя так много над землею Африки!
И даже
Земля устала носить его во чреве.

Я пью, я пью и пью твои потоки,
Я запрокинул голову навстречу небу
И рот раскрыл, и пью, и сердце пьет мое,
И вот уж утолил я жажду, а ты все льешь.

Ветров —
Их слишком много в Африке! И даже
Земля смотреть устала, как они
струятся по ее груди...

Я раскрываю сотни легких крыльев,
Чтоб облететь весь мир. Сирокко и пассаты,
Остановитесь, ради бога!
Отныне
Я открываю эру новых битв.

МАМАДУ ТРАОРЭ РЭЙ ОТРА

Я — ЧЕЛОВЕК!

Да, я невежда,
я зверь,
я всего лишь вопючий негр,
я пожираю червей,
и лесные плоды,
и корни, выкопанные из земли,
и пучком травы прикрываю срам,
и тело мое — на шраме шрам,
я многоженец, как павиан,
я покупаю жен
и продаю дочерей,
и клозетом мне служит зеленый куст,
и череп мой обрит наголо,
и в тыкве сухой хранится моя еда,
и я хватаю руками куски и рыгаю во время еды,
и в хижине — жалкой лачуге — живу,
и огонь развожу на камнях,
и пищу варю в глиняном грубом горшке,
я — варвар,
и искусство мое — примитив,
и ты говоришь про меня: темный, жалкий дикарь.
Но вчера,
вчера, великодушно меня простив,
ты вчера позабыл, что я пожираю всякую дрянь,
что с культурой совсем не знаком,
что я одеваюсь не так, как ты,
и сморкаюсь не так,
и ем, и мочусь не так —
это, мол, не его вина...
Ты даже сумел позабыть, что кожа моя черна!
Вчера...
Вчера, потому что «родине» грозила беда,
и ты собирал солдат
и кричал:
— За свободу умрем! —
Вчера, потому что в бою
сметалась кровь твоя и моя —
черного красная кровь и белого красная кровь,
вчера, потому что я был бойцом,
отваги и верности

образцом,
вспомни, мы побратались с тобой,
и ты не скупился на лесть:
негр — самый лучший друг,
негр — непревзойденный герой!..
А сегодня...
Сегодня, когда я сам свободу выпустил из тюрьмы,
ты сразу вспомнил, что я — антипод,
и снова я — выкормыш обезьян,
пожиратель кузнечиков и сараңчи,
снова я — черная мразь,
дикарь, которому клетка нужна,
а не свобода,
завоеванная вместе с тобой.
Но, может быть, все-таки
я — человек?!
«Голый, грязный,
смакующий дождевых червей,
да чего там — просто дерьмо!..»
Давай обвиняй! Деталей каких-нибудь не забудь!
Но... мой брат, разве в деталях суть?!
Человек — это сердце,
и я свое сердце друзьям отдаю!
Человек — это помыслов чистота!
И поверь, душа у меня чиста!
Человек — это разума взлет,
и я не глупей других!
Человек — это доблесть и честь,
и я, быть может, честней других!
И поэтому я
требую — не прошу! —
свободу раздели пополам:
половину — тебе, половины мне хватит вполне,
а тебе — твоей, ибо я, как и ты, — человек.

ПРОДАВШЕМУСЯ

Ты ими осквернен,
Ты низко пал
И продал целомудрие свое,
Чтоб стать в их лапах грязных
Ничтожеством,
Поддержанною вещью.

Ты променял достоинство и честь
На подлые их деньги,
Ты забыл,
Что только честь с достоинством давали
Тебе когда-то званье человека
И связывали дружбой нас с тобой.
Но ты за несколько мешков с мукою
Им сердце отдал,
И теперь они —
Твои хозяева, с которыми вступил
Ты в сговор
Против счастья моего.
Тебя предупреждали мы,
Но ты
Союз позорный разорвать не согласился.
Ты ими осквернен,
И с ними заодно
Ты покусился на мое благополучье,
На право жить
И на мою свободу.
И вот теперь,
Поскольку продал ты
За горсть монет
Достоинство и званье человека,
Я с высоты патриотизма своего,
И чести незапятнанной,
И гнева
Плевок свой посылаю ледяной
В твое лицо предателя,
В лицо
Клятвопреступника,
В чудовищную маску
Того, кто продался...
На! Получай его!
И хорошо запомни,
Что и предатели, и господа их будут
Безжалостно раздавлены: они
Под колесом Истории погибнут.
Запомни:
Вертится неумолимо колесо!
Да! Вертится!
А угнетенные народы
Объединяют все свои усилия,
Чтобы еще быстрее оно вертелось.

КЕЙТА ФОДЕБА

РАССВЕТ НАД АФРИКОЙ

(Звуки гитары)

Рассвет. Маленький поселок допоздна плясал под звуки там-тама. Теперь он начинает просыпаться. Пастухи в лохмотьях, играя на флейтах, провожают стада в долину. Девушки с кувшинами гуськом тянутся по извилистым тропам к источнику. Во дворе марабута дети нараспев читают стихи Корана.

(Звуки гитары)

Рассвет. Борьба ночи и дня. И обессиленная ночь уже не может больше сопротивляться и медленно отступает. С горизонта протягиваются первые, еще робкие и бледные, лучи солнца — предвестники победоносного дня. Последние звезды тихо уходят за облака, подобные пламенным цветам.

(Звуки гитары)

Рассвет. А там, на широкой равнине, окаймленной пурпуром, виден склонившийся человек. Это крестьянин Наман. Он взрыхляет землю, и с каждым ударом его мотыги испуганные птицы разлетаются, опускаясь на мирные берега Джолибы — великой реки Нигера. Наман идет, раздвигая встречные травы, и его штаны из грубого холста смочены росой. С него катится пот, но, согнувшись, он неумоимо и ловко бьет мотыгой — нужно успеть посеять зерно до прихода дождей.

(Звуки коры)

Рассвет. Наступает рассвет. В листве, возвещая приход дня, порхают птицы. Но вот по влажной тропе равнины спешит к Наману мальчик. «Брат Наман, — говорит он, — старейшины поселка ждут тебя под деревом совета».

(Звуки коры)

Подивившись тому, что его вызывают так рано, Наман положил на землю мотыгу и направился прямо в поселок, сверкавший в лучах восходящего солнца. Старейшины, еще более важные, чем обычно, уже сидели под деревом совета. Рядом с ними равнодушно курил трубку человек в военной форме, по виду стражник.

(Звуки коры)

Наман сел на расстеленной бараньей шкуре. Тогда гриот вождя поднялся, чтоб возвестить собранию волю старейшин: «Белые направили к нам стражника и требуют одного человека из нашего поселка. Они хотят послать его на войну в свои страны.

Знатные люди селенья решили избрать лучшего из нашего рода — пусть он в битвах белых людей покажет отвагу, что всегда жила в народе мандинго».

(Звуки коры)

И все называли Намана, Намана, чьи сильные мускулы и мужественный облик каждый вечер славил девушки в своих песнях. Нежная Кадия, молодая жена Намана, потрясенная новостью, бросила молот зерно и молча заперлась в своей хижине. Смерть уже похитила у нее первого мужа, и она не могла поверить, что белые отпимут у нее и Намана. Ведь на него возлагала она теперь все свои надежды.

(Звуки гитары)

На следующий день вопреки ее слезам и степаньям суровые звуки боевого тамтама проводили Намана в маленький порт, и лодка направилась в центр округа. В ту ночь девушки уже не плясали на площади, как обычно. Они пришли в хижину Намана и всю ночь бодрствовали у очага, рассказывая сказки.

(Звуки гитары)

Шли месяцы, но вести о Намане не достигали поселка. Юная Кадия была в такой тревоге, что позвала на помощь колдуна из соседней деревни. И даже сами старейшины, беспокоясь за участь Намана, собирались на тайный совет.

(Звуки коры)

Наконец в деревню на имя Кадии пришло письмо от Намана. В тот же вечер после многих и тяжелых часов пути Кадия добралась до центра округа, и переводчик прочел ей вслух письмо.

Наман был в Северной Африке, он был здоров и спрашивал о деревенских новостях: об урожае, о празднике воды, плясках, совете старейшин...

(Звуки балафона)

В этот вечер старые женщины поселка оказали честь юной Кадии и собрались на свою обычную беседу во дворе ее хижины. Старейшина селенья, радуясь новости, велел устроить богатое угощение для нищих из окрестных деревень.

(Звуки балафона)

Еще несколько месяцев прошло, и снова все были охвачены тревогой, ибо от Намана опять не было вестей. Кадия уже собиралась снова идти к колдуну, но тут она получила второе письмо. Где только не был Наман: и на Корсике, и в Италии; теперь же он воевал в далекой Германии, и его за храбрость наградили медалью.

(Звуки балафона)

А потом в деревню пришла простая открытка; из нее узнали, что Наман был ранен, что он в плену. И деревня была подавлена

тяжкой новостью. Снова собрались старейшины на совет и решили, что отныне Наману будет разрешено плясать дугу, священный танец коршуна, который вправе исполнить лишь тот, кто совершил великий подвиг, дугу — пляску королей малинке, где каждый шаг обозначает событие в истории древнего государства Мали. Для бедной Кадии было утешением то, что муж ее признан народным героем.

(Звуки гитары)

Время шло... Один за другим протекли два года... А Наман все еще оставался в далекой Германии. И больше не было писем.

(Звуки гитары)

И вот однажды к старейшине поселка пришла из Дакара весть о том, что скоро вернется Наман. Тут же начали бить тамтамы. Все плясали и пели до зари, а девушки слагали к приезду Намапа новые песни — ведь в прежних песнях, сложенных в честь него, еще ничего не говорилось о дуге, прославленной пляске мадинго.

(Тамтамы)

Но прошел еще месяц, и от ближайшего друга Намана капра-ла Муссы пришло для Кадии письмо, потрясшее всех:

«Это было на рассвете. Мы стояли в Тиаруа. Между нами и нашими белыми начальниками из Дакара разгорелась великая ссора. Наман был сражен пулей. Он погребен в сенегальской земле».

(Звуки гитары)

Да, наступал рассвет. Первые лучи солнца, едва касаясь морской глади, золотили барашки волн. Под дуновением бриза пальмы мягко клонили стволы к океану, охваченные ужасом этой утренней битвы. Тучи кричащих ворон возвестили окрестным селам о трагедии, залившей кровью рассвет в Тиаруа... А в сине-в, озаренной пожаром зари, над могилой Намана тяжело парил гигантский коршун. Казалось, он говорил: «Наман, ты не успел сплясать тот священный танец, который носит мое имя, но его еще спляшут другие».

(Звуки коры)

РИШАР ДОГБЕ

...МЕЖДУ ДВУМЯ ВЗГЛЯДАМИ

Между двумя взглядами
Целый мир.
Между двумя взглядами
Хрупкий мир листьев, только что почки прорвавших.
Между двумя взглядами
Что-то такое, чего упустить нельзя
И очень легко упустить:
Старец глядит на юношу, полного сил;
Женщина — на мужчину;
Мужчина — на женщину;
Женщина смотрит на женщину
Со скрытою завистью.
Между двумя взглядами
Вяжутся все узлы ненависти и любви.
Мать смотрит на сына,
Который ей улыбается безмятежно;
Смотрит отец на дочь,
Готовый за нее умереть.
Мир таинственный
    может внезапно меняться —
Глаза невесты, не понимающей
Нетерпенья любимого человека,
Ожидающего в молчанье согласия,—
Между двумя взглядами
Перекрещенными
Мерцают миллионы миров мироздания,

Которые надо открыть
И продлить
Жизнь молнии,
Пробежавшей
Между двумя взглядами.

ЮСТАШ ПРЮДЕНСИО

МОЕ ТЕЛО

Я ненавижу свое тело
каждый раз,
когда оно трепещет и дрожит.

Проклятый кожаный мешок,
источник всяких бед,
я не могу тебя понять!

И все-таки оно как дом родной
для силы, смелости и правды.

Не спорьте — это так и есть!

Порой раскиснет, как кисель,
и растечется по земле.
Порой сорвется с цепи, словно пес,
и все вокруг крушит и рвет.

С ним не соскучишься:
что ни секунда — то сюрприз!

Бывают дни, когда
я покидаю эту шкуру

и ухожу к вершинам разума,
отваги и добра.

Но... затоскую и вернусь назад...

Какая страшная морока
возиться с неудобным, непокорным телом!

ОЗЕРНАЯ ВЕНЕРА

Розовой тканью прикрыты бедра,
тело — черное, как антрацит,
татуировки узор
и твердые
груды.

Улыбка ребенка,
кольца волос, как пружина, упруги,
на голове — корзина с плодами,
сочные губы, которым нужны
поцелуи и сласти.

Черная дочь голубых озер,
легкая, как африканский ветер,
на влажном песке оставляет
следы.

Забывают ловлю терпеливые рыбаки
и любят узкобедрой
богиней воды.

А богиня проходит мимо
и детские ноги свои
погружает в прохладные волны.

САЛАХ ДЖАХИН

КОЛОСЬЯ

Я стою
посредине
созревшего поля.
На феллаха похож
колосок его
каждый.
У пшеницы
печальная,
рабская доля —
и вздыхает,
и гнется,
и чахнет
от жажды.

Исмаил!
На тебя
это поле похоже.
Слишком мало
осталось
невывитых зерен.
Твой хозяин
потребовал плату.
И что же?
Все надежды твои
он срезает
под корень.

Он богат.
Он
рабами покорными
правит.
Он взирает на мир
ненасытно
и жадно.
Он велит —
и тебя
опозорят.
Ограбят.
Он прикажет —
тебя избыют беспощадно...

МУХАММЕД ХАФИЗ ИБРАХИМ

БЕСПЛОДНЫЕ СТРАДАНИЯ

Я шел, но пылали в кровавых сандалиях ноги,—
В раскаянье горьком вернуться пришлось с полдороги.
Будь проклято время, когда торжествуют злодеи.
Что мы создавали, они разрушают, зверея...
Кто ищет услад, когда воздух отравлен и выпит,
Тот враг мусульманства, такому не дорог Египет.
Прощаясь с друзьями, признаться я должен, однако,
Что друга не встретил надежней загробного мрака.
И смерть полюбил я, загубленной жизни сестру,—
Быть может, в подруги я только ее изберу...
Ты видишь, о смерть, мой светильник пока не разбит,
Задуй же в нем пламя, которое праздно горит.
Я понял, что в жизни бессильны и доблесть и честь,
Поэтому смерть я решил все предпочесть.
Мне больно теперь, но отчаянье я превозмог,
Я чувствую, знаю, что вечный покой недалек.
Вы, очи мои, словно два пересохших колодца,—
Слезами и кровью вам плакать уже не придется.
Вас, руки мои, простирать мне еще не случилось
К богатым и сильным в надежде на щедрость и жалость.
Вы, ноги, меня не вели по путям унижений,
Лишь дел благородных вам были знакомы ступени.
Душа, я учил, что в терпенье великая сила,
А ты в бескорыстье облечься меня убедила.

Ты чашу отвергла с убийственной горькой отравой,
И я удаляюсь от жизни дурной и лукавой.
Теперь распростимся, пусть это тебя не страшит,
Ведь смерть избавляет от бед и жестоких обид...

П О Э З И Я

Возникла ты из мыслей и мечтаний —
Ты светлых чувств и мудрости создание.
Ты родилась в восточной стороне,
Где жил народ в ленивом полусне.
Но что тогда уста твои воспели?
Вождей победы, прелести газелей.
Смеялась ты над тем, кто впал в немилость.
Оплакивать усопших приходилось.
Свой по грошам растратившая гений,
Ты пышностью гордилась в унижеье.
Забыта всеми, людям далека, —
Такой была ты в прошлые века.
Звучала скорбь порой в твоём напеве,
Ты вспоминала старые кочевья,
Своих друзей оплакивала прах,
Грустила о минувших временах.
Зачем же вновь ты вспоминаешь ныне
Верблюдов бег, бесплодные пустыни?
Поэзия, мгновеньем дорожи, —
Разбей оковы каменные лжи,
Прорвись на волю, рабство поборов,
Раскройся вся для бурь и для ветров.

О Д Е Ж Д А

Отныне, знайте, у меня
одежда праздничная есть,
И по одежде этой мне
езде оказывают честь,
Как будто благодатный дух
ее узоры пропитал,
А нити тонкие ее
прочны и гибки, как металл.

И тяжело думать мне порой,
 что люди судят обо мне
 Лишь по изяществу сапог
 да пышных тканей новизне.
 Пусть людям знатность дорога,
 еще дороже правда им,
 Я не желаю быть лжецом
 под этим блеском показным.
 И если я свой грешный дух
 до тех высот не подниму,
 Одежда пышная моя,
 клянусь аллахом, ни к чему!

МУГАХИД АБД АЛЬ - МУНЕЙН МУГАХИД

СОКРОВИЩЕ

Я пою
 над тобою,
 над счастьем своим.
 С удивлением
 ты
 на меня не гляди.
 Я пою
 еле слышно,
 чтоб маленький сын
 задремал и уснул
 у тебя
 на груди.
 Я читаю
 твой взгляд:
 «Для чего
 он поет,
 будто сердцем свободен
 от всяких забот,
 будто он
 не изведал
 всю боль неудач,

будто он —
Сулейман,
легендарный богач?
Он беспечен,
как щедрый халиф
ар-Рашид...
А в карманах
по-прежнему
нет ни гроша.
Для чего он поет
и соседей смешит?
Мой нескладный,
мой добрый,
простая душа...»
Да, любимая,
я не халиф,
не богач.
Нашу бедность
мы вряд ли
от всех утаим.
Только
ты не горюй,
не тревожься,
не плачь:
я владею сокровищем —
сердцем твоим.
Достоянье мое,
мой единственный клад —
две слезы
у тебя
на ресницах горят.
И пускай на столе
только хлеб и вода,
все равно
я смеюсь,
все равно
я пою!
Спит наш сын
в колыбели,
как в небе звезда...
Славлю
сердце твое
и улыбку твою!

ИБРАХИМ МУХАММЕД НАГИ

ТРУДЯЩИЕСЯ

Мы наполнили золотом вашу казну.
Мы — босые,
голодные,
голые —
гибнем!
Мы пустыню водой напоили,
мы ей подарили весну,
и она расцвела,
словно сад
под живительным ливнем.
Мы деревья сажаем,
и сладок их плод —
не для нас!
Мы дворцы воздвигаем,
в них веселье цветет —
не для нас!
Нами созданы перлы искусства —
наслаждаются ими другие.
Мы вам шьем одежду роскошную,
а сами нагие.
Вечный праздник, почет и богатство —
ваша жизнь!
Крепкие вина, обильные яства —
ваша жизнь!
За педелей мелькает неделя —
ваша жизнь!
Даже собакам у вас — постели...
Ваша жизнь!
От нас отмахиваетесь,
как от мухи:
«Чернь!
Убирайся прочь!»
Что нам на долю осталось?
Муки,
день
и ночь.
Стены ветхие без крыши, —
жди: рассыплются вот-вот.
На полу одна циновка,
пад циновкой — небосвод.

Что у нас есть?
Нищета, и лохмотья, и сор.
Что у нас есть?
Чистый воздух — первый сорт.
Что у нас есть?
Нагота и широкий простор.
Что ж? Это много,
если ты — человек простой.
Вы обращали к нам увещанья
тысячу раз.
Вы раздавали нам обещанья
тысячу раз.
Жизнь совершенно не изменилась.
Не изменилась!
Стало еще тяжелей обещанье
в тысячу раз.
Вы говорите:
такова неизбежность.
Ложь!
Вы говорите:
борьба — безнадежность.
Ложь!
Вы тираны,
вы кровь нашу пьете.
Мы иснавидим
вашу надменную лень,
безмятежность,
ложь!
Мы не будем рабами!
Счастье добудем сами!
Солнце над нами взойдет.
Жизнь отдадим без страха,
чтоб уничтожить гнет!

А Х М А Д Р А М И

ВСПОМИНАЙ МЕНЯ

Когда светлеют облака,
дрожа под брызгами зари,
ты вспоминай меня.

Когда стремятся стаи птиц
навстречу раннему лучу,
ты вспоминай меня.

Когда соскальзывает ночь,
как одеяло, с плеч земли,
ты вспоминай меня.

В безмолвный час, когда пожар
охватывает небосклон,
ты вспоминай меня.

Когда неясная тоска
прихлынет к сердцу твоему,
ты вспоминай меня.

Когда от непонятных слез
ресницы станут тяжелы,
ты вспоминай меня.

Когда зальется соловей
горячей трелью на заре,
ты вспоминай меня.

Когда, заслушавшись, заснет
простой цветок под эту трель,
ты вспоминай меня.

Я участь горькую клянусь,
но, чтобы облегчить ее,
ты вспоминай меня.

Чтобы меня отгородить
от темных одиноких дум,
ты вспоминай меня.

Чтоб раны сердца моего
зарубцевались наконец,
ты вспоминай меня.

Моя звезда, моя беда,
моя надежда, мой удел,
ты вспоминай меня.

Теперь, когда печаль и скорбь
уже не властны над тобой,
ты вспоминай меня.

Теперь, когда разлуки тень
уже не застилает мир,
ты вспоминай меня.

Отраднa память прежних дней.
Тебе одной я верен был,
ты вспоминай меня.

Любовь моя была проста,
как песня птицы поутру,
ты вспоминай меня.
Ты вспоминай, как я любил,
как жил и сердце не берег,
ты вспоминай меня.
Ты наши ночи вспоминай,
что были слишком коротки,
ты вспоминай меня.
В душе упреков не храни.
Как примиренья светлый луч,
ты вспоминай меня.
Не для того, чтоб горевать
над пеплом отгоревших дней,
ты вспоминай меня.
Не в сумерках, не в час ночной,
а на рассвете, на заре,
ты вспоминай меня.

САЛАХ АБД АС-САБУР

* * *

Простите, друзья, но в этом году
деревья не принесли плодов,
и стол мой скуден, и встретить вас
как подобает я не готов,
и кладовые мои бедны,
не скрою — все у вас на виду.
Я не скуп, но поле мое
не уродило в этом году.
Простите, друзья, что в доме горит
одна-единственная свеча —
каплями воска плачет она,
добра, печальна и горяча.
Простите, друзья, что сердце мое
горем пылает, словно огнем, —
негде радость ему найти,
откуда взяться веселью в нем?

ПЕСНЯ О КАИРЕ

Встреча с тобою, мой город,—
загадка и боль,
встреча с тобой —
ожиданье, горечь и скорбь.
Но едва я увидел
огни твои ночью в аэропорту,
я ощутил, что прикован к тебе
и не в силах уйти.
Я прикован к асфальтовым улицам,
к площадям раскаленным,
где увядают под солнцем зеленые листья
мне отпущенных дней.
Город — раскрытая рана моя,
вновь и вновь прикасаюсь к тебе,
замирая от боли.
Так суждено,
чтобы ты утолял свою жажду
сердцем моим,
чтобы песни рождались
под огненной пыткой
прикосновения к тебе,
чтобы годы мои
растворились в пыли переулков,
в шуме кварталов,
в тумане прогорклого масла,
чтобы Дельта и Нил,
щебень, мусор и камни
приняли тело мое,
для которого будет
вытесан обыкновенный египетский гроб.

Встреча с тобой —
и разорвана грудь,
обнажается сердце;
дышит оно тяжело,
одержимое страхом и жаждой.
Встреча с тобой — потрясенье,
забвенье обид,
воскрешенье надежд.

Город, люблю тебя —
пестрый туман застилает глаза,

словно при виде любимой,
и слезы
сами собой
сыплются, словно песок.
Сдавленный голос едва произносит слова:
«Город, люблю тебя», —
хоть и не слышу признанья,
и птица ручная моя улетела из клетки,
и нет ни покоя, ни крова,
и заперты двери,
и ты мне подносишь к губам
горькую воду тоски, —
все прощаю тебе и не уйду никуда.

НАГИБ СУРУР

РЕКВИЕМ

(Из поэмы о Фараджале Хелу)

Г о л о с

Нет его с нами,
с тобой и со мной,
с миллионами братьев,
с ширью земной.
Был он таким,
как из нас любой.
Он умер,
умер за нас с тобой.

Х о р

Не надо, друг,
не говори:
«Он умер».
Мы не хотим.
Не говори:
«Он умер».
Не верим мы,
что в этот день весенний,
когда земля в лучах зари,
он умер.

Он с нами,
в миллионах
он бессмертен.
В отважных,
закаленных
он бессмертен.
В любви к свободе,
в справедливом гневe,
в сердцах непокоренных
он бессмертен.

Г о л о с

Был он таким,
как из нас любой,
простым человеком
из крови и плоти.
Пел,
и смеялся,
и чувствовал боль.
Жизнь проходила
в трудной работе.
Как он любил
солнечный свет!
Как улыбался
детям!
Почему его с нами нет
и солнце
ему
не светит?

Х о р

Мы — зерна
для грядущих урожаяв.
Мы прорастем,
когда наступит срок.
Нам гибелью бесславной
угрожает
неумолимый
кованый сапог.
Мы всходим
в царстве сорняков и гнили,
где паш удел —
могильная тюрма.

Но час пробьет —
заколятся нивы
и счастье
переполнит закрома.

Г о л о с

Тираны
наших братьев убивают
в сыром застенке
в полуночный час,
и, как поток,
струится кровь живая,
чтоб вспыхнуть
в сердце каждого из нас.
Пусть палачи
свое свершают дело
трусливо,
подло,
тайно,
по ночам.
Но мужеству героев
нет предела —
они
в лицо смеются палачам.

Х о р

Не говори:
«Умер Фарадж», —
не говори!
Траура нет
на алом флаге зарп...

БАЙРАМ АТ-ТУНИСИ

ЖДУ ТЕБЯ

С нетерпением жду тебя: приди!
Занялся костер в моей груди,
Руку приложил к щеке: гляди —
Запылала узкая рука!

Счет мгновеньям я привык вести,
Нет, не захотела ты прийти.
Милая, страдальца навести!
Ах, когда б умел я не любить!

Может, зря в глазах моих огонь,
Нежностью чужое сердце тронь,
Знаю: холодна твоя ладонь,
Человек другой в душе твоей!

Разве мы расстались навсегда?
Разве обожгла меня беда?
Иль обидел я тебя когда?
В чем-то виноват перед тобой?

Угли подо мной раскалены,
Помыслы тревогою полны,
Легкие шаги твои слышны
В тихом дуновенье ветерка!

Целый день брожу я сам не свой,
Целый день я слышу голос твой,
Все друзья качают головой,
Думают, что я схожу с ума!

Дни мне обещаешь и года,
Клятвы нарушаешь без стыда,
В миг свиданья — холодна, горда
Или не являешься совсем!

Отговорку ты всегда найдешь,
На устах твоих благая ложь,
Мне тоскою сердце не тревожь!
Ах, когда б умел я не любить!

ЗВЕЗДОЧЕТ

Говорят, что звездочеты
Удивительный народ.
Говорят, что звездочеты
Знают судьбы наперед.

Ну, а я свою заботу
Не доверю звездочету,
От меня пиастра в год
Не дождется звездочет!

Мне справляться нет охоты
Про свое житье-бытье:
Ведь не хуже звездочета
Знаю прошлое свое.
Не тревожась, не горюя,
В настоящем сам живу я,
Буду сам — повремени —
Знать и будущие дни.

Коль предскажут мне дорогу,
Я скажу без долгих фраз:
Все мы в жизни, слава богу,
Путешествуем не раз —
В самолете иль вагоне,
На верблюде или пони,
И, крутясь, как заводной,
Всех нас возит шар земной.

Если б вправду звездочеты
Наши судьбы знать могли,
Если б вправду звездочеты
Нам о том сказать могли,
То тогда до самой смерти
Было б скучно жить, поверьте:
Что случится, кто умрет —
Всё б мы знали наперед...

Звездочеты ходят скопом
И повсюду сеют ложь,
Их мудреным гороскопам
Я не верю ни на грош,
А кривлянье их смешное —
Лишь одно вранье сплошное!
Впрочем, даже для вранья
Примененье есть, друзья.

Вон спесивый чужестранец
В племе пробковом стоит,
И собою чужестранец
Портит весь окрестный вид.

Вот когда для звездочета
Подходящая работа!
Ну, приятель-звездочет,
Наступает твой черед!

Если б ты по звездам сразу
Напророчить мог ему
И заразу, и проказу,
И крушение, и чуму,
Чтоб, от ужаса бледнея,
Прочь убрался он скорее,—
Вот тогда бы, звездочет,
Был и впрямь тебе почет!

ЗЕЙНАБ МУХАММЕД ХУСЕЙН

СЧАСТЛИВОЕ ВРЕМЯ

I

Мне было светлое «Вчера» дано,
Но навсегда потеряно оно,
Встает в похмелье «Завтра» для меня;
Забуть «Вчера» сегодня суждено.

Я на судьбу ропщу, я одинок,
Душа моя сжимается в комок,
Мое «Вчера» — потеряно оно,
День завтрашний печален и жесток.

II

«Вчера» мое прекрасно и светло,
Как утро, что едва лишь рассвело,
Веселье, наслажденье было в нем,
Оно весною молодой прошло.

Мой сон хранила колыбель любви,
Но где ж «Вчера» и где огонь в крови?
Угаснул он, и холод наступил,
И счастья не вернуть, как ни зови!

О, почему, аллах, тяжел для нас
От прошлого счастливого отказ?
Мне было светлое «Вчера» дано,
Но навсегда потеряно сейчас.

III

Судьба ко мне холодною была,
Подобно тени, жизнь моя прошла,
Судьба совсем забыла обо мне,
Не трогают ее мои дела.

Забвенью преданы и песнь, и стих,
И та любовь, что отразилась в них,
Мои надежды и мои мечты —
Все то, что жило в помыслах моих.

Ужели не вернется никогда
Ко мне воспоминаний череда?
Мне было светлое «Вчера» дано,
Но потерял его я навсегда.

IV

Утех любовных радость, где же ты?
Где смех среди полночной темноты?
Где, душу волновавшие мою,
Улыбчивые, легкие мечты?

Где песни нашей светлой простоты
И где луга цветущей красоты?
Где ложе, ожидающее нас,
И травы молодые, и цветы?

Их пектаром мне было суждено
Наполнить кубок доверху — не раз,
Мне было светлое «Вчера» дано,
Но навсегда утеряно сейчас.

V

Желаний я почти не сохранил,
Угас моих мечтаний прежний пыл,
Я славу, опьянявшую тогда,
И прошлое свое почти забыл.

Почти забыл я, что немало дней
Уже из жизни прожил я своей,
Забыл, что раньше веселиться мог,
Смеяться мог, бывая среди людей.

Забыл, что в песнях все отражено,
О чем я раньше думал и мечтал,
Мне было светлое «Вчера» дано,
Но навсегда его я потерял.

VI

Ответь, аллах, настанет ли пора
Для возвращения милого «Вчера»?
И может ли мне время исцелить
Боль старых ран, что так же все остра?

Мне «Завтра» улыбнется или нет,
Судьбы услышу ль благостный привет?
Вернутся ли опять ко мне мечты
Моих далеких и счастливых лет?

Иль все уже судьбою решено, —
Лишь вспоминать о прошлом мне дано?
Я знал свое счастливое «Вчера»,
Но навсегда потеряно оно.

АХМАД АБД АЛЬ - МУТЫ ХИГАЗИ

СВИДЕТЕЛИ

Мы — свидетели.
Мы клянемся великим аллахом
Говорить только правду.
Мы, ставшие прахом,

Мы пришли в этот мир
Лишь на час.
И сейчас перед вами стоим,
Чтобы после обратно
Вернуться к могилам своим.

Мы — свидетели.
Мы клянемся великим аллахом
Говорить только правду.
Что проку в обмане феллахам?
Их спросите о мире —
А что у них есть в этом мире?!
Только жизни задворки —
События проходят над ними.
И глядят бедняки
На тиранов, князей, королей,
А потом умирают в угаре военных полей.

Прежде чем умереть,
Все мы землю пахали,
Все мы были матросами,
Слугами иль пастухами.
Прежде чем умереть,
Мы красивые строили зданья.
Может, по одному
Мы прошли через смерть и страданья,
Но пришли сюда вместе,
Костлявые руки воздев,
Чтоб поднять общий голос,
Возвещающий горе и гнев!

А Х М Е Д Ш А У К И

Н И Л

Как сладость надежды,
нам влага его дорога,
Как в райском краю,
зеленеют его берега.
Как девушка, свеж он,
как сказочный воин, могуч.
По глади зеркальной,
блестя, рассыпается луч!

Как море, течет он,
разливом весенним своим
Кормя человека
и все, что посажено им.
Он — зерна пшеницы,
он — хлопок для наших одежд.
Бессмертный исток
наших радостей, наших надежд!
Добро даровать —
так закон его жизни гласит,
Ко всем справедливый,
он каждый клочок оросит,
И знатным и бедным —
он всем принесет урожай,
А только пожнешь —
и опять поскорее сажай!
Он — вечно в пути,
а посмотришь — как будто стоит:
Так мощно и мудро
безбрежные воды струит;
Но чуть возмутится,
запнев густую струю,
С рычанием львиным
вздывает он гриву свою.

Как сладость надежды,
нам влага его дорога,
Как амбра, смуглы
и душисты его берега.
Пусть мутен и глинист —
он райские реки затмил,
Святой,
полноводный,
извечный кормилец наш — Нил!

ПЛАН 28 ФЕВРАЛЯ

Покой дается тем, кто, пути разорвав,
В решающей борьбе своих добился прав.
Но в преждевременном и праздном ликованье
Египту послужить не смогут египтяне.
Для дела нашего упорный нужен труд,—
Пусть радость не пьянит, а скорби не гнетут.

Печаль бесплодная всегда туманит взгляд,—
Сквозь слезы ничего глаза не разглядят.
Безверьем сумрачным, отчаяньем своим
Мы самый светлый день мгновенно помрачим.
Будь тверд и терпелив, пред боем отточь
И копы меткие, и грозные мечи.
Своим вооружась геройством и бесстрашьем,
Не путай мелких дел с великим делом нашим.
Пусть только истина, как лучший друг в борьбе,
Повсюду и всегда сопутствует тебе.
И в миг опасности — спасительный приют,
Убежище тебе товарищи найдут.

ВЕРНУЛАСЬ ЖИЗНЬ

Жизни вернулась с тобой чудотворная сила.
Слава мгновенью, что снова тебя возвратило.
Вместе с разлукой мои исчезают печали,—
Эта разлука отраду тебе принесла ли?
Даже зарю умолял я, тоскуя, скорбя,
Чтобы вернуться она убедила тебя.
Ветру посланья вверял для тебя, для любимой,—
Сетовал ветер, что жгутся они нестерпимо.
Радостью, скорбью,— как хочешь любовь назови,
Но заблуждается тот, кто не ценит любви.
Ты — мое счастье. Не верь клевете и злословью,
Будто утешился я и расстался с любовью.
Если останется все, что сказал, без ответа,—
Знай, что люблю, и запомни хотя бы про это.
Мне за тебя пережить твои скорби позволь,
Муки твои пусть в мою превращаются боль.
Люди уснули, но мне задремать не пришлось
Лишь потому, что люблю до страданья, до слез...

* * *

Сомненья нет, что суждено свершиться упованьям,
Кто вышел ночью, трудный путь закончит утром ранним.
Сомненья нет, что роковой развеется обман,
Что ключ к правам своим теперь в руках у египтян.

Великой доблести порыв ничем неукротим,
Нас побеждавшую судьбу мы сами победим.
Не дрогнем мы, наперекор сомненьям и тревогам,
А устоявшие в борьбе вознаградятся богом.
Начнется жизни новый день и новая страница,
И наша долгая печаль вдруг в радость превратится.
Нет, ничего из прав своих мы не считаем лишним,
Мы будем свято дорожить любым зерном горчичным.
Страшны преграды, груден путь, опасны рвы и кручи,
Погибнуть может караван в кромешной тьме дремучей.
И лишь народ, избравший путь единственный и правый,
Способен все преодолеть, достичь бессмертной славы.
Но как в грядущее войти, решает сам народ:
За шагом шаг, а может быть, вдруг броситься вперед?
Что ночью кажется тебе и сложным и премудрым,
Так удивительно легко ты совершаешь утром.
Но ты борись и побеждай спокойно, не гордясь,
Свои великие дела ты скромностью укрась.
Когда гремит сражений гром и жаркий бой идет,—
Утратам, славе и добру тогда теряют счет.
Пускай история решит, какой отважный воин
Венков лавровых, и хвалы, и жемчуга достоин.
Решать не надо самому, кто славен и велик,—
Ведь о подобных же делах писалось много книг.
Они рождались из любви, и злобы, и печали,
Где пламень жаркий иногда с водой соединяли.
А в слабых есть такой огонь, что сильным и неведом,
И только правде суждено нас приводить к победам.

ПОЧТОВАЯ МАРКА

Через тысячи миль
я по свету кружу,
через тысячи рук
я в пути прохожу,
из-за вас,
обитатели сел и столиц,
я в скитаньях упорных
не знаю границ!

То бесстрашно плыву
океанами я,

то уныло бреду
с караванами я,
то по диким хребтам,
то в дремучем лесу
потаенные вести
я людям несу!

Не великий мудрец
и не сплетница я,
но для многих —
и друг
и советница я.
Неподкупно и свято
в чужой стороне
сберегаю я все,
что поручено мне!

Глубоки мои тайны,
и путь мой далек,
и встречают
то радость меня, то упрек, —
сколько счастья скрывает
иль горького зла
тот конверт,
что избраннику я принесла!

О, как часто рыдать
заставляю я тех,
у кого на губах —
только шутка и смех,
а порою
улыбкой украсить могу
даже самую злую
старуху каргу.

Сообщаю советы
полезные я,
погруженному в скорбь
соболезную я,
о наградах, событиях, делах —
обо всем
я и сестры мои
вам известья песем.

Через тысячи миль
я по свету кружу,
через тысячи рук
я в пути прохожу...
Разве стоит
наш верный,
настойчивый труд
тех монет,
за которые нас продают?

За гроши вы меня покупаете...
Нет!
Я — дороже стократ
ваших жалких монет!
Мудрецы иль безумцы —
вы все мне друзья,
всем служенья пример
бескорыстного я!

О ПАРУС НАД ТИГРОМ

О парус над Тигром, уплывающий на закат!
Пусть мои слезы тебя от беды хранят!
По тихой воде иди, как некогда шел пророк,
Скользи по воде, как света лучи скользят.
Пристань к берегам, где плывут ароматы садов,
К дивным долинам, где радость и мир царят.
И в этом краю ты прощение мне испроси
У глаз антилопы, чей так печален взгляд,
В далеком краю, где живет мой великий народ,
Добывший свободу — лучшую из наград.

ПАТРИС ЛУМУМБА

ПУСТЬ ТОРЖЕСТВУЕТ НАШ НАРОД

Плачь, мой любимый черный брат,
в тысячелетях скотской ночи!
Твой прах развеян по земле самумамп и ураганом.
Ты, некогда воздвигший пирамиды
Для всех своих державных палачей,
Ты, загнанный в облавах, ты, разбитый
Во всех боях, где сила торжествует,
Ты, затвердивший в школе вековой
Один лишь лозунг — «рабство или смерть»,
Ты, прятавшийся в джунглях безысходных,
Встречавший молча тысячи смертей
Под маскою болотной лихорадки,
Иль под клыкастой маской тигра,
Или в объятых топкого болота,
Душивших постепенно, как удав...
И день пришел, когда явился белый,
Он был хитрей и злее всех смертей,
Выменивал он золото твое
На зеркальца, на бусы-безделушки.
Насиловал твоих сестер и жен,
И спаивал твоих сынов и братьев,
И в трюмы загонял твоих детей.
Тогда гремел тамтам по деревьям,
И люди узнавали, что отчалил
Чужой корабль к далеким берегам,
Туда, где хлопок — бог, а доллар — царь.
Приговоренный к каторге бессрочной,
Работавший, как вьючная скотина,
Весь день-деньской под беспощадным солнцем,

Ты был обучен славить в песнопеньях
Их гóспода и был распят под гимны,
Сулившие блаженство в лучшем мире.
И только одного просил у них —
Позволить жить тебе, позволить жить.
И у огня, в тревоге, в смутных грезах
Ты изливался в жалобных напевах,
Простых и бессловесных, как тоска.
Случалось, ты и веселился даже,
И вне себя в избытке сил плясал.
И все великолепе возмужанья,
Все сладострастье юное звучало
На медных струнах, в бубнах огневых,
И этой мощной музыки начало
Из ритма джаза выросло, как вихрь,
И громко заявило белым людям,
Что им принадлежит не вся планета.
Ты, музыка, позволила и нам
Поднять лицо и заглянуть в глаза
Грядущему освобожденью расы.
Пусть берега широких рек, несущих
В грядущее свои живые волны,
Твоими будут!
Пусть вся земля и все ее богатства
Твоими будут!
Пусть жаркое полуденное солнце
Сожжет твою печаль!
Пусть испарятся в солнечных лучах
Те слезы, что твой прадед проливал,
Замученный на этих скорбных нивах!
Пусть наш народ, свободный и счастливый,
Живет и торжествует в нашем Конго,
Здесь, в самом сердце Африки великой!

АНТУАН РОЖЕ БОЛАМБА

К ДЕЙСТВИЮ!

Голубь, белая птица,
белая птица солнца,
прѣди, сядь на руку мою,
здесь грядущее зреет.

Тобой
окрыляется воля моя,
И забвение прячет
ястребину хищную голову
с зеленым глазом болот.
Оно становится другом,
другом свободной мечты,
другом света, избегающего по стволу
на высокую пальму.
Его губы поют для тебя
священную песнь братства.
Радуга — лук, натянутый в небе,
дай нам твои стрелы,
в них зреет порыв безрассудства.
Я жду,
жду красного часа решенья,
чтобы войти в тело битвы.
И вот уж свистит надо мною стрела,
уносящая вдаль
опьяненный порыв победы.

КЛЕМЕНТИНА НЗУЖИ

Д В И Ж Е Н И Я

Возникло дерево
из влаги
глаз твоих.

Над деревом
склонившись,
опускаюсь
в твои глаза.

Навстречу
ветви
пальцев.
Ломаю дерево
и погружаюсь
в прохладу
рук.

Я причесываюсь и гляжусь
В зеркало твоих глаз.

Не страшись...
Если голос мой задрожит,
Если будет невнятна речь,
Если загадочна будет строка,
Если губами вопьюсь в камыш,
Не страшись.

Слышишь, льется кровь бедняков,
Не оттого ли и у меня
Сердце в крови?

Возьми меня за руку,
Не страшись,
Будем вместе,
Будем вдвоем,
Буду причесываться и глядеть
В зеркало твоих глаз.

НЕТ, НЕ МОЯ ВИНА

Нет, не моя вина,
Что я не понятна вам.
Мне
Природой самой
Дан заумный язык.

Речь древесной листвы
ветра,
цветов
и вод —

Это тоже язык,
Невнятный уху людей.

Считайте, что я деревцо,
ветер,
цветок,
вода,
И вслушпвайтесь в меня.

З А Н Е С Е Н Н Ы Й   К О   М Н Е

Занесенный ко мне
Ветром неожиданных встреч,
Вновь поселился он
В хрупком сердце моем.

Он улыбку сберег
В горьком изгибе губ
И сохранил в глазах
Нежность былых времен.

Снова взглянули мы
Друг на друга, как встарь,
И, как в прежние дни,
Застучали сердца.

Раненную, в шипах,
Руку нашла рука;
Превозмогая боль,
Встрепенулись тела.

Так за гранью потерь,
За пределом утрат
Мы рванулись к любви
Наперекор судьбе.

В Е Ч Е Р

В пору, когда сирены ревут
И солнце медленно падает вниз,
Уживаются странный покой
И беспокойный гул.

Сумерки наступают не вдруг,
По газонам бродят лучи,
Будто пришельцы дальних миров;
Золотом облит горизонт.

Изукрасили небосвод
Великолепные города,
Праздничные дворцы
И тамтамы огня.

Замигала звезда
И другая в ответ,
И вот уже тысячи огоньков потрескивают в темноте.
    Это
    Ночь!

ОСВАЛДО АЛКАНТАРА

ПРИБОЙ

Жду. Пусть придут все шумы, грохоты, выкрики, вопли;
пусть придут состраданье молчания, сытость молчания;
пусть придут все скрытые накипью жизни события: различить их
еще я не в силах;
пусть придут все пески, обломки всех скал, вся тина, весь ил,
что поднимается зондом со дна судоходных морей;
пусть придут слова проповедников, не страшущихся рокового
смысла их слов;
пусть придут возражения тех, кто снабжен резонатором самым
надежным,
и пусть все вернутся к началу, к исходному пункту;
пусть обручится поэт с вдохновеньем миров;
пусть поэты придут и оды поэтов;
пусть все войдут, за руки взявшись, в большой хоровод рыбаков;
пусть все сотворенные станут творцами;
пусть придет все другое, что кажется мне справедливым
за круглым моим тусклым стеклом...
Я наготове. Я жду сокровищ, что выплывут мне океан...
Главное: прочно стоять на земле, о которую я расшибаю колени.
Пусть все придет. Все придут и увидят меня,
как я размахиваю радужным фонарем
на передней линии фронта всех спибок, всех бешеных битв.

Чудится, будто он с чуждой явился планеты.
Двери настезь. На каждом пороге торчит любопытный.
Вот он идет. Он не здешний.

В городе улицы нет, где бы знали его.

Кто он?

Дети смеются, когда он мимо проходит.

А почему? Он разве горбун? Калека? Урод?

Взрослые скрытой насмешкой перекрывают тревогу,
смотрят с опаской на сыновей, чья судьба
смутно вдруг волновать начинает их души.

О, посмотрите на брюки! На космы волос!
Слышите, он на ходу бормочет под нос себе...

Может быть, он одержимый, опасный безумец?

Или, быть может, тот самый, вечный бродяга,
кто под грохот грозы, под шум проливного дождя
клавиши петь принуждал в королевском дворце,

в Вене, всех герцогинь убеждая и принцев

жизнь свою переиначить

и пойти вслед за ним в Пазáргадy, в недостижимый город?

Да, недостатка не будет в безумцах, которым мерещится отблеск
пламени взгляда Христа
в темных глазах его...

Это — дон Себастьян,

Это — дон Себастьян,

он вернулся!

В волнах Атлантики высится остров, где, пронзенный стрелами, он
возрождается снова и с обнаженной шпагой в руке!

Жив святой Себастьян.

Все глядят на своих сыновей, ужасаясь: вдруг и они одержимыми
станут?

Шпага обнажена. Эту шпагу вручил ему, погибая, друг и товарищ
его Дон-Кихот и взял обещанье, что он никогда, никогда
не вернется...

Да. Поэзия — тайна его, недостойная слабость.

Правда, есть же Страпа,

есть же такая Страна,

где он проходит вдоль улиц с высоко поднятой головой,

и никто не заметит, что он старомодно одет,

что растрепаны волосы,

что нет в нем ни капли ловкости, цепкости...

О мать-Земля!
 Вот я пришел — и у ног твоих мольбу мою положил.
 Сын твой слагает моленья к вседержителю мира...
 Молится он за тебя,
 за себя,
 за всех твоих сыновей, разметанных
 вдоль пепельно-серой, истерзанной плоти твоей,
 мать-Земля.

Родная!
 Спи... спи...
 Но когда ты очнешься,
 не гневайся, ради девы Марии,
 ни на меня,
 ни на других сыновей,
 которых ты кормишь нежностью твоей плоти.

Милая мать,
 как я хочу прочесть молитву мою
 и не могу;
 моя мольба задремала в глубине твоих плачущих глаз:
 всех сыновей жаждешь ты накормить —
 и не в силах...

Мать-Земля,
 мне сказали, что ты умерла,
 что тебя погребли, завернув в плащаницу дождей.
 Как я плакал!
 В сердце моем отражен каждый твой жест.
 Вижу движенья твои,
 когда ты встаешь в поисках хлеба, чтоб детские чрева насытить
 и прошептать каждому слова утешенья.

Я всюду искал могилу твою
 и не нашел,
 и потом,
 охваченный горем, с сердцем полным тревоги
 узнал, что тебя погребли
 на крошечном острове
 посреди океана.
 Я в море ушел на однокрылом челне
 и плыл... все дальше... дальше...

О, я не верю, что ты могла умереть:
ты уснула, ты только уснула,
чтоб утром проснуться.
И когда ты очнешься и встанешь,
я возьму корзину, сплетенную из тростника,
и пойду вслед за тобою,
и увижу, что каждому ты улыбнешься,
каждому, кто у тебя благословения просит.
И насыщусь необъятной нежностью, материнскою лаской твоей...

Милая мать-Земля, подвинься немножко,
дай любимому сыну у ног твоих задремать...

ТЫ ВСЕГДА СО МНОЙ

Мне непонятно:
в твоих глазах —
тревога, вопрос. Отчего?..
О, я понял тебя. Это ты
тень мою оберегала
не помню сколько столетий!
Милая мать,
ты дремлешь в качалке,
и, конечно, не так ты стара,
как твоя молодая улыбка,
расцветающая на смуглом лице,
как цветок кардеала
расцветает навстречу солнцу...

Золото кожи твоей
словно плод с ветки жамбейро.
Гляжу на тебя — и вижу
старинную нежную скорбь,
древний лиризм нашей расы,
распятой
на скрещении
двух путей восприятия мира...

О, секреты и тайны,
их несет, как на блюде,
твоя улыбка креолки,
рассыпающая поцелуи.

Кто поймет...
как прост и сложен твой поцелуй,
он соткан из таких разнородных стремлений!
Кто же ты для меня?
Возлюбленная?
Или мать, убаюкивающая
все тревоги сына-скитальца?

Быть может,
ты пришла из дикой древности,
из коридоров бесчисленных поколений
на эту землю истерзанных пыткой надежд,
каждый день умирающих,
но вечно живых
и всегда воскресающих
в славословии твоих губ?..
О, если б я мог возродиться
в поцелуе уст твоих смуглых.

Вот сейчас чувствую: я — мореход,
хозяин всех расстояний,
отброшенных дальше,
чем мои простертые руки.

О! Мы плывем...
И заходящее солнце над всем окоемом
расплескало контейнер с фиолетовой краской.

Обещаю тебе вереницы чудес:
я владею страной, где золотистый туман
скрывает несовершенство вещей и явлений;
я владею морями,
где стройные корабли
призывают к поискам вечно юных судеб и событий;
я владею дворцами,
погруженными в царственное молчанье.

Юный рыцарь,
я каждый день отплываю в крестовый поход
вслед за миражем
уходящего за море солнца,
и мой конь — из пены вздыбленных волн,
он грызет удила и жаждет скакать, пожирая пространство...

За мною, за мною!
О, продолжи со мной извечный твой путь;
взявшись за руки, мы пойдем
навстречу судьбам твоим,
навстречу судьбам моим...

О древний мой друг, ты так молода...

ЧИСТОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К ПОЭЗИИ

Было время, тебя величал я богиней.
Мир
нерасчлененный стоял на уровне глаз.
Дешевый словарь
тысячу слов предлагал. И мог я заимствовать клички.
Так разыскал я универсальное средство —
антибиотик, анестезин, панацею от всех незадач.
Ну а потом потянуло порыться в больших лексиконах,
и постепенно я обнаружил клады, залежи слов,
неисчерпаемые покрывала для тела богини.
Облечь в парадное платье чудесную сущность твою — вот к чему
я стремился,
когда волновала меня благородная сила речений.
Годы прошли — и бречащих имен для тебя не ищу.
Мне претит рыться в риторическом хламе,
пыль ворошить тех времен, когда я придумать тебя был не в силах.
Я с глубокой тоской
думаю о твоём бессмертном будущем...
Другие придут — и оставят
отзвук хваленый тебе — и погибнут, как я...
Да, только в грядущих веках,
когда я узнаю, что полет любых экзальтаций бесцелен,
что молчанье —
лучший путь до тебя дотянуться,
когда от плоти твоей бронированной прочь отлетит рикошетом
град всех эпитетов и будут ненужны слова;
когда день станет прозрачным и все прозрачность поймут,
когда священник у алтаря не будет стоять и все поэты земли
исчезнут навеки,
вот тогда наконец тобой овладею, богиня,
тобою, чей образ храню, словно скряга, в моем к тебе взывающем
сердце.

ЖОРЖИ БАРБОЗА

ЛАЧУГА

Настала засуха.
За нею — тишина.
Ни деревца,
ни травки на равнине —
лишь выжженная зноем почва...

Да вон — лачуга...
Полуразвалилась,
как память горькая о прошлом...
Солому с крыши
унес с собою
жестокый ветер юга.

Вот дверь без створок,
и дыры окон
настежь раскрыты
навстречу смерти.

То засуха прошла по этим землям.

В такие времена
не отдыхают
приходские посылки для умерших.
На них сначала унесли жену —
иссохшее, измученное тело,
под боком — голый маленький сынок
с раздутым животом,
как будто умер от объеденья он...
Потом и мужа
с остановившимся печальным взглядом
еще открытых глаз.

Как молчалива здесь, на островах,
трагедия засушливого лета!
Ни вскрика, ни слезы — покорность смерти...
Во дворике лачуги
лишь три камня,

три камня почерневших.
Уж давно никто не разводил на них огня.
Да для сынка железный обруч,
новый... и палочку еще не отвязали.

Б Р А Т

Ты бороздил моря,
ты охотился на китов,
доходил до Америки в поисках приключений
и не всегда возвращался.

Твои ладони в мозолях — на веслах
ты не раз выходил в открытое море.
В бушующем океане
ты пережил немало часов мучительного ожидания,
но еще больше долгие штили
душу твою томили.

В аду корабельных котельных
ты уголь бросал в раскаленные топки
и в мирное время,
и во время войны.

И страстно, как все мы,
ты любил чужеземок в далеких портах.

А здесь, на наших
иссушенных островах,
ты проводишь каналы на илистых побережьях,
мотыжишь жесткую землю в разгаре
засух, похожих на затянувшийся киносценарий,
где смерть выступает в главных ролях.
Даже когда ты плянешь,
на дне твоей радости оспротело
прячется твоя тоска,
даже когда монотонную морну
сопровождаешь глухими раскатами
родной гитары,
даже когда твоя рука
сжимает тело
любимой женщины.

Морна...

В ней голос твоей души
сливается с голосом моря,
которое манит тебя
в далекие страны,
в ней наша жажда сливается со сладостным шумом дождя.
В ней наше молчанье
и наши муки.
Морна...

Таят в себе ее звуки
все, что нам дорого с детства,
в ней безвестные наши судьбы,
в ней униженность наша
и наша сжавшая зубы
непокорность.

Америка...
Америка перед тобой
захлопнула двери.

И теперь уже в поисках приключений
ты не ринешь свое суденышко в океан голубой.

Теперь это все сохранилось
лишь в старых историях,
которые ты рассказываешь порой,
попыхивая вечной трубкой,
слегка улыбаясь и грусть
в глазах затая.

О, судьба твоя!
О, судьба
твоя!
Среди нестерпимого зноя
спину гнуть над землею,
над нашей землею,
жаждой палимой,
неблагодарной,
любимой!

Или исчезнуть
на волне суховея,

вроде утлой лодочки,
что однажды уйдет на соседний остров
и уже не вернется назад.

Кто знает, может, еще страшнее судьба
подстерегает тебя за порогом хижины,
униженный,
безвестный житель
островов Зеленого Мыса,
мой брат.

С Т И Х И

Скажите:
где жизнь
достойна человека,
где нет страданий
и нет господ?

Где хлеб с вином
поделены на всех,
и пламя зимних очагов — на всех,
на всех — дома,
на всех — работа,
и нет затравленных,
и нет униженных?

Где нет
высокомерья,
нет чистых и нечистых,
нет угнетателей,
а потому
и забастовок нет?

Где указывает самый сведущий,
предписывает самый уважаемый
и самый дельный
руководит?

Где, где не нужно
завязывать глаза
бинтом закона?

Скажите — где?

Д Е Н Ъ

Восемь часов.

Итак, начинается день
неумолимо
однообразный.
В раскрытую книгу
падают
упорядоченные цифры.

А посреди залива
качается
маленький парусник.

Полдень.

Девушка,
что продает на углу пирожки,
мне улыбнулась.

Маленький парусник уже не качается —
сидит на мели.

Шестнадцать часов.

Млеющий вечер.
Гаснущий вечер.

Снова качается
маленький парусник.

Полночь.
И чудится,
парусник в черном заливе
мне подмигивает
огоньком.

Сонный,
склоняюсь
над последними строчками.

Вот и конец
неумолимо однообразного дня.

НОКТЮРН

Мигает керосиновая лампа.
Безжизненного света желтизна,
и по углам
чернеющие тени...

Мой остров мал,
а ночь длинна,
а ночь длинна.

На улице гуляет ветер,
поскрипывает створкою окна,
и сквозь дверные щели
врывается его бродяжья песня.

Мой остров мал,
а ночь длинна,
а ночь длинна.

Бумага на столе передо мною,
и тишина
уже напряжена
в предчувствии стихов.

Мой остров мал,
а ночь длинна,
а ночь длинна.

М О Р Е

О, море,
дарящее нам сны и душащее наши надежды!

О, просторы моря,
сдерживающие порывы
нашей неудержимой ярости,
ласково открывающие горизонты иных миров,
таких далеких от нашего мира!

(В тебе затаен призыв
к далекой и желанной дороге,
которую мы не пройдем.)

О, зовы
странные
Атлантического океана,
звучащие в нас без умолку...
Быть может, настанет день,
когда придет
водоворот
                  нежданный,
                  бурлящий,
                  всеобъемлющий,
а за ним поднимется волна еще более высокая...

Быть может, настанет день...
Кто знает?..

А потом
бег веков
продлится
по тропинке времени...
И придет
другая, новая легенда.

КАОБЕРДИАНО ДАМБАРА

ТОСКА ПО МОЕЙ РОДИНЕ

Тоска!
Тело мое неподвижно,
а душа моя странствует,
а слезы — словно река,
такая тоска,
что объять ее невозможно.
Бадиу́, где ты?

Из комнаты в комнату,
среди белых,

среди пышных ковров,
разговоров изысканно вежливых.
Я там, на луне, я там,
ноги мои не касаются пола.
О, мой народ, как надменны
эти белые господа!

Черный с островов Зеленого Мыса, я не поэт,
о нет,
и пророком тоже не буду.
Правда, она как лампа на холме, чей свет,
куда бы ни шел, видать отовсюду.
Все же лучше в себе не уверенным быть,
чем самоуверенным слыть.
Я хотел бы послушать рассказы Росиньи,
историю Куноти или дядюшки Пушкина,
песни тетюшки Маниньи,
виолу дядюшки Шалино,
пляску Дундиньи,
батуке тетюшки Дунды...
Ах, моя деревня,
слезы текут
к морю.

Расскажи мне, Росинья, о времени давнем,
когда маленький Пушиньо говорил, играя словами, —
песчанный откос кос,
а песок невысок,
а прибой рябой,
а в Пикинтоне камень не топчет,
а в Пилонкане при урагане
кокосы летят, как осы...

Говори мне, Росинья, не бойся,
ибо ты сама правда, Росинья,
пусть ты книг никогда не читала,
не учила историю права,
но рассказы твои — это правда,
ибо были тобой досконально изучены темные трюмы
кораблей, уплывавших на юг,
и удары бича по спине,
и в дырявом кармане на дне
завалившийся грошик последний.

Говори же, Росинья, не мешкай,
расскажи о восстание Манела,
когда взялись мужчины и женщины наши
за топор и за нож,
а мальчишки — за камни.
И я себя в грудь ударяю —
терпенье, о черный
с островов Зеленого Мыса!
Наше мужество кончилось,
когда голод нагрянул
в те тридцатые годы.

О храбрость Менди, барабана Мело,
не родилось еще женщин храбрей, чем она!
Но, увы, мы бессильны
и бессильно ружье:
поднимись на вершину холма
и взгляни —
канонерка маячит
на рейде!

Я пустых не желаю речей,
болтовни этой, время крадущей!
Я спешу.
Я пустых не желаю речей.
Я спокоен,
и лишь рыболовная спась,
только сети рыбацкие в море.

Ну, смелей подходи, Куноти,
в своей драной рубахе,
и свою Расскажи мне историю, ибо история,
та, которою пичкают в школах,
она лжива насквозь и годится лишь только для тех,
кто ее сочиняет.

Стань же здесь, Куноти,
в своей драной рубахе,
и свою Расскажи мне историю,
да, историю тех, кто читать не умеет,
да, историю ту, где и я так правдиво показан:
мой отец был посажен в тюрьму «королем»,
«королева»

мою мать превратила в рабыню,
брат мой гнул свою спину на них.

Где ты, мужество Бадну? Выходи!
Где ты прячешься ныне?
Ты смелее ступай по земле,
ибо горе нам, если ты спишь, —
будет голод и мор,
кожа кости обтянет,
и разверзнутся снова могилы.

Бернайли, о коровий пастух,
старый вол подъяремный —
один только спирт остается ему
да мотыга, что воткнута в землю, —
в воскресенье копает,
в понедельник копает,
и во вторник он сеет,
и в среду сажает,
а потом без конца сорняки выдирает,
а дождя благодатного нет —
это только для белых!

Бернайли, о коровий пастух,
нет дождя, и земля высыхает,
а он знай себе сеет и вновь сорняки выдирает,
год приходит и снова уходит,
ты обманут, согнулась спина, в животе твоём голод,
лишь потуже ремень затянуть —
да в могилу.

Бернайли, чернокожий с Зеленого Мыса,
светлой кожи не чти, а тем более — белой:
белый в трюмы швыряет тебя, чтобы стать побогаче,
он тебя продает, а себе покупает машину,
заставляет полы тебя мыть, а себе он ковры покупает,
заставляет тебя мостовые мостить, а себе он дворец покупает
и тебе помогает ремень затянуть,
чтобы свой распустить было можно.

Где же ты, Бадну?

Начинается танец, все громче звучит редеб,
эй вы, девушки с лицами чистыми, как у святых,
и вы, юноши, тоже — из своих выходите углов!
Ну, а я уж не выйду,
не для меня этот танец.

КАОБЕРДИАНО КУНОТИ

РИТМ ОЖИДАНИЯ

Повремени, Море,
еще подожди малость,
повремени малость,
Ветер, таящий бурю,

надо копить ярость
здесь, в полосе прибрежной,
быть всегда наготове,
ждать, когда час настанет.

Ярость ваша понятна,
гнев ваш мы понимаем,
но, чтоб добиться волп,
надо иметь терпенье.

Когда же команда грянет —
ночь для них станет ядом,
любая звезда — срядом,
нацеленным прямо в сердце.

(Тогда, пожалуйста, Море,
выйди из берегов —
ну, что тебе стоит, Море!
Тогда, пожалуйста, Ветер,
смети их с лица земли —
ну, что тебе стоит, Ветер!)
Тогда уж португальцам,
в ад попавшим,
захочется спастись,
да будет поздно.

МАНУЭЛ ЛОПЕС

ГОЛОСА

В ночи, что зыблется без звезд и без луны,
я слышу голос. Он растет из глубины,
в той стороне, что неизвестна мне,
неведома...

В порту у человека одинокого
спрошу: «Что там за крик — пустынный
и протяжный —
доносится из бездны ночи влажной?
Не так ли мать зовет, зовет далекого
бродягу в гавани?»

«То голос моря, то шумит приборь.
...Корабль ушел в назначенное плавание
и взять не захотел меня с собой».

В ночи струнстой, в тьме необозримой
идет корабль — собрат пустыни сонной,
и на волне дробимой
качается, как месяц отраженный.

Спрошу у человека меж водою
и небом, бредящего далями матроса, —
и вздрогнет он от моего вопроса:

«Что там за крик — пустынный и протяжный —
проносится над ночи пустотою,
как трепет ветра в заросли густой?»
«То голос порта, то зовет приборь.
...На рейде старом, рейде захоластулом
мне вслед она платком махала грустным:
я взять не захотел ее с собой...»

КОРАБЛЬ

Солнечным утром,
о, как хорош проплывающий мимо,
в синее-синее море плывущий — в ровном порыве парус раздутый,
вьющий и вьющий по водам узоры, без веера пены, легко,
без нажима...

Ах, только это! Над истинным морем подлинный парус
машет и машет кому-то в безгранье, как белый платок
расставанья,

а живописец-ветер легкой рукою
на великаньем холсте простора с тайной тоскою
кресты перепутий морских набрасывает на память,
как мастер, сосланный за горизонт, на затерянный остров
изгнанья...

МОМЕНТЫ

I

(Истории так часто повторяются...)
Моменты — те же двери на шарнирах,
вертящиеся вечно и привычно:
то отворяются, то затворяются,
но кто в них проникает — безразлично...
(Открыты царственно развилки мира
для тех, кто им с улыбкой покоряется.)

II

Был миг. Он за руку схватил меня когда-то
и бросил —
оглушенного, ненужного,
как бы наемного, но безоружного
и безнадзорного солдата
в необъяснимый бой, где только сил растрата.
Был миг, который
мне дал предвиденье картин грядущих,
больших и малых, —
я угадал их,
и сделал шаг вперед под их влиянием,
покорный будущего настоящим,

и снова сделал шаг под торопящим взором
событий ждущих...
Был миг. Он мне открыл пейзажей вереницы,
а для истории — ни уголка страницы.
(Он только приоткрыл историю. Потом,
не дав ей вырваться, прикрыл другим листом,
и много мертвых тел осталось на дороге.
Вот — странных тех побед бесславные итоги...)

III

Поэт, едва-едва проснувшийся во мне!
Дорожный твой мешок до верха полон ныне:
в нем — тяжесть некогда отринутых минут,
груз жестов, прерванных сквозь сон, на половине...
Бедняга, ты бредешь без цели,
наугад,
петляя, путаясь в лохмотьях той одежды,
подобранной с дорог,
которую сносил,
хоть вовсе не носил, да и не видел прежде...

ЭКРАН

За этой сменой волн, которым ни конца, ни остановки,
за этим горизонтом неизменным,
на этой белой полоске в синем море
(в шторма и в бури — серой),
оставленной винтами устремленных
вперед, неугомных кораблей...
(Мечты бегут, как волны, над ироничной бездною-химерой;
в рассвет прекрасной жизни и, может быть, уже в дорогу к ней,
подхлестнутые верой...),
...есть голоса иные,
глаза, вместившие иные виды света,
безумием цивилизаций рожденные, первые токи,
которым Атлантику не пересечь и, к нам не прорвавшись, остыть;
есть человек в толпе, и есть широкий
размах континентов —
и волнореза песне волнующей — их не достичь...

Там есть, о братья, борьба любая
для всякого, в ком бороться жажда,
и есть экран, на котором чувства твои отразятся в оттенке

каждом:

поезд — сталь, что кусает сталь, рев городов над молчаньем полей;
в ошеломительной высоте — самолет бурящий, сверлящий даль,
бессонными светляками глаз вращая во тьме ночей;
тщеславные мультимиллионеры, —
всех представимых вещей короли,
что свет затопили без толку и меры
рекламой прекрасного в нынешнем веке; что подожгли
твой нищенский взор, пожирающий запоздалые,
отсталые газеты и журналы,
где блестят кинозвезды надменные, вожделенные,
невесомые, словно обожествленный картон.
А за всем этим — стужа, бои-тои,
дно, клоака, бессильная злоба,
преступленье, позор, мотовство,
вихрь отчаянной схватки...
— А здесь? Ну а здесь — ничего.
Здесь — покорность. И каждый, не зная пути своего,
выбирает его без разбора, в слепом беспорядке...

За этой сменой волн, бегущих без конца и остановки,
я знаю, есть дороги для поступи героев,
и руки добрые, что машут, провожая, благословляя
людей великой грезы, шагающих по следу пророков, гениев

необычайных...

Там есть борьба, которой ты не знаешь,
но рвешься к ней конем, привязанным весь день у пешеходной
дороги, по которой бредет толпа видений, надежд и обещаний,
порой неуловимо оживляя
пейзаж холодный...

И молча

ты слушаешь, как ветер в скалах бродит, поет за их грядою,
средишь за сменой волн, бегущих без конца и остановки,
за этим горизонтом постоянным,
за белой полосой, оставленной винтами судов ушедших.
как будто за мечтою беспредельной,
где гаснут последние гримасы иронии бесчинной,
и на краю туманном
ты видишь контур корабля, который не взял тебя с собою.

ПЯТЬ ПЕСЕН
О РАЗЛУКЕ И ЛЮБВИ

Я ведь тоже капля в океане, наши жизни
не так уж раздельны.

Уитмен

I

За руки взявшись, шагать нам рядом повсюду.
Правда, на крыльях тревог я уноситься буду,
и ты подумаешь: я забыл улыбку твою колдовскую.
«Кто уезжает — увозит сердечные муки».
Храни же тоску пути и разлуки,
умножь ее, вновь тоскуя...

II

Я иду туда, куда уводит
эта жгучая меня тревога,
ты передо мной всегда стоишь незримо,
как свеча обета, —
вечно рядом где-то,
вечно негасима...

III

...Я же земля, по которой ступаешь ты,
воздух, которым ты дышишь мгновенья любое,
ветер, что ночь напролет у дверей твоих стонет,
вещи, цвета, явления, что видишь ты,
даже воспоминанье твое — мимолетная тень мечты
от шороха ветви, когда она засохший листок уронит...
Ах! Невесомое таинство долгих Часов над волной!
Даль бесконечных Часов, где теряюсь я неизбежно!
Не так велико Пространство, мой друг, между тобой
и мной,
по Время — безбрежно...

Укачай меня, грусть о побережьях,
о неведомых еще и пустынных,
но которых прекрасней и желанней
не встречал я в скитаниях прежних,
о прибрежьях, дивных, как виденья каравелл старинных...

Укачай меня, грусть (и чтобы на прощанье
об ее движеньях мне мечтать печальных,
о последних мигутах расставанья),
хоть бы и с надеждой так же я расстался,—
ибо храм любви, воздвигнутый так страстно,
может и обрушиться без звука.
...Не разлука для Любви — пространство.
Время — вот разлука...

Недолгий обман переменчивых судеб,
рассеянных в мире,—
вы, кого поджидает Время,
дремлющее под покрывалом пространства!
О, если бы, если бы реяли вы,
как птицы в эфире,
дыша их вечной весною!
(Коротка твоя жизнь, моряк,
но ведь терпкость ее — сильнее.)
О, если бы расстоянье, моряк, было, как Время, свободно!
Не верь ты, не верь, будто даль над Временем властна:
лжет и обманывает дорога призрачно-вечной длиною!
Любовь, моряк, забывает Время, когда ей только угодно,
но Время не забывает Любви, помнит о ней всечасно...

Я РАЗРОЮ ТВОЮ МОГИЛУ

Полное грации — «Аве Мария» — шепчу моление,
и то же томленье душою овладевает,
которое в детстве чистом только бывает.
Мой шаг замедлен, жесты бессильны и беззащитны,
бледность на пальцах дрожащих,

но не боюсь я хулы, не страшусь повошенья,
ни взоров, из тьмы горящих,
ни завываний, ни трупов, ни их оживаний,
ни поцелуев студеных
толпы мертвецов возбужденных,
ни по невидимым лестницам — шороха ног незримых,
ни ночи, ни теневых погонь, что рыщут, мой след учуя,—
я ничего не боюсь. Мне ничего не страшно.
Ибо твою могилу разрыть хочу я.

Длинные волосы твои станут еще длиннее,
на бледных дремлющих пальцах ногти еще удлинятся...
Эти руки — только спят. Улыбка эта —
улыбка пловцов по морям покоя и света...
А может быть, ты готова
сказать последнее слово,—
лишь веки опущенные ожидают
тайного привета...
В твоём одиночестве ты изучила тропинки без перспективы,
без бега и без пространства,
лицо твоё явит тайну в чертах умиротворенных,
и на застывших устах, уголков лишенных,
слово так ясно,—
ясней, чем звуки псалма в усыпальнице, чем аллилуйя,
чище росы, на заре восходящей,—
ибо твою могилу разрыть хочу я...

Века пролетают внутри бесконечного мига,
и новый мир вырастает из старых развалин мертвого мира.
Много пройду я дальних дорог без отступа и препоны,—
путем без извилин и тупиков, прямым, незамысловатым,
как тот, которым и ты вернешься, окутанная ароматом
цветов, погибших тому назад пролетных лет миллионы

И когда среди светлого дня солнца не станет,
а в светлой воскресней ночи луны исчезнет сиянье
(и когда сотрутся все границы между ясным днем и тьмой
ночью),
и покой обнимет человека,
и в берлогу дикий зверь вернется,
и когда, как в тайну ожидания, целый мир оденется в молчанье,
и глаза и уши отомкнутся для приятия вести великой,
как новый псалом, в твоих чистых устах обретающий силу,—
я разрою твою могилу...

РОБКИЙ ПОЭТ

Страшно ему порою, что он поэт, —
чужих измерений скиталец безумный.
Боишься он странных, пустынных мест, боишься уединений,
оскаленного фискала, что рвется выведать
его секреты, его побег от всех в одиночество.
С ужасом видит он, как люди будней,
без церемоний, словно диковинную птицу,
рассматривают его и трогают пальцами.

Крадучись
он возвращается в круг обычного,
где солнце публично, где ветер изведен,
цвета заучены, вызубрены предметы...
Внутри обращенные, он закрывает глаза,
и покидает он дали свои беспокойные...
И сходит он с горестного пути, им горько открытого,
с пути, что вел его к цели.

Новое откровение — участь его.
Стезя его тяжела.
Страшно ему порою, что он поэт...

ДРУГОЙ

Другой живет во мне, душа другая.
Все отбирая, что дал мне день вчерашний; все подбирая,
что бросил я дорогой. А завтра он присвоит
все, чем сегодня я располагаю.
Его присутствие меня поэтому беспокоит.
(О, как неполно, как призрачно, как мистично
то, что порою мне он возвращает частично!..)

Я человек обычный,
я — человек, идущий
дорогою každодневной...
Другой — бежит, и в пути далеком
теряется он, влекомый пным потоком.
Живу спокойно. Спимаю
я перед встречным шляпу, всех приветствую, понимаю...
Другого — в бездну тянет.

Он — лист опавший,
звук, в паутине застрявший,
медленных вечеров тишина глухая,
сирена отплывающих пароходов...
Он — одинокие слезы надломленного судьбою,
кошмар ненастной ночи,
машущий платок, платок разлуки,
крик среди молчанья,
мрак, плутающий под солнца лучом палящим,
жгучее пламя в ночи холодной и стылой
(то камельком перекинется греющим, то маяком маяющим)...
Он — отпор всему, что приемлю — из трусости и по привычке,
тревога, слетающая с небес, как ветер полночный,
чтобы смутить покой моего уюта.
Он — проницательный взгляд, наблюдающий каждый мой шаг,
пасмешка
над страхом моим признаться в любви к чему-то.

Иду я себе — обычный среди обычных,
и оставляю в пути, за спиною,
незамечаемые часы — ряд невесомых касаний,
и мечты — пластинами породы пустой, но с блеском внутри,
нераскрытым,
и беспорядочные клочки стремлений, желаний,
под шагом моим разбитым,
и подвиг, — сожженная полднями пыль моих одиноких скитаний.

Другой — это маленький мальчик, который играет моими
часами, как будто цветными шарами воздушными,
им же надутыми, —
дитя, что играет моими стремленьями тайным,
подвигом распыленным, подвигом, зноем сожженным,
пустыми пластинами, куда замурованы пленники, тайные блики
блистаний.-
и надежды, мечты невозможные,
все, что я растерял по пути...

КРЕОЛ

В сердце ты скрываешь пламень жгучий,
исподволь палящий,
как на ниве сжатой, долго длящей тайное тепло.
Ты родился на земле, творящей
силу и терпенье; на земле, дарящей

голод тебе в пору засух тяжких,
боль, дабы, ее изведав, стал ты человечней.
И дала она тебе пригубить кисло-сладкой влаги пониманья
и осадок разочарованья — униженья привкус бесконечный...

И дала она тебе надежду. Без иллюзий.
День текущий нас да не обманет.
И счастливый вздох — опорой
дню грядущему, который
не настанет...

М О Й К Р А Й

Пути разочарований...

Контрасты —

горы, теснины глубокие, потоки ревучие, ключи пересохшие,
пашни, плато, все сметающий ветер, воющий, завывающий,
зазывающий, глубина молчания, белизна побережья, черные
разинутые бездны, пики, пустыри, буйные травы...

Драма дождя и солнца

и грусть мотыги, так часто праздной...

Были вначале только земля и море, —
время спустя показалось шестие зеленомысцев — братьев моих.

Были стихии, —

время спустя появились кораблекрушения.

Тьма была вначале, —

время спустя пришел человек, а с ним — трагедия засух.

И вот — ростки надежды, печали, боли

укоренились цепко среди дороги.

Земля! Ты столь желанна — не оттого ли?

Всех оттенков кожа у зеленомысского народа,

и не по всем ли морям он скиталец!

Душа, скрывающая столько непредвиденного, —

по силе боли, тебе на долю выпавшей, ты всех гуманнее.

Свою любовь ты обратила к людям,

как тот цветок пустыни и полудней...

В мельканье вечном зол и себялюбий —

о человек человечный!

Ты Сизиф, без конца начинающий снова,

Сдавленным гневом кипящий сурово и все ж покорный.

Каждый день наступает последний час, каждую терцию,

каждое из накрапывающих мгновений...

Спускался ночи суровый плащ — вечной печали друг
постоянный...
Только живое время теперь я слышу.
На темной тропе — только светлых часов я чувствую шаг
неустанный.

Тверже ступай, чтобы верность шагн обрели!
По той или этой тропе не ходи, единой стези избранник.
Слушай дыханье прибоя, молчанье земли,
разочарованный странник.
На перекрестке дорог дом ты построил свой,
там, где земля твоя поднялась из ярости первоначальной:
эта отвергнутая земля и стала твоей судьбой,
островитянин печальный.

НОКТИЮРНЫ

I

Бухта с редкими огнями,
скачущими под волнами,—
золотые гибкие угри,
выпрыгнув на бархат черной тени,
в море лунатическом зажгли,
в тихом море, вихри отражений.

Какие-то крики,— как те, что обычно таятся в груди молчаливо,
летали, бродили...
Призраки шлюпок, чернея, сновали,
пятнами порт покрывали...
В тихой печали
мачтами чуть шевелили...

II

Одинокая, над морем,
девушка в пятнадцать весен,
что высматриваешь тайно?
Ждешь кого в ночи необычайной,
из молчанья дали?

Парохода ли, что в порт пустующий ворвется?
Или выдумку иную — средство от печали?
Или более щедрого объятия?
Или красного слова в разговоре?
Кораблекрушения любовного, — но ужели у берега?
Но еще ли — в открытом море?

Что, угольщик, сейчас тебя печалит?
Зачем пустую пристань ты не бросил
и смотришь вниз, на волны? Чья тень, скользя по свету,
баюкает, несет пучину эту,
как мертвую, качает?

Ты шумом порта бредишь,
но порт — обезголосел.

Ты — угольщик минувшего. Частица
машины, вышедшей из обихода,
забытая деталь — не для починки...

Лицо твое так чисто... Мне душу надрывает
догадка: не бывает на нем теперь ни угольной пылинки.

ГАБРИЭЛ МАРИАНО

КАПИТАН АМБРОЗИО

Черное,
Знамя черное,
Черное знамя голода,
Реет над городом черное знамя,
Вспышками света вспорото.
Ряд за рядом идут колонны,
В глазах голодных — огонь свободы,
В глазах голодных — огонь голодный —
Черное пламя голода.

Руки, руки,
Взметнулись руки.
Тяжкий шаг — пульс мятежа.
Это народ идет по городу,
Это идет мулат Амброзио,

Там, впереди, —
Мулат Амброзио
С черным штандартом голода.

Холод ночи,
И слишком долог,
Горек на вкус и неистов голод.
Но впереди идет Амброзио,
Черный стяг несет Амброзио,
Вспышки пламени там, за знаменем,
Как знаменья,
Вспышки пламени там, за знаменем,
Как обещания.
Новых дорог,
Новых судеб,
Любви,
Свободы —
Всего, что будет...
Глаза голодных горят огнем —
Тысячи черных знамен.
Это народ идет по городу,
А впереди —
Мулат Амброзио
С черным штандартом голода.

Все совершилось в единый миг:
Вихрь мятежа налетел
И стих.
Был арестован мулат Амброзио,
В цепи закован мулат Амброзио,
Долго томился мулат Амброзио
В дальней темнице.
Умер Амброзио —
В землю зарыт,
Но черное знамя,
Как прежде, горит.

Рыдает голод,
Рыдает голод,
Рыдает голод на улицах города,
На улицах города стонет голод,
Тело города кричит от голода:
— Мы вымираем, о капитан!

На острове нашем, о капитан,
Голод безбрежен, как океан.
На острове нашем живем, как в пустыне,
Шикинья ушла — не стало Шикиньи,
Ньоньо уехал — погиб на чужбине,
Но ты возвратишься, наш капитан.

О, возвратись,
Приведи за собой
Ветер свободный,
Ветер-ветрило,
Ветер-ветрило невиданной силы,
Бурю такую, такой ураган,
Чтобы людская молва взговорила:
«Это вернулся наш капитан!»,
«Это Амброзио
Встал из могилы!»

Черное пламя —
Черное знамя —
Снова взвилось над городом,
Это Амброзио
Вместе с нами
Вышел на битву с голодом.

Наш отец повелел нам впредь
Петь на восходе солнца, петь,
Песней встречать капитана Амброзио.

ПОЭМА РАБА

Они о тебе говорили, что ты им больше не нужен,
Что ты лентяй и бродяга...
Они говорили также, что ты недисциплинирован
И что по всему по этому
Ты им больше не нужен...
Они прекрасно знают, что все это неправда...
Они прекрасно знают, что они лжецы.
Они хотели смешать с дерьмом твою душу,
Они хотели напиться твоей крови...
Тебя кормили
Гнилой кукурузной мукой,

Тебя пойли
Болотной водой,
Тебя одевали
В старую мешковину.
Между тем плантации кофе
И плантации сизаля,
На которых ты работал,
Росли и росли, поднимались до неба,
А поезда проходили по твоему телу.
В чем же ты виновен?
Ты только сказал, что вода — грязная.
Кукурузная мука, от которой ты отказался,
Была гнилой...
Поэтому ты стал им не нужен.
Поэтому тебя называют лентяем.
Поэтому столько плохого
Говорят, болтают.
О, приди! Я тебя так давно ожидаю,
Мужественный, непокорный, мятежный!
Приди!
Дай мне руку!
Спляши вместе с нами
Гордый и воинственный
Батуке!

ОВИДИО МАРТИНС

ЗАСУХА

Деревья
с обугленными ветвями
исходят слезами и потом.

Сожженная почва
иссякла,
обессиленна даже для мук.

Души
прочернили
до самого мяса
корней.

Деревья
без плоти.

Земля
в пожаре.

Люди
в осаде жажды,
в осаде страха.

Братья мои
среди циклических катаклизмов
безводья.

И выело
силу их
горе
даже для моря.

АНТИБЕГСТВО

Буду плакать,
просить,
умолять.

Не поеду в Пазаргаду.

Брошусь на землю, обхвачу
судорожными руками
эту траву и от крови черные кампи.

Не поеду в Пазаргаду.

Буду выть,
орать,
убивать.

Не поеду в Пазаргаду.

ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Давно изведанный путь.
Навек заведомый путь.

В голодных руках,
в безродных руках,
в руках, не знающих горя,
в руках горластого моря...

Гитарой — чтобы рыдать,
гитарой — чтобы предать,
гитарой — чтоб петь во тьме,
гитарой — чтоб жить в тюрьме...
Скалы острова Сан-Томе.

БИЧУЕМЫЕ ВОСТОЧНЫМ ВЕТРОМ

Это мы бичуемы Восточным ветром!

Для нашего спасенья
Никогда не организовывали комитетов,
Никогда не распахивались ничьи ворота, чтобы нас укрыть.
К нам не протягивались братские руки.
Мы бичуемы Восточным ветром!

Море выучило нас своему упорству,
У ветра мы переняли умение плясать даже от горя,
Козы преподали, как грызть камни, чтобы не умереть от голода.

Нам, бичуемым Восточным ветром!

Умираем и воскресаем,
Ужасая, вгоняя в отчаяние
Тех, кто стал нам поперек дороги.
Упрямо держимся на ногах
И шлем вызов богам и людям.
Засухи нас не пугают
С тех пор, как мы открыли
Причину наших бедствий.

Мы бичуемы Восточным ветром!

Люди забыли, что мы их братья.
Голоса сочувствия, что до нас доходят,
Значат не больше,
Чем голос моря,
Просолившего нашу кровь навеки,
Чем голос бурь,
Вдунувших в нас свои ритмы,
Чем голоса наших гор,
Их странная, немая музыка.

Мы бичуемы Восточным ветром!

ТОМАС МАРТИНС

СТИХИ

I

Думаешь, вижу в тебе лишь твои ячменные волосы,
зелень глаз,
свежесть губ?

Пойми, ты нужна мне вся, целиком,
со всеми живущими в сердце твоём тайком
заботами, думами и скорбями.

Хотел бы я видеть в тебе
больше чем женщину — друга, соратницу по борьбе,
опасной и неумолимой.

Тогда б поняла ты, что жизнь —
та жизнь, что отныне мне необходима, —
больше того, что вмещают твои мечты.
Если б гнала и тебя жажда жизни,
полной риска и напряженья,
от сраженья к сраженью

ради того, чтобы солнце светило всем,
если б и ты захотела
брать от жизни больше того,
что она в состоянии дать...

Тогда я искал бы,
искал бы тебя опять,
чтобы ты рядом со мной
и смеялась и пела.
И я нашел бы тебя,
возлюбленную и сестру, —
ячменные волосы на ветру,
свежий рот, приоткрытый в улыбке.

II

Подобно былым корсарам, искателям приключений,
однажды и я уйду
на белой каравелле, под белыми парусами, —
исполнить свою судьбу.
Зеленое гулкое море станет мне верным другом,
ветер меня окатит смехом твоим упругим,
искорки глаз твоих вспыхнут в ночных небесах,
и там, среди скитаний, будут моей добычей
белые каравеллы, белые паруса.
Вольная братья, мы будем
валить вековые деревья
и ноги кровавить о тернии диких лесных дорог.
Но однажды вернусь я
один и устало
переступлю твой порог,
потерявший друзей и свою каравеллу...
Словно свинцом налитое тело,
руки изодраны,
до крови сбиты ступни,
опущусь я у ног твоих.
А ты — ты знаешь, что сделаю:
просто ты на меня взгляни,
до волос дотронься рукою,
прикоснись губами ко лбу.
Я отдохну и уйду, чтобы снова забыть о покое,
чтобы докончить борьбу.

ГИЛЬЕРМО РОШТО

ПАНОРАМА

Повсюду
в просторах грядущего утра,
в расплывчатых контурах маскировки,
в гуле войны,
в агонии черного дыма
и пороха —
люди,
чья битва в тылу.

То, что на поле боя
обернется болью,
выстрелом в упор,
здесь, в тылу, отзывается
смутным беспокойством сердец,
болью за себя и за них.
Эвакуация, разлука, тревоги,
вести о потопленных караванах судов.

Война распатанных нервов:
война, колющая нас
вестями с войны.

Бессонные ночи
сердец,
пишущих стихи
нервами
войны.

И чудится,
будто фронт —
на востоке, юге, в небе, повсюду.
И что война — не где-то,
а в нас!

ЭУЖЕНИО ТАВАРЕС

МОРНА ПРОЩАНИЯ

Час расставанья
камнем в груди.
Час расставанья,
не приходи.
Вспомню, что ты
ждешь впереди, —
на сердце мгла,
жизнь не мила.

Грозное море
ждет меня вновь.
Дай мне, любовь,
выплакать горе.
Плоть, как раба,
в путы возьмут.
Душу — ее
не увезут.

Сладко с тобой,
горек отъезд.
Горе изъест,
жить надоест.
Если умру
в дали безвестной,
волею бога
дома воскресну.
Я не уйму
слез расставанья.
Нет моему
горю названья.
Сможешь ли боль
сердца живого
выразить ты,
жалкое слово!

Я не уйму
слез расставанья.

Нет моему
горю названья.
Здесь, близ тебя,
мучусь ревнуя.
Как же разлуку
перенесу я?

АГИНАЛДО ФОНСЕКА

ОПУСТОШЕНИЕ

Крик раздирает мне горло...
В этом крике пламенный ветер
или огонь преисподней.

Горизонт сжимается, как петля,
на даях и моих надеждах.
Не знаю — то ли он из крови,
то ли из пыли кровавой.

(О, если б изведать ласку
прохладной тени,
зеленых веток,
утесов влажных!)

Кажется, голос канул
в море солнца, где растворились
все предметы.

Я кричу — и не в силах
выдрать черствый крик из глотки,
и не знаю,
чем от тоски откупиться.

Дайте мне озеро — много
озер с прозрачной водою,
откуда напился бы взгляд мой.

Поля зеленые дайте,
чтоб вырвался на свободу
придушенный голос.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Я и ты задумали
Выстроить наш мир.

Ты носил камни, воду, размешивал известь.
Я стоял поодаль, наблюдая твою работу:

— Красивое будет зданье!..—

Я вошел,
Я все осмотрел внимательно,
С благодушной улыбкой:

— Хорошее будет зданье!..—

Ты орудовал ломом и лопатой...
Ты дороги прокладывал,
И сажал деревья по обочинам этих дорог,
И поранил руки, и до крови стер ноги
На этой тяжелой работе...

А я тем временем сел в машину,
И проехал по этим дорогам,
И сорвал плоды с деревьев, которые ты посадил.

— Как все хорошо, как все красиво! —

Ты копал землю и бросал в нее семена.
И окропил эту землю своим потом.
Я восхитился твоим урожаем и крикнул:

— Сытость! —

Ты опустил заступ
Всего на одну минуту,
И вытер пот со лба,
И сосчитал скудную плату,
И закричал:

— Голод!

Ты и я задумали застроить наш мир...
Но когда труд был закончен,
Я вошел, захлопнул двери
И оставил тебя за порогом.

ПО ДОЛГОМУ ПУТИ МОЕЙ НАДЕЖДЫ

Лицо подставляя ветру,
По долгому пути моей надежды
Иду... Мой шаг повторяя,
Бьется горячее сердце.

Иду с пустыми руками, иду с губами сухими
По долгому пути моей надежды,
Все потеряв, что было, все собирая, что будет.

Дни, месяцы и годы я разбросал, не жалея,
По долгому пути моей надежды.

Многие смотрят с усмешкой:

— Куда ты идешь, несчастный?

Чему улыбаешься вечно?

Какая такая тайна тебя вдалеке ожидает?

Падают, падают листья...

Дикие ветры воют

На просторах пустынных...

Но я все иду, все иду...

Стучит, и стучит, и стучит

Мое горячее сердце

По долгому пути моей надежды!

МЕРТВАЯ ЗЕМЛЯ

Бесплодна земля, где братья мои,
спотыкаясь, по жизни бредут.
Солнце их спины хлещет лучами,
суховея выжигает душу.
А на волнах океанских ночами,
залитые лунным светом,
покачиваются миражи
прохладных лесов и колосящихся нив.

Печальна земля, где братья мои
поют (только небо вверху и море вокруг).
Их заунывные песни взлетают в поисках неба
и падают вдруг,
беспомощно крылья сложив.

Мертва и простерта под солнцем земля,
где мои братья глядят на пролетающих птиц,
на океан без границ,
на облака.
И чего-то все ждут
с пустыми руками.

МАРИО ФОНСЕКА

КОГДА ЖИЗНЬ ВОЗРОДИТСЯ..

Здесь,
на краю земли погребенный,
к этому морю приговоренный,
я созерцаю свою решетку,
я наблюдаю пейзаж обычный:
катятся вдаль голубые волны —
кладбище наших иллюзий вечных
и недоступная нам дорога
в мир, которого мы не видим,
за горизонтом,
за дальней тучей,
воображенье,
мираж летучий,
сдавленный между двух стен отвесных,
сжавшийся между землей и морем...

(А душа покориться не хочет.)

Там, за решеткой,— земля,
сухая земля,
голодная,
безводная земля,
бесплодная,
любимая,
обреченная,
земля, где гитара тенькает
на каждом углу, и пьяница
на мостовой валяется,
и безмолвствует побежденный
(побежденным уже рожденный),
и песет свое тело мертвое
проститутка по тихой улице,
и живой паренек, мятущийся
и молчащий, боясь молчания
и боящийся поражения,
предвещаемого отчаяньем,
что лежит на лице отца его,
возвращающегося под вечер
с мотыгой на плече...

Только песни одни печальные
заглушают боль
и отчаянье...

О, земля, земля моя высохшая,
тщетно ждущая руку помощи,
тщетно ждущая крика ярости
из груди, преисполненной доблести,
человека, который борется
с несчастливой своей судьбой...

О, земля,
земля без пророков,
без повстанцев,
без террористов,
и без падших,
и без великих,
и без классовых битв жестоких,
лишь земля,
та земля, в чьих недрах
миллион родников таится,
родников доброты
и жизни,
ждущей доблестного человека,
чтоб иные открыть дороги —
не единственно только к морю,
не единственно только к бегству, —
а иные совсем дороги,
отовсюду
к земле идущие,
неизменно к земле ведущие,
к ней, нетронутой,
полной жизни,
неизменно зовущей к жизни
их, уставших,
их, оживающих,
их, воскресших
и жить желающих...

Море с одной стороны —
но уже не тюрьма,
земля с другой стороны —
земля великих и падших,
земля террористов,
повстанцев,

пророков,
зла и добра,
очерченных четко и ясно,
земля живописцев,
ученых,
поэтов,
которым отныне
не надо вымаливать дождь
для земли своей милой,
поэтов,
воспевших с огромною силой
судьбу человека,
воспрявшего к жизни,
судьбу человека
на этой земле,
пребывавшей в молчанье от века...
Пророков,
повстанцев,
великих и падших,
ученых,
поэтов...
Когда жизнь возродится...

АРНАЛДО ФРАНСА

АНТИСТИХИ О СПЯЩЕЙ КРАСАВИЦЕ

Пока ты еще не явилась моим глазам,
я знаю — ты не в зачарованном замке,
вокруг которого вьются драконы.

Чтобы соединиться с тобой,
мне не нужна волшебная палочка,
не нужно плутать по лесу,
опасаться хитрых засад.

Ты есть в любом уголке мира,
как я — в любом другом уголке.
И жизнь твоя — как жизнь любого из нас.
Ты ходишь по нашим улицам,
под нашим солнцем,
разделяя наши печали, мечты, мятежи.

И мы обязательно встретимся.

Я перережу последний узел веревки,
которой я связан,
собью ноги о камни дорог
и, встретив тебя,
во весь голос закричу о победе!

Ты обовьешь меня своими руками,
голоса наши сольются,
твой рот расплывется в улыбке,
и навсегда проснутся глаза —

и ты без боязни отдашь мне
свою чистоту.

М И Р

Твой ясный голос вплыл в морские дали,
улегся шторм, прояснело вокруг,
глаза людей по небесам блуждали,
и падало оружие из рук.

Над пашнями, над зеленью земною,
над реками, стекающими с круч,
еще луна смертельной желтизной
сочилась — череп среди серых туч.

Но свет уже царил непобедимо
и падали, в огне и струях дыма,
стальные птицы смерти в бездну вод.

И вскоре на ожившем небосклоне
твои возникли добрые ладони,
образовав надежды нашей свод.

ФРАНСИС БЕБЕЙ

МАСКА ИФЕ

Маска Ифе —
древесный лик сумеречных времен —
следит, ухмыляясь,
за хороводом годов,
проходящим в ритме маятника часового.

— Что есть год
и что век? —
повторяет она про себя.—
Два пальца,
скачущих на циферблате;
уж не они ль
способны меня состарить?
Фробениус, к тебе я зываю,
к тебе, что меня отыскал
под безжалостным солнцем Бенина;
взгляни:
разве я постарела?
Разве не те же морщины на лбу
и не то же страданье во взоре?
Друг мой, время не старит меня —
год ли, век, —
что мне два пальца,
скачущих на циферблате?
Я,
маска Ифе,

безразлична к векам
и в веках неизменна;
сегодня — такая ж,
как тогда, на свежей земле,
когда изваяла меня
первобытная сила искусства.

Уже не торгуют рабами — десяток сигар за штуку;
протяжные стоны не рвутся
из трюмов, наполненных смрадом.
У жизни иные заботы,
и она награждает искусство
мещанской медалью за верность текущей минуте.

— Как хороша эта маска! —
воскликает сноб, не веря себе самому.
— Хороша? — откликается архисноб.—
Но разве не ясно,
что ей не хватает штриха здесь вот, на правом виске.—
И профессорё затевает бесстыдную болтовню,
выдвигая тысячи соображений о негритянском искусстве.

Будьте ж неладны — вы, возомнившие, что обрели
тайный смысл,
сокровенное слово маски.
Вчерашняя пошлость
копируется сегодня:
слепые поводыри
заблудились
в негритянском искусстве,
что старо, как мир, и, как мир, перевозданно.
Будьте неладны — вы, решившие, что разгадали
неподвластное разуму слово.
Плоские толмачи,
чуждый от века язык
вам ли дано постичь
с вашим бесплодным рассудком?

Маска Ифе прислонила древесный лик сумеречных времен
к столу, где расставлены сувениры,
и говорит их владельцу, туристу, обживающему святыне места
— Ты, почтивший меня посещеньем,
послушай, приятель:
хочешь — смотри на меня, не нравится — отвернись,
но не суди обо мне;

и, главное, умоляю,
не пытайся меня разложить
по полочкам глупым
науки чужого мне мира.

О П Т И М И З М

Ангелы бога образовали конвейер,
штампуя кулечки счастья
в розово-голубых покаях
цвета летних закатов.

Ангелы сатаны образовали конвейер,
штампуя кулечки злосчастья
за серой занавескою капель,
составляющих тучу.

Прелюбопытное дело...

Ливень стоит стеною.
Сорок дней и сорок ночей потопа
тянутся до сих пор.
Мелькнуло нечто иное:
радуга осчастливила Ноя,
но скрылась за пеленою
бесчисленных серых капель,
составляющих ливень.

Нужны нам новые солнца,
сильнее, чем это солнце,
нужны такие лучи,
которые смогут землю
спасти от потоков злосчастья;
нужны нам новые солнца,
сильнее, чем это солнце,
нужны другие лучи,
могущие выпить тучу —
в предотвращенье потопа.

Возьми же свою споровку,
уменье
и разуменье
и отправляйся в цех,
где люди и механизмы
фабрикуют счастье для всех.

Там, в конвейере длинном,
ты найдешь свое место,
будешь затягивать гайки,
клепать, ковать
и слесарить —
множить крупицы счастья.

Работай, работай, работай
для блага себе подобных,
так же, как те ангелочки,
что выстроились цепочкой,
штампуя кулечки счастья
и детали нового мира.
Работай...

— Я?

За меня — не волнуйся;
лучше я посмотрю, как работаешь ты,
как усталость и отвращенье
тебя одолеют на склоне лет —
на подступах к дерьмовому счастью.
Я, развалившись в качалке дней,
посмотрю, как раздавит тебя безнадёжность,
а быть может, все та же надежда;
и тогда я спрошу у тебя:
— Друг мой, взыскующий неба,
задумался ты хоть раз:
а что, если бог не хочет,
чтоб были счастливы люди?

ЭЛОЛОНГЭ ЭПАНЬЯ ЙОНДО

СТИХИ ИЗ КНИГИ «КАМЕРУНИ КАМЕРУНИ!»

СПИ, МОЙ МАЛЫШ

Спи, мой малыш.
Когда ты спишь,
Мой малыш,
Ты прекрасен,
Как ранний цвет
Апельсиновой рощи.

Спи, мой малыш,
Усни, мой сынок,
Спи,
Как волны прилива,
Убаюканный ласковым бризом,
Который поет нам: «Вуа-вуа»,
Замирая у ног
Обрыва.

Спи, мой малыш,
Усни, сыночек
Черный,
Черный, как ночи,
Прекрасный,
Как ясные лунные ночи,
Как надежда на близкий рассвет,
Который ты видишь во сне.
Спи, мой малыш.
Когда ты спишь,
Мой малыш,
Как ты прекрасен,
Мой маленький черный сыночек!

НАСЕДКА

Наседка квохчет:
«Мбока-мбока».
Несется, квохчет:
«Мбока-мбока».
Цыплята вырастут,
Мы их спросим:
Чего она хочет,
Зачем она квохчет:
«Мбока-мбока»?
Цыплята ответят:
«Мбока-мбока, —
Это боль, это вечная мука природы,
Материнская участь — тяжкие роды.
Как вы, так и мы
Рождены из плоти.
Все живое на свете —
Не сталь, не камень.
Рождаются дети,

Все матери стонут,
Как мать наша — квочка,
Которая квохчет:
«Мбока-мбока».

В Е П Р И

Слышу стук топоров,
Рушится сталь на стволы,
Рушатся пальмы вдали.
Слышу: «Ух-ух!» —
Лесорубы надсадно дышат,
Сокрушая сердце мое.
В грохоте грозных тамтамов
Слышу я: матери стонут
На темных полянах,
Только вчера озаренных кострами.
Там пляски, любовь и надежда
Вселяли в сердца
Единственное желанье —
Жить
И жизнь продолжать.
Слышу стон матерей:
«Белый пришелец,
Ты отнял у нас сыновей,
С тех пор опустела деревня,
Умер огонь в очагах.
Белый пришелец,
Щедро даришь ты нам голод,
Посеял нужду и погибель.
Жизнь — как отравленный пруд,
Одно здесь спасение — смерть.
О белый пришелец,
Хватит!
Довольно с нас
Пыток и мук!
Сердца наши в ранах
Рваных.
Эти раны наносит стук топоров,
Которому вторят вздохи наших сынов,
Ваших рабов,
Лесорубов.

Дни нарождаются,
Дни умирают,
Проходят,
Минет и нынешний день,
Но молодые побеги —
Дети,
Рожденные нами,
Яд ваш змеинный впитают
С нашим грудным молоком
И научатся вскоре,
Жизнь свою обороняя,
Хищника рвать зубами.
Чтоб не было каторжных лагерей,
Чтоб вырвать право на жизнь
Из пасти диких свиней,
Чтоб счастье вернуть человеку».

Т Е Б Е

Как буйвол
Томится в зной без воды,
Томится
Сердце мое без тебя.
Имя твое
Рассыпал я
В каждой строке
Этих скорбных стихов.
Любовь моя,
Слышишь мой зов?

М А М А! М А М А!

Мама! Мама!
Одна ты была у меня.
Все, что было моим на земле,—
Это ты.
И они убили тебя.
Мама! Мама!
Кто теперь меня защитит
От пальцев,
Которыми тычут в меня.

От злых языков,
От мальчишек,
Которые вслед мне кричат
С издевкой:
«Вот идет гулящая девка,
Как сорочки, меняющая парней!»
Мама! Мама!
Почему же именно ты?..
Куда же теперь мне пойти?
Почему же они —
Эти белые —
Черных всегда убивают?
Ведь черные
Для себя
Требуют только свободы.
Пусть меня обзывают
Гулящей девкой,
Клянусь твоей смертью,
Мама,
Клянусь
Родной нашей хижинкой,
Нашей деревней выжженной,
Дымом ее,
Гарью ее клянусь,
Что отныне и навсегда
Я буду в воинственном стане
Тех, кто поднял восстание
За свободу родной земли.
Слышишь голос мой,
Мама, мама?

СОГЛАСИЕ

Воображает моя жена,
Что я — старый скряга.
Когда на рынок уходит она,
Я ей взять разрешаю
Только треть урожая.
А она заявляет такое:
«Наверное, чирей под мышкой
Тебе не дает покоя,
Трудно тебе шевельнуть рукою,
Чтобы добыть деньгу».

В чем же моя вина,
Жена?
В том, что тщетно пытаюсь добиться чего-то?
Что нелегка работа?
Что на ногах устоять не могу,
Когда шквал меня валит,
Когда бессонница, как на горе,
Мучит ночами?
Ладно, жена,
Я с тобою не спорю:
Быть может, я скуповат.
Станешь скупым, когда нет деньгí!
Ты хоть мне помоги!
Достаток — он как подушка:
Можно спокойно спать,
Не страшась пробужденья.

ЧЕРНЫЙ АТЛЕТ

Ступаешь ты тихо-тихо,
Медленно, словно птица,
Зачарованная взглядом змеи.
Выступаешь ты тихо-тихо,
Напряглись все мышцы твои.
Тяжко дышишь ты перед боем,
И не слышишь ты над собою
Глас толпы: «Эсса! Эсса!»
Он твердит тебе всякий раз:
«Не своди с противника глаз,
В схватку бросайся смело!»

Могучий черный атлет,
Эластичная черная кожа твоя
Напряженные мышцы одеда.
Противник перед тобою.
Эсса!
Гляди — не зевай!
Эсса! Эсса!

Каждая мышца напряжена,
Кровь твоя зажжена
Пламенем боя.

— Ты можешь забрать меня,
Черный солдат,
Раз белый тебе велел
Негров сажать в тюрьму.
А если прикажет он
Забрать
Наши мысли в тюрьму,
Наш гнев,
Быть может,
Саму
Жизнь?!

ФРАНСУА СЕНГАТ-КУО

НА ПЕРВОМ ЛИСТЕ

Слова выстроенные в ряд
будничны и бесцветны
но порой они разворачиваются радугой
в грозном сверкании молний
нанизанные как монисто из ракушек
на нитку радостей и невзгод
подхваченные стремительными волнами
и тогда они становятся поэзией

СЛОВА ТОТЕМЫ

Леопольду Седару Сенгору

О склонить курчавую голову над гладью беспредельного моря
Черное тело прими крещение в белопенной купели
пронесись по немой каменной пустыне книг
замурованной в вечном глухом молчании
растопить снега всего мира в своей ладони
и припав пить и пить большими жадными глотками
а горло стиснуто жгучей жаждой а в сердце
истерзанном взлетающей стаею сожалений
властный призыв царственных пальм моей родины
неумолчные раскаты гулкого тамтама

слова тотемы везде под любыми широтами
в них шепот тайн доступных ушам посвященных
ястребы в поднебесье рисуют иероглифы
родники поют журча колдовские песни
в долинах не орошенных моими потом и кровью
я участник праздника мне дано отвесть плодов
чуждого дерева глубоки ли корни его я не знаю
чьи кости чей прах питают его живительным соком
не может дерево устремиться ввысь к небу и солнцу
не ухватившись прочно корнями за материнскую землю
не смочив своих стоп в подземной влаге могил
о эта жажда что стиснула мне пересохшее горло
в сердце истерзанном взлетающей стаею сожалений
о этот властный призыв пальм моей родины
и немолчные раскаты гулко-го тамтама
ко мне мои тотемы ко мне тотемы моего детства
все вы спящие в потайных углах моей памяти
в красных тельцах моей крови и темных клеточках моей кожи
вы залог святого союза между мной и мертвыми предками
вы свет закатного часа и вы обещанье зари
снова у меня в руках ключи от волшебных снов
слова тотемы везде под всеми широтами
да будет утолена моя жажда прозрачностью ваших знаков

К МАСКЕ

Маска колдовской лик хранитель моей деревни
я приветствую тебя как петух встречает песней зарю
и как блудный сын исповедуюсь в моей измене
Мне говорили о маска в мои ребяческие года
будто в извечном взгляде твоём таится адский огонь
будто древняя улыбка твоя гримаса проклятья
будто ты воплощенье обмана смятенья хаоса

Маска я оставил тебя на краю дороги
так усталый путник сбрасывает с плеч громоздкого идола
вот молитва моя голос тревоги в преддверии ночи
Великие Повелители Книги Властители Закона
да будет царствие ваше наградой за мои скитания

Усталые ноги мои разбиты от долгого странствия
я прихожу к тебе как из бесплодной окаменелой пустыни

в поисках тени жаждущий прохлады живых родников
я возвращаюсь к тебе маска с высоко поднятой головой
раскаты моего смеха гремят среди праздничного веселья
я вновь обрел тебя священная пуповина моего существа
ты прекрасна ты пронзаешь мне сердце своей человеческой
правдой

в глубине твоих глаз горят солнца изначальных времен
и губы твои возвещают шепотом позабытые тайны
я знаю ты не конец ты начало и обновление
о маска ты это я взирающий на меня
я приветствую тебя как петух встречает песней зарю

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ГРИОТ

Эль Хаджу Амаду Ахиджа

С глаз моих в полночь после первых петухов
не срывало паутину сна козье молоко
в ту раннюю пору жизни когда мотылек
вылетает из кокона не перекатывал я во рту
не пережевывал сотни раз орехов кола и мбонголо
и вкуса пальмового вина на рассвете
вина приобщенных не знают мои уста
кто освятит мой язык для торжественных песен
будь я гриотом кудесником былых времен
я поведал бы миру о твоём высоком родстве
я возвестил бы что ты из рода кокосовой пальмы
я пел бы гремел как труба Луи Армстронга
о том как бурлит твоя кровь в жилах моего народа
ты укротивший тигра и приручивший попугая
сочетающий в себе стройность пальмы и величавость баобаба
горделивый как ник Камерун что грудью встречает бурю
исполненный тишины как Амадауа среди ночи
ты повелитель слова и кузнец народных восстаний
будь я гриотом кудесником стародавних времен
я воспел бы твою сильную молодую плоть порождепье
плодородной почвы тучного ила ленивой Вури
своевольной Бенуэ таинственного Вьонга и быстрой Санага
ты вскормленный щедром Дождем с сияющим Солнцем
ты знаешь пряную мужественность напитка старинных чаи
и сладость меда собранного пчелами в сумерках
я поведал бы миру тайну твоей алхимии

ты сплотивший в рассветный час воедино саванну и лес
я рассказал бы всем о твоём высоком родстве
я возвестил бы что ты из рода кокосовой пальмы
я пел бы пел бы подобно трубе Луи Армстронга
о том как бурлит твоя кровь в жилах моего народа

СТЕНЫ ИЕРИХОНА

Луи Армстронгу

Труби Армстронг труби
волны твоего дыхания бьются
в твоей трубе взвиваются на дыбы
в них память о предсмертных хрипах
в трюме о насилиях в полночный час
о щелканье бичей и столах линчуемых
о клыках ищек вонзающихся в живую плоть

Труби Армстронг твоя труба
ведет счет пролитой негритянской крови
потом негров утучнены в Америке
хлебные тростниковые хлопковые поля
ценой негритянских слез воздвигнуты небоскребы
набиты золотом бриллиантами жемчугом
доверху сокровищницы Нового Света

Труби Армстронг труби
пусть твоя труба изрыгает ураган
на истерзанный изъеденный язвами Гарлем
разбуди его бешеной скачкой своей крови
влей бодрящий сок в его тепловатые жилы
оживи засохшие ветви его дерева
в твоей трубе храпит и рвется с узды весна

Труби Армстронг труби
сокруши могучим рыком тимпаны мира
замурованного в лицемерном молчании
рычанье твоей трубы — отзвук мужественного тамтама
воскресшей Африки
труби Армстронг и пусть от грома твоей трубы
рассыплются стены Иерихона

РЕНЕ ФИЛОМБЕ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Они отыскиали меня в моей первозданной
и сумрачной бамбуковой хижине.

Они отыскиали меня,
одетого в смрадные шкуры,
меня, говорившего не на их языке,
и хохотавшего, как струя водонада,
и полюбившего черных богов,

тамтамы

и амулеты...

— Первобытный! Бедняга! — сказали они
и принялись за работу.

И вот мне на голову хлынул холодный душ
болтовни и книжных сентенций.

А потом меня втиснули
в узкий костюм
с чужого плеча.

А потом мне впрыснули в кровь,
в мою чистую, светлую кровь,
коварство, и алчность,
и алкоголь,
и блудливость,
и готовность продаться за грош
и братьев продать...

Ур-р-ра! Смотрите, какой я красивый —
цивилизованный человек!

МАРИНА ГАШЕ

СЕЛЕНЬЕ

Каньярири, Селенье Труда,
Селенье вечной работы.
Непересыхающим потоком
Текут старухи с мотыгами,
Темные, согбенные,
Полоть маис.
Юные жены, как ослицы,
Погоняемые пуждой,
Вверх, вниз по волнистым холмам
Идут вереницами,
Их тела изогнуты паподобие луков —
На спине поклажа,
У груди младенец;
Руками и копалками
Весь день они роятся в земле,
Как куры в поисках червей.
Движенье всюду.
И даже у сельской церкви многолюдно,
Как у колодца,
Куда «обновленные» с их мегафонами
Не устают сзывать паству
На исповедь, испить живой воды.
Мужчины на заре уходят, оставив женам
Костлявых коз и плачущих детей.

ДЖОЗЕФ КАРИУКИ

БЕССОННЫЕ В АНГОЛЕ

Сна больше нет.
И не звенят туго натянутые барабаны.
Их сбили с ритма
Пулеметные очереди, жалобы раненых.
А завтра...
Если оно настанет, это завтра.
Сна больше нет.

Порывистый ветер, дующий с севера,
Поднял их. Распрямил наперекор насмешкам судьбы.
На смерть стоят они. Ради того, чтобы так же,
Распрямившись,
Радовались жизни их дети.

Они не одиноки.
Гнев закипает от стонов их по всей нашей истерзанной Африке.
И никогда угнетатель не сможет больше жадно
Касаться ее неисчерпаемых, жарких, сгустками крови
обезображенных глубин.

Бессонным будет он отныне
На нашей земле.

КАРИУКИ

Полночный час обнаружил собравшихся женщин,
Перебиравших имя за именем.
«Пусть назовут, как моего племянника», —
Сказала одна. «Нет, как брата моей сестры. Кираиу
Пусть будет имя, а может быть, Мванги?»
Потом я услышал, как заплакал младенец.
(Ему от рождения был всего час.)
Почти вся деревня мгновенно проснулась.
Что заставило их проснуться?
Запахавшийся старик появился в дверях.
«Не плачь, Кариуки», — так он шептал
Тому, кто пришел в этот мир, еще глухому.

Так имя «Кариуки» начало свой нескончаемый путь.
Оно передавалось из уст в уста —
«Мальчик?» — «Кариуки родился!»
Славный воин родился снова.

ДЖОН МБИТИ

НЬЮ-ЙОРКСКИЕ НЕБОСКРЕБЫ

Желтый, рассеянный свет заходящего солнца
Поглощала мглистая пелена,
Обволакивавшая его, как подсвеченный воск;
И когда день кончался чахлыми лучами,
Дымные трубы Нью-Йорка заходились кашлем
И, глядя в стекла согбленных башен,
Плакали горькими слезами черного дыма.

МАКСИМ НДЕБЕКА

РАССВЕТ

Мать
 Вытирает слезы.
 Жена
 Прибирает в доме.
 Ребенок
 Моет лицо.

Мать
 Открывает пальмовое вино.
 Жена
 Напевает тихую песню.
 Ребенок
 Перебирает гитарные струны.

Радио
 Вдруг замолчало.
 Пушки
 Внезапно смолкли.
 Партизан
 Изумленно замер.

Радио
 Вдруг замолчало.
 Пушки
 Огнем не плюются.
 Партизан
 Стоит среди тихого леса.

Неужели твоя заря наступила?
Неужели мы выкупили землю?
Неужели народ овладел победой?

Мать
Плетет гирлянды.
Жена
Поправляет косы.
Ребенок
Перебирает струны.

Мать
Последние слезы роняет.
Жена
Обнимает ее и плачет.
Ребенок
Твердит какое-то слово.

Радио
Вместе с ребенком плачет.
Партизан
Перевязывает раны.
Конго
Опять поет у Порогов.

Радио —
Вибрирует голос.
Партизан
Вдыхает свободный воздух.
Конго
Опять поет у Порогов.

Мать
Широко раскрывает объятия.
Жена
Надевает мягкие туфли.
Ребенок
Выбегает навстречу.

Мать
Широко раскрывает объятия.
Жена
Удерживает дыхание.
Ребенок
Ведет отца-партизана.

Радио —
Голос звучит сильнее.
Пушки
Молчат, охвачены скукой.
Партизан
Простирает культы к небу.

Радио:
Лумумба проснулся.
Пушки
Лежат в лесу, как телята.
Партизан:
Народ обрел свое право...

Конго,
Верю в твое возрождение.
— Оно неизбежно,
Ибо гриоты поют Лумумбу,
Гриоты поют надежду...

МАРСИАЛЬ СИНДА

СВЕТ ЗАРИ

Работорговец —
Это неисцелимая рана
На запястье твоём,
Африка.
Воздух давит и душит.
Душит меня
Запах зеленого ила,
Запах болот гниющих,
Запах гнилой древесины,
Запах веревки на шее.
И неистово бьется
Волна моих мыслей.

Жалобы, слезы и песни мои
Неси в своем сердце, тамтам!

Я слышу —
Шепчутся скалы,

И волны кричат
На сотни ладов —
О рабстве кричат,
О дедах моих,
Проданных в рабство.
И волны неистовых мыслей моих
Прибоем, прибоем, прибоем
Ложатся к моим ногам.

Жалобы, слезы и песни мои
Выскажи миру, тамтам!

Воздух давит и душит...
Рабство пахнет!
Этот запах повис над Конго,
Над черным гранитом скал,
Смазанных жиром зелени.
Волны мыслей моих
Прибоем, прибоем, прибоем
Ложатся к ногам
И опять умирают.

Жалобы, слезы и песни мои
Выскажи миру, тамтам!

Воздух душит.
Работорговец —
Это неисцелимая язва
На запястье твоём,
Африка.
Вспомни, тамтам, вспомни скорей
Наш голос, что был когда-то свободным,
Наш голос, который задушен повсюду —
От берегов африканских
До Мартиники,
До Гвианы,
До Гваделупы,
До островов Антильских.
Отвратительный запах веревки
На человеческой шее. Хха!

Жалобы, слезы и песни мои
Выскажи миру, тамтам!

Расскажи, что бывают часы
мечтаний и грез.
Расскажи, что бывают часы
свинцового сна.
Расскажи, что бывают часы страданий,
Расскажи, что бывают часы сомнений,
Когда надо кричать и рыдать,
Чтобы рассеять
Ужасы ночи...

Жалобы, слезы и песни мои
Выскажи миру, тамтам!

Расскажи, что бывают часы
оцепененья немого,
Расскажи, что бывают часы и дни,
Когда мы кричим,
Когда мы совсем не боимся хозяев.
Расскажи, что бывают часы иступленья,
Когда мы рычим,
Когда мы, хмелея от гнева,
Грозим.
Да, пока мы только грозим.
Но потом?..

ДАБА

Ойю, хе, ле, ле о-йю!
Слышите — это даба кричит
И скудную землю бьет,
И трудную землю бьет,
И черную землю бьет,
Плодородную землю бьет,
Захваченную у нас.
Даба — наша острая мотыга,
Даба — наше мирное оружие.

Ойю, хе, ле, ле о-йю!
Слышите — это даба кричит,
Страх наводя на всех.
Черной землей вам в лицо плюет,
Ойю, хе, ле, ле о-йю!
Если даба страдает,
Если даба на помощь зовет,

Если даба работать не в силах,
Если даба не в силах терпеть,
Она страх на всех наведет,
И даже почтенный хозяин ее,
Дрожа, глядит на ее острне.

Ойо, хе, ле, ле о-йо!
Слышите — это даба зовет,
Ей надо хорошую рукоять.
Она хочет есть, она просит пить,
Но никто на помощь ей не придет.

Ойо, хе, ле, ле о-йо!
Это даба кричит, ведь она голодна,
Это даба кричит — исстрадалась она.
Это даба кричит — утомилась без сна,
Это даба кричит — затупилась она.

Ойо, хе, ле, ле о-йо!
Слышите — это даба кричит.
Но когда наша даба устанет кричать,
Мы крепко сожжем ее рукоять
И швырнем ее вам в лицо.

Ойо, хе, ле, ле о-йо!
И пока наша даба не будет сыта,
Она вам покоя не даст,
Да, она вам покоя не даст.

Ойо, хе, ле, ле о-йо!
Слышите — это даба кричит!

ЖАН-БАТИСТ ТАТИ-ЛУТАР

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОЛНЦА

(Любовь звонит у дверей)

Это снова галлюцинация
Или великая весть?
Небо уже отхлынуло,
Пересекая дорогу птицам и облакам.
Оно зевает полукругом голубизны,
Пока еще не показывая звезды-зубы свои.

Мнимый провозвестник духа, смотри,
Разве не прекрасна живая земля!
Старую книжную гривой своею тряхнув,
Увидишь ты девушку вдали, на ветру.
Два незрелых манго — груди ее.
Она к тебе направляется в надежде свить гнездо
Среди шершавых завитков мысли твоей.
Ее следы — больше не сны
И не буквы, напечатанные на листе.
Она приближается вечером, и вечер сядет вот-вот:
Стая птиц, линияющая на лету.
А пока еще она смотрит на тебя сквозь луну,
Которая над землей открыла только одну створку двери своей.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОЛНЦА

(У молодого артиста — рак)

По земле он рассыпал скудный букет своих дней,
Когда песня перехватила петлей горло ему.
Треями были струны его полны,
Но импресарио, сцена — все это не для него.
Вот отчего, наблюдая всю ночь,
Как часы прыгают в болото тьмы,
Принимал он за флейту месяц молодой
И на изнанке у солнца песню хотел записать.
Брызгали ноты, как в городе бьют ключи,
Когда копьём в асфальт ударяет солнечный луч!
Потом он умер, задушенный песней своей.
И под уклон,
Никем не сопровождаемый, тащился катафалк,
Разве что на ухабах
Содрогаясь, как будто от слез.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОЛНЦА

(Сон безработного)

Текут облака наподобие рек
По голубому руслу небес.
Избирает этот воздушный путь
Бродяга, спящий в тени придорожного столба,
Точно птица на термитнике, которой нечего есть!

Город пляшет у бродяги во сне
Голубоватыми крышами — курево грез.
Ветер со свистом переворачивает самолет,
В воздухе потерявший колеса, — не падает самолет!
Эта твердая косточка — в коленях у всех,
Когда такой долгий путь.
Многоножкой двигается ночь
К вулкану зари.
И бродяга рассказывает еще один сон
Единственной ножке кровати своей:
«В мире великий голод.
Я вижу: на обочине Млечного Пути
Большую Медведицей съеден Телец».

С В О Б О Д А

Из чрева земли
Тьмы насекомых выпустил ураган.
Им кажется, что настало время завоевать
Солнечную высь.
У ласточек в клювах гибнет эта мечта.
День за днем стерегу мою жизнь.
Я выпалываю сорняки-мечты,
Разрезаю тенета снов,
Рожденных на плодovitой соломе ночей.
Всех этих паразитов — на съеденье ветрам!
Так полдень возжигает миллионы снов,
Когда солнце над нами всею своею ясностью говорит.
Барабан свободы в деревне гремит.
Кожа лопнет вот-вот.
Вы посмотрите: танцую, идет человек
Босиком по тропе,
Где колючки еще кричат
В ярости.

Ч И К А Й Я У Т А М С И

* * *

Линии рук предвещают нные пути.
Дайте нож, пусть войдет в мою сонную тишь.
Разорвет эти ветхие нити древней судьбы.

О, свободным быть от своей судьбы!
Травам росу вернуть...
И пусть поутру все земные пути
Мне откроют линии рук.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ И РЕКИ

Однажды наступит время,
и мы закружимся в вихре,
подобно листьям деревьев,
и станем пищей
для погребальных костров,
станем пеплом и тленом.
Наши души
превратятся в осколки кремней.
Берегитесь, босые ноги,—
вы споткнетесь о нас
на любой из дорог.
Узнавшие жажду,
изведавшие любовь,
ощутившие время,
как струящийся в пальцах песок,
мы, слитые воедино
с ревом прибоя,
с течением рек,
с биением сока
в жилах деревьев,—
неужели
мы превратимся в ничто
и невозможно спастись?
Но море бьет в берега,
и рифы стоят,
коронованы пеной,
и реки срываются в бездну,
и листья поют.
Так неужели
нельзя узнать,
для кого поют эти листья
и ветры бегут по саванне
и что таится на дне этих рек?
Надо идти,
сжав кулаки,

и приветствуя гром,
и следя за движением звезд,
рассекая джунгли,
взмывая на гребне волны,
и не надо быть
ни гиеной,
ни ланью,
ни зеброй,
ни питоном —
никем,
только самим собой!
Шуршит песок,
и птенец прокалывает скорлупу.
И хочется жить
и молчать
или просто плакать.
Дремлет ребенок,
и мать забывается сном,
и прозревает сова,
и луна качается в небе,
и плывут лепестки цветов
по черной воде...
Неужели однажды утром,
солнечным утром,
не будет для нас
ни птиц, ни цветов,
ни листьев зеленых
и высохнут реки?
Дремлет ребенок,
и где-то струится тамтам,
и качается в небе луна,
и вращается время —
сверкающий камень
в оправе из тишины...

* * *

Нам завтра помудреть
Ты веришь мне Скажи
Покинув рубежи
Судьбу изменим впредь

Да-да уйдем вдвоем
Твоих красивых рук
Я гордый верный друг
И мой удел в твоём

Я ждал — придет пора
Забудем про вчера
Дай жизнь вот жизнь на жизнь

Мечтой задержишь
Даруем ей в итог
Вечерний наш цветок

* * *

А дождь бубнил-бубнил
Свой бесконечный гребник
На пятнах непотребных
Налет жемчужный был

А дождик тратил пыл
На черепичных гребнях
Сиреневых и древних
И хмель я ливня пил

Следа его игру
Шатанья на ветру
Тщета толпа не жди

Мой тихий дождь, к утру
Ты завтра приходи
Не то — с тоски умру

* * *

Рвать лепестки и сметь
а зеркала тусклы
а балафонг тосклив
и в луже пьяным смерть

в дурном угаре лет
вся жизнь его прошла
младенчиков тела
воняют амулет

конечно ибиску́с
искус на всякий вкус
срывай срывай срывай

Я раб ее руки
о мой строптивый рай,
а сердце в черепки...

* * *

Бессмыслица в природе,
Забвение у ног.
Хаос — помилуй бог!
И осень па исходе.

Округа в том же роде:
Надгробья у дорог,
Мужчина — червь тревог,
И дом при огороде,

И дым над ним висит.
— С меня довольно! Сыт!
Ведь я чего-то стою.

Вот мышц витье литое,
Вот сердце золотое,
Берите — удостою.

РОЛАНД ТАМБЕКАЙ ДЕМПСТЕР

ЭТО АФРИКА?

Когда-то окрещенная
Темным континентом,
обезьяньим царством
хвостатых антропофагов,
что только и могут
быть рабами, —
ты ли это, Африка?

Сегодня непреклонно
свою судьбу творящая,
перед врагом стоящая
с мечом в руках —
наша вера в счастье выше
злой силы «расы высшей»! —
ты ли это, Африка?

Гордая.
Красивая.
Исполненная мудрости.
Ты ли это, Африка?

Некогда презренная,
втоптанная в прах,
сегодня — сердце будущего —
ты ли это, Африка?

Африка,
мать-Африка!
Нищая, поруганная,
бывшая рабыня,

ты восстала ныне, Африка,
мать-Африка!
Ты утешенье для детей твоих,
еще томящихся в неволе,
умывающих слезами.

БАЙ Т. МУР

ВЗГЛЯД В ИСТОРИЮ

Африка —
Парадокс.
В Лиссабоне
В сырой конторе
Картограф
Ставит чернильную кляксу
На Африку, и оттого
Ее называют
«Черным континентом».

Африка.
Воображение
Населяет ее людоедами,
Огнеедами,
Дикарями,
Приносящими в жертву людей.

Африка.
Исследователи
Приносят в Европу вести
О золоте
И алмазах,
Слоновой кости
И пряностях,
И парни с Флит-стрит
Устремляются
За добычей.

Африка —
Гибель для белых.
Там змеи,
И дикари,

И непроходимые джунгли.
Но Африке нужен свет,
И торговцы привозят сюда
Библию
И ром
И просвещают
Проклятый материк.

Африка.
За добычей
Гонятся все — от французского
Иностранного легиона
До разбойников в пробковых шлемах
Из всех стран света.
С пушками и знаменами
Приплывают они
По морю,
А некоторые смельчаки
Пробираются с караванами
Сквозь пески великой Сахары
Единственно для того,
Чтоб дикари
Причастились культуры.

И вот уже
Цивилизаторство
Идет полным ходом —
Золото и алмазы
Переpravляют в Европу,
Уже подводят итоги,
И вдруг просветителям
Приходит
В голову,
Что есть и другое
Золото,
И тогда начинают продавать
Людей
В Нью-Орлеане,
Бостоне
И саванне.
Впрочем, это лишь эпизоды,
Только лишь эпизоды
Из великой книги —
Истории Африки.

НОВАЯ АФРИКА

Из мрака восточной ночи
Африка выплывает
На первые полосы
Газет всего мира.
Куда ни глянь:
На севере и на юге,
На западе и на востоке —
Всюду взрывы, которые будят
Некогда спавшие земли.
Колонии освобождаются
Так быстро, что их народам
Некогда избирать
Национальные флаги
И национальные гимны.
Задача их велика —
Преобразить всю Африку,
«Черный континент».
Отныне двести миллионов,
Двести миллионов африканцев
Сами определяют
Судьбу своих стран.
И все это, несмотря
На происки тех, кто недавно
Заливал эти страны кровью.
Колониальные тюрьмы,
О которых скоро забудут,
Стали университетами,
Откуда на сцену истории
Вышли бесстрашные,
Закаленные борцы за свободу.
Зовите их розовыми или красными,
Но они заставили всех
Уважать свою Африку.
И Африка может сегодня
Догнать наш двадцатый век.

МЕСЯЦ ЖАТВЫ

Боги ликуют двенадцать месяцев,
Крестьянин — только месяц Глейто,
Когда в полях золотится рис

И самый памятный забывает,
Что было когда-то голодное время.

Поля наполняет густеющий воздух
Благоуханьем созревшего риса,
Окро, кореньев и кукурузы.
В этот месяц не угасает
Веселый очаг в крестьянском жилище —
Хозяйке дома теперь не до скуки.

Вон по извилистой узкой улочке,
Беспечно танцую, шагает девчонка
И распевает песню о жатве
И после — песенку о веселье.

Когда же солнце Глейто заходит
За деревья, поля и горы,
Видно, как по холмистой дороге
Двигнутся черные силуэты:
Это семья направляется в город,
Чаши, блюда, корзины и тыквы
Качаются на головах у женщин.
Глейто — месяц, когда в деревне
Вспоминают тех, кто ушел навеки
В дальние плодородные страны,
Где встречаются все племена.
На поминках пойдут разговоры:
— Какой был искусный в деревне знахарь,
Как он нас исцелял от болезней!
— А помнишь, какая была повитуха?
Сколько от нее в деревне
Впервые услышали слово «здравствуй»!
— А вот был старейшина, мудрый и скромный,
Его приглашали на все советы —
Познавьям его завидовал вождь.
— А помнишь, был кузнец голосистый,
Весельчак, хохотун неумный.
К кузне его сходились крестьяне
По делу и для приятной беседы?
— Была красавица в нашей деревне...
— Юноша был, смывленный и быстрый,
Ему еще в детстве поверило племя
Все секреты и тайны старших...

Где для поминок зарежут корову,
А где крестьянин не пожалеет
Единственную в хозяйстве козу —
Только бы сделать приятное другу,
Который придет посидеть с тобою,
Поговорить и почтить раздумьем
Память тех, кто ушел навеки
В дальние плодородные страны.

Месяц жатвы. Гремят тамтамы.
В джунглях, взмывая и опускаясь,
Извивается лента песни.
Лунный свет в серебро превращает
Сто миллионов безмолвных листьев,
А ноги так и зовут туда,
Где на извилистых узких улочках
Слышатся четкие ритмы танца.

АЛИ МУХАММАД АР-РАКИИ

НА РОДИНЕ МОЕЙ

Любовь ушла.
Она сегодня
неразличимо далека.
Любовь ушла.
Осталась только
неизлечимая тоска.
Но эта горькая касыда
не о тоске,
не о любви.
Пою тебя,
страна родная,
глаза бездонные твои.
Мой нищий край —
беда и горе,
земля,
плодящая рабов,
глухие голоса
и стоны
по переулкам городов.
Позор,
и грязь,
и вечный голод
повсюду на моей земле.
Здесь недоношенные дети
рождаются
в подвальной мгле.

Из наших ран
сочатся муки,
в сердцах —
отчаянье и боль.
В ночи
проносятся рыдания
и надо мной,
и над тобой.
Летают мухи-кровососы,
ползут чахотка
и чума.
Полночный
заунывный ветер
шатает ветхие дома,
где спят вповалку
на циновках
истертых
тысячи семей
в моей стране,
в краю любимом,
на славной родине моей.
Беспечные туристы,
гости
добросердечны и щедры:
швыряют медные монеты —
великодушные дары.
Торгуют женщины
собою
на древних плитах площадей
в моей стране,
в краю любимом,
на славной родине моей.
Молчишь,
земля полуживая,
земля,
плодящая рабов,
незаживающая рана,
моя бессонная любовь!
Все продается —
все на свете —
за горстку жалкую грошей
в моей стране,
в краю любимом,
на славной родине моей.

ЭДУАР МОНИК

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«ПРИЧУДЫ МОРЯ»

3

моря! я на вас начертал беспристрастность мою

черты этой женщины
я на своей нацарапал руке
это кровь а быть может не кровь
я рисую опасность и черную линию соли
в прозрачной завесе дождя

человек и вода
две седые легенды которые смотрят — одна на другую
два одинаково верных зверя.

5

наутро море вновь ко мне пришло
с пучками водорослей старых
облепленных морскими звездами

об этом братья вы твердите мне
зимой чей вой от стонущих камней
уходит в завтра вы мне говорите

о чуде возвестившем древний край живущий в памяти
без плеток и решеток
край где ни тюрем ни цепей
лишь первая молитва и свобода

я в это утро позабыл тревогу
я дома и лицо моей любимой Неж
становится листком сирени
моим вчерашним кружевом и флагом
скалой отверстой речью всплеска
время вернулось времени наперекор
там на мысу крутом в знак дружбы
я возведу свой сельский храм
в порыве кожа темная темнеет
слыхал я что Христос от камня вечного
шел на Голгофу чтоб возвестить мое явленье

сегодня утром разыгралось море
и вскоре церковь захлестнет волна.

7

песок облепил нас и наши тела
невольно облек
подвижной чем наши ладони текущий песок

я выпью с губ твоих эту волну
здесь где звезды корня лишённые падают над океаном

я силу на берегу обрету чтоб тебе уступить
чтоб счастье мое в твоём образе стало опять
безымянным.

9

неподвижность
осеннего моря

деревя неспособны к проклятьям
слишком много их под дождем
по сравнению с людьми
чьи свидетели руки
грозящие миру...

изо всех достояний
 только жизнь невозможно в руках уместить
 не прикроет она наготы
 но случается рвется по швам так внезапно и странно
 и клейменую клячей лежит после шквала
 в ожидании новых ударов.

тебя встречать люблю в далеких городах
 где каждый шум и крик и маятника взмах
 твой повторяют пульс стучат в моих запястьях

я так тебя люблю на берегах заморских
 когда восходит ночь как древо обнажаясь

люблю родство с тобой и нашу разделенность
 и на границе дня слиянье наших лиц
 и то что где-то там вся жизнь все «за» и «против»

не говори мне «нет» зовущему вдали...

уходить как уходят сквозь волны в моря в запустенье
 в сновиденье твоём чародей даровал свои чары
 дождю раскаленные иглы и угли ветрам
 будут они играть в ювелиров
 станут ласкать и гранить
 мрачный гранит и базальт
 — из этого плаванья мы уже возвратились
 из эпохи далекого детства
 это край где свои имена города потеряли
 как в давнее время рабы
 в странах которые тоже сменили давно имена
 как это чуждо все нашим теперешним книгам

сквозь волны в моря в запустенье
 гальки прибрежной где наши баркасы
 наше единственное богатство
 и ты подсчитываешь засыпая
 наше законное достоянье
 наши тела.

— пишу тебе из этой зимней страны
где птицы сошли с ума
чтоб свихнулся тот кем стал я сегодня

с этой землей ты связала меня
а у нас обожженные травы и воды
а здесь Южный Крест не укажет пути

— из этого зимнего города я пишу
ведь птицы сошли с ума
они одолели тревогу
и завели предсмертную песнь

наши руки уже неспособны изобрести огонь очага
остров шагает по каждой из наших улиц
плотью моей защищенной гневом ведомый моим
а я добровольно ушел
я рвался увидеть похожа ли ты на себя

— пишу тебе из этой комнаты зимней
птицы сошли с ума
всю ночь их продрогшие крылья стучали
в неприкрытые окна наших тел обнаженных

и вот в каждом звуке мы умираем
в каждой израненной птице!

ДЭВИД РУБАДИРИ

СТЭНЛИ ВСТРЕЧАЕТСЯ С МУТЕСОЯ

Таково было время:
Днем — жара,
Ночью — холод
И, конечно, москиты.
Таково было время,
А цель была — королевство.

Редкая цепь усталых носильщиков,
Покрытых живописным отрпьем;
На бритых головах громоздятся
Разбитые сундуки.
Нрав у них веселый и пылкий,
Свирепое и палящее солнце
Поднимает их дух,
Губит их надежды,
Каждый день потогонный им тела иссушает,
А на привалах
Мухи вцепляются в их пропотевшие спины.

Так они шли,
А жара еще только начиналась.

Каждый день падал измученный пони,
Его бросали на равнине хищникам;
Каждый день валился тощий, как скелет, человек,

Его бросали на равнине масаям;
Но все продолжали тащиться
Во главе с вождем, одетым в хаки;
Он их вдохновлял, он вселял в них надежду.
Затем наступил голодный переход,
Голодный и знойный.
Нил и Ньянца,
Как два близнеца,
Голубели среди зеленого края.
Люди запели и запрыгали,
Как молодые газели у завода.
Сердца бьются чаще,
Ноша кажется легче,
Если стертых ног коснулась
Водяная прохлада.
А когда засветились костры Мутесы,
Перестали бояться голодных гиен,
Стали хвалиться своими подвигами.

Теперь вместо палящей жары
Будут песни, смех и танцы.

За банановой рощей виднеется деревня,
Сквозь тростник изгороди глядят дети.
Так они были приняты.
Ни женщип, поющих приветствия,
Ни барабапов в честь белого посла;
Только молчаливые кивки нескольких стариков
И раскат барабана,
Чтоб собрать весь двор Мутесы,
Потому что деревня не доверяла.
Тростниковые ворота распахнуты,
Молчанье,
Но молчанье на мгновенье —
Молчанье, когда принимают решение.
Выступает высокий черный король,
Он возвышается над худым бородатым белым
И, схватив тощую белую руку,
Понижает голос до шепота:
«Мту Мвеупе карибу» —
«Добро пожаловать, белый».
Ворота из полированного тростника закрываются.
И Запад впущен.

АФРИКАНСКОЕ БДЕНИЕ

Вечер уже вызолотил дальние холмы,
Когда я пробираюсь по извилистой тропинке,
Чтобы повстречаться с ней,
Моей черной возлюбленной.

Она наполняет у заводи
Последний за день кувшин.
Огибая знакомые заросли,
Я уверен, что найду ее там,
Как всегда находил с тех пор,
Когда мы были вместе впервые.

Останавливаюсь и жду;
Сначала показывается горло кувшина,
Потом нагие смуглые плечи,
Стройная шея,
Окаймленная бусами
Цвета закатного зарева.
Черные глаза поворачиваются ко мне,
И — молниеносная тень улыбки.

Вот и все, что она говорит,
Вот и все, что хочу услышать.
Посторонилась, дала мне пройти;
Когда бочком я прохожу мимо,
Наши глаза встречаются,
И бесконечное мгновенье
Мы понимающе глядим друг на друга.
«Завтра в это же время?» — говорит мой взгляд.
А ее: «Я не опоздаю».

ЧЕРНЫЙ РАБОТЯГА В ЛИВЕРПУЛЕ

Я прошел мимо него,
Слонящегося на задворках,
Сутулого, напряженного, измученного,
Понурившего голову.
То была черная тень
Среди черных теней.

Я всмотрелся;
Наши взоры встретились,
Но на его темном негритянском лице —
Ни веселой улыбки,
Ни надежды,
Ни сулящего надежду желанья.
Взгляд
Вспыхнул и погас,
Пронзая безразличие толпы,
Страстно ища
Лицо,
В котором мелькнет понимание.

Он,
Черный ливерпульский работяга,
Покинул отчизну
С надеждой
Обрести себя
В стране свободных.
Но разве солнце,
Приветствовавшее его рождение,
Сияет и сейчас?
Во всяком случае, не здесь —
Здесь вся его надежда на лопату,
Здесь его удел — смирение.

ДУМЫ ПОСЛЕ РАБОТЫ

Чистый смех африканских детей
Вечерами звучит еще громче;
На глухую эту деревню
Ниспадает вечер, как мантия,
Все таинственно покрывая.

Ташусь
Со службы
Домой в деревню,
Мой кирпичный казенный поселок,
В мою новую ссылку.
В этом новом поселке
Никому я глаза не мозолю.

Перейду по жерди пропасть,
Оседлаю неодолимую бурю.
Так все и пойдет
Тихо-мирно.
Детский смех раздается,
Возвращая
Простые радости,
Мне неведомые донныне.

А Ф Р И К А Н С К А Я   Г Р О З А

С запада
Мчатся тучи, торопясь за ветром,
Круто разворачиваются,
Где придется,
Словно стаи саранчи,
Вихрятся,
Хватают что попало
И подбрасывают, словно безумцы,
Гонящиеся за призраками.

Разбухшие тучи
Скачут на хребте у ветра,
Скапливаются, чтобы оседлать холмы,
Машут над ними мрачными, зловещими крыльями;
Ветер свищет вдаль,
И деревья гнутя, чтоб освободить ему дорогу.

В деревне
Крики восхищенных ребятишек
Мечутся, сливаясь
С воем кружащегося вихря;
Женщины
С малышами за спиной
Места подходящего не сыщут,
Возле хижин рыщут,
Потерявши голову;
Ветер свищет вдаль,
И деревья гнутя, чтоб освободить ему дорогу,
Платья плещут, как изодранные флаги,
Разлетаясь,

Чтобы обнажить манящие груди —
Острые ослепительные вспышки.
Грохот, рокот, треск
В разливанном шестивии грозы
И в чаду багровеющего дыма.

ВЛАДЫКА АФРИКАНСКОЙ НОЧИ

Солнце повисло над холмистым западом,
Запечатлевши длинные острые тени
На темнеющих склонах;
Одинокие усталые парни,
Измотанные долгим переходом,
С мычащим, сонным, тяжелым на подъем стадом
Поворачивают в деревню.

Позади задымленных хижин
Трещат очаги и кипят котелки,
Покуда полногрудые молодухи
Кормят перед сном сонящих детей.
Тьма заглатывает день,
Небеса просыпаются,
Сквозь темные тучи
Глазет серебряная луна,
В то время как в недрах темнеющих хижин
Возникают черные тела.

В ночи негромко звучит
Бум-диди-бум барабанов.
Сначала робко и медленно,
Потом непрерывно и мощно,
Настойчиво ухая и бухая,
Переполняя ночь
Волнующим и горячащим кровь
Трепетом.
Рывки ритмичных ног,
Хлопки плещущих рук,
Песни, рвущиеся ввысь,
Когда ритм вселяется в ритмичные мышцы,
Тела кружатся и корчатся
Вслед нарастающую и убыли барабанов.

Затем уголь покрывается пеплом,
Ночь остывает
И танцоры
Один за другим
Тают во тьме,
Оставляя после себя тишину,
Чтобы наглая сова
Улюлюкнула свое «спокойной ночи».

Едва в ледящей лесной тьме
Проснется
Тайная жизнь,
Гневный, яростный, презрительный рев
Раздерет ночь, словно гром,
Отошлет барабаны спать.

Симба —

Он стоит и смотрит,
Потом надменно зевает,
Пылающее величество
В чернильной тьме ночи,
Владыка африканской ночи.

ЖАН-ЖОЗЕФ РАБЕАРИВЕЛО

ТАНАНАРИВЕ

Привет, страна моя, где предки мир вкусили!
Гробницы древние, минувшего следы,
Холмы цветущие и реки в полной силе,
Живое золото на зеркалах воды!

На красных домиках шатры из листьев длинных,
Где шествует заря, верхи им чуть задев,
Где слышен по утрам на плитах стен старинных
Прекрасных девушек мечтательный напев.

Привет, привет и вам, всевечных гор громады,
Свидетели былых полузабытых лет,
Где жадно ищем мы затерянные клады
И ждем, когда же нам дадут они ответ.

О, как бы я желал души рассеять смуту,
Их гибнущей красоты уразумев язык!
О, провести бы здесь хоть краткую минуту,
Страна Неведомых Героев и Владык!

Лишь солнце выглянет, пастух погонит стадо,
А девушка — овец, и тихо запоют,
Не знают песни их искусственного склада,
Но с ними сладостней мой утренний уют.

Когда же долетит к раскрытым синим рамам
Окошка моего дыханье ветерка,
Я выйду подышать чистейшим фимиамом
Раскрывшегося в ночь прохладного цветка.

Еще есть радости: толпу опережая
Ликующих крестьян, я на поле пойду
Свой принести привет на праздник урожая,
Плясать, колосьями махая на ходу.

Но вдруг задумаюсь над тайнами вселенной,
Моих покойников в меня проникнет дух,
К могилам побегу, у их стены почтенной
Слова заветные произнесу я вслух:

«О сердце бедное! Под камни гробовые,
Сюда, где каркает, слетаясь, воронье,
И ты, что в пелены обернут дождевые,
Несчастный, ляжешь тлеть. Здесь место и твое».

Я не сумею скрыть тоски своей избыток,
О, край, где мир в душе, где сладок мне досуг, —
Найдется ль где-нибудь таинственный напиток,
Чтоб утолить на миг души моей недуг?

СИКОМОР

Пронзрастает ты из камней гробовых,
И, может быть, твой сон могильный —
Лишь кровь покойников, тех светочей живых,
В ком доблесть прежняя страны моей бессильной.

В лазурь возносишься, тенист и молчалив,
И темною листвою доносишь издалека
Покойников безмолвный к нам призыв,
Призыв не уступать злокозненностям рока.

Стоишь ты одинок и побуждаешь нас
Быть верными себе и, родиной гордясь,
Не изменять ее красе любимой.

Ах, каждый раз, твою увидевши листву,
Хоть ритмом я чужим в поэзии живу,
Я вдохновляюсь мудростью родимой.

Ф И Л А У

Филау царственный, о брат моей печали,
Рожденный за морем, в своем краю далеко.
Земля моих отцов, где стал ты на причале,
Благоприятна ли твоим природным сокам?

Ты, кажется, грустишь, ты вспоминаешь в горе
О пляске дев морских на берегу песчаном,
И видятся тебе безоблачные зори
Страны, гордившейся зеленым великаном.

Теперь кора твоя потрескалась в разлуке,
Ты обессиленно протягиваешь руки,
Привал залетных птиц, где не найти им тени.

И я бы взял в трудах бездумных и бескрылых,
Законам подчинясь чужих стихосложений,
Когда б не кровь отцов в малагасийских жилах.

ТРОПИЧЕСКАЯ ЛИХОРАДКА

Не расколосось ли солнце над теменем?
Слышишь, удары его расцепляют
ствол твоего спинного хребта,
без смазки ввинчиваются в ветви тела.
Твой череп — огромный плод, созревающий
в жаре всех ведомых широт тропических,
тропических, но без свежести
пальмовых крон и дыхания моря.

Гортань твоя высохла, воспалились глаза,
ты уже видишь поверх доступного людям,
охватываешь пылающий мир:
чащи, одетые в наряд новобрачных;

четыре руки держат связки бананов,
пучки цветов, не виданных теми,
кто рожден не в лесах.
Слышны тебе голоса
счастливых на солнце купальщиков
и водопадный гром.

Но вдруг, внезапно
не льда ли подземного зов?
Окутал он члены твои,
чтобы всем существом ты почувал озноб,—
и уже ты готов забраться под тучи,
зарыться в гущу всех роц островных,
во всю их тяжелую мглу,
в последние ливни с их запахом
пригоревшего молока.
Губы крепче сожми, из них да не вылетит
ни одно из видений бреда,
незримых другим,
и пусть тебя убаюкает
этот гул, возрастающий
в ушах твоих — раковинах,
где трепещет море,
о дитя островов!

Б Е Л Ы Й Б Ы К

Это созвездие называют Южным Крестом,—
я предпочту называть Белым Быком, как арабы.
Выходит он из загона на побережьи вечера,
справа и слева — два Млечных Пути.

Идет, не утоленный рекою света,
и жадно пьет, припадая к заливу туманностей.

Юный слепец на поприщах дня,
не мог ничего приласкать он рогами.
Но едва распустились цветы
на луговинах у ночи,
и уж пасется луна среди них, скача, как телица,
вновь он становится зряч, и кажется он могучей
синих быков и тех диких, что дремлют по нашим пустыням.

ФЛЕЙТИСТЫ

Ты свою флейту
выточил
из хребта могучего тура,
отшлифовал на бесплодных холмах,
бичуемых солнцем.

Он свою флейту
вырезал из тростинки,
дрожащей под ветром,
проделал отверстия
у быстротекущей воды,
в ошняненье от лунного света.

Вы играете оба, когда сгущается вечер,
словно замедлить стремитесь бег
круглой пироги,
готовой разбиться о берег неба,
избавить ее от судьбы.
Но заклинанья и жалобы ваши
услышат ли боги
ветра, земли, леса, песка?

Во флейте твоей —
топот взбешенного тура,
когда во всю прыть бежит он в пустыню,
и снова бежит из пустыни,
сжигаемый жаждой и голодом,
и валит его усталость
под голое дерево
без плодов, без листвы.

А флейта его —
тростинка под тяжестью птички,
присевшей на перелете,
не пойманной мальчиком,
взъерошившейся от страха,
но отбившейся от стаи своих,
утешенной разве лишь собственной тенью
возле бегущей воды.

Флейта твоя,
флейта его —
обе тоскуют, что нет возврата
к тому, чем были они когда-то,
и жалуются, и поют.

Приземистый, как города Имерины
 на холмах или в недрах скал,
 с горбом, как кровельный стык,
 на песок опрокинутый месяцем, —
 вот он, зебу могучий со шкурой, багровой
 его собственной бычьей крови.

К реке спускался на водопой,
 щипал сирени и кактусы, —
 теперь разлегся у кустов манпоки,
 еще отягченных ароматом земли,
 на рисовой прелой соломе
 с крепким запахом солнца и тени.

Простор перепахан вечером,
 исчез горизонт.

Зебу глядит в пустыню,
 пустыню до края ночи,
 и рога у него —
 два лунных серпа.

Пустыня, пустыня,
 пустыня перед быком, —
 он заблудился с вечером вместе
 в царстве молчанья.

Что видит он в полудреме?

Быть может, своих, таких же, как он,
 но без горба,

красных, как пыль под ногами их стада,
 властелинов безлюдных земель?

Или же предков своих, — бывало, крестьяне
 их приводили, откормленных, в город
 в гирляндах из апельсинов
 на убой в честь Короля?

Зебу встает, мычит —
 ему предназначена бесславная смерть! —
 и опять засыпает до срока,
 и сам он — как горб земли.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Милы мне вечера,
когда неуверенно робким
становится собственный голос,
как у детей, или девушек юных,
или женщин, живущих воспоминаньем,—
страх, сожаленье, тоска, углубленность?..
Милы мне вечера,
когда солнце
жаждет еще виноградин созревших,
но, его настигая, гроздь срывает ночь.
Мне вечер такой милее,
чем утро, ведь утр я не вижу,—
окна мои — на закат;
а на другой стороне
стена удвоена тенью,
горбом на загривке быка.

Зимним вечером дождь моросит
над кровлями Тананариве,—
вспоминается Утрилло.
Длинные вечера с дождем;
в мурашках озноба
даже счастье младенца,
мирно сосущего грудь,
как теленок, нашедший вымя;
озноб и в глазах у старой девы,
озирающей по сторонам.

Тананариве, Тананариве!
В нежной зелени риса,
где, играя, друг за другом
гоняются ветер и свет,
зарослью кактусов оградившаяся в скалах,
пригнувшаяся быком, застигнутым ночью,
взметнувшаяся ростком бамбука у воды,
в преддверии зимнего вечера,
ты выглядишь, как никогда,
самою собою.

И вся ты — сон, и вся ты — грусть,
о гробница из темной листвы,
захолодавший дом

в сетях из лиан,
затрепанных всеми ветрами,
ветрами в погоне за дикими вебрями,
ревущими возле моих дверей.

В Е Т Е Р

Проникни в пещеру, где бродит ветер,
ветер, источник
благоуханий зари
на пороге вечернем;
источник юности роц у черты окоема
за нежностью трав,
великолепия солнц умирающих
и воскрешаемых им на холмистых грядях.

Во сне улови его первое возникновение,
когда он раскинуть готовится как бы побеги лианы,
удались на побережья видений.
Едва народясь, приучает он крылья к полету,
как дикая птица,
и, забравшись в сады,
калечит цветы и плоды.

Лиана? Откуда лиана?..
Она оплетает деревья,
все — от душистых жасминов,
на востоке растущих кустом,
до свода раскидистых пальм,
до взлета извивных драцен
на террасах Иарива;
от тысячи тысяч роз —
сердец на зеленых стеблях —
до лилий, чьи рупоры не раскрывают гортаней,
до сумерек, чтобы выпить росу,
до тех бесчисленных, еще безымянных растений,
знакомых лишь мне... во сне.
От прядей седых, трепещущих
на висках у старухи
цветами утраченных дней,
молящих, как милостыни,
поцелуя у края могилы,

до длинной ламбы женщины юпой,
когда свой белый подол
волочит она, улыбаясь,
и в тумане волнуется легкая ткань.

Птица невидимая
припадает к лицу твоему,
плечи клюет, щекочет затылок,—
знакома ль тебе эта птица?
О птица ветра,
хмельная, в полете нетвердая,
как малиновка с перебитым крылом.

Легенды, легенды, преданья, предапья...
Легенды бесчисленные уводят в пещеру,
где выросла та живая лиана,
все стволы, все ветви обвившая.
Преданья бесчисленные
вьются вокруг появления той птицы бесплотной,
той, что вдруг упадет и мгновенно взовьется.

Но недавно изведал я две новизны:
за дверью моей вихрился
влажный ветер зимы,
кружился, как дети кружатся,
играя в прятки,
когда луна приводит осень с гор.
Другой был ветер свирепый,
он метался, как тур или кабан,
почуявший гибель.
«Этот ветер,— я думал,— из леса».
Потом был еле внятный уху
гул, как в раковине.
— Этот ветер,— сказал я,—
с океана.

С ЯЗЫКА НОЧИ

1

Кожа натянута черной коровы,
натянута мокрая, без просушки,
натянутая в темени беспросветной.

Кем черная корова забита?
Умерла, не мычав, умерла, не ревав,
умерла, хоть никто не преследовал
на лугу, расцвеченном звездами.

Натянута кожа
на барабан ветров,
ваяемых духами сна.

Но барабан готов загреметь,
едва увенчаются шпажником
рожки выпущенного на волю
теленка,
и он пустится вскачь
траву щипать по пригоркам.

Будет гудеть барабан,
наводит заклинаньями дрему
до воскрешенья черной коровы,
белой и розовой
в реке лучезарного света.

2

Что совершается там, под землей,
где далекий надир?
Наклонись над колодцем,
или рекой,
или источником:
увидишь дыру, глубину,
и в дыре, в глубине,— луну,
и самого себя,
лучезарного и безмолвного,
меж деревьев без корня,
и безголосых птиц.

3

Ты дремлешь, любимая.
Дремлешь и ты на руках у нее, моя младшая.
Не вижу я ваших глаз, отягченных ночью,
но знаю — в них переливы жемчужин
иль виноградин созревших.

Доброго ветра порыв
распахнул дверь,
складки надулись ваших воздушных одежд,
затрепетали пряди волос,
клочок бумаги слетел у меня со стола,
я нагнал его на пороге.

Приподнимаю лицо,
в руке — незаконченные стихи.
Ваши глаза мигают в лазури,
я их называю: звезды.

4

Птица без цвета, без пшена
крылья сложила и застит
единственное небесное око.

Садится на дерево без ствола
со сплошной листвою,
никаким не колеблемой ветром,
где пикто не срывает плодов,
садится и глаз не смыкает.

Каких высиживает птенцов?
Скоро взлетит с гнезда —
значит, вывелись петухи,
горланы всех деревень.
Петухи одолеют
тех, кто поет во сне
и кормится зернами звезд.

5

Для бедняков, заедаемых
клопами, большими, как небо,
для бродящих по миру изгнанников,
покинувших город света,
для мятежников, для перебежчиков
из армии мрака, вставших с земли, —
что хотят совершить эти взлеты бесчисленных

пальм,
чьи листья — как ассагап, до блеска натерты
маслом,

неподвижно взметнувшись выше домов,
до предела, где их вершины,
звеня голубиными снами,
касаются кровли вселенной?

Волнуются, давят друг друга, роняют листву,
им уже не вернуться к живым,
они грудами лягут в звездной пустыне —
бессчетными бугорками
для нищих, что спят без постелей,
для тех, кто одет лишь собственной кожей,
пропахшей пылью,
для птиц, не свивших гнезда,
для всех на свете пернатых.

6

Вот она,
та, в чьих глазах преломляются сны,
чьи веки тяжелеют от дремы,
чьи ноги окунуты в море,
а скользкие руки торчат из воды
с горстями кораллов
и кристаллов блестящих соли.

Их разложит она по кучкам в бухте тумана,
тут же станет сбывать морякам,
голым и безъязычным, —
пока не польется дождь.

И станет она невидимкой,
и будут приметны
лишь космы волос на ветру,
словно клубок размотавшийся,
да, может быть, зерна той пресной соли.

7

Чернокожий стекольщик,
чьих бесчисленных глаз не видел никто,
с кем по плечи ровень никто не вставал,
чернокожий невольник в стекляшках,
могучий, как Атлас,
раб, держащий семь небосводов, —

вот-вот его унесет река облаков,
уже намочившая подол его пая.

Тысячи тысяч кусков стекла
у него упадают из рук
и отскакивают от лба,
лба с кровоподтеками
от гор, где рождаются ветры.
Присутствуешь ты при пытке его каждодневной,
при безысходном его труде
и агонии, словно впилась в него молния,
едва океанские раковины
затрубят на стенах востока.
Но нет в тебе состраданья,
ты и не вспомнишь,
как мучиться он обречен
всякий раз при крушении солнца.

ЖАК РАБЕМАНАНДЗАРА

АНТСА

Остров!
Остров, имя твое в огне!
Никогда оно не было
так дорого мне!
Остров,
ты услadoю сердца стал!
Остров, имя твое во мне,
Мадагаскар!

Что за звучанье!
Слова
плавятся во рту:
мед яснейшей поры
в таинственности лесов,
Мадагаскар!
Я впиваюсь в твою девственную и алую плоть
с жадным жаром
погибающего в зубах света,
Мадагаскар!

Причастившись невинности
всем моим голодным нутром,
я растянусь на твоём лоне,
как самый неистовый из тех, кто любит тебя,
как самый верный,
Мадагаскар!

Наплевать на ухање сов,
на низкий бреющий лет
сов, гнездящихся под балками крыш
горящего дома! Пусть лисы
лижут
свои грязные шкуры, провонявшие куриною кровью,
кровью в отблесках розовых перьев фламинго!
Мы, зачарованные Лазурью,
самозабвенно постигаем бесконечную синеву облаков,
Мадагаскар!

Опьяненье, о, возвышенное опьяненье
в нерасторжимых объятьях
всех дней и ночей бесконечных веков,
Мадагаскар!

Я тот самый плясун, который тебя спас
из смертельного водоворота судьбы;
удержал над бездной твой шаг;
кинул всем четырем небесным ветрам
истасканный тростниковый мат,
где дрожала в прокисшем дыханье воров
твоя нагота королевской лозы,
Мадагаскар!

Ничья, ничья рука
не решилась бы распутать узлы
и разрушить извечность магического обряда!

Только я, похититель,
возвратившийся, о Невеста,
с ледяных берегов Севера,
я, посвященный Солнцу, возлюбленное чадо зари!

И на тех,
кто плевал мне в лицо,
кто названье твое и имя мое
волол по навозу и грязи своего языка,

на них — на их черепа —
обрушится с яростью моя непорочность
и беглый огонь
предпоследнего грома —
на вершину Мангабе!

И с лицом, обращенным к встающей заре,
со стопой, попирающей пуп океана,
с жезлом,
водруженным в сердцевине Юга,
я буду плясать, о Возлюбленная,
я буду плясать молниеносный танец
заклинателей змей —
Мадагаскар!

Я брошу мой мифический смех
в бледное лицо Полудня!
Я брошу в лицо созвездьям
чистоту моей крови!
Я обрушу взрыв твоего благородства
на толстый затылок вселенной,
Мадагаскар!

Но нынешним вечером пулемет
вспарывает брюхо сна.
Смерть шляется лугами лунных лилий.
Огромна ночь земли,
Мадагаскар!

Кто вострубит опять, Предки,
кто вострубит в Антсипу о мире и о единенье?
Кто пробудит звучащую кайамбу,
Мадагаскар?
Здесь трескается
узкий круг
тюрьмы.
И рушатся стены,
и все препоны, и все запреты,
и глотки всех молохов,
и злоречье всех допотопных гадов.

Бессильна хватка горизонтов.
И сам небесный свод
расколется,
Мадагаскар!

Приветствую тебя, мой Остров!
С границ моих мучений поклоняюсь
тебе!

Моя десница
вознесла до звезд
твою красу,
Мадагаскар!

Плащ на плечах моих:
то воля твоего величья.
И клятва оному пустила корни
в углу обиталища мертвых.
Свидетельствуй ты сам, свидетельствуйте, Предки,
Мадагаскар!

Светлая кровь, впитанная могилам,
навсегда освятила красную свадьбу
Избранника с Племенем,
Мадагаскар!

Бесчисленность твоих легенд
и обновление славы
лишь в беспредельности нашли предел.
Моя любовь определяет бесконечность,
и вера определяет время,
Мадагаскар!

Но что за одноглазые жрецы,
глухие к возвышенному зову
оракулов,
погасили светильник щедрых упований?
Кто заставил брызнуть
кровь Безумья
черным и отравленным ручьем,
чтоб запятнать
нетронутое горло твое, Невинность?
Мы будем рыдать сто лет!
Будем рыдать тысячу лет!
Плачь, Мадагаскар! Плачь!

С вершины холмов
падает
и протягивается в долинах
слепа тень Неправды!

Будь проклят, неправедный идол,
пришедший, чтобы пресечь безумным жестом
порыв молодого побега,
полет желтеющего колоса!

Плачь, Мадагаскар, плачь!

Опустошатся завтра
житницы Надежды.
Опустошатся поля,
когда-то полные пыльцы и света.

Высокий папанг резко вопит
на перекрестке четырех морских ветров.
Наши горести кормят воронов,
наша юность питает могилы!

Плачь, Мадагаскар, плачь!

Не взволнует своим криканьем
морщинистые озера Заката
эта болотная уточка,
преданная жестокости белых песков.

В ваших ульях, деревни Востока,
смолкнет жужжанье и бормотанье!
Ни звука веселья
возле оград.

Ни одно тело с гибким движением
не омоет в укромных источниках
целомудренный
дар созревания.

И ни один, ни один пастырь
с пророческим взором
не погонит по пастушеским тропам в саваннах
вас, медлительные стада Сумерек,
к тысячелетнему водопою.

Плачь, Мадагаскар, плачь!

Печаль погрузила клинок
в грудь племени.

Ассагай в опьяненье пронзил
слепые сердца оболщений,
наши брюха, истоптанные богамп!

В пещерах молчания
угасают твои раненые сыны!

Плачь, Мадагаскар, плачь!

Под властью какого злобного духа
пляшут у края лужайки
эти варвары, порожденные ночью,
женихи на пирах истории!

Мы будем рыдать сто лет!
Будем рыдать тысячу лет!

Вечное проклятье неправедным идолам,
обманувшим столь щедрое рвенье!
Проклятье, семьдесят раз проклятье!

И восплачет женщина,
женщина на печальной стезе —
восплачет, восплачет, восплачет!

Но дабы породить добродетель,
она опоянется божественными символами,
гордая амазонка среди героинь...
Кто расскажет, однако,
кто расскажет, Остров,
возвышенные сказки Судьбе?

И впрямь,
кровь циклонов
и кровь муссонов —
не признаки ль жизни твоей?
Мадагаскар!

Они отметили твои берега,
твои долины и твои нагорья:
пурпур, извечно разостланный
по королевскому великолепию твоего лона!

Мпнуют мученья,
как мпновали
тысячелетние штормы,
вкусившие восемь костей
твоего рожденья,
благородная Наследница Вод.
Твоя прелесть — дитя гроз,
твоя мощь — сестра ураганов,
твой тотем — орел, сотоварищ молний,
Мадагаскар!

Ты продлишь, Остров,
твой едва потревоженный сон,
твой сон божества,
тихий сон
в объятьях времен,
в постели из водорослей и морских брызг.

Ты весь,
мой Остров, мой любимый край.
как дерзкий вызов
на перекрестке морей,
на схождении Материков!

Безумный хоровод пирос
в двойном противоборстве течений!

Остров! Вкус твоей славы
нас кинул
в кимпасиумы пяти частей света.

Твои верования обуяли нас
всей мощью семи преданий,
сказочный Остров, Мадагаскар!
Ты — несравненный!
Твое одиночество, совершенное песнопенье приливов!
Неустанно, от века,
сливали свои голоса,
свои голоса с разнообразным напевом
Атлантический, Тихий, Индийский,
чтоб славить денно и ночью
твои чудеса.

Что лепет людской —
напрасное карканье воронов!
Какие хвалы,
Мадагаскар!
Какие псалмы, Богиня!

Сколько стихий у твоих ног!
Сколько мощи в твоих воспоминаньях!
Кто мы? Ничто.

Но все герои народа
утвердили согласие трех океанов,
полюбовное соглашение Синих морей,
Мадагаскар!

Уже тело твое покраснело
от наших снов,
сплетенных на заре легендарных времен.
Покраснело от молчания мертвых:
безмолвный обет наших Предков.
Покраснело от укусов солнца:
бесконечен сон латеритов,
Мадагаскар!

И сам ты, Остров,
попавший в сети пассатов,
кажешься красным,
Мадагаскар!
Нерушимый Маяк
над частыми зубцами рифов.
Рейд в конце путешествия:
зачарованная гавань утра!..

Остров,
безумный, безумный творец,
ласкающий, лежа на гладкой поверхности,
полог минующей ночи
в бесконечном ритме планет.

В старой болотной траве
разъяряется красный рак:
прямиком к своему истоку
стремится божественная река.

Твоя долгожданная доля
выплеснется из темных глубин.
Крутые повороты дорог
выведут на твой исконный путь,
Мадагаскар!

Вновь расцветут орхидеи
вдоль троп Менабе.
Розы вновь разгородят
красные уступы синих гор.

Лесные горлинки Иманга
заворкуют веселыми голосами.
И появятся зеленые ветки
саондры в прекрасную пору весны!

Море, не доверяя
гвоздичным деревьям Мапамбии,
объявит вселенское право
нескончаемому диалогу!

О возрождающееся великолепье Зари —
чья очи поддержат твоё сиянье?
Кто поет
безымянный апофеоз?

Ведь будут мертвы пророки,
будут мертвы гадатели;
задушены гордые мужи;
задушены все предтечи;
замкнуты уста поэтов!

Но кто же, кто же поет?
Остров,
кто поет Апофеоз Высокого Дня,
жгучий итог своего бытия?

Кто же, кто же поет?

Какой смертный с высоким челом
познает чистейший луч Света,
желанную ласку,
так давно ожидаемый поцелуй,
объятья невидимых рук?

Одно слово,
Остров,
одно только слово!

Слово, рассекающее молчаньем
веревку, стягивающую твою шею.
Слово, развязывающее петлю
на повешенных с искаженным лицом!

В утробе матери
заворочается зачатый;
в каменных недрах
запляшут усопшие.

И Мужчины и Женщины,
и живые и мертвые,
и растения и звери —
все, задыхаясь, узнают друг друга
в магических рощах,
там,
в центре веселья.

Одно слово,
Остров,
одно только слово!

Слово, единственное в жизни,
первое слово, последнее слово.
Слово — словно копьё,
слово — словно зарница,
древнее, как бытие,
юное, словно день!

Слово чистейшего смысла,
чистейшей прозрачности,
исконное слово,
сотканное из бесчисленных снов!

Слово Золотого века,
слово над Потопом,
слово, что заставляет вращаться
Землю вокруг оси!
Ярость битв!
Крик победы!
Штандарт мира!

Одно слово, Остров,
и ты трепещешь!
Одно слово, Остров,
и — на дыбы
наездник-океан!
Слово наших желаний!
Слово наших оков!
Слово нашей печали!
Оно сверкает
во вдовьих слезах,
в слезах матерей
и гордых сирот.

Оно прорастает
в цветах на могилах,
в бессоннице
и презренье узников.

Остров Предков моих,
это слово — мое приветствие.
Это слово — мое послание.
Слово, бьющееся на ветру,
в немыслимой высоте!
Слово.
Опьяненный папанг,
низвергаясь с зенита,
свищет
в ушах четырех пространств:
Свобода! Свобода! Свобода! Свобода!

Эхо широким жестом жреца
кидает Весть
в средоточие горизонтов:
Свобода!

Перегружена туча.
Знамение в радуге.
Проходят боги:
Свобода!
Шествие по земле.
Знаменья на могилах.
Воскресают Предки:
Свобода!

Преемники Истории,
свидетели Голубых времен
возрождаются юными:
Свобода!

Смеется мужчина на рисовом поле;
Предок — у подножья Заката;
женщина — возле источника:
Свобода!

Выпрямляется скошенный колос...
Зеленеет сухая трава.
Изобильны амбары:
Свобода!

Свищет дитя на тропинках.
Зебу в просторах лугов.
Телец за оградой:
Свобода!

Под Священным деревом деревни,
алый сок земляники на зубах,
невесты ведут хоровод:
Свобода!

Песнопения наших отцов,
плесневевшие прежде в забвенье,
вновь сияют в свету:
Свобода!

Свежие голоса на дорогах,
свежие голоса на ветру,
свежие голоса в Звездах:
Свобода!

Забавы сотни стиральщиц
на южном Ивондро.
Зов Манангарезе:
Свобода!

Лилейная музыка!
Псалмопение уток
на берегах Мангура:
Свобода!

На склонах Икупа,
близ алаассурского взгорья,
обезумел камыш:
Свобода!

В лесах Мандросезы
возлюбленные из рая
поглощают осколки звезд:
Свобода!

Манингоро багрянеет.
Бетсибока ревет.
Мананаре в разливе:
Свобода!

Гром, гром над Анкартрой!
Дочь Синей птицы,
обезумев от радости, плачет:
Свобода!

Молнии ударяют в вершины!
О, пробуждение Амбондромбо
под басовый гул матерой чащи!
Свобода!

Горные цепи пламени —
плавятся заросли.
Воспламеняется девственный лес:
Свобода!

Кочевник воздевает копьё.
Колдун приемлет Восход
с обновленных пальм:
Свобода!

Флейта в долине; волопас на взгорье:
саванна неистовствует:
Свобода!

Птица дронго переговаривается
с Избранником Лазури:
о, небесное пенье!
Свобода!

Песнопение очага,
знак основателя рода,—
все это сливается в звуке —
Свобода!

Ветер дует:
Свобода!

Небо трепещет:
Свобода!

Почва дрожит:
Свобода!

Свобода на тех вершинах!
Свобода в этих низинах!
Свобода в Хижине!
Свобода во Дворце!

Свобода на всей земле!
Свобода на каждом челе!
В бархатистости роз!
В соцветье сердец!

Свобода над новым городом!
Свобода над старым предместьем!
Свобода над пылью дорожной!
Свобода над мостовой!

Расцветший цветок Гесперид,
ты рассыпал свои лепестки
над всеми краями:
Свобода! Свобода!

Среди бесконечной радости
ты сам, Остров, ты весь
с головы до лодыжек —
трепетанье Свободы!

Остров с королевской осанкой!
На восстановленном цоколе
твоя статуя из нежного жемчуга:
морские раковины и слезы
наших снов:
Свобода!

Остров с лирическим обликом,
мы будем петь десять тысяч лет,
будем петь сто тысяч лет
песню нашего Племени,
одни заголовок: Свобода!

Остров с мистическим ликом,
на опушке заколдованного леса,
косясь, размышляет корова:
Красная битва быков!

Расцветенный знаком пиастра,
твой зебу рассекает Западный ветер
Символический зверь
мычит твоё повеленье:
Свобода!

Остров с обликом сущего, —
из девственниц Племени
Дзирях вдохновлена тобой.
Отзывается раковина:
Дзирях поет, Дзирях пляшет:
Свобода!

Дзирях, чистокровная
Принцесса Мангабе,
сестра вещей луны!
Дзирях с очами радуги!
Дзирях поет, Дзирях пляшет:
Свобода!

Дзирях со сказочным пменем,
зачатая вместе с солнцем
в чудесах твоего Залива!
С высоты восьмидесяти сезонов
Дзирях кружится, Дзирях кричит:
Свобода!

Дзирях — образ твоего образа,
символ твоей гордости!
Изначальный цветок,
вращенный в водоворотах.
Дзирях любит, Дзирях взывает:
Свобода!

Многострунная валиха
неслыханной песней
убаюкивает твой высокий слог.
И с уст Дзираха
слетают, как листья, твои литании:
Свобода!

Но в ущелье горы
собираются, чтобы тебя восхвалить,
провозвестники радости.
Идут отовсюду
без забот и без кладв
заложники вольности!

Кто восславит твои таинства
на алтаре встающего дня!
Остров Счастливый и Освобожденный!

Салехи будет плясать;
Соари будет плясать.
Баколи будет плясать.
И Вао будет плясать.
И Норо будет плясать.
Все Племя будет плясать:
Свобода!

Танец в пяти образах:
танец коршуна,
танец розы,
танец солнца,
танец светлой воды
и танец огня.
Остров Счастливый!
Свобода!

Но из девушек-танцовщиц
ты — единственная, Дзираха,
ты — Избранница:
из прелести персей твоих
поднимается, словно звезда
в неслыханном ритме,
танец нашего Племени:
Свобода!

Дзиррах, невеста и жрица,
в жарком венке;
прелесть изначальных времен
скользит по бедрам твоим,
незапамятный танец,
что плясали вокруг Богов
зачинатели рода:
Свобода!

Остров Счастливый! Свобода!
Одеянье единственного защитника,
невеста на вечернем свадебном пиршестве.
Сделанная из шелка и льна,
туника без единого шва —
единственный покров твоего тела,
Остров Счастливый и Освобожденный:
Свобода!

В бесконечном золоте песчаного берега
Две Руки, близнецы,
поднимаются, благословляя Лазурь.
Моления вырисовываются
на огромности неба:
мать приносит в жертву
любимейшего из сыновей
торжеству великого дела,
Свобода!

Остров Счастливый и Освобожденный,
мое имя еросло с твоим,
и связь продолжается
во владениях смерти,
Остров Счастливый и Освобожденный:
Свобода!

Остров, каждый твой слог — в огне,
никогда еще твое имя
не было столь дорого мне.
Никогда твое имя,
Остров Счастливый и Освобожденный,
не было столь сладко душе.
Свободный Мадагаскар!
Вольный!!!

ФЛАВИЕН РАНАИВО

ПЕСЕНКА ПРОСТОДУШНОГО ВЛЮБЛЕННОГО

Люби меня не так,
Как собственную тень:
Она с тобой проводит день,
А я не прочь
Пробыть и ночь.
И не как перец:
Брюхо он спалит,
А голода не утолит.
Не как подушку:
Ночью вы вдвоем.
А днем?
И не как рис:
Ведь, проглотив его,
О нем не помнишь ничего.
И не как мед:
Оп, правда, сладок,
Но кто же до него не падок?
Не так, как нежные слова,
Что прозвучат — и улетят.
Люби меня, как сладкий сон:
Глядишь — и явью станет он.
Люби, как серебро:
Оно с тобой всегда,
Да и для дальнего пути
Надежней друга не найти.
Люби меня, как калebas:
Пока он цел — стоит с водой.
А разобьется — беда:
Подставкою для струн послужит он тогда.

СОВЕТЫ НОВОБРАЧНЫМ

Одно словечко, сударь.
Один совет, сударыня.
Я не из тех, кто может надоесть,
Как ложечка большой тарелке.

Я не из тех, кто рад любой безделке,
Чтоб проболтать весь день, как дуралей ручей.
Я говорю, как друг, по дружбе, для друзей.

Ведь я не расписной сосуд из тыквы,
что гордо выставляет свой живот,
Я и не лодка, что перевернется,
дороги не найдя среди спокойных вод.
Злак с человеком сходятся в одном:
Тот мыслями богат, другой — зерном.
Я не танцую там, куда меня не звали.
Я не из тех холостяков, что любят поучать женатых простаков.
(Слепец поможет зрячему едва ли!)

Вы не глупцы, которых учит кто угодно.
Происхождение ваше благородно.
Вы — две воары среди густой листвы,
Две лилии бесценных — вот кто вы!
Любовь явилась к вам в прекрасный час,
Когда никто не видел вас, —
Не как слеза, что выжал дым из глаз,
Не как зеленый виноград, ребенком сорванный до срока.
Храните ж чувство, как зеницу ока.
Ведь трижды в год не расцветет авоко,
А новолуние бывает в месяц раз.
Любовь да не оставит вас.
Сладчайшая любовь податливее хлопка,

А все ж
Ее не разорвешь.
Любовь как тропка:
Тропа жива, пока по ней идешь.
Пусть в вас любовь живет всегда,
Как под песком живет вода.
Пускай, как мокрая веревка,
Любовь супругов скрутит ловко.
Возьмем, к примеру, соль:
Играет нежность ту же роль.
Соль крупная вам зубы повредит.
От тонкой соли лучше аппетит,
Картошку растолки — она мука,
А испеки — она и так мягка.
Простыл — согрейся,
А устал — приляг.

В неделю разлетятся в прах
Горшки из глин Амбоанжоба.
Любовь и брак как мясо и костяк —
Их не разъять уже до гроба.
Теперь о ссорах и об их причинах.
Причин для ссоры как в песке песчинок!
Совет: не походите на щенка,
Который от пинка визжит на всю округу.
Семейные дела не для всего села.

Все на земле чему-нибудь да служит:
С москитами болото дружит,
Гора — противница туманов,
Ленивая вода — приют кайманов,
А человек, он разума сосуд.
Тебя за храбрость люди чтут,
А ты один впотьмах идти боишься, —
Так чем же ты гордишься?

Семья не птичий двор. Побольше такта:
Петух поет — наседка не кудахтай.
Натянутые струны не тяните,
Гнев попусту на помощь не зовите.
Незрелые плоды доводят до беды.
Раздор в семье — нарыв на лбу,
С ним проклянешь свою судьбу.
Соседям не завидуйте напрасно:
Чужое платье вам не по плечу.
Еще совет подать хочу —
Безмерные желания опасны:
Кто вершею скребет по дну,
Тот тину выудит одну.
Пусть мудрость украшает вас:
Она при жизни покрывало,
Она и саван в смертный час.

Кошачьему не подражайте роду,
Что любит рыбу, да не лезет в воду,
Труд — лучший друг людей. Не ссорьтесь с ним.
Не любят нищих и не верят им.
Бездельнику позор:
В саду он — вор,
На людях — попрошайка,
А дома — лишний рот.

Клянет его хозяйка.
Труд человека создает.
Пока жена в дому полна хлопот,
Муж в поле трудится с рассвета до захода.
Трудитесь, забывая про невзгоды.
Судьба не улыбнется — бог спасет.
Трудитесь, труд вам счастье принесет.

СОЖАЛЕНИЕ

От равеналы, дерева скитальцев,
Уходят шесть дорог:
Одна ведет в селения забвенья,
Другая — в никуда,
На третьей ждет беда,
Четвертая — по ней прошла когда-то
Любовь... и не оставила следа.
Дорога пятая — для тех, кто навсегда
Убил в себе любовь и сожаленья.
Последняя? Я знаю первых пять.
Последнюю я не успел узнать.

ВЕСНА

Сумасшедшие травы
Мою затопили дорогу.
Что ж, тем хуже для них.

Набегают мечты и уходят,
Только песенка рядом идет.
Справа нет никого,
Слева нет ничего,
И не видно, чтоб персик расцвел.
Но запах тончайший настиг и окутал меня.
Может быть, я влюблен?

МАМАДУ ГОЛОГО

ТАМТАМЫ ПРАВДЫ

О вечная правда палящего солнца!
О блеск африканских лучей!
    Вы рвете на части мое безучастье,
    Покорность мою перед силою власти
    Глухих деспотичных ночей.
Луна на Мали! Твои светлые стрелы
    Впиваются в тело тоски, что владела
    Душой омраченной моей.
О, правда без тени — малийское утро!
О, вечер весенний, прозрачный и мудрый!
    Спасибо за щедрость, за то, что смогли
    В тяжелые годы,
    В дни горькой невзгоды
Хранить и поддерживать голос народа
    Родной африканской земли.
    Томилась она,
    Изнывала она,
Была ее ночь беспросветно темна.
    Но порваны пути,
    И с этой минуты
Воспряла земля, распрямилась спина.
И правду свою защитить мы сумеем,
Мы твердо решили до гроба быть с нею,
Чтоб злоба врагов нас не сбивала с пути.
    Рассеялись тучи,
    Чей сумрак нас мучил,

К смиренью тащил нас по дебрям дремучим,
От кручи сознания хотел увести.

И ритмы тамтама рокочут упрямо,
Из леса летят, из зеленого храма,
Где птицы смолкают,
Услышав их звук.

Летят к моей хижине ритмы, и прямо
С порога зовут меня ритмы тамтама,

И мне говорят они:

Кончилась драма!

Свобода зовет в свой ликующий круг.

ГАУССУ ДИАВАРА

ЛЕНИН

В небо черное,
к звезде бессонной,
ты, земля,
от горести седа,
простирала руки
исступленно:
«Упади,
алмазная звезда!»

Чтобы голод,
злоба и невзгода
не терзали землю
никогда,
к нам сюда
с глухого небосвода
упади,
алмазная звезда!

Чтобы смерть ушла,
а жизнь продлилась,
чтоб навек
рассеялась вражда,
приходи скорее,
справедливость,
упади,
алмазная звезда!

В этот мир,
где слышатся рыдания,
неизбывны
горе и нужда,
где еще глумятся над рабами,
упади,
алмазная звезда!

В этот мир,
где вера и свобода
проданы на рынке без стыда,
с незапятнанного
небосвода
упади,
алмазная звезда!

В этот мир,
где истина распята,
где любовь
не радость, а беда,
приходи,
спасенье и расплата,
упади,
алмазная звезда!

Ради наших малых,
ради самых
слабых и беспомощных
сюда,
к нам
в полусожженные саванны,
упади,
алмазная звезда!

Чтоб надежда не иссякла,
слышишь,
чтоб душа воспрянула,
горда,
к братьям
под соломенные крыши
приходи,
алмазная звезда!»

И в ответ
ударил вулканы,

заклубились пыльные столбы,
в грубы
затрубили океаны,
водопады
встали на дыбы,
промелькнула
молния слепая,
в небе
засветилась полоса,
дрогнула земля...

Звезда упала!
Во вселенной
Ленин родился!

ГОЛОС СВОБОДЫ

Африка наша,
империя знойного солнца,
наша земля,
напоенная светом и тенью,
ты — для иных —
только царство горького мрака,
только ночь,
отчаянье,
грязь,
нищета и позор.

Но для меня
ты — земля, на которой я вырос,
мать моя,
черный алмаз,
новолунье, затмившее звезды,
каменнотвердые плечи
братьев моих...

Ты рождена для свободы,
как сердце мое — для любви.
Ты рождена для свободы,
как ураган — для простора.
Ты победишь
вопреки слепому насилию,
ибо жаждут победы
твои молодые орлы.

Завтра, да, завтра
ты выгонишь прочь навсегда
всех — до последнего! —
бывших хозяев,
как выметает буря
жалкие клочья
старых вороньих гнезд.

Солнце погаснет,
исчезнет луна,
океан обмелеет,
горы на воздух взлетят,
если ты не станешь свободной!
Африка наша,
империя знойного солнца,
наша земля,
напоенная светом и тенью,
ты рождена для свободы,
как сердце мое — для любви!

НИГЕР

Река животворной воды,
предтеча истории древней!
Империи рушились в прах,
тонули в пучине веков.
Но ты продолжала свой путь,
торжественный и повседневный,
кормилица черных племен,
надежда простых пастухов.
Река, ты сквозь мирные дни
текла, наслаждаясь покоем.
Твой синий простор одарил
народов большую семью.
Но лишь появлялись враги,
ты в бой устремлялась, как воин,
и чудилось: волны твои —
солдаты в походном строю.
Пой песню, что тысячи лет
звенит над твоими волнами.
Будь щедрой и доброй рекой,
будь матерью нашей земли,

обуздывай засухи гнев,
    смирйй ненасытное пламя,
смывай животворной водой
    горючие слезы Мали.
На теле твоём голубом
    повязка из радужной пены...
Шуми, разливайся, струись,
    к безбрежному морю спеши.
Поэт я ещё молодой.
    Стихи мои несовершенны.
Но я посвятил их тебе,
    родная река, от души.

ЗАКАТ СОЛНЦА

Приходит тихий золотистый вечер.
По зарослям скользит неслышный брыз.
Дымящие костры на берегу зажглись.
Звучит свирель печалью человеческой.

Уходит солнце гибели навстречу.
Струится кровь по серым облакам.
Размеренно рокошет океан.
Неторопливо наступает вечер.

На баобабах, кряжистых и древних,
сидят орлы косматые и дремлют,
усталые, огромные орлы.

Из океана выплывает сумрак,
и заунывен лай собак безумных,
и рады звери наступленью мглы.

АЛБАКАЙ УСМАН КУНТА

СИМВОЛ НАШЕЙ БОРЬБЫ

Маленький белый сказал,
Добрый белый сказал,
Незлой колонист сказал:
«Патрис? Какой же Патрис?..»

А! Тот крестьянин простой,
Который волей судеб
Случайно премьером стал,
А потом был кем-то убит!»

Белая дама на улице
Сказала тебе, Патрис:
«Эй, отойди с дороги,
Черная образина...»
А директор почты сказал:
«Садись, цивилизованный негр.
Это слово тебе подойдет!»

Один журналист рассказал,
Что сам бельгийский король,
Взгромоздившись на пышный трон,
С тобой говорил, Патрис,
И что в память об этом дне
Полубогом называли тебя,
А когда ты вернулся, Патрис,—
Из Брюсселя вернулся домой,—
Наручники ждали тебя.

Так прокурор приказал.
Один журналист рассказал,
Что пронзили тебя, Патрис,
Холодным бельгийским штыком
И кинули тело твое
В холодильник бельгийский, Патрис.
Чомбе так приказал.

Ты слышишь, ты слышишь, Патрис:
Набат свободы гудит,
Это колокол нашей борьбы
Ты раскачал, Патрис.

Верь же, Патрис, что мы
Хорошим пинком угостим
Тех, кто расселся в тени
Африканских деревьев, Патрис.
Мы сумеем их вышвырнуть прочь —
Тех, кому Африка-мать
Радужно дала приют,
Вспоила своим молоком,

тех, кто любит кататься
у нас на горбу,
если быть коммунистом —
значит выпрямить спину
и забрать в свои руки
свою жизнь и судьбу,
если быть коммунистом —
значит драться с насильем,
крикнуть «нет!» без боязни
в лицо палачу,
и добиться свободы,
и мечту сделать былью, —
заявляю:
я стать коммунистом хочу!
Если быть коммунистом —
значит быть человеческим,
и бороться за дружбу
в нашей братской семье,
и шагать не сгибаясь
урагану навстречу,
как Лумумба.
Туре,
как Феликс Мумие,
чтоб не смел больше враг,
разъярен и неистов,
предавать африканцев
огню и мечу,
если все это вместе
значит быть коммунистом, —
подтверждаю:
я быть коммунистом хочу!

РЫБАКИ ДЖОЛИБЫ

Конта, Карабента, Кумаре —
рыбаки, хозяева Джолибы,
сколько тайн вы рассказать могли бы,
как и ваши братья на горе
из племен надо или догонов!
Воспевают мудрые гриоты
ваше мужество, труды, заботы,
ваши лодки среди пучин бездонных.

Конта, Карабента, Кумаре!
Вы плывете с полным грузом рыбы
по волнам бушующей Джолибы
от Дженне и до Сарафере.
Вы миноуете леса и горы
на своих стремительных пирогах
вдоль разливов и речных порогов
от Ансонго и до Куликоро.

А Джолиба награждает скупой!
Так что быть должна у рыбака
грудь так необычно широка,
чтоб на ней установилась ступа
и чтоб две девицы в полной силе,
крупной стати и большого роста
в ступе той могли толочь бы просо
и зерно в муку бы превратили!

Чтоб шестом челнок продвинуть свой
среди мелей, где бессильны весла,
должен быть рыбак настолько рослым,
чтоб касаться крыши головой.
И мешки, наполненные сорго,
весом около двухсот кило
из села в далекое село
должен он легко нести для торга.

И рыбак обязан плавать так,
чтоб догнать в заливе ламантина
и чтобы каймана, в гуще тины
увидав, мог заколоть рыбак.
Как вам удастся, рыбаки,
останавливать гиппопотама,
чтобы он, плывя вперед упрямо,
не топил бы ваши челноки?

Как вы можете среди лагун
видеть все, что глубь речная скрыла,
чтобы прямо в сердце крокодила
кинуть свой отточенный гарпун?
Что за волшебство в такой игре
вам всегда удачу приносило?
В чем секрет могучей вашей силы,
Конта, Карабента, Кумаре?

КОГДА УВИДИШЬ ТЫ..

Когда увидишь ты ладони моей матери
И каустиком съеденные пальцы,
Шершавые, как пальмы ствол сухой;

Когда увидишь ноги моей матери,
Ступни, источенные жадными клещами,
Все в трещинах, как скалы над рекой;

Когда увидишь ты улыбку моей матери,
Поверженного ангела печальней,
И рот ее, сведенный немотой;

Когда увидишь очи моей матери,
Прекрасные, как праведников души,
И полные покорности тупой;

Когда увидишь спину моей матери,
Изрытую оврагами-рубцами,
Сеченную дождем, и ветром, и жарой,—
Тогда поймешь ты, почему я слез не лью
И почему в строю я и в бою.

ФИЛИ ДА БО СИССОКО

ХАРМАХИ

Не только своей многоликостью поражает Африка, этот континент-исполин, но и зачаровывает непостижимыми тайнами.

На севере катит спокойные волны Средиземное море. На юге — мыс Бурь. На востоке — мыс Гвардафуй, за ним уже Азия. На западе — Зеленый Мыс, отмечающий границу с другим миром.

Всхолмленные зыбкие пустыни с их миражами и самумами перемежаются саваннами. Сглаженные скалы вразброс. Реки, кишащие крокодилами и гиенопотами. Огромные озера с опрокинутыми в них заснеженными горами.

А вот и девственный лес, одаряющий землю перегноем и тенью, такой высокий, что чудится, будто он устремился на завоевание неба, и тут же рядом — безбрежная гладь Конго.

И надо всем этим, от одного тропика к другому, от одного океана к другому, великолепный огненный шар щедро расточает свои богатства под отчужденным взглядом Хармаххи.

Вихри рождаются почти всегда у подножья деревьев, в час, когда солнце в зените.

До самого неба взметают они столбы обжигающей пыли.

Трепещут старые циновки, вдребезги разбиваются дырявые калебасы, валятся изгороди, и с крыш слетает солома.

А иногда взвизывается пламя пожара, и всей деревней овладевает безудержный ужас.

Женщины и дети изо всех сил барабаният в деревянные ящики, стараясь прогнать злого духа.

И — смотрите — он удаляется в направлении колодца, пламя угасает.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИВЕНЬ

Днем, под чернеющим солнцем, промчалась туча, роняя крупные, как черепашины яйца, капли.

А когда пали сумерки, напоенные освежающими запахами, из самой глубины земли просочилось глухое урчание.

Догадливый землепашец знает, что пора дождей миновала; отныне только роса поможет зерну созреть.

А там, наверху, едва различимый в безбрежной лазури, орел одиноко парит над своими владениями.

ВСТРЕЧА СО ЗМЕЕЙ

Черной лентой по песку вытягивается захваченная врасплох беда. Глаза ее мечут пламя, с быстротою молнии высовывается и исчезает раздвоенное жало, и путник, пригвожденный к месту, умирает прежде, чем падет на землю.

СМЕЮЩИЙСЯ РЕБЕНОК

Ребенок напроказничал. Его ожидает наказание, а он ни о чем не догадывается.

Отец срезает гибкую пальмовую ветку, но в тот миг, когда он заносит руку, ребенок, улыбаясь, поднимает голову.

Как противостоять его улыбке? Розга выпадает из рук. Мать поспешно уводит свое дитя и долго его обнимает.

ПЛАЧУЩИЙ РЕБЕНОК

Плачущий ребенок не будит сострадания. Это ноющий рожок, треснутые литавры или бурдюк продырявленный.

Временами кончики ресниц отягощаются крупными каплями, временами глаза сухи, и только топают ножки и, словно крылья, бьются ручонки.

«Зачем все это?» — я спрашиваю. Это знает лишь мать.

СЛОВНО ЦВЕТОК

Словно цветок гомбо еще в бутоне под жарким солнцем, словно лилия вся в отливах золотистого пламени, откуда вылетают наяды, — любовь расцветает с одного взгляда.

ЗАБОТЫ КРАСОТЫ

Зажав между коленями маленький рог лани, Марпам то и дело опускает в него палочку из черного дерева. Осторожно вынимает ее, проводит кончиком вдоль век и любит себя в металлическом зеркале. Она и впрямь прелестна. Небрежно накинутая одежда. Два золотых кольца в ушах и двойная гирлянда цветов моро-моро. А какая у нее кожа! О, этот блеск, эта нежность, этот трепет вырванной печени.

ПОКА ТЫ НАБИВАЕШЬ СВОЮ УТРОБУ

Пока ты набиваешь свою утробу, все в ожидании — и собака, и кошка, и куры, и даже муравьи.

Пока ты набиваешь свою утробу, вспоминай о том, что говоришь в посевную страду, доверяя зерна разрыхленной земле:

— О даритель дождей! Ниспошли в изобилии влагу, чтоб еды хватило на всех. На меня и семью. На птиц в небе и муравьев на земле, на сироту и случайно забредшего путника.

И вот полились дожди, а после их окончания, щедро орошенные росой, зерна дозрели. Птицы склевали не все. Обезьяны, пальмовые крысы, дикобразы пощадил твои урожай. Мольбы твои исполнились. Так не забывай же о голодных, набивая свою утробу.

Т Ы С П И Ш Ь

Если ты спишь, стало быть, ты в мире с собою. Если ты спишь, стало быть, у тебя слишком много времени. Если ты спишь, стало быть, сердце твое не обременено заботами. Если ты спишь, значит, дремлет и твоя мысль.

Как смеешь ты спать в час, когда гибнут люди?

— В час, когда узники стонут в оковах?

— В час, когда рыдают сироты и вдовы?

— В час, когда другие, с болью в душе, думают о твоём спасении?

Кто ты? Откуда родом?

За какие грехи бог лишил тебя разума?

МУХАММЕД АЗИЗ ЛАХБАБИ

КТО КОГО СОЗДАЛ

До чего же мы хрупкие с вами созданья!
И хотя для Аллаха,
Для Брахмы,
Для Бога-отца
Люди были венцом мирозданья,
Однако какой-нибудь сущий пустяк —
Инфузория, жалкий микроб —
Без особых усилий
Сводит нас в гроб.

О боги из бронзы!
Творение рук человека!
По образу своему и подобию
Создавал он вас, боги.
Молитесь на человека,
Молитесь за человека,
Потому что ему вы обязаны мпогйм.

О боги из камня!
Неустрашимых и сильных,
Вас изваял человек,
Боязливый и хилый...
С высоты пьедесталов своих
Вы смотрите, как мимо проходят века,
И ни время, ни бури
Не могут лишить вас величья и силы.

Так явите же милость тому, кто вам жизнь даровал,
Кто вас создал и, как говорится, поставил на пьедестал.

Он, создавший вас, любит цветы — вихри рвут их со злобой,
Он боится болезней — разносят их ваши микробы,
Дорожит своей жизнью — ее поломать вы способны шутя,
Позабыв, что извлек он вас, боги, из небытия.
Почитает он вас, очищает от грязи и пыли.
Строит пышные храмы, чтоб вы среди роскоши жили,
Оживляет и бронзу, и камень, и дерево, чтобы вы плоть обрели
И чтобы пылкая вера
Пред вами склонялась до самой земли.

И, однако,
Во власти своих постоянных забот и тревог,
Дать вам сердце
Создатель ваш так и не смог.
По вине человека
Бессердечны вы, боги!

НА СКРЕЩЕНЬЕ ПУТЕЙ

Быть —
Это «нет» говорить пустоте,
«Нет» — ночной немоте,
«Нет» — абсурду дорог.
Бесконечных дорог.
Затерявшихся в темноте.

Жить —
Это быть
На скрещенье путей,
Где тепло меня греет улыбки твоей,
Где мое отраженье в глазах у людей,
Где живут, умирают,
Вступают в борьбу,
«За» и «против»,
Во власти кипящих страстей.

Пустота...
Есть дыхание в той пустоте.
Немота...
Но гармония есть и в почной немоте.
Неспроста
Ночь огнями зажглась над абсурдом дорог,
Затерявшихся в темноте.

В ТРОЕМ

Когда вулкан перестал грохотать,
Земля ожила
И покрылась опять
Колосьями,
Чьи золотистые стебли
Переплетаются,
Словно
Друг к другу ласкаются...
Ровно
Дышат они и качаются
Плавно...
Им трудно на месте стоять.

А в огромном лесу
Бродит ветер, не разбирая дороги,
И тихо
Вздрагивают ветви деревьев
В ритме сердца и в ритме его тревоги.

По осенней земле,
По осколкам молчанья
Ступают мои утомленные ноги.

И привкус одиночества вдруг исчезает,
И появляется чувство особого рода,
Непостижимое чувство,
Что теперь мы втроем:
Я,
    воспоминание о тебе
                                    и природа.

И мне не страшно:
Ведь я не один.

РАБАТ

О город печальный, хотя и пьяный от солнца,
Город, сыростью отягощенный!
Ты хрупкие флейты мои не слышишь,
Сердце мое здесь эхо свое потеряло,
Я на странице дрожащей пишу окровавленной пеной.

Город горечи,
Нервов лишенный Рабат!
Ритм словам придавать
Здесь поэты себе запрещают.
Вокруг разговоры ведут
И ничего ровным счетом
Не говорят.
Среди гула слова умирают,
Цветы увядают,
И ветер сметает безжалостно их аромат.

Если бы люди умели смеяться,
Они б оставались всегда молодыми.

ВСЯ ВСЕЛЕННАЯ

Ночь — словно порванный полог,
Из которого брызжут огни.
Во вселенной был путь их долог,
Но достигли сердца они.

Возле моря песок сверкает,
И купаются в море звезды.
Я бросаюсь в воду, плыву среди волн,
И меня опьяняют волны и воздух.

Сколько лиц человеческих — столько вселенных...
На любом повороте
Возникают мгновенно
Незнакомые, новые лица,
Я хочу, чтобы взгляд мой тепло им дарил.
Я хочу улыбкою с ними делиться.

На любом берегу
Друг меня ожидает и машет рукою.
Я хочу эту руку пожать,
Я хочу облака разогнать,
Я хочу, чтобы сумрак
Не был пропитан тоскою.

О судьба! Наша ночь, озаренная светом!

ЭГОЦЕНТРИЗМ

Однажды, приняв себя слишком всерьез,
Ничто превратилось в Нечто.

Сперва было: мама, мама!
Потом было: мало, мало!
Затем: мое и моя!
И, наконец: Я!

— Откуда?
— Не знаю.
— Зачем?
— Непонятно.

Но Я — это Я.
И ты для меня,
И он для меня,
И всё для меня...
Приятно!

Затем — ничего.
Какие-то тени.
Молчанье вокруг,
Замирает движенье:
Ничто порождает Ничто.

Откуда взялось?
Откуда пришло?
Каким его ветром сюда занесло?
Зачем этот призрак понурый,
Всегда недовольный и хмурый?

Да это же самая суть абсурда!
От ничего к ничему черта,
Драма, где пету смысла,
Драма, где нет актеров,
Сцена, что всех подавляет,
И вдруг... от черты ни черта
Не осталось, и даже следов не сыскать.

Нечто однажды ночью
В ничто превратилось опять.

Ф Е Л Л А Х

Твоя жизнь подобна
твоему крову.
Твой кров подобен
твоей ночи.
Ночь твоя черна от забот,
как день.
А день —
весь в морщинах,
как твое лицо.
А лицо твое —
как твоя еда.
А еда,
как дорога твоя,
скудна.
А дорога твоя
петляет в пыли,
зыбкая, словно закон,
что до самого гроба
тебя стережет.
Голод и смерть —
два архангела —
всюду следуют за тобой.
Голова дрожит,
вот-вот расколется:
в ней рождается буря
и гонит тебя
из проклятой норы.
Только вечное горе
видишь ты
сквозь отверстие
глиняного горшка.

Кроме пробуждения,
нет ничего
страшнее твоих снов.

Но есть надежда —
проснется разум,
и вселенная
встанет с колен.

ОНЕЗИМО ВАЛИМА

НА РАССВЕТЕ

На рассвете пуля пронзила
сердце пришельца.
Никто не звал его в наши края.

Он отведал мозамбикской земли,
остался гнить
без креста и могилы...

В Португалии плачет мать.
Она не знает,
что с ее сыном.

Включит радио: снова потери.
Среди павших —
не ее ли сын?

Бой был жестоким,
и победил сын Мозамбика.
А тело ее сына
осталось в нашей земле
знаком нашей победы.

СЕРЖИО ВИЕЙРА

ЧЕРНАЯ ЭВРИДИКА

1

Черные груди твои
дали начало
рекам черного народа,
Эвридика.
Огонь и солнце
были огнем и солнцем
твоих африканских глаз,
Эвридика.
На теле твоём,
девственном, как наши леса,
погибли миллионы рабов,
Эвридика.
Ты любовь
безбрежного Индийского океана,
обнимающего Мозамбик,
ты спокойное сновидение
Нигера,
ласково обвившего шею Судана.
Моя Африка-Эвридика,
все еще не разбуженная
тамтамами битвы,
вставай, иди —
уже звучат маримбы и барабаны
черного народа!
Когда я строил в песках пирамиды,
я видел только тебя,
Эвридика.
Южный Крест был нашим дворцом,
когда я правил
моей малийской империей.
Потом корабли
вырвали из моей груди
твое сердце,
и голос мой
стал хриплым голосом труб,
призывающих Эвридику.
Но теперь
снова сплелись в объятьях

наши тела,
плоды манго
отливают золотом,
зацвели бугенвиллеи;
акации впитывают черноту
твоего обнаженного тела,
и Замбези,
пересекающая Африку,
Замбези,
ласкающая твое тело,
Эвридика, —
Замбези
сливается с Конго
и с Нигером,
с Нилом,
со всею Африкой-Эвридикой.
Приди, Эвридика,
приди,
мы войдем с тобою в лачуги
и души наши подставим ливню,
чтобы они вырастали до неба,
будем кататься
в зеленой траве.
Эвридика,
сладки плоды
наших зарослей,
аромат источают
цветы нашей родины,
на небосклоне нашем
прибавилось звезд,
а в наших глазах
прибавилось света,
наши свободные пульсы
трепещут от грез.
Приди, Эвридика!
И Эвридика приходит...

2

Робкие звуки маримбы,
глухой настойчивый топот батуке,
свежесть и блеск
рек, петляющих в зелени...

Между мной и тобой
лежат пылающие столетья
наших объятий.
Кровь Шарпевиля
была нашим ложем любви.
Взявшись за руки, мы кричим
и бежим по галереям Клайдсдела,
преклоняем колена в Пандалажале,
смотрим, как звезды осыпают народ.
Гладок твой живот,
Эвридика,
твои груди зывают к жизни,
Эвридика.
Давай же вместе омоемся волнами
Индийского и Атлантического океана,
помолимся богам Килиманджаро
и родим сыновей в Конго —
в сердце Африки, истекающем кровью.
Приди, Эвридика.

И Эвридика приходит...

3

Ты сделала так,
Эвридика,
что во мне воскрес Человек,
распятый Европой,
наши руки
сжимаются в кулаки,
Эвридика,
видения прошлого
придали им небывалую силу.
Красный цвет, Эвридика,
снова окрашивает
зелень наших лесов.
Но это не обычный огонь,
который сжигает траву,
а напалм правосудия —
костер, зажженный рукою белого,
огонь вместо воды
для тех, кто изнывает от жажды.

Эвридика, беспильна их ненависть
перед обнаженной грудью Полли,
оплакивающей Патриса,
тщетно
их пулеметы
стреляют в Джомо —
Джомо снова взмывает к солнцу.
Так же, как мы оплакивали
грозного Чаку и Мошеша,
Эвридика,
вот так же наши дети
плачут от радости.

Приди, Эвридика,
наши поля заждались мотыг,
желудки наших детей
узнают, что такое еда,
в их ноги
больше не будут впиваться колючки.
Приди, Эвридика.
И Эвридика пришла.
И Африка стала новой.
Море и солнце
стали красными,
они купаются в радости,
и не льется кровь.

ЖОЗЕ КРАВЕЙРИНЬЯ

МАТУШКА САКИНА

В обманчивом блеске города разноязыкого
сердце ее на миг поддалось и дрогнуло,
когда прощалась она сквозь слезы —
до свиданья, Жоан!
Ей запомнился поезд,
запомнилась песня колес его,
по рельсам стальным
выстукивающих монотонно —

Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи!

А она осталась,
осталась на земле Шибуту
вместе с матушкой Розалиной,
вместе с дедушкой Массинге,
с десятью гектарами этой земли,
которую надо засеять
семенами Компании,
чтобы дали они урожай.
Ах, матушка Сакина,
душа ее днем и ночью
пребывала под покрывалом кошмара
и растворилась потом в десяти гектарах
плантаций цветущих...
Поезд тронулся с места,
окутанный облаком дыма,
и колеса его монотонно запели —

Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи,
Жоан Тавассе уехал на копи...

А матушка Сакина
знай себе сына качает,
над маисом хлопочет
да над хлопком колдует,
колдует,
хлопочет.

СТИХИ О БУДУЩЕМ ГРАЖДАНИНЕ

Я пришел из неведомой части
нации, еще не возникшей.
Я пришел — вот он я, глядите!
Не для себя я на свет явился,
и ты, и он, и они...
Все мы — братья.
Есть любовь у меня —

раздаю ее вам, не жалея.
Только любовь,
которая мной безраздельно владеет,—
ничего иного.
Сердце есть у меня и голос,
это ваше сердце и голос,—
я пришел из страны, не возникшей покуда.
О, любви у меня сколько хочешь,
и я раздаю ее щедро,
любовь, из которой я весь состою.
Я!
Любой человек и любой гражданин
нации, еще не возникшей.

ГИМН МОЕЙ ЗЕМЛЕ

Кровь названий —
есть кровь названий.
Пей ее, если можешь,
ты, который так их не любишь.

Над городами грядущего
рассвет наступает,
и в названиях тоска проступает,
и Макомбию я называю, и Метенго-балáме,
и Метéнго-балáме — это теплое слово придумано нами,
и Макомби вету другой.
Я кричу: Иньямýсса,
Массапгýло, Мутáмба!
И другие названия, звучащие нежно и гордо,
мне на память приходят, и я, своей родины сын,
их отчетливо произношу,
чтобы их красоту подчеркнуть.
«Чуламáти! Маньóка! Шиньямба́нине!
Намаррóй, Морумбáла! — кричу. — Намао́нда!»
Вместе с ветром, который колышет листву,
я кричу: «Ангóше, Зобу́з, и Марру́па, и Мишафутéне», —
семена собираю и корни тшумбýлы
и ладони свои погружаю в прохладную землю Зигу́ндо.
О, прекрасные земли моей африканской страны,
и прекрасные, легкие, быстрые, мудрые звери,
что живут по лесам моей родины милой,
и прекрасные эти озера, прекрасные реки,
и прекрасные птицы небес моей родины милой,

и названья прекрасные эти, любимые мною,—
 на языке суахили, широнга,
 на диалекте шангана, битонга,
 на диалекте макуа, хитсуа,
 на языке африканцев, живущих в Мепонда,
 Ргбауэ, Моссурize, Завала,
 Шиссибука и Зонгоэне,
 на клочках моей милой земли.
 «Киссимажуло! — в глотках клокочет. — Кисспмажуло!»
 И в ответ им из гущи деревьев микайя
 откликается зычно:
 «Аруангуа!»
 И при лунном сиянье
 светлейших ночей Муррупулы,
 и на влажных зеленых равнинах Софалы
 я тоску ощущаю
 по невыстроенным городам и кварталам Киснико,
 и по щебету птиц африканских
 из Мапулангене,
 по деревьям, растущим в Массинга,
 в Мушилипо или в Намакурра,
 по широким проспектам сверкающим Пиндагонга —
 по проспектам, которых никто не построил покуда,
 по домам в Бала-Бала, в Мугазине, в Шиньянгуанине,
 тем домам, о которых никто и не слышал покуда.
 О, соленая грудь, цвета пены морской — бухта Пемба,
 и течение реки Пунгуэ и реки Ньякаузе,
 Инкомати, Матола,
 и напор Лимпопо, ее бурные воды!
 Ах, Замбези, ее виноградные грозди,
 что стынют на солнце,
 и огромные ягоды, что созревают одна за другою,
 амулеты банту, винограда янтарного груды!
 И зверпный пронзительный голос шанго и импала,
 нежный взгляд антилопы,
 чуткий шаг эгосеро,
 и стремительный бег иньякозо по земле Фуньялоуро,
 Маазула бессмертного дух на мостах Маньюана,
 птица секуа, гордо парящая над Горонгоза,
 рыба шидана-ката в сетях рыбаков из Иньяка,
 идиллически тихая заводь Билене Масиа,
 яд зменный на травах земли
 той, которой владеет царек африканский Сантака,
 шипендана певучий напев и звучанье тимбила,

плод сладчайший ньантсума, имеющий вкус терпковатый,
сок мапспинш поспевшей,
цвет мавунгуа желто-горячий,
на губах остающийся вкус куакуа,
Ненгуз-у-Суна таинственное колдовство.
Как чпсты вы, названья времен
свободных стволов мукаралы,
шанфуты, умбилы,
водной гладь свободной,
п свободных набухших плодов перезрелых,
п свободных участков земли, подходящих для празднеств,
п свободных участков земли для полночных костров!
Я кричу: «Масекезе, Ньянзило, Эрати», —
и деревья макайя отвечают мне: «Амарамба,
Муррупула и Нуанакамба», —
п названья, звучащие девственно, я обновляю,
п уже африканец без страха сжигает
зловещие перья вороны —
п на этом кончается
культ
божества Шикуюмбо!
И под возгласы птицы, зовущейся шипалалала,
зверь кизумба свои пожелтевшие острые зубы
в африканские желуди влажные хищно вонзает,
пока грянут победную песню свою огневую
вновь рожденной луны
барабаны.

ОДА ЖИВОМУ ГРУЗУ,
ПОГИБШЕМУ ВО ВРЕМЯ ПОЖАРА НА КОРАБЛЕ,
НАЗЫВАВШЕМСЯ «САВЕ»

Сколько людей погибло?
Те, кто там был, и мы.

I

Был огромен корабль,
был огромен корабль, только он не пришел никуда.
Были трюмы полны,
были трюмы полны, но они не пришли никуда.
Было много кают,
было много кают, но они не пришли никуда —
па мели оказался корабль.

Послушный товар, размещавшийся в трюмах,
предназначен был на продажу.
И когда огромный корабль Компании сел на мель,
пассажиры с золочеными пуговицами на мундирах
тут же с бедой смирились.

Но вы не печальтесь, матери,
не грустите, отцы и братья,
невесты скорбящие и печальные сестры,
не орошайте слезами разлуки
платков своих белых.
Корабль Компании, к счастью, был застрахован,
и груз этот, в море погбшый,
тоже был застрахован.
Вы, отцы престарелые, не отчаивайтесь напрасно,
ибо ущерб сполна возмещен владельцам
корабля, чье название три дня мелькало в газетах
и уже никогда
не появится больше.
У груза живого в трюмах
своей истории не было,
и поэтому никаких происшествий
судовой журнал не отметил.

Были там сыновья и братья,
черные, белые, желтые и мулаты,
женнхи, футболисты,
почти солдаты,
с фотографиями на удостовереньях личности —
мундир цвета хаки, ряд пуговиц золоченых,
губы, не произносившие слов ученых,
глаза, философских вопросов не ведающие —
рок-н-ролла любители страстные,
самой своей юностью уже прекрасные,
и все они дом свой оставили, чтоб однажды,
освещенные взрывами рвущихся боеприпасов,
утоуют в пучине морской.

II

Кто кричал?
Это груз был всего лишь.
Кто горел?
Это груз был всего лишь.

Кто на воздух взлетел?
Это груз был всего лишь.
Кто исчез навсегда?
Только груз.

Груз живой израсходовал вскоре последние силы
рук горящих и ног,
стекленеющих глаз, обожженных ладоней последние силы,
поглощенные пламенем адским последние крики
перед самым концом.

О, живой этот груз до последнего мига боролся
под печальные звуки прибоя и легкого ветра,
шелестящего в пальмах у стен городских Келимане,
головой колотился о стену,
и под звуки шагов, доносившихся с палубы верхней,
обдирал себе руки до крови, чтоб выйти наружу,
а потом уже сдался и уже не увидел пейзажей зеленых,
что обещаны были ему,
о которых мечтал он когда-то.

III

Плыли в каютах мужчины,
плыли в каютах мужчины,
плыли в каютах мужчины —
этот груз, на воде сгоревший,
для продажи был предназначен,
и кричал он, страхом охвачен
перед кладбищем своим соленым,
перед тем металлом каленым.

Матери, сестры,
отцы и братья,
друзья и невесты,
плыли они вместе с ними,
одетыми в свои мундиры защитного цвета,
на которых желтые пуговицы мерцали,
словно звезды той ночи кровавой.
Плыли в каютах пассажиры,
почти женихи и почти солдаты,
почти мужья и почти мужчины,
и почти еще дети, помнящие еще ясно,
как совсем недавно за ящерицами гонялись,

И все они до единого жались к стенам,
и предсмертные голоса их слились воедино,
и это было предсмертное их прозренье,
последнее их презренье
к огню и дыму,
последнее и мучительное мгновенье
любви, навсегда отвергнутой и напрасной.

IV

Плыли в каютах парни,
юноши плыли в трюмах,
плыли почти мужчины.
Их старые матери плачут,
все глубже морщины на лицах
отцов их, друзей и братьев.

Окаймленные рамкой черной,
с фотографий глядят их лица,
и в глазах у них — удивленье,
и уже им не измениться.
У груза, в огне сгоревшего,
в подводных лесах погибшего,
истории, собственно, не было.

А Ф Р И К А Н С К А Я П А У З А

Огненный шар, окрашенный
в цвет моего отчаянья,
над морем, над далью сипей.
Разгадываю в одиночестве
значение каждого жеста
и сладость каждого слова,
прибоя морского тайну,
молчанье вдвоем, сочувствие
твоих теплых и бледных рук.
Шепчу твое имя,
заполнившее
собою сумрак вечерний,
с восторгом гляжу
в загадочные
зеленые твои глаза.

И перебираю пальцами
волос твоих прядь тяжелую,
цвета луны, родившейся
над морем в вечерний час.
Ты здесь или ты мне привиделась?
Прикрываю губами глаза твои,
ресниц твоих —
птиц озябших —
касясь едва-едва.

ПРЕКРАСНАЯ ИСТОРИЯ, КОТОРУЮ Я РАССКАЖУ ОДНАЖДЫ

Когда-нибудь я поведаю вам прекрасную историю о белой девушке, здесь родившейся, здесь, на моей опаленной зноем земле. Я расскажу вам о том, что ее улыбка излучала нежность и добротой сияла, глаза ее были ласковы, как обещанье свежего хлеба, а ее молочные руки были белы, как белые флаги мира. Когда-нибудь я поведаю вам прекрасную историю о белой девушке, здесь родившейся: я черный мальчишка худой, а она — сестра моя, я черный грузчик в порту, а она — сестра моя, мне шагу ступить не дадут, а она — сестра моя, и твоя, и всем нам вместе — сестра. Когда-нибудь удивительную и прекрасную историю о белой девушке, здесь родившейся, непременно я расскажу.

ПОРАЖЕНЬЕ

Звучанье квартета
над нами —
все вокруг оживает,
Плавное движенье
непроизвольно
изображает «прощай»,

неприметная улыбка
таит в себе некую резкость.
Стены вокруг непрístupны,
и птица
бьется с мольбой о стекло
и машет крылами
в полете.

Шаг
подчиняется ритму ударных,
и улыбка твоя
в двух гранях ночного стекла
кажется еще холоднее.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я хочу, чтоб и после был слышен
мой голос непогребенный,
мужественный, как кивжал.
Чтоб исчезла в земле лишь память
о жестах незавершенных,
а не голос кричащий мой —
я буду кричать в набрякшем
молчанье утра, в котором
зреет грядущий день.
И будет ли это страстный
мой голос непогребенный
или руки мои, спокойно
скрещенные на груди, —
хочу, чтоб меня услышали,
увидели,
ощутили
мятежным и обнаженным,
таким, каков я и есть.
Но, став и растеньем даже,
я буду тянуться к звездам,
а пока я цветок срываю,
им пальцы мои пропахли,
а глаза мои смотрят в небо,
которое не продается,
но которое может всякий,
даже стоя на четвереньках,
над собой всегда увидеть.

Человек, я сей мир покину,
головой своей не склоняя,
будет голос мой жить, как волны,
что рождаются в море и гибнут,
чтобы снова родиться в нем!

ПОЭМА АФРИКИ

На губах моих толстых
бродит отсвет сарказма,
колонизирующего мой материк материнский,
и сердце мое отказывается услышать
с плоскими шутками смешанный наполовину
англо-романский синтаксис новых слов.

Они меня любят единственной правдой своей евангельской,
мистикой пестрых стеклянных бус и мистикой пороха,
своих пулеметов логикой убедительной
и оглушают песнями чужестранными,
в равной степени чуждыми мне и странными.

Они одаряют меня величием
героев своих, официально дозволенных,
славой своих «роллс-ройсов» и городов своих каменных,
публичных домов своих радостью каждодневною.
Они меня тянут к их богу гладковолосому,
и на губах моих тает
привкус абстрактного хлеба,
миллиона абстрактных хлебов.
И взамен амулетов старинных, когтей леопардовых,
они продают мне благословенье свое и позорную
метрику сына отца, никому не известного,
сеансы стриптиза, бутылку вина кислотного,
специально для черных белыми предназначенного,
фильмы, в которых герой карает предателей
и разит дикарей со стрелами их и перьями —
поцелуями пуль и газа слезоточивого
цивилизируют они бесстыдство мое африканское.

Монеты висят у меня на шее, кружки латунные
вместо прежних празднеств моих в честь обрядов свадебных,
или в честь дождя, или в честь урожая нового.

И я понимать начинаю: люди, которые создали
электрический стул, Бухенвальд или бомбу атомную,
у детей Варшавы отняли детство, придумали
Голливуд, ку-клукс-клан, Аль Капоне, Гарлем и так далее,
уничтожили Хиросиму, и прочее, прочее —
этим людям понять не дано аллегорий Чаплина,
ни Платон им, ни Маркс, ни Эйнштейн и ни Ганди неведомы,
и что Лорку убили, об этом они не слышали —
сыновья чудовищ,
изобретших инквизицию,
породивших пламя, Жанну д'Арк поглотившее,
они распахивают мои поля
плугами с маркою «Made in Germany»,
но ушами своими, от джазовых ритмов оглохшими,
не услышат уже деревьев голоса тихого,
и по книге небес читать уже не научатся,
и в глазах их, наполненных блеском металла холодного,
умирают лесные цветы, их цветенье щедрое
и лирический щебет птиц их уже не трогает,
и порывы могучих крыл над полями ранними,
и невидимая скорлупа небосвода синего.

Нет, не видят они и борозды эти красные,
за невольничьим кораблем на воде лежащие,
и не чувствуют, как на пути корабля идущего
я при помощи колдовства вызываю яростный
гнев костей этих острых, как сабли, уныло пляшущих
океанский дьявольский танец, батуче моря...

Но на сине-зеленых дорогах, путях отчаянья,
я прощаю прекрасной кровавой цивилизации,
отпускаю ей прегрешенья ее — амишь!
Под тамтамы моих племен, под звучанье грозное,
мой любовный клич, словно семя, ложится в темную
благодатную почву невольничьих кораблей...

В дни равноденствия над родимой землей вздымаю
самую лучшую песню народа широнга,
и на белой спине наступающего рассвета
дикле мои пальцы преисполнены ласки —
как безмолвная музыка дротиков и кинжалов
племени моего воинственного, прекрасных
и сияющих, словно золото, ввысь воздетых
в беспокойном чреве моей африканской ночи.

МОГИМО

МАТЬ-АФРИКА

Мать-Африка, на твоих устах боевые напевы.
Ты поешь и танцуешь под клич Шикуюмбо.
Мать-Африка, бесконечно прекрасны луны
в причудливых чащах далекого Конго.
Мать-Африка, твои эбеновые сыновья
бегут и падают ниц под гул барабанов-шигубо.
Африка, мать магических маримб
и белых господ, говорящих на черных наречьях.
Мать-Африка, голубые и зеленые океаны
радостно режут под гром твоих барабанов.
Мать-Африка, в твоём сладостном лоне
рождаются темпокожие воины,
могучие бойцы,
одолевающие
гнен.

КРАВЕЙРИНЬЯ МПУМО

УВЕРЕННОСТЬ

Непогребенные голоса Шпнаване,
непогребенные голоса Муэда
взывают к нам, просят восстать.

Дантовы виденья Герники,
рожденные кистью Пикассо,
отзываются в нас болью,
взывают к нам, просят восстать.

Огпедышащие жерла орудий
извергают пламя свободы,
мертвые
кровавыми буквами пишут свободу.

Свобода будет реветь
в раскаленных добела стволах ружей,
пока дерево свободы не покроют цветы,

пока созидатели мира
не нарисуют в небесной сини
белокрылые контуры мира,
пока из праха прошлого
по заветам Шивамбо Мондлане
не возникнет новый Мозамбик.
Кровавые слезы, которыми мы оплакиваем его смерть,
станут пулями, летящими в цель.
Наперекор ночному вою гиен,
ощеривших кровавые пасти,
на зверином пиру
вырастает фигура гиганта:
в одной руке у него факел свободы,
винтовка — в другой.
Это сын сумерек,
в которых покоятся герои
от Спартака до Гевары и Лумумбы.

Вот он идет — Мондлане — не символ,
а уверенность, компас, показывающий дорогу к победе,
когда гиены с желтыми глотками
сгниут в огне свободы
и исчезнет даже пепел их сгоревших тел.

РУЙ НОГАР

ЗАГАДКА № 2

Лазурный ореол
нездешних звезд.

И море маков —
багряный бред
вспоминанья.

Большие нестерпимые цветы;
разлапистые лацканы корней
и лепестки, впечатанные в память.

Как девушки, чей вечный голод
рождает голод и не знает
метафизических проблем.

А ненависть,
могущая не меньше
(когда не больше),
чем безнадежная любовь,
которую у нас полны
извечно
дырявые карманы?!

И не уйти им, никому
им не уйти.
Шесть миллионов восемьсот шестнадцать тысяч
сто голосов
на двадцать пять
квадратных километров.

Им не уйти, друзья!
Никто не сможет
уйти.

РУЙ ДЕ НОРОНЬЯ

БЕЗУМЕЦ

Мне встретился бродяга бесноватый.
Крича, он с одержимостью во взоре
Стучался в двери палкой суковатой.
Я понял человеческое горе.

Мне встретился бродяга бесноватый.
Что людям глас его в их общем хоре?
Вокруг одни страданья и утраты.
Им этот крик безумца — капля в море.

И всей душой я пожалел беднягу,
Чужого, одинокого бродягу,
Который жизнь свою влачит скорбя.

И я раскрыл ему свои объятия.
Но в нем себя был выпуждеп узнать я.
Как стало больно видеть мне себя!

МЯТЕЖНОСТЬ

О, дни забот, о, дни душевной смуты,
Утраченные песни и стенанья
Необъяснимых мук, о, холод лютый
Разбитого навеки упования,

О, миги откровенья, о, минуты
Украшенного смехом мирозданья,
О, всех сомнений порванные пути!
Когда бы мне сказали: «Вот страданья,

Извечно не дающие покоя.
Вот краткое, как месса, золотое
Веселье. Это дней твоих спираль.

Меж ними выбирай по усмотренью», —
Я предпочел бы умиротворенью
Бессонную, мятежную печаль.

НЕСЧАСТЬЕ

Я — хижина на берегу морском,
Вчера погиб рыбак, хозяин мой,
Рыдают дети под моим окном
И женщина, что сделалась вдовой.

Я хижина на берегу морском,
Меня разбило дикою волной,
На досках, всплывших над моим крыльцом,
Спит женщина, убитая грозой.

Я уж не хижина, мне уж нельзя помочь,
Я горький плач сирот, ушедших в ночь,
Прозящих хлеба и участия.

Я слезы тех, кто осужден страдать,
Кого и смерть не хочет принимать...
Бездомных... Нищих... Я — несчастье.

МАРСЕЛИНО ДОС САНТОС

ЗДЕСЬ МЫ РОДИЛИСЬ

Такая древняя земля,
где мы родились,
Такое множество веков
прошло по ней...
Здесь наши предки
жили, умирали,
Лаская, обнимали эту землю,
Трудясь на ней извечно, каждодневно...
Как стебли, переполненные соком,
Змеились жилы по натруженным рукам.
И, высекая из камней суровых
основы плодородия земли,
В сердцах своих
таили наши предки
О счастье величавую мечту,
И мы с тобой
здесь некогда родились...
Горячая и добрая земля,
Земля ликующего солнца,
Зеленая земля широких нив,
Как женщина прекрасная
с цветущим телом,
Нам отдалась, полна желанья...
И мы росли,
Баюкали нас птицы —
Крылатые певцы
родной земли.
Так проросло
на поле нашей жизни
Из глубины веков
поднявшееся чувство
Неистребимой, истинной любви.
И вот теперь,
когда по небу хлещет ветер,
Меч молний
рассекает темпоту,
Когда жестокий страх
окрашивает лица
в смертельный серый цвет,—

Теперь одна любовь,
любовь не дрогнет паша!
Прекрасная земля,
где мы с тобой родились,
Ее страданья — наша боль.
Но туча желчная сегодняшнего дня
Должна исчезнуть,
как любая туча.
Прекрасная земля,
земля надежды,
Открытая лишь искренним объятьям,
Прекрасная земля,
где с каждым часом
Все громче слышится
Свободы твердый шаг!
Нам, юным сыновьям
Столетия, идущего к концу,
Нам, самым смелым,
самым молодым,
Дано наследье наших предков...
И мы песем его
в своих больших руках,
Чтоб начатое дело завершить
и воплотить мечту о счастье!

ПЕСНЯ ИСТИННОЙ ЛЮБВИ

В качанье пальм,
Листву вознесших в небо,
В меланхолическом движении их крон —
Ты слышишь песню о любви моей!

В спянии луны, которая восходит,
Завороженная ударами тамтамов,
Напевами моих сестер и братьев, —
Ты слышишь песню о любви моей!

И в трепете блестящих рыб, понавших
В закинутые сети рыбаков,
Что возвращаются на берег после ловли, —
Ты слышишь песню о любви моей!

И в беспокойном пенье каждой птицы,
Поющей гимн безжалостному солнцу,
На спинах отраженному стократно
В тяжелых каплях пота, —
Ты слышишь песню о любви моей!

В напеве бабушки, звучащем монотонно
Под стук ритмичный деревянных ступок, —
Ты слышишь песню о любви моей!

В улыбке, открывающейся ночью
На томном лице матери моей,
Когда приходит сон, для всех желанный, —
Ты слышишь песню о любви моей!
В скитаниях по высохшим дорогам,
В игре мячом, что спит из старых тряпок,
В угрюмом стуке горестных мотыг,
Что разрыхляют путь росткам маиса, —
Ты слышишь песню о любви моей!

И в звоне капдалов,
                  которые сковали
                  мне ноги,
                  руки,
                  голос,

Даже в том, что все еще не может распусться
Цветок багровый сердца моего, —
Ты слышишь песню о любви моей!
Я,
Проданный па копи Трансвааля,
Я, превратившийся
В крупичицы черной пыли,
Пою все так же о любви моей.

Хотя мое истерзанное тело
С цементом смешано,
Размолото с песком,
Хотя дома,
Шоссейные дороги
Окрашены моею кровью, —
Пою все так же о любви моей.

Ты в пламени любви сыновней, жаркой,
О Мозамбик,
О край любимый мой!

Века глухого, тягостного рабства
Не задушили сердца твоего,
А лишь сильнее сделали тебя!

Я поднимаю руку
Со всею силой ненависти страстной
Во имя каждого,
Кто быть рабом не хочет,
Кто гордо осознал:
Я — Человек!
Копье своих отцов
Возьму я в руки,
Чудовище я истреблю!
Чудовище,
Которое взрастило
Людей, враждебных людям,
Зло земли!
О Мозамбик,
О край любимый мой!
Одеты пурпуром свободы,
Твои сыны подхватывают песню.
И вот она уже летит по свету, —
По Африке лети, во все концы!
Та песня рождена
Великой ненавистью к рабству,
И к нищете,
И к голоду!
Та песня —
Песнь Надежды
И песня Веры,
Песня Истинной Любви!

НОЭМИЯ ДЕ СОУЗА

НЕГРИТЯНКА

Чужаки воспевали тебя не раз,
но другие миры в глубине их глаз
застили прелесть твою живую...
И сплетали они
кружева легковесных фраз

и — чужие, тебя, чужую,
не желавшую иноземных ласк, —
ни понять, ни объять не могли.
И ткань славословий плелась,
про тебя говорили: эбеновый сфинкс,
этрусская ваза, черный экстаз,
жрица любви, тропический зной...
И — разодетая в эти слова,
словно в пышный атлас,
словно в тонкие кружева, —
всем была ты, кроме себя самой...
Спасибо всем чужакам!
Спасибо за то, что оставили нам —
людям той же души, тех же кровей,
детям грусти твоей —
неповторимую славу тебя воспеть...

ХОЧЕШЬ ТЫ МЕНЯ УЗНАТЬ?

Хочешь ты меня узнать?
Так возьми осколок древесины черной —
неизвестный брат маконде
в дальних землях Мозамбика
вдохновенно выточил меня.

Видишь, я какая:
рот прорезан острым стоном,
и в пустых глазницах боль столетий,
и воздеты к небу тяжкие ладони,
словно умоляют,
словно угрожают, сдерживая плети...
Плоть, страданьем налитая,
Африка, прекрасная, живая —
видишь, я какая!

Хочешь ты меня узнать?
Так послушай стоны грузчиков портовых,
крики яростных батуке,
песни древние шангана,
что звучат у нас на юге
и воинственно и странно
в меланхолии ночной...

И не задавай лишних вопросов,
если хочешь ты меня узнать...
Все во мне понятно, ясно, просто:
я — мятеж, родившийся из грусти,
я — нецстовой надежды сгусток.

НЕГРИТЯНСКАЯ КРОВЬ

Африка — загадка и разгадка!
Девственница у насильника в руках!
Мать прекрасная моя!
Что меня швырнуло в дальние края,
закружило, завертело, укачало
в равнодушных городах, в чужих кварталах?..

Мать, прости меня!

Разве я не тосковала
без твоей лупы — моей сестры,
у которой руки так добры!
Африка — начал моих начало...

Разве заслонили стены ресторанов
и полотнища экранов
грусть твоих огромных горизонтов странных...
Разве в джунглях высохла роса,
разве смолкли голоса
птиц, поющих о свободе, — певчих безымянных...
Разве сыновья твои —
несравненные цари,
статуи, отлитые из бронзы,
закаленные в пучине грозной,
в адском пламени зари,
обжигающем до боли,
разве сыновья твои,
изнемогшие рабы,
чья кровавые мозоли,
чья истертые горбы
о любви к земле поют,
разве эти братья предадут?!
Африка! О мать моя!

Страстная невольница, ворожея,
дочь безумная к тебе вернулась,
так прости меня, прости,
как тебе простила я!

Ничего не надо мне,
кроме взбешенных тамтамов,
говорящих о войне, —
дун-дун-дун и там-там-там —
тут и там тамтам колдует...
Чую силу молодую,
сердце рвется под ребром,
в моем теле — крови гром,
голос крови, предков зов —
всепрощенье, очищенье,
возрождение, единенье всех веков...

Мать! Я слышу, как поют рабыни
под луной, в ночной теплыни,
и вскипает кровь рабыни чернокожей, —
кровь земли, чащобы, шквала, —
дикая — твоя, моя — до дрожи,
до последней кашли алой,
до последней клетки черной кожи!

Я живая, я страдаю, я смеюсь —
с материнской кровью
навсегда сольюсь!..

В ЛЕСАХ

В дебрях африканских, в непролазной чаще
тропы прорубает нож звенящий —
это путь наш новый, это путь наш трудный,
весь в колючках и сплетениях корней.
Но Поэт нам указал дорогу,
и, ступая твердо, мягко и упруго,
мы пойдем по ней...
Впереди маячит горизонт огромный,
а пока что мы шагаем,
сбрасывая дрему,
яростной любовью меряя шаги,
и в предвесье шторма застывают губы
и холодной сталью блещут, как штыки.

Слышишь, де Норонья, —
в Африке мятежной, пробужденной, новой —
накануне рождества хмельного
приходи ко мне, мой одинокий,
утонувший в омуте бездонном
собственной души,
в бездне отвращения сумрачно-зеленой
утопивший жизнь...
Приходи, Поэт, самоубийца гордый,
изувеченный любовью непомерной,
необъятной, клокотавшей в горле
выдохом предсмертным.
Если ты придешь — трагичный, безоружный, —
заверну тебя в одежды пониманья,
убаюкаю, как няня,
песней, самой ласковой на свете,
той, что напевала детям
бабка черная моя...
Сп, не просыпайся,
спи и отдыхай от всех трагедий,
спи и погружайся в сон желанный,
спи и не вникай в слова...
Музыка врачует раны,
а слова свершают чудо —
пробуждают совесть силой колдовства,
ибо в них Мапуто барабаны,
той земли, откуда
бабка черная моя.

Барабан Мапуто спросит:
как ты смел, Поэт, расстаться с песней,
как посмел — глухой, незрячий — бросить
Африку твою?
Проходил ты мимо, словно незнакомый!
Африка проснулась — ты не видел!
Криком захлебнулась — ты не слышал!..
И большая совесть встанет в глотке комом,
будет жалить, словно сотни насекомых!

Так пускай тебе спокойно спится,
брат мой де Норонья,
в хижине лесной — в темнице
собственной души.

Ты не слушай песню — слишком поздно...
Но позволь, из рук твоих прозрачных
факел мы возьмем,
окунем его не в слезы,
а в смолу надежд горячих —
пусть он вспыхнет яростным огнем,
обжигая наши пальцы,
поджигая, обагривая вековые пальмы!

Факел, факел — он потом
в бронзовых руках, как знамя,
поплывет над головами,
станет нам вожатым, грозным, вдохновенным,
расширяя вены,
сумасшедшей кровью загудит,
врежется кометой
в ночь окованной груди.

АДДУ АГВО

ГДЕ-ТО В АФРИКЕ

По утрам встает светило —
Где-то в этой Африке.
Но не жди псалмов хвалебных,
Ибо людям все постыло,
И светила и молебны,—
Где-то в этой Африке.

Дует ветер, новый ветер,—
Где-то в этой Африке.
Но не ласковый, не с моря,
Завывают на рассвете
Вихри горечи и горя —
Где-то в этой Африке.

Отняты мужья судьбою —
Где-то в этой Африке.
Пропадают днем и ночью;
Не семьею, а пальбою
Каждый нынче озабочен —
Где-то в этой Африке.

Горько женщины рыдают —
Где-то в этой Африке.
Каково им жить на свете,
Если дети голодают,
Если умирают дети —
Где-то в этой Африке.

Ребятишки клячат плача —
Где-то в этой Африке,
Крошку хлеба, ложку пицци,
Не понять мозгам ребячьим,
Что таких вещей не сыщешь —
Где-то в этой Африке.

Ловкачи политиканы —
Где-то в этой Африке
Предают народ злосчастный,
Равнодушный к чистогану,
К авантюрам непричастный, —
Где-то в этой Африке.

СТРАНСТВИЕ ОКОНЧЕНО

Скорбная процессия запричитала дружно,
Склоняет путешественник усталую главу,
Аккорды похоронные надрывны и натужны,
Странствие окончено.

Всклип — и провожатые расходятся спокойноенько;
Да сбудется реченное: «Прах возвратится в прах».
Всяческие почести оказаны покойнику,
Странствие окончено.

Прочь уходят ближние, предав земле усопшего,
Могила неуютна, непроглядна тьма,
Что живым до смиренного, безгласного, усопшего?
Странствие окончено.

Больше нету дня ему — ни черного, ни светлого,
Больше неумная супруга не ворчит,
Больше не болтается вокруг родня несметная,
Странствие окончено.

Звезды не мерцающие, ветры не пылящие,
День не продолжителем, ночь не коротка,
Воды не студеные, пламя не палящее,
Странствие окончено.

Можно не печалиться о гладе и о море,
Можно не бояться за грядущие года,
Не страшиться гибели на суше и на море.
Странствие окончено.

Земные будни прожиты в заботах неусыпных,
Сколочены империи, деньга припасена,
Мы боремся, и трудимся, и алчем, ненасытные,
Покуда
Странствие
Не кончено.

АДЕБОЙ БАБАЛОЛА

СКАЗАНИЕ О МАИСОВОМ РОСТКЕ

Мне очень бы хотелось разузнать,
Как был переодет Маисовый Росток,
Когда явился в край Оригбо из Олуфа,
Но, к сожалению, очевидцев нет.
Известно лишь, что около границы
В селенье Маро он узнать пытался,
Не там ли поселился бог воды.
А услышав, что нет, ушел поспешно.
Но удивленным жителям сказал:
«Я возвращусь еще, держите наготове
Двух крыс олугбере,
Двух рыб олугбола
И два больших стручка орехов кола».

Потом, по слухам, он пришел в Йакайо,
Поселок так назвали, потому что
Когда-то основатели его
Дома расположили вдоль дороги
И зазывали путников к себе,
Едою и напитками прельщая,
Прохладу обещая и покой.
И несмотря на то что с тех времен
Обычай успели измениться,
Что жители теперь три шкуры драли

С прохожего за воду и за хлеб
(Не дашь — так подымай голодной смертью),
Мансовый Росток у них спросил:
«Не здесь ли поселился бог воды?»
И, вновь услышав «нет», сказал, как в Маро:
«Я возвращусь еще, держите наготове
Двух крыс олугбере,
Двух рыб олугбола
И два больших стручка орехов кола».

Потом он побывал в Ипетумоди,
В Оригбо этот город называют
Морпосала, — за его стенами
Спаслись остатки племени йоруба
От кровожадных воинов фулани,
Разрушивших прекрасный город Ойо
Сто сорок с лишним лет тому назад.
Мансовый Росток узнать пытался,
Не тут ли поселился бог воды,
Но, ничего не услышав о боге,
Велел готовить то же, что и всюду,
И вскоре возвратиться обещал.

Ближайшее селенье называлось
Эсайпо, впрочем, я предпочитаю
Старинное название — Эленпе,
Что значит: «Хоть мало, зато прекрасно».
Мансовый Росток опять спросил:
«Не здесь ли поселился бог воды?»
А услышав, как и повсюду, «нет!»,
Опять сказал: «Держите наготове
Двух крыс олугбере,
Двух рыб олугбола
И два больших стручка орехов кола».

С Эсайпой распрощавшись в тот же день,
Страхнул с одежд наш путник пыль Оригбо
И вскоре пред собой увидел город,
Известный всем под множеством имен:
Олеоджогунесин, Акимфемва, Гбанган,
Бе-югун-ерин-а-гба-а-л-оре.
Здесь первый дом построил Акимфемва,
Который говорил: «Коня вовеки
Не купит тот, кто трудится с ленцой!»

Но бог воды не проживал в Гбангане.
Узнав о том, Маисовый Росток
Сказал мужчинам, женщинам и детям:
«Готовьте рыбу, крысы, орехи кола —
Я к вам вернусь», — и запагал в Икайре.

В Икайре каждый гордо назывался —
Омо Эву Оджеле, Эву-фи-ле-хан-ми-
Фона-хан-ми, Эву-йе-фабуйа-ле-Кире
Хан-мо Огидан. Значило все это —
Потомок славного Эву Оджеле,
Который всем показывал охотно
Дома, деревья, улицы, базары
И бережно хранимые каналы,
Ведущие из города и в город.
«Не здесь ли поселился бог воды?» —
Маисовый Росток спросил устало
И весь затрепетал, ответ услышав:
«Живет в каналах наших бог воды».
Потом, понятно, гостю показали
Святылище, где поклонялись богу
Все жители Икайре, стар и млад.

Тогда, склонясь перед людьми Икайре,
Личипу снял Маисовый Росток
И в землю врос голодными корнями,
А через год обрел права гражданства,
Считаться стал Омо Эву Оджеле.

Не я сказанье это сочинил,
Придумал все мой старый друг Оджинни
Элеринойе Омо ле Жагун.
Его везде любили, он охотно
Смел и других и сам легко смеялся,
Сам вождь дивился мудрости его.

БАЛАМУТ

Ожо, Ожо Баламут его зовут.
Когда сторонкой норовит пройти Беда,
Ее к себе он шумно приглашает,
Остаться просит.

Когда Тревога не заходит в дом,
Крючком багра ее он за ноги цепляет,
Затаскивает сплой.
Наткнувшись на сплетенье ста несчастий,
Он тычет ногу в пасти хитрых петель
И радостно волочит весь клубок.
Никчемнейших, мерзейших из людей зовет он в дом,
Чтоб лишний раз устроить потасовку.
Он негодай,—
Того, кто с ним заспорит,
Ножом обычно урезонивает он.
Услышав брань или завидев драку,
Он тут как тут, ведь он же Баламут,
Была бы ссора —
Чья? За что? Неважно.

Порой ужасен он, как Бог Железа:
Размахивая злобно топором,
По людным улицам он любит бегать.

Проказлив мальчик был, а мать его жалела,
Ну что бы ей тогда соседей
За неприятности, которыми ребенок им досаждал всечасно,
пожалеть?

Вот финит обыкновенный для Баламута.
Приходит он и говорит:
«На этой девушке женюсь я завтра ночью,
Плевать мне, что она с другим обручена!»
Да что невесты!
Он и жен ворует,
Хотя нередко превращает в ад случайная добыча дом его.
Средь женщин краденых не занимать искусниц
Прижучивать мужчин любого сорта.
Но Баламут есть Баламут.
Однажды супругу Шанго, Громовержца Шанго,
К себе он заманил,
Хоть мог бы, кажется, предугадать,
Как сладко с той, что изрыгает пламя.

Упрямство Баламутово сродни упрямству Пестика,—
Того, что, задыхаясь, вбежал на площадь Ступок
В старинном городе Толки-Батат
И заорал: «На царский трон взойду я,

Преграды сокрушу!»
Напрасно верный друг пытался спасти безумца от беды,
Советовал напрасно:
«Не ори, не лезь в цари».
Советам Пестик не внимал
И утверждал, что должен воцариться.
В конце концов он влез-таки на трон.
Но что ж, своей судьбой лишь подтвердил реченье старое:
«Трудненько голове держаться прямо, когда она в короне».
Особо справедливо это там, где есть обычай:
Батата не толочь
Без Пестика тем, кто его толчет.
Манса не толочь
Без Пестика их женам.
А знахарям
Лекарств не растирать без Пестика.
Короче, там, где Пестик всем необходим,
Поверьте, настрадался вдосталь Пестик,—
Толченный перец ел ему глаза,
Сквозь рот и нос,
Все по пути сжигая,
До самого желудка проникал.
Владыкой Пестиком толкли, он бился в ступке,
Сначала уши стерлись у него,
Потом другие важные детали,
А там и череп с треском лопнул пополам.

Ей-богу, не разумней Баламут,—
Ведь он, найдя в кустах на ферме трупик птицы,
Домой его принес,
Хотя не мог не знать поверия, гласящего:
«За птицу Злые Духи
Мать убивают;
Или заставляют
Отца на гору Ужаса взойти...»
Всего же горше, что никак нельзя от Баламута отвертеться,
Когда он, улыбаясь, говорит: «Друг, посидим, поговорим»,
Ведь если скажешь: «Сесть тут негде»,—
Он рявкнет: «Лучше оглядись,
Коль негде, я па нос твой сяду!»

Таков наш Баламут,
Ни днем, ни ночью он не дает покоя никому.

МОРУ ЙОСУФУ ГИВА

БЕНИН

И все ушло...
Там, где вчера вздымалась к небу
Столица гордых королей,
Сегодня первозданный хаос
Из мертвой глины и камней
Застыл в бездонной тишине...

О мой Бенин, мой красный город,
Увенчанный ушедшей славой,
Забытый город величавый!
Лежит, поверженная в прах,
Былая слава Огуолы.

Я вижу стройные отряды
Отважных воинов твоих.
Твердыней упирался в небо
Прекрасный и богатый город —
В веках сверкающий Бенин.

Там, где вчера вздымалась к небу
Столица гордых королей,
Сегодня первозданный хаос
Из мертвой глины и камней
Застыл в бездонной тишине...

МИНДЖИ КАРИБО

СУЕВЕРИЯ

Если ты первой встретишь с утра
Старушку,
Которой в могилу пора,
Знай: в этот день не будет добра,
Запрись и спрячь голову под подушку.

Если овца не ложится в полдневный зной,
Она не овца, а мертвец, что у черта взял выходной,
Дабы часок побыть среди живых
И обогреться солнышком их.
А если зачешется вдруг ладонь или левый глаз
Или сова над домом твоим крикнет несколько раз,
Постись и молись, не ходи никуда,
Ибо за дверью стоит беда.
Пляску ведьм под бананом видели все соседки,
Напиток пролившийся пьют усопшие предки,
А если в горшках оставлять объедки
С вечера до утра,
Их подъедят потихоньку те, кому родиться пора.

Нельзя на закате стоять в дверях или дом держать взаперти,—
Это всегда обижает духов, имеющих право войти.
Ногу разбив о коварный корень, не ленись его обойти,
Но, чтобы избежать худших зол,
Разузнай, на что этот корень зол.
Да, кстати, не спи ногами к дверям —
Или умрешь, такова примета...
Не спорь, я придумал это не сам,
Не спорь, всем на свете известно это.

ЛАСКОВОЕ И НЕЖНОЕ

Одинока была бы эта ночь,
Но у дерева и тени зелень одна;

Бежали б слезы из глаз в эту ночь,
Но дразнили, смеясь, веселые тени;

Ни гроша бы не было в эту ночь,
Но рассыпала всюду цехины луна;

Страха полна бы была эта ночь,
Но бриз тихо пел, что опасности нет;

Неспокойна была бы эта ночь,
Но по мирному морю плыла тишина.

ДЖОН ПЕППЕР КЛАРК

* * *

Взлетай, о песня моя,
Из сердца! И, пыл затая,
Затоптано в пепел и прах,
Взлетай, пламя,
С цветами, с листвою на кустах
Запылай у всех на устах.
Если хочешь собрать урожай,
Каждый куст из клубня сажай,
При спаде воды батат
Плоды принесет стократ.
Довольно! Иль в ступе пест
Может звучать, как песнь,
Если древний наш Вавилон,
Распрями разделец,—
Разве вспыхнет цвет золотой
Над пустой ботвой?

БЫКИ ФУЛАНИ

Мне в сердце жалость, как змея,
Вползает, если впжу я
Ваш гурт в пыли,—
Идете вы в свой путь предсмертный
Как будто с тайною заветной.
Какой надежды смутной твердость
Вы под горбами скрыть могли,
Откуда мужество и гордость
Вдохнули вы, что так пошли
Без содрогания, спокойно
К закланию в загоны бойни?
Иль, может быть, слепая ярость
Больших изогнутых рогов,
Как бури Нигера, разъялась
У топких низких берегов?
Иль вас бичи гуртовщиков
Сквозь толщу стертых спин, боков
Не могут в ярость привести?

Иль после трудного пути,
Лесов, степеней, песков бесплодных
Стремитесь вы покой найти
В приморских городах голодных?
Вот в чем мое недоуменье:
Иль только длинный нож и дрожь
Покончат с тупостью терпенья?

БАБУШКЕ
(Из госпиталя)

В ту ночь, когда паромщика мы ждали,
Скажи, что взволновало так тебя.
С тех пор прошло пятнадцать полководий,
Когда ты на долбленке,
Средь пльвшего по Нигеру латука,
Меня порывисто вдруг обняла;
Иль почью той в бурливом бормотанье
Вчерашнего дождя,
Ломавшего тростник прибрежный,
Чтоб напоить поток ненужный,
Услышала ты крики свар и ссор
И темное хитросплетенье сплетен
В жилье отца, где было много жен?
Иль это было чудо звезд падучих,
Которые в падении лучистом
Вдруг наделяли илистое дно
Под мутною и мелкою водой
Бездонной глубиною неба?

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Какое время ночи — я не знаю,
Но, словно рыбу,
Меня взметнула глубина,
И я барахтаюсь
В потоке сна.
Не голосит петух во тьму.
Я сквозь дремоту ясно слышу,
Как барабанит что-то
По нашей камышовой крыше.

Стук барабанный неустанный
Летит по балкам к молниям неярким.
Что это? Капли крупные воды,
Набухнув, падают иль, сбиты ветром,
На землю осыпаются плоды
С деревьев апельсиновых иль магно?
Ведь капли — словно четки,
Чтоб счет вести при их паденье
В то песуразное пагроможденье
Посуды глиняной и деревянпой,
Что мать заботливо так расставляет
По нашей комнатушке на полу.
Хотя совсем темпо,
Но по ее шагам я замечаю,
Как движутся горшки, ушаты, кадки,
Спасаясь от потока дождевого,
Так муравьи цепочкою из леса
Бегут и, рассыпаясь, заполняют
Весь пол... Но ты не бойся их повадки,
А братьев потесни. Украдкой, ловко
Найди себе местечко на циновке,
Где спят другие кучей.
Нас этой ночью сон заморозил,
Как сов ночных и как мышей летучих,
Намокли крылья их, летать нет сил,
Они во мрак растерянно глядят
И па деревьях ироко сидят,
У них нет сил летать, нет, пет,—
И лишь когда блеснет рассвет,
Они найдут в дупле уют.
Мы тоже спим под барабанный
Шум ливня, дробный, неустанный,—
Оп льется полною рекой
И всей стране дает покой...
Под шум прибоя многоводный
Мы спим по-детски мирно и свободно.

О Л О К У Н

Я люблю гладить пальцами
(Как водоросли морские — прилив)
И папоротником вайей
Овевать пряди твоих волос.

А пальцы — как ночь, покрывало месяца.
Я ревнив и яростно-страстен,
Как Иегова, бог иудеев.
Я хочу, чтоб ты поняла,
Что любить тебя так, как я,
Никто из мужчин не может.

Разве может глаз человека,
Возникший из праха земли,
Заметить прикосновенье мечты,
Увидеть дивное сновиденье
В одном только взгляде твоих глаз?

Вдруг, дрогнув, как древние стены,
Мы падаем ниц к твоим ногам,
А ты, как морская наядя,
Несешь драгоценные дары
И, нищих, нас возносишь из праха.

КРУГ У МЕСЯЦА

Под круглой шляпой месяц пелеп,
Как нетопырь, одетый в креп;
Из всей его свиты звезда одна
Мерцает, бледна.

Покинула свита двор.

Как пламени вождь, царек,
Скрывает месяц позор,
Лишен почета и власти;
Он скрыл под зонтом ненастье,
На сумрак себя обрек.

Я в сердце моем весь день
Ношу от месяца тень,
Ночную темнь —
Как нетопыри в темноте дупла, —
Но в ущелье груди моей снова
Песня светла

И к звездам взлететь готова
Из мрака, где ухают совы, —
Но песню я, грустью томимый,
Таю от своей любимой.

ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ

Первый дождь
После долгого бездождья,
Первый дождь,
Дышащий тяжело, торопливо,
И грома раскаты, и гулкий грохот,
И листьев трепет, и лепет, и шепот,
Земля ждала, ждала терпеливо,
Была бесплодной и окаянной.
И вот, вызывая дрожь,
Хлынул дождь
Долгожданный...
Он плещет
и хлещет ее неустанно,
Прохладная влага вглубь льется, как благо...
Вот ярость дождя
наконец стихает,
Земля размягченная
отдыхает,
И, отягченная,
чует она,
Как новой жизни растут семена.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РЫБАКОВ

Осыпайте блестками брызг корму,
Веселей и дружнее налегайте на весла,
Бороздите и вспахивайте море.

Ведь вскоре солнце канет в океан,
Торопятся белки забрать свой корм,
И в белую пену ныряет киль.

Зимородок торопит вас, рыбаки,
Веселее гребите: родное селенье
И пристань с народом видны вдали.

ИБАДАН

Ибадан —

как ржавчина с золотом,
Рассыпан, раскинут, разбросан
Средь семи холмов и расколотым
Фарфором блестит на солнце.

ДЕРЕВО

Больное дерево застыло в безмолвии,
Самое могучее во всем лесу,
Не сожженное меткой стрелою молнии,
Сохранившее веток зеленых красу.
Но чья-то рука сквозь кору древесины
(То был лесник иль лесной старожил)
Поранила дерево до сердцевины,
Пустила кровь из древесных жил.
Под деревом тем, как в беседке
ветвистой,
Всю ночь мы лежали, и тихо во мрак
Оно источало
свой сок душистый,
А утром упало,
и сок
иссяк.

МОСТ ИДДО

Мост,
устремленный в даль голубую,
Стрелой — дорогой
Большого пути,
Изогнут радугой,
Как можешь безропотно ты такую
Тяжесть людскую
на спине нести?
Наше дитя, ты вперед
Устремил гигантский пролет,

Учи нас, как выстоять перед бедой —
С каменным грузом,
С тяжелой обузой
Взлетая, как ты,
над бурной водой!

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Укажите мне дом, где не было мертвых.
Смерть — единственное, что нам не подвластно.
Сын убит, дочери больше нет,
Из единого семечка дерево встанет...

Дерево срублено безумным жестом,
Неужто и целому лесу рухнуть вместе с ним?
Земля станет пустыней,
Где разбросаны камни да кости.
Слезы — родник, бьющий из сердца.
Слезы — не вода, которую ждет земля.
Страх — нежеланное дитя сердца,
Собирает камни, собирает кости,
Строит руины.
О, давайте зажжем погребальный костер.
Но не мы будем для него сухими ветвями.
Пусть безумные рубчики пылают в нем.
О, не будем рубить людскую поросль.

ДОРОГА ЛАГОС — ИБАДАН БЛИЗ ШАГАМУ

Автобус брал с ревом подъем. Прижаты
К сиденьям, пятьдесят скупающих пассажиров
покорно

Тряску терпели, каждый думал о том,
Как закончит свой путь.
Все в божьих руках — говорится в одной
Притче и *Ничто на свете*
Не вечно — в другой. А над,
Над вершиной Шитту
Уже их судьба ожидала, как
Облачко гашиша бесплотна. Взмах

Со всего плеча, но
Отстала и дымом вослед потекла
По траве цвета индиго.
Будто мчался поток
С холма, калейдоскоп
Воспоминаний, не удавшийся поворот,
Переворот колесами вверх, и
Путники выброшены в кювет:
Под нежаркое раннее солнце,
К мухам, первыми, как всегда,
Прибывшим по тревоге. Вода из
Придорожной канавы омывала их общую рану,
Заглушала их общий стон.
Помощь не понадобилась,
Все умерли моментально.
Писали в газетах: полиция
Ищет водителя,
Спасшегося, по счастью.

ГЭБРИЭЛ ОКАРА

СНЕЖИНКИ СНИЖАЮТСЯ КРОТКО

Снежинки снижаются кротко,
со смутного ока неба
падают легко, легонько
на замученные зимою вязы. И ветви,
голые, ободранные зимою,
под весом невесомого снега
склоняются, как потрясенные плакальщики,
когда белый саван медленно
устилает бессмертную землю.
Мертвый сон украдкой
поднимается по калориферу
и смежает мои глаза
пушинкой, сающейся на воду.

И вот в моем мертвом сне
мне грезится греза. Снится
не мертвая почва, не вязы,
держачие караул. Мне снятся птицы черные,

летают во мне, гнездятся, высиживают птенцов
на маслячных пальмах,
добывающих солнце плодам,
с корнями, изрубленными
лопатами корчевщиков.
Мне снится, что корчевщики
вымотались и прислонились
к моим корням, от которых им пришлось отступить,
и маслячные пальмы дали корчевщикам солнце.
Однако на свои пальмы
они глядели слепо,
накупившись и нахмурившись, потому что лучистые солнца
не смогли обрести
блеска золота!
Потом я проснулся. Я проснулся
в молчаливо сыплющемся снеге,
и вязы на заднем плане
кланялись и гнулись,
как мусульмане в белых одеждах
на вечерней молитве,
и земля была загадочная,
словно лик божий в гробнице.

БАРАБАНЫ И ФОРТЕПЬЯНО

Когда у реки на рассвете я слышу
телеграфный постук лесных барабанов,
их повесть о юности, о начинаньях,
их магический ритм, неотвязный, болезненный,
как старая незажившая рана,—
я вижу пантеру, готовую броситься,
леопарда, взревевшего перед прыжком,
и охотников, спрятавшихся в траве.
И в жилах кровь убыстряет бег,
гонит вспять мои годы, я вижу
себя малышом на коленях у матери,
себя на простой деревенской тропе,
себя в деревне, где все по старинке,
и сам я прост и крепко стою
босыми ступнями на теплой земле,
а вокруг, как живые, трепещут листья.

И тогда я слышу плач фортепьяно
в концертном зале, где, поддаваясь
его мольбам, заклинаньям и лести,
плачут люди о дальних странах,
о неизведанных новых путях...
Но фортепьяно, нежданно сбившись,
речь обрывает на полуслове.
остром, как жало клинка.
И я, потерянный в предрассветном
тумане столетья, брожу и брожу
над рекой, околдован ритмами
лесных барабанов и фортепьяно.

КОЛДОВСКОЙ БАРАБАИ

В груди моей стучал барабан,
и рыбы плясали в реках,
и люди плясали на суше
под стук моего барабана, —

но, стоя за деревом,
опоясана листьями,
с улыбкой она головой покачала.

А мой барабан стучал и стучал,
все яростней сотрясая воздух,
властительно призывая юных
и мертвых петь и плясать
со своими тенями —

но, стоя за деревом,
опоясана листьями,
с улыбкой она головой покачала.

Тогда барабан застучал в одном ритме
с землей и камнями,
он к небу воззвал
и после к солнцу, луне и речным богам, —
и деревья вдруг заплясали,
рыбы стали людьми,
люди рыбами,
и трава перестала расти —

но, стоя за деревом,
опоясана листьями,
с улыбкой она головой покачала.

И тогда в моей груди
колдовской умолк барабан —
и люди стали людьми,
рыбы рыбами,
а деревья, луна и солнце
на свои места возвратились,
мертвые в землю ушли,
и трава растет, как всегда.

А она все стояла за деревом,
и пальцы ног ее в землю вращали,
и листья шуршали на голове,
и дым из носа ее курился,
и полураскрытый в улыбке рот
стал мрачной пещерой.
И я с умолкшим своим барабаном ушел.
Не творить мне больше чудес.

ТЫ СМЕЯЛАСЬ,
И СМЕЯЛАСЬ, И СМЕЯЛАСЬ...

Ты сравнила мою песню
со сломавшимся автомобилем,
дескать, много треску, мало толку —
и смеялась, и смеялась, и смеялась.

Ты звериными повадками
назвала мои привычки,
дескать, человеку не понять их,
и смеялась, и смеялась, и смеялась.

Ты над песней смеялась,
над привычками смеялась.

Колдовской тогда сплясал я танец
под папевный рокот барабанов,
ты ж глаза свои закрыла,
и смеялась, и смеялась, и смеялась.

Свою душу распахнул я,
а душа моя как небо,
ты ж уселась в свой автомобиль,
и смеялась, и смеялась, и смеялась.

Ты над танцем смеялась
и над сердцем смеялась.

Ты смеялась, и смеялась, и смеялась,
только смех твой леденящий
льдом сковал твою же душу,
и глаза твои, и слух,
и твой голос, и язык.
Что ж, теперь пора смеяться мне,
только смех мой не способен леденить,
льдов я отроду не видел
и с машиной песню не сравню.

Смех мой — пламепь
огненного ока полдня,
пламень неба и земли,
пламень воздуха и моря,
пламень рек, зверей, деревьев;
и от смеха моего —
пламенного — начал таять
лед твоей души и слов,
взоров лед и сердца лед.

Удивленье охватило
тень твою, и ты шепнула:
«Отчего?»

И я ответил:
«Оттого, что я, подобно
праотцам моим, вбираю
обнаженными ступнями
голое тепло земли».

ДУХИ ВЕТРА

Апсты возвращаются —
розовые в голубом небе.
Во время длинных дождей
они улетали на север
в поисках лучших гнездовий.

И вот они снова со мною,
свободные духи ветра.
О, как легко им летать
на юг и на север,
на запад и на восток!

А меня приковали боги
к этой скале проклятой,
и я завидую птицам,
летающим в далеком небе,
и в мыслях мчусь им навстречу.

И кровь закипает в жилах,
и каждая капля ее —
природы могучий зов,
желанье счастья и волн,
желанье крыльев и неба.

О бог всех богов и мой,
разве я не могу
светлой душой обратиться к тебе
лишь потому, что мой анст в темнице
черной кожи моей?

ЗОВ РЕКИ НУИ

Я слышу твой зов,
я слышу его издали,
я слышу, как он прорывает кольцо
этих пресмыкающихся холмов.

Я слышу твой зов,
я хочу посмотреть тебе в глаза
спова и прохладу ощутить
твоих объятий, или присесть
на кромке твоей
и вдыхать твое дыханье,
или, подобно деревьям, следить,
как разрастаются мои отраженья,
и начипать свой день
с песни из уст зари.

Я слышу твой зов,
я слышу, как он

будит душу ребенка,
вслушивающегося: где же речные птицы
приветствуют серебро стремни?

Я слышу твой зов,
призыванье моей реки,—
ее неукротимое течение
несет неизбежным курсом
мое танцующее каноэ.
И каждый год, умирая,
приносит крик морских птиц,
зов, последний зов,
смиряющий гребни волн
и разрывающий занавес забвения
над моим перевернутым каноэ.

О неизбежный Бог,
смогут ли стать моим кормчим
к тебе и последнему зову
мои исконные звезды?
О, запутанное течение моей реки!

ЗАКЛИНАНИЕ РЫБАКА (Поэма)

I

Забрось твою сеть вправо —
Ничего?
Ничего.

Забрось ее влево —
Ничего?
Ничего.

Тогда забрось за корму каноэ
и тяни внимательно и осторожно,
а я поведу каноэ вперед —
Ничего?

В сеть Настоящего
поймано одно только Прошлое,
и я вижу былые луны, былые солнца,

былые почи и былых Богов,
отраженных в Прошлом,
старающемся проскользнуть
сквозь сеть, словно рыба.

Тяни осторожно,
тяни внимательно,
не дай ему ускользнуть;
втаскивай в каноз —
и давай удержим в ладопах
Прошное, Богов,

хотя бы на одно
бесшумное мгновенье,
бесшумное мгновенье,
поучительное мгновенье.

Мои руки дрожат
от страха перед маскарадами
воскресающего Прошлого.

Тяни, человеце, тяни,
сколько есть мочи!
Будущее вырастает на Прошлом,
как росток на пне.

Дают ли трухлявые пни ростки?
Пень моего Прошлого, умри
в пустыне, а твое существо
пребуди с пустынным солнцем.

Пень твоего Прошлого не погиб,
на самом дне пустыни
есть вода, струящаяся к твоим корням.
Так что тяни, тяни Прошлос,
захваченное сетью, в каноз
и прости руки
к лику существа
пня твоего Прошлого.

В лице солнца
я вижу только тьму,
в глубине моего Прошлого
я вижу только тьму,
и вода пустыни
иссякла во тьме.

Ни тьмы, ни света,
ни света, ни тьмы.
Тебе видится цыпленок,
рождающий ягненка.
Есть в глубине твоего Прошлого
вода, хлынувшая из чрева.

В чреве не осталось
ничего. Вода
иссякла после разлива,
обнажив сухостой и скелеты.

Копай в самой глубин
чрева. Там вода,
там речная вода,
текущая со дна Прошлого.
Тяни пойманное в сеть Прошлого,
вытягивай, и давай поглядим на него
в нашем нутре, в наших головах.

Прошлое — мое первое
маленькое весло,
потерянное в реке, —
какое — не вспомню сейчас.

Затем пусть твоя голова
станет головой слона,
пусть твои глаза станут глазами
леопарда, и подкрадись к Прошлому,
подкрадись к Прошлому в лесу,
подкрадись к Прошлому в небесах,
подкрадись к нему в глубине земли,
подкрадись к нему в пуповине твоей.
Погляди за деревьями, погляди
за луной, бегущей от гневного солнца,
погляди за солнцем с пылающими ресницами
и подкрадись к нему за обожженными
зубами сверчка,
растворяющимися в воде,
на смех Земле.

Я не могу обернуться,
потому что пойман
жестоким капканом Настоящего.

Затем Будущее умирает
в лоне реки, и на твоих коленях
возляжет мертворожденное Будущее,—
и ты больше не пойдешь
рыбачить на пруды,
и ты больше не забросишь
сеть в реку.

С твоим мертвым Прошлым,
висящим за спиной,
с твоим мертвым Будущим,
лежащим на коленях,
ты уже не человек
среди людей; потому что осквернил Прошное
и Суть вещей
и умертвил Богов Прошлого.

Пусть же Прошное попадает в сеть,
пусть твои рыдающие Боги
падут в реку, и ты иди на корабль,—
и я пойду на нос,
и я поймаю сетью
Прошное и рыдающих Богов
и одарю их мощью,
чтобы они дали мне мужество —
ткнуть кулаком в лик солнца,
и спустить вниз
сущность мертвого пня,
и произвести па свет дитя — Будущее.

II (ЗАКЛЯТИЕ)

Гляди на солнце в моих руках.

Гляжу.

Гляди на Богов, на солнце.

Гляжу.

Гляди на Прошное в моих руках.

Гляжу.

Гляди на Будущее в моих руках.

Гляжу.

Видишь солнце в моих руках?

Видишь Богов в моих руках?

Видишь Прошлое в моих руках?
Видишь Будущее в моих руках?

Вижу.

Вижу.

Гляди на луну в моих руках.

Гляжу.

Видишь луну в моих руках?

Видишь глубины чрева?

Вижу.

Вижу.

Ты попросту образ чрева,
Живой образ своего Прошлого,
Живой образ Почвы.

Конечно.

Конечно.

Я попросту образ чрева
Я попросту образ моего Прошлого,
Я попросту образ Почвы.

Ты попросту образ Земли,
Земля — чрево чрев;
Солнце — сперма сперм,
и оно играет на твоём челе.

Солнце играет на моем челе,
гонит мою кровь к Прошлому
и Будущему. Солнце играет
на моем челе, и слышится песня
наступающего Будущего, мчащего,
мчащего, наступающего. Я погружен
в песню Прошлого, погружен
в шаги пляшущего Прошлого,
но я слышу, я слышу Будущее,
подступающее, мягко
подступающее, мучительно
подступающее...

О повитуха-луна, отшлифуй хорошенько
изнанку твоего Прошлого,
покуда солнце шутит свои шутки,

и Прошлое танцует свой танец,
и сборище русалок
поет свою журчащую влажную песню
над речными волнами.

Пусть же солнце шутит,
а повитуха-луна шлифует
изнанку Прошлого.
Пусть Будущее придет, хлынет,
хлынет с громом реки,
обрушивающейся водопадом,
покоряющей барьеры
высоты и камня.

Дайте же, дайте барабанам глубин
греметь и сливаться
с барабанами глубинных Богов
в их игре в твоём нутре.
Дайте же слиться, смешаться с грохотом
барабанов Настоящего
перед лицом наступающего,
несомненно наступающего Будущего.

Будущее подходит,
прорываясь сквозь мое
разодранное нутро.
Будущее подходит,
и это — заря,
миллионоязыкая заря,
вспыхивающая, рвущаяся в моей голове.

Громыхай, Бог, громыхай.
Вышагивай к самому краю
света и громыхай,
пока твой ревущий голос
кружит над ревущей землей,
пока земля
трепещет от родовых мук.

Будущее подходит.
Это огненный шар,
прожигающий мое бытие, —
и я трепещу до самого конца родин.
Земля дрожит, а я погружен
в рыдающую зарю Будущего.

О вышагивающие Боги!
Прострите руки и смирите,
о, смирите же огненный шар Будущего
вашим мистическим прикосновением.
И пусть же оно останется в ваших указующих руках,
и формируйте его по образцу
изнанки чрева.

III (ДИТЯ — БУДУЩЕЕ)

Явилось дитя — Будущее.

Что это за дитя?

У него голова.

Какая она?

Оно пришло без зубов,
но с даром речи?

Погоди, пусть обретет форму,
солнечная игра не кончена.

Оно не плакало?

Оно еще не стало человеком.

Где твои Боги сейчас?

Боги Прошлого, которые
сотворили это чудовище?

Швырните его, швырните

в реку, и пусть русалки
завлекут его своими песнями.

Швырните его в Прошное —

и пусть его поглотит пучина Прошлого,

и пусть Боги не забывают, что они в моих руках.

Терпение, человече, терпение.

Игра не окончена,

и повитуха-луна, сжимая в руках дитя,

поднимается на вершине тьмы

к небесному оку.

Не хочу больше слышать про повитуху-луну!

Не хочу больше слышать про изнанку чрева!

Терпение, говорю вам, терпение.

И вымотавшееся солнце слезает,

слезает по пылающей лестнице,

чтобы вновь обрести свою мощь, свою власть

у дыма очагов.

Итак, не отвергай Прошлое
и откажись от своего дитяти — Будущего,
покуда солнце не закончит своей игры,
Прошлое — своего творящего танца,
русалки — своей влажной песни,
а повптуха-луна — своего восхода.

Спи спокойно и грезь,
потому что солнце взойдет, распевая,
а повптуха-луна зайдет, улыбаясь,
и вручит твоим грезам
дитя, человеческое дитя, которое не обожжет твоих рук.

Поэтому не будем больше рыбачить.
Правь каноэ к нашим очагам,
и давай согреемся
песнями Прошлого и песнями
паступающего Будущего,
переплетенных, словно волокна, в наших душах,
в ожидании повптухи-луны.

IV (РОДИЛЬНЫЙ ТАНЕЦ)

Пусть спляшут ноги,
ведомые вчерашнему дню,
и споет голос,
рвущийся в завтра!

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Выпьем и спляшем.
Пусть пальмовое вино
хлынет, как Нигер,
и стегнет по ногам,
и тряхнет землю.

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Ноги, знайте,
куда вам шагать.
И, голос, знай,
как звучать.

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Спляшем в ритмах,
присущих Будущему,
разбудим мертвых песней и пляской,
сокрушим все, что нам перечит.

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Заквасим наш танец
Будущего на ритмах
Прошлого и усилим
хрупкие новые песни
песнями русалок.

Вращай же глазами,
качай бедрами
перед Прошлым и Будущим,
возвьись голос
до ока неба
в песнях высоких и сильных.

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Вот вино и песня
ударили нам в голову;
и голос взмыл к небу,
полируя луну и солнце.

Пусть ритм изменился,
но только не тема —
води круг,
пой в кругу,
бей ногами
в круглые барабаны.

Танцуй в кругу
бесконечные танцы,
пой в кругу
без конца, без начала.

Ни конца, ни начала,
мы пляшем и пляшем
для наступающих Будущих,
для проходящих Будущих
без конца, без начала.
Танцуй же танец,
меняй свой шаг,
меняй свои песни,
обуздывай шаг,
обуздывай песни,
переменчивые ритмом,
покуда песня, и танец,
и бой барабана
в одно не сольются,
чтоб от озорства
удержать великое дитя — Будущее.

Споем и спляшем
в бесконечных кругах,
покуда песня и пляска
не сольются с барабанным боем.

Пляши, пляши.
Твои мышцы дрожат,
твои пальцы трепещут,
вдохновенные пляской,
вдохновенные Будущим.

Спляшем, споем,
споем и спляшем,
потому что великое дитя — Будущее —
приходит, пришло.

Празднества копчены,
 но эхо в округе
 воеет харматтаном,
 ураган швыряется пылью,
 руки закрывают лица,
 ноги бредут на ощупь.
 Празднества кончены.
 Барабаны лежат спокойно, ожидающе, молчаливо.
 А плясуны рассеиваются, передвигая ноги,
 узнавшие многие танцы,
 в ожидании следующего танца;
 расходятся, и сердце подгоняет их ноги
 к дому, и пальмовое вино
 уходит из мозгов, чтобы обосноваться в желудках.
 Их тела остывают, покинутые духом танца,
 их лица открыты.

А дитя — Будущее — лежит на коленях,
 сосет огромную грудь Прошлого,
 распевает новейшие колыбельные,
 от которых у нас гудит в голове.
 И мы учимся песням получужим, полузнакомым,
 мы учимся отплясывать получужие, полузнакомые
 ритмы, рожденные в грезах, откуда дитя — Будущее —
 спит с сосцами во рту.

КРИСТОФЕР ОКИГБО

МОРСКАЯ ДЕВА

Светлая,
 ослепляя грудью, как львица,
 она говорит со мной,
 окруженная белым сияньем.
 Волны провожают ее,
 мою львицу,
 увенчанную лунным светом.

Недолговечна встреча с пей,
как спичка на ветру,
отраженная морем.

Она уже уплывает,
очищаясь волнами,
золотой урожай мой,
уходит, уходит.

О, прекрасная дева соленой пустыни,
чуткое зеркало тайны!

Г Л А З А В И Д Я Т З В Е З Д Ы

Глаза отверсты на море,
глаза блудного сына;
взгляд устремляется в небо —
и оттуда падают звезды.

Тайна, которой я ни с кем не делюсь,
тайна, спрятанная глубоко,
тайна, зовущая на самое дно,
тайна, которую я зарыл в прибрежный песок,
прорывается
в йодистом воздухе сквозь белый соленый прибой,
качающий камни и мысли,
качающий крабов и медуз,
тайна девы пустыни морской,
девы родной и светлой,
тайна эта зарыта в прибрежном песке.
Тепь дождя
над выжженной солнцем бухтой,
тьнь дождя
над мужчиной и жепщиной.

Л Ю Б О В Ъ В Р А З Л У К Е

Луна встала меж нами,
меж двумя сиротливыми соснами,
которые жмутся друг к другу.

Любовь и луна взошли
по нашим одиноким стволам.
И мы теперь только тени,
которые льнут друг к другу,
но целуют один лишь воздух.

ПЕРЕУЛОК ДОЛЖНИКА

А и Б: *Это* переулок должника, это новое пристанище, где в душном подвале увядшие лица следят за стенными часами, которые бьют каждый час.

А: *Кончилась* романтика,
непокорной юности,
смена животворная
чувств и настроений,
кончилось бунтарство
яростного поколения,
отгремели споры,
отзвучала медь,
отстучали чарки,
отсмеялись девушки,
кончилась пора
яростного поколения.

А и Б: *Здесь* мы засядем в этом новом пристанище и будем пить спертый выдохнутый воздух, пока он нас не задушит насмерть. *Здесь* мы в душном подвале. Увядшие лица следят за стенными часами, которые бьют каждый час.

Б: *Там*, вдали, был дом
в переулке самоубийцы,
там отдых был мечтой
неосуществимой,
а легкий стук
в дверь
на рассвете
загонял обитателя в дрожь
под кровать:
кто там, почтальон
или судебный исполнитель?

И если звонил телефон, увы,
если звонил телефон —
надо ли было повеситься
на вешалке,
этим ответив на последний звонок?

А и Б: *Здесь* мы отдохнем, в этом новом пристанище,
и будем ждать того стука в дверь,
после которого светает на рассвете...
Мы загнаны в подвал, тут наши увядшие
лица следят за стенными часами,
которые бьют каждый час.

ПАЙУС ОЛЕГХЕ

СПОКОЙСТВИЕ

Бывают разные спокойствия: одно
Для тех, кто бури наблюдает
Со стороны, через окно.
Таким спокойнее всего в уютной клетке,
Но горе и меж ними гость нередкий,—
Для смерти, презирающей чины,
Бездействие и действие равны.
Послушай, есть спокойствие другое,
Спокойствие не знающих покоя,
Спокойствие дерзанья и борьбы —
Его любой ценою обрети,
Сразись с несправедливою судьбою
И до кончины не сходи с пути.

ДЕННИС ЧУКУДЕ ОСАДЕБЕЙ

ПЕСНЯ БЕДНЯКА

Довольно места вам и пам,
Вражда народам ни к чему,
Ведь если ты
Поверишь мне,
А я пойму,

Что друг мне ты,
Начнут сбываться все мечты
И станет меньше во сто раз
Нужда, сгибающая нас.

Довольно места вам и нам,
Вражда народам ни к чему!

Довольно места вам и нам,
Вражда народам ни к чему!
Сей мир прекрасно
Сотворен,
Просторен он, обилен он,
Для всех над ним встает заря.
Так для чего же спорить зря.
Так для чего страдать напрасно?

Довольно места вам и нам,
Вражда народам ни к чему!

Довольно места вам и нам,
Вражда народам ни к чему!
Должна
Обрушиться стена,
Что отделяет вас от нас.
Сплотиться надо беднякам
Для счастья всех племен и рас,
Рассеяв предрассудков тьму.

Довольно места вам и нам,
Вражда народам ни к чему!

О Д А Н И Г Е Р У

Великий сын тропических широт,
Мой Нигер, ты издревле неизменен.
Всегда собой расплачивался тот,

Кто тщился разгадать твои секреты.
Где Парк, где Клапертон? Ты стер следы,
Уносит их плоты течение Леты.

О Нигер, отпрыск Матери-Весны,
Растишь ты пальмы, чтобы их плодами
Насытиться могли твои сыны.

Ты добрый гений джунглей опаленных.
Красавцы близнецы Асаб и Ош
Стоят па берегах твоих зеленых.

Владыка рек, твой плавный бег любя,
Я счастлив тем, что был рожден в Асабе,
На родине искусств, вблизи тебя.

Я ощущаю уст твоих дыханье,
Ты черен, хоть светла твоя волна.
Стране ты подарил свое названье,

И никогда не разлучиться нам.
Всесильный бог, пошли благословенье
Нигерии и Нигера сынам.

ПОХОРОННАЯ ПЕСНЯ

Ойеа, благородный Ойеа, взгляни перед смертью вокруг,
Ты увидишь — окончена славная битва,
Свирепое пламя пожрало и дворы, и дома, и людей;
Да, Ойеа, окончена битва.

Ойеа, брат мой Ойеа, поднимись и взгляни вокруг,
Ты увидишь — окончена славная битва.
Разве могут плащи не промокнуть, если дождь нас иссек до костей?
Да, Ойеа, окончена битва.

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ АФРИКАНСКОГО ТОРГОВЦА

Я был ничтожный клерк,
Считалось, что я глуп,
А также, что ленив,
А посему — сиди
Скрипи весь день пером.

Но я решил разбить
Ту цепь, которой был
Прикован я, как раб,
К конторскому столу.

И день мой наступил:
Купил я магазин,
И пофартило мне
На импортный товар...
Но Боссы хмурят бровь!
Пришлось мне отступить.
За экспорт взялся я —
И слопали меня!

Не терпит Бизнес пас,
Драчливых петушков.
Ты, монополий раб,
Ничтожный клерк, сиди
Просиживай штаны
И покупай штаны
В хозяйской лавке...
А после говорят:
— Ах, негр ленив и глуп...

ЖЕНЩИНАМ НОВОЙ АФРИКИ

Родоначальницы племен
Грядущих, будущих времен
Родительницы, я на вас
Гляжу с улыбкою сейчас,
Пока, играя и учась,
Растете вы. Но в ваших танцах
Провижу судьбы африканцев:
Любовь, надежду и борьбу —
Свободной Африки судьбу.
Храни, о боже, матерей
Для завтрашнего — пусть скорей
Родят сынов и дочерей.

ФРАНЧЕСКА ДЖЕТУНДА ПЕРЕЙРА

ЧЕРНАЯ МАТЬ

Мать-земля,
Ты уснула давно.
Твой народ,
Как сама природа,
Любил
И убивал,
Чтобы жить.

Чужие пришли
Наши души спасать,
Искали богатства,
Познаний искали,
Тебя окрестили
«Черной» — и правда,
Черной была ты.

Они принесли
«Свет»,
И при свете
Ты увидела
Своих детей
В оковах
На скорбном пути
Под Каиповым бичом.

Эти смиренные
Светоносцы,
Благодетели
Сладкоречивые
Землю забрали
И одаряли
Наших вождей
Мишурою грошовой,
Кормили объедками
Наших детей,
А сами ели
Сочное мясо.

Черная Мать,
Очень, очень черная,
Ты возопила,
И голос твой
Зазвучал в каждом сердце:
«Свободу, свободу
Детям моим!»

Светоносцы
Сделали вид,
Что по доброй воле
От нас уходят,
Важно и молча
При звуках салюта
Уплыли к себе.
О Черная Мать,
Вожди твои,
Увы, научились сами
Нести нам «свет»
И оковы.

О Черная Мать,
В твоём сердце рана,
И снова ты стонешь:
«О, где надежда?
Дети мои
Погибают!»
Но мир
Твой голос не слышит,
Ибо детей твоих
Угнетают
Твои же дети.

У.-И. УКВУ

В АВТОБУСЕ

Две плотные особы средних лет,
стеснившие Читателя Газет,
вопя, как будто здесь они одни,
перемыкают косточки родни.

В другом ряду, презрев гневливый взор,
по-прежнему назоиллив ухажер:
пристав к красотке и являя прыгь,
он зубы хочет ей заговорить!
В автобусе — увы, не продохнуть,
зато заметно сокращает путь
разнообразье путевых бесед:
— Ну, а почему свинина-то, сосед? —
Здесь всякий люд, наряд и провиант,
с бродягой рядом здесь брюзгливый франт,
здесь болтуны мусолят вновь и вновь
политику, финансы и любовь,
ву а молчальники в окно глядят:
так строгий ментор смотрит на ребят!

Но вот автобус накатался влать.
Стоп, остановка. Эй, народ, вылазь!
Прощания, и вздохи, и толчки,
плетенки, и корзинки, и тюки!
Вот новый пассажир полез гуртом,
со вздохами расселись все потом.
Какая давка! Заскрипел салон!
Столпотворенье! Ну и Вавилон!
— Ой, палец отдал мне, чертов сын!
— Вы что — заснули? — *аби на ветин!*

И снова в путь. Водитель жмет на газ,
а разговор о жизни без прикрас
жужжит не прерываясь... Ну так что ж:
в автобусе с тоски не пропадешь!

АДЕБАЙО ФАЛЕТИ

НЕЗАВИСИМОСТЬ

Что с независимостью сравнится?
В счастливый день станет раб свободным.
Тогда из ручья он сможет напиться,
Не опасаясь крика: «Скорей!»
Тогда костры зажигать он будет
Лишь для себя и своих друзей.

Тогда, выращивая бататы,
Он сможет их есть, не боясь побоев.
Тогда перестанет он быть рабом,
Тогда он за труд потребуе платы
И биться не станет о землю лбом.
Тогда он покинет чужую ферму
И на своем участке посадит
Четыреста двадцать рядов бататов,
И кукурузу, и сладкий ямс.
Тогда он хозяйство свое наладит,
Тогда, накормив жену и детишек,
Сможет излишки продать купцам.
Не будет до старости он слугою,
Он жить начнет, ликовать начнет,
Он стукнет себя по бедру рукою
И полным голосом запоет:
«Я счастлив, судьба меня очень любит!»
Не понимают величья свободы
Те, кого в рабство не продавали,
Те, кто не мучались долгие годы
На белых плантациях,
В царстве кнута.

Все наши горести и невзгоды
В их глазах не растопят льда.
Мы трудимся с детства от света до света
В домах, на пастбищах и в лесу.
Где-то дожди и засухи где-то,
Но для раба это все едино,
Он собственность белого господина,
В кулаке господина его судьба.

Все отражалось в глазах раба.
Если уж кто-нибудь продан и куплен,
Будь он хоть палым королевских выше,
Он все равно под хозяйской крышей
Меньше, чем карликовый терьер.
А хозяин, даже насквозь гнилой,
Шелудивый, как пес, тупоумный, злой,
Все-таки тот, в чьих руках судьба.

Мир отражался в глазах раба
С давних времен,
С тех пор, когда слон

Был в услуженье у антилопы.
Старался ладить с хозяйкой он,
Но однажды, отправившись за водой,
Задержался; возможно, он спутал тропы,
А возможно, задумался у реки.
Вернувшись, изведаль слон хозяйские кулаки,
Вернее, копыта.

Антилопа орала сердито:
«Ты раб, и мое богатство
Позволит мне вечно владеть слонами!»
Слон перенес и брань и побои,
Молчал, лишь покачивал головою, —
Вытерпеть много пришлось слону.
Но слон понимал еще в старину:
Раб, чтобы волю себе вернуть,
Должен избрать проверенный путь,
Должен действовать осторожно.
Сто раз каждый шаг продумывал он
И вот — стал Владыкой животных слон.
Мудрость слона позаимствовать можно —
Чтобы со лба согнать комара,
Не нужен тяжелый удар топора.

Волю выкупить трудновато,
Но к нашим услугам земля и лопата,
Гроздь бананов, стручки какао,
И копра, и земляной орех...

Без усталости надо трудиться годы,
Чтобы приблизить время свободы,
Чтобы из рабства выкупить всех!

ЭГ ХИГО

БЕСПОМОЩНОСТЬ

Ветер бездомности
Гонит меня в крааль из пустыни,
Мой крик о помощи мчится от мыса к мысу,
И отзвук его замирает в горах Рувензори,
Но не слышит никто, даже сам я себя не слышу.

О боги, пытаюсь я упираться,
Здесь обреченные рубят руду,
Здесь
Никто ничего не слышит,
И я разбиваюсь о равнодушие,
Как волны о борт военного корабля.

НА ЗАКАТЕ

Нигде так не теснятся облака,
Как у меня над головой,—
Чем толще слой, тем больше ярких красок,—
Смешались пурпур, золото и сажа,
А солнце убегает за холмы,
Как померной фонарь автомобиля.
Крпчат о ночи жабы похотливо...
А в небесах просвет, быть может, в ярд,
Быть может, в милю, сразу же за ним
Другая скомканная куча туч
Свинцовых снизу, сверху золотистых —
Вот каковы закаты января,
Когда в саванне рыжую траву
Охотники и фермеры сжигают.

ВОЛЕ ШОЙИНКА

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Цена была умеренной. Район
не вызывал особых возражений.
Хозяйка обещала предоставить
в мое распоряжение квартиру.
Мне оставалось лишь
чистосердечное признание: «Мадам,
предупреждаю вас: я африканец».
Безмолвие. Воспитанности ток,
отрегулированный, как давление
в кабине самолета. Наконец
сквозь золото зубов, сквозь толстый слой помады
проник ошеломляющий вопрос:

«Вы светло- или очень темнокожий?»
Я не ослышался? Две кнопки: А и Б.
Зловонное дыханье красной будки,
а там, снаружи, красный двухэтажный
автобус, сокрушающий асфальт.
Обыденный, реальный мир! Стыдясь
неловкого молчания, изумленье
покорно ожидало разъяснений.
Еще вопрос — уже с другой эмфазой:
«Вы темно- или очень светлокожий?»
«Что вы имеете в виду, мадам?
Молочный или чистый шоколад?»
«Да». Подтверждение, как нож хирурга,
безликость рассекало ярким светом,
Настроившись на ту же частоту,
«Цвет африканской сепии, — серьезно
я пояснил. — Так значитя в приметах».
Ее фантазия свершала свой
спектроскопический полет — и вдруг
правдивость зазвенела в трубке:
«Что это значит?» — «Я брюнет».
«Вы черный, словно сажа?» — «Не совсем.
Лицо, конечно, смуглое, мадам,
зато ладони рук, подошвы ног
отбелены, как волосы блондинки.
Одно лишь огорчительно, мадам:
свой зад я изъелозил дочерна...
Одну минутку!..» Чувствуя, что трубка
вот-вот взорвется громовым щелчком,
«Мадам, — взмолился я, — но, может быть,
вы сами поглядите...»

ЭМИГРАНТ

Мое достоинство зашито
в подкладку элегантной тройки.
Крахмальный воротник
моей сорочки
Европу посрамляет белизной.
Мой галстук — из чистой шерсти.
С почтеньем устремляю взор
на самого себя —
в великолепной тройке.

Свое достоинство я берегу
от пересмешек продавщиц,
от хохота дежурных по вокзалу —
не знают места своего,
невежи! —
и фамильярности таксистов,
вообразивших, будто я им ровня.

Вся эта мелочь поджигает хвост.
соприкасаясь
с молчаньем ледяным.
Углы моих надменных губ
хранят одно-единственное слово:
«Отрежь!»
Всех безбилетных пассажиров
и едущих в четвертом классе
я сторонюсь с презрением глубоким.
В моих устах «бродяга» —
ругательство.
От ссор не уклоняюсь я, хотя
меня отпугивает прочь
малейшая угроза оскорбления.
Моя победа подтверждает,
что я прекрасно «обхожусь без них».
Знакомство я вожу
лишь со своими;
мне белизна лица
антипатична.
Мой разум был бы широко раскрыт
для утонченных рассуждений,
для гордых воспарений мысли,
но где все это?
Одни глупцы способны усомниться,
что мой рецепт свободы —
единственная панацея
для Африки..
Кричите же со мной!
Я не педант, любитель размышлений;
в моем репертуаре утвердилось —
пускай не дух — звучанье
моднейшего словечка:
«Негритюд».
Бесстрастно я плыву
на гребне отчужденных белых толп.

По всем своим счетам
(за взятый напрокат костюм
и прочее)
я с гордой регулярностью плачу.
Зимой и жарким летом
в своей гробнице замурован я.
С готовностью я жертвы приношу
(два раза в день питаюсь семолиной), —
мне служит утешеньем мысль о том,
что ждет меня правительственный дом,
автомобиль роскошный
и толпы восхищенных женщин
в краю, где одноглазый — царь.

СМЕРТЬ НА РАССВЕТЕ

Путник, в путь выходи
на рассвете. И босыми ногами топчи
влажную, словно нос у собаки, траву.

Пусть утренняя заря задувает лампы. Смотри,
как солнце проходит легкой кистью по небу
и ноги — обутое в вату — спешат
ранних червей рассекать
мотыгой. Тени уже не таят в глубине
сумерек смерти и грустной усталости.
Это мерцание мягкое и отползающий мрак.
Пляшущее ликование и страх
за беспомощный день. Обремененные грузами,
безликие толпы ползут —
будить безмолвные рынки. Немые, поспешные
шестьвия на темно-серых дорогах. И вдруг —
холод по телу. Погиб
одиноким трубоч зары.
Белых перьев каскады. Увы,
напрасная жертва. Кругом продолжался
мрачный обряд.

Правой ногою — к счастью, левой — к беде.
«О сын, — умоляет мать, —
никогда не ходи
по голодным дорогам».

Путник, в путь выходи
на рассвете.
Обещаю тебе чудеса
священного часа.
Знаменья в хлопаье крыл.
Злая расправа... Кто выдержит гнев человека,
шествующего вперед?

О мой брат, мой двойник,
безмолвствующий в объятиях
своих откровений, неужто
этот лик искривленный — я?

РЕКВИЕМ

1

Скользишь недвижно над прудом недвижимым,
что бережно хранит твой робкий след.
Там, где на корточках присела тьма, —
белеют крылья.
Твоя любовь — как паутина.

2

Ты слышишь ветра похоронный плач?
Настал ученья час. Учи меня
безбольному распаду в странной
тревожности.
Печаль — как сумерки, целующие землю.

3

Не стану высекать подушку —
вдали от облаков — для ложа твоего.
Но — чудо! — ты растешь, едва прижму
тебя к груди, израненной шипами.

Пережилась вся кровь твоя, до капли,
 в печаль, мерцающую в дымке дня,
 в вечернюю росу, что ручейками
 бежит в корнях волос, где буйствуют желанья.
 О, жгучая тоска! Тоска! Палимый жаждой,
 пушинки слез твоих глотаю. Будь
 испепеляющим печальным ветром,
 я влагой напою тебя,
 как дождь.

Соединим — ладонь к ладони — руки,
 и тонкий слой земли меж ними вскормит
 несчастного найденыша любви.
 Беззвучный шепот выманил тебя
 туда, где мы, бывало,
 сидели вместе,
 соединив — ладонь к ладони — руки.
 Сидел я в ожиданье одиноком.
 Сквозь пальцы сеялась земля.

Мне приходиться к могильному холму,
 следить за единеньем тайным.
 Когда-нибудь прививок
 родит
 печальные плоды.

Мне лить сухие слезы
 над камнем, знаменующим безмолвье
 прирученной решимости.
 Мне приходиться к могильному холму,
 пока не станут прахом и надежды;
 я вижу болью сердца, как термиты
 копаются во внутренностях белых,
 как сохнут муравьи
 в сетях извилин мозга.

Так что ж, резвитесь там, где голова
лежит обритая. Берите все.
Скачите, кувырчайтесь, стражи смерти,
по глине, поглотившей лоск волос.
Я знаю этот холм, что самочинно
захвачен сорняками. Здесь
могильница ее тревог и опасений.

7

Ту чашу, что я пес, верни ее,
тогда тоска срастит
отторженную ветвь.

Ту землю, что я сыплю
на крик души твоей, — лелей ее:
Она познала преклоненье плуга.
И чтоб не опалить дыханьем — помни,
что этот воздух закален, как сталь,
в неистовых каденциях огня.

Отнюдь не Феникс я. Смиренье
пред очистительным ее пыланьем —
вот завещанье урны.
Но раскаляющий не молкнет рев
и лужи солнца плещутся в печах,
где выплавлена бронза тела.

Прикосновение к пальцам жизни
дарует кратковременный покой,
обманчивый, как единенье
просеянной муки.

Так будь недвижна. Если эта чаша
раздавит хрупкость рук твоих,
не воздвигай гробниц и прах рассыпь
по собственной тропе.

МЕРЕЩИТСЯ МНЕ ДОЖДЬ

Мерещится мне дождь,
который от иссохнувшего неба
отслаивает языки,
отяжеленные познанием.

Я видел, как зола
взметнулась облаком внезапным.
Потом осела серым кругом. Посреди —
кружился дух смятенный.

Пускай струится дождь,
с души смывая путы,
что вяжут непонятною тоской
и учат чистоте печали.

Как он сечет
прозрачность, окрыленную желаньем,
и в огненной купели опалляет
стремления, окутанные мглой!

О тростники дождя,
дарующие щедрый урожай, —
с моей землей спрягаясь,
вы обнажаете осколки скал.

ПОРА СПЕЛОСТИ

Ржавчина — это спелость, ржавчина
и поникший плюмаж колосьев.
Пыльца — это время спаривания, когда ласточки
выплетают тапец
оперенных стрел
и нанизывают высокие стебли
на крылатые струи света. И мы,
мы с упоением слушаем
слитные речи ветров, слушаем
стоны в полях, где листья
остры, как бамбуковые лучинки.

И вот уже мы, амбарщики,
ожидаем ржавчины, чертим
длинные тени, окуриваем
сухие крыши. Грузенные стебли
торжествуют над гибелью завязи —
мы ожидаем
исполнения обещания ржавчины.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАРДЖ,
НЕГРИТЯНСКОЙ ПЕВИЦЕ

НЬЮ-Йорк

Холодный безучастный виноград
Пророс в ночи;
Глубоко отозвался

Во вскрытых венах осени твой голос,
Соединивший воедино голоса
Людей, друг другу чуждых,

Топчущихся в страхе
На улицах, протоках темного вина,
Подрагивающего в ярких вспышках света,—

Тебе ли спрашивать, богиня,
Каков сегодня вкус вина?
Он черен,

Он черен, как рубцы глубоких ран,
Как обещанья новых бессловесных мук
И мутного разлива беззаконья.

Твой голос — одинокий вестник
Во тьме, струящий безразличное вино.

ПЕРВЫЕ СЕДЫЕ ВОЛОСКИ

Предгрозовые тучи, космы адской сажки,
Непроницаемый для пальцев света битум
На голове моей — глядите, сэр,— пока...

Внезапно, как ростки пшеницы за дождем,
Как вспышки молнии с москитный хоботок,
Как лихорадочный трезвон цикад на солнце,—

Три белых волоска! Три робких чужеземца,
Пронзили чашу черную, как змеи, вьются,
Заметные лишь в лупу, но потом — потом

Они захватят все! Так что ж, спеши, зима
Дешевой мудрости, лови в силки почета,
Вяжи ночной колпак в заплесневелых блестках!

ПОСВЯЩАЕТСЯ МОРЕМИ
В 1963 ГОДУ

Земля не знает ужаса стропил:
Стропила рухнут, испугав геккона,
И треснет глинобитный пол, а брусья,

Изведав в почве смерть, найдут в ней жизнь,—
Как погребенный в поле клубень ямса,
Как корни баобаба, как огонь.

И воздух не предаст тебя. Как пальма,
Клонись в грозу, по помни, что топор,
Губя леса, дает дорогу белкам.

Будь вечной, словно темная тряси́на;
Пусть ливни, а не пятки чужеземца
Оставят на тебе свой влажный след.

В полдневный зной себя укутай тенью,
А ночью не страшись нагих небес.
От перца изогнется твой язык,

Как скорпионов хвост,— ужаль опасность,
Но с голубем не бойся ворковать
И на губах храни росу рассвета.

Вооружись колючками, как роза,
Дитя, надень, как дерево, броню
И знай, что плоть твоя должна струиться,

Как пальмовое масло, как вино,
Не иссякая, чтоб в твоём потомстве
Мы пили мед и молоко земли,

Опять прельстись Адамовым ребром,
Пей мед сама, наполнись им, как соты,—
Ты горечи хлебнешь еще, дитя.

Зардевшись сердцем, помни: белый мел
Оставит на тебе следы позора.
С восходом солнца ощути на коже

Соленый вкус спасительного пота,
Чтоб завтра не умыться солью слез.
И чистый дождь прими как дар богов,

И за него воздай им плодородьем.
В приливе чувств будь вольной, словно волны,
И смысл придай безжизненным пескам.

ФРЭНК АБИОДУН ЭГ-ИМУКХЕДЕ

ОДНА ЖЕНА ДЛЯ ОДНОГО МУЖЧИНЫ

Я не хожу в церковь, я не шляюсь по судам —
Там целыми днями бубнят о «новой культуре»,
Там треплются о «равноправии», кричат о «разводе»,
Там затвердили заповедь, от которой тошно:

Одна жена для одного мужчины.

У папаши моего папаши было множество жен,
И предок плевал на равноправие — ему хорошо!
У себя дома предок был господом богом.
Но кончилась лафа, едва появился белый,
А с ним —

Одна жена для одного мужчины.

Как не возгордиться вашей подруге,
Если она знает, что она у вас единственная?
Пусть все утверждают, что ей вредно рожать,
А я утверждаю, что только болван мог придумать —

Одна жена для одного мужчины.

Ну разве достаточно одной бабы мужчине?
Можно ли вести хозяйство, вкалывать на полях,
Собирать бананы, жарить, парить
И при этом изловчиться нарожать детей,

Когда одна жена для одного мужчины?

Предположим, она не управляется по хозяйству и не желает рожать
Читает себе книги, а к плошкам и не прикоснется;
Как можно избавиться от такой халды?
Разводом? Ну уж дудки — эта культура не по мне,

Когда одна жена для одного мужчины.

ДЖОН ЭКВЕРЕ

ОТВЕТ

Наследие наших доверчивых отцов —
Всё попрающие бледнолицые чужеземцы —
Изгнаны прочь.
Теперь благожелательные миссионеры
Измученный народ больше не дурачат;
Теперь залетные коршуны
Не терзают чужих цыплят —
Мы сами теперь терзаем себя!

КАЭТАНО ДА КОСТА АЛЕГРЕ

СМЕРТЬ ИЗГНАННИКА

Как вечные снега, что увенчали
Чело крутой заоблачной горы,
Твоих воскрылий белые шатры...
О, Вольность! Уврачуй мои печали!

Твои лобзанья, злобны и добры,
В моих ушах отрадой прозвучали,
Твои слова, достойны и щедры,
Изгнанника с надеждой обручали!

А ведь Изгнанник плакал пред тобой...
Не уходи, не взяв меня с собой!
Здесь мой удел — тоска, оцепененье,

Небесная в глазах затмилась твердь...
— О, кто ты?

— Избавительница Смерти!

— Благодарю тебя за избавленье!

КОГДА Я УМРУ

Прощай! Я смерти жду. Здесь не твоя вина.
Кто лаве повелел снег обожать? Не знаю.
Снег, лаву охладил. О белая луна!
Ты смерть моя. Прощай, прощай! Я умираю.

Я не хочу в могилу. Страшно мне
Среди червей лежать осиротело.
В огне жила душа. Так пусть в огне
Сожгут мое безжизненное тело.

Пусть вольный ветер прах мой охладелый
Развеет, разнесет по всей стране.
Я жить хочу в пространстве без предела:
В воде, в земле, в небесной вышине.

Тогда, — о горестное утешенье! —
Став белым, как твоя девичья грудь,
Я, в пепел обращенный, в онеменье,

К тебе проникну в сердце, бездыханный.
И даст оно тому приют желанный,
Кто не нашел к нему при жизни путь.

АНТонио Томас Медейрос

МОЯ ПЕСНЬ ЕВРОПЕ

Сейчас,
сейчас, когда все контакты налажены,
телефонные кабели всюду проложены,
пространства азбукой Морзе сближены,
моря кораблями запружены,
губами улыбки жалкие выжаты,
бездетные дети по миру пущены,
плоды тропические солнцем налиты,
а мышцы — бессильем, —
сейчас все это не больше чем символ
рабства.

Сейчас,
сейчас, когда все контакты налажены,
кровь в жилах моих заморожена,
ритмы моих барабанов задушены,
сединай мои волосы выбелены,
мое желанье отвергнуто и семя стерилизовано,
мои дети холодом выхожены,
тоска и мечта из груди моей выжжены,
статуи моих героев взорваны,
крики мои о свободе и мире бичами исполосованы,
мои шаги, как дикие звери, выслежены
и мой разум в оковах огрубел и ослаб.

Сейчас, когда «невпниные прелести» твоей цивилизации
красуются кровоподтеками у меня на лице,
я спрашиваю тебя, Европа,
я спрашиваю тебя: «Что же дальше?»

ЧЕРНАЯ ПЯТНИЦА

Я на улицу выйду
с откровенной ухмылкой, с моими
проданными святыми,
чтобы хохотать до упаду
над мертвым распятым богом.

Я в черную пятницу выйду
на улицу, облаченный
в белый траур.

Я оставлю дома семью
и выйду, чтоб скалить зубы,
распевая песни йоруба
с воинами балуба
и философами банту.

Даже если не хватит сил
дом покинуть для солнца, ветра,
силой меня не удержишь
в черную пятницу дома.

ФРАНСИСКО ЖОЗЕ ТЕНРЕЙРО

ПЕСНЯ МУЛАТА

Мулат —
отпрыск белого и негритьянки,
кажусь постороннему взгляду
мельканием шахматных клеток:
скользит этот взгляд по клеткам,
цвета на доске смешались,
сливается черный с белым
в глазах, ослепленных мельканьем.

Мулат я.
Большая душа в моей плоти —
двух душ различных слиянье:
один плюс один — это двойка.

Вот почему однажды
так обозлился белый.
Он все сосчитал по пальцам
и доску для шахмат сделал.
— Эй, мулат! — закричал он.—
Ты малость ошибся,
место твое возле негра.

Ах!
Но я не сбесился от злости...
Свои черные кудри
со лба я пригладил к затылку,
выдохнул дым сигареты,
и громко запел я
со смехом,
и стал вдруг пунцовым белый...

Мулат я!
С белой возлюбленной —
белый,
с черной возлюбленной —
черный.
Так вот!..

ЦИКЛ ОБ АЛКОГОЛЕ

1

Когда сеньор Силва Коста
к нам приехал на остров,
привез он бутылку водки,
чтобы заняться торговлей.

Жара была так нестерпима,
земля была так просторна,
что казалось:

вода бессильна
смочить пересохшее горло.
Тогда сеньор Силва Коста
отхлебнул половину бутылки...
И слова обрела его глотка
для первой торговой сделки.

2

Луна омывает пальмы,
подернуты нежной мечтою
глаза Морского Прибрежья.
Безмолвьё.
Волна омывает скалы,
остров тем всплескам вторит.
Безмолвьё.
А там в отдаленье
слышится: хижины плачут,
омытые лунным светом.
Безмолвьё.
В проулке крайнем
ведут европейцы торговлю,
шампанское попивая.

3

Говорила мать-негритянка:
— Ему я твержу: «Сыночек,
не пей ты эту отраву».
Смеется. И слушать не хочет...

Умолкла старая Рита,
только в глазах и в морщинах
дрожащее далекое смеха.
— Что ж дальше, сеньора Рита?
— Ох, такое несчастье!
Сынок мой — в пивнушку,
а пойло — в его утробу...

Вздохнула старая Рита,
глаза от слез покраснели.
— Эх, сыночек, сыночек,
о матери ты не вспомнишь!..

Э П О П Е Я

Где ты, Африка,—
свободные дали,
ропот стрел, прорезающий воздух?!
Где ты, Африка,—
бурливые реки,
волны, клокочущие, как кровь в жилах?!

Белые рубили прогалины
выстрелами карабинов.
На прогалинах жгли костры,
раздирая тропическую ночь.

Костры!
Миллионы костров
на раскаленной земле!

Лунная, лунная ночь...
Корабль качается черный,
и песня из трюма слышна.
И в такт этой песне
цепи гремят.
Лунная, лунная ночь...
Какая судьба впереди?!

Человек из Африки, ты затерялся
в чужой земле...
В Бразилии
ты под кнутом стонал
на бескрайних плантациях кофе!
На севере
ты спину гнул
на бескрайних плантациях табака!

И в долгой почной тиши
тосковал по родной земле,
что осталась там, далеко...
И долгие песни пел,
подернутые слезой!..

Люди севера
вспарывали ножами
животы
людям юга.

Люди севера
были полны
грандиозных идей,
таких грандиозных,
что они казались бесформенными уродами!..

Люди севера
тебе подарили
из того, что было твоим,
кусочек земли: живи...
Либерия! Либерия!

О!
На твоих улицах
людей считали на доллары...
Либерия! Либерия!

Когда ты поешь в кабаре
и сверкает зубов белизна —
это улыбка твоя, Африка!

Когда ты мчишься стрелой
в состязаниях на быстроту —
это ритм твой, Африка!

Иди же вперед,
Африка,

пусть слышится в песне твоей
ритм победы!

Пусть слышится в песне твоей
ритм новой жизни!

...Пусть твой звенящий смех
несется под небеса,
как рокот стрел, прорезающий воздух!

НЕГРЫ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН СВЕТА

Звуки гонга
разрезали воздух,
которого нет у негров.

Гарлем! Гарлем!

Америка —
на улицах Гарлема —
негры меняют жизнь на удар ножа!

Америка —
на улицах Гарлема
кровь черных и белых
играет в шахматы.
Гарлем!
Черный квартал!
Ринг жизни!

Поют поэты
с островов Зеленого Мыса...
Поют люди, затерянные в волнах китовой охоты.
Поют люди,
затерянные на перекрестках жизни,
заброшенные в разные концы света.
В Лиссабон?
В Америку?
В Рио-де-Жанейро?
Кто знает?

Слушайте!

Это Морна...
Проклятый, тоскливый голос...
Это люди Зеленого Мыса
взывают к своим братьям!

Средь табачных плантаций
негры качаются в танце.

В небоскребах Нью-Йорка
кривляются американцы!

Средь плантаций Виргинии
негры качаются в танце.

На люкс-яхтах Миссисипи
кривляются американцы!

О!
В штатах юга
негры качаются в танце!

Твой чернокожий голос
поет
на подмостках Парижа.
«Фолл-Бержер»!
Белые покупают
тело твое
за бутылку шампанского.
«Фолл-Бержер»!
Лондон — Париж — Мадрид...
Наклейки на чемоданах...
И только песни, долгие песни,
рыдающие в ночи,
говорят о нашей печали!
Негр!
Если бы ты и родился белым,
тебе б все равно обожгло кожу
в топках больших судов,
увозящих тебя в неизвестность!

Если бы ты и родился белым,
тебе б все равно засыпало горло
углем, что ты разгружаешь
на набережных Ливерпуля!

Если б ты и родился белым,
тебя б все равно заставляли
швыряться жизнью за рюмку виски,
чтоб тиснуть твое фото в журнал!

В городе Баии
негры
извиваются в пляске
уэ!
В городе Баии
негры справляют макумбу.
Ораксилá! Ораксила!

Белый город Баия.
Триста с чем-то церквей!
Баия...
Черный город Баия!
Город Всех Святых.
Ораксила! Ораксила!

АЛДА ДО ЭСПИРИТО САНТО

* * *

Где люди, истребленные вихрем безумия,
обрывают за жизнью жизнь
в забавах адского ремесла,
красна от крови земля, липка,
и море слизывает тела.
В зарослях слышатся вопли, стоны
и росчерки очередей автоматных.
О, мой зеленый, о, мой зеленый
остров в кровавых пятнах,
берег Фернана Диаса. Среди прибрежных камней
кровавых сгустков черные слизи
и крики, тонущие в тишине
оборванных жизнью.
Крики, они до сих пор в ушах.
Выплачь, мой стих, что видел, и выстони.
Помнишь, как точно, как не спеша
Зе Мулат работал на пристани.
Как аккуратно метил палач,
как четко бил наповал.
Каждый выстрел его
чью-нибудь жизнь обрывал.
Кто говорит, что море сильнее —
красной пустынею
казалось оно.
Должна же за все это быть расплата!
Зе Мулат,
тебе не уйти от нее все равно.
Пускай тебя не особенно радует,
что наши тела приняла земля,—
к тебе прикованы наши взгляды.
Мы люди Пятого февраля,
мы взятые смертью,
вымаливавшие пощаду,
взывавшие к милосердию.
Теперь ничего нам не надо —
не дышим мы, не едим, не пьем,
в одну могилу мы свалены вместе —
но мы живем,
но мы живем
для мести.

Тлеют в земле
наши тела,
наши дома
сожжены дотла.
И среди пепла,
среди смертей
бродят голодные стайки
детей,
наших детей,
наших сирот,
и здесь, под землей,
нам слышен их плач.
Что сделал тебе мой народ,
ответь, Зе Мулат,
палач.
Что сделали вы
с народом моим,
ответьте мне, палачи.
Нет, мы не убиты,
мы не молчим.
Пожары пылают в ночи.
Пылают пожары,
пылает земля,
у вас под ногами горит она
и всходов возмездия ждет,
вся нашею кровью пропитана.
Кровь паша — пламя, что в жилах
всего человечества мечется
мечтой о свободном мире —
родине человечества.

* * *

Сижу на пристани,
звучащей
широким симфоническим аккордом:
лебедки, крики грузчиков, сигналы, —
и все это в мелодии дождя.
От пристани до горизонта,
в набухшей духоте
тропического предвечерья,
азартный африканский дождь.

Дождинки пляшут, плющатся о тент
и легионом крошечных головок
ложатся
вкруг меня. И я — я наблюдаю
их поучительный полет.
Следы их на песке
рисуются, как тропки судеб.
Печатная история народов
на полотне бескрайней жизни...
Хор тихих голосов
сливается в ликующую песню,
мелодия которой всем понятна:
она о мире, о надежде,
о братстве.
То песня человечества дождинок,
бессмертная и радостная песня,
которую и нам бы перенять.

Р Я Д О М В К А Н О Э

Просты слова наших дней
и ясны, как воды ручья,
который сбегает по ржавому склону,
просветленный,
в бодрой прохладе утра.

Вот мы и рядом, мой брат.
Плантация выжала все твои силы,
твоя кровь засыхала на палубах,
и тебя самого по кускам хоронила
сухая земля.

Дай руку, сестра. Весь день
ты отстирываешь чужое белье,
чтоб накормить малышей. А порою
несешь на продажу фруктовые косточки,
чтоб схоронить умерших.
А порой продаешь и себя самое,
надеясь пожить хоть немного
в достатке, в покое.
А жизнь обрастает лишь новыми бедами.

Для вас, мои спутники, голос надежды моей.
Я с вами, когда вы на празднике пляшете,
невзгодами жизни не сломаны,
с вами на сборе какао и даже
в гуще базарного гомона,
когда я
наблюдаю
за гибелью ваших грошей.
С вами я запускаю змея,
среди белого зноя
по песку волоку каноэ
и в тесной хижине
из общей миски
скорбный ваш ужин ем.

Но по бескрайним пескам побережья
Сан-Жоао
все вы, братья, встречавшие те же
порывы торнадо
и прокопченные жизнью, как я,
все вы, плоть от единой плоти,
каждый своею дорогой пойдете,
забыв, что плыли в одном каноэ.

Быстро на землю спускается
вечер,
и вдалеке на мысу Сан-Марсал,
вдруг замерцали, как свечи,
тысячи огоньков.

Дым воскурений, кормящий плодородие почвы
тайнами судеб, и гонга таинственный звук.

С вами я, братья из Санто,
приобщенные к бешеным ритмам
погребальных батук,
исторгающие из себя
беспутные крики
и телодвиженья.
С вами я, в вашем каноэ и в ваших
голосах, исходящих мольбами, проклятьями, болью...

Брат мой, я здесь, я с тобою,
в лад с твоим мое сердце бьется,

когда наш народ предается
играм своих детей.

Брат мой, я здесь, я с тобою,
рядом, в одном каноэ.

Но знаешь, о чем я мечтала?
Сомкнуть воедино наши бессчетные руки,
руки лебедек, причалов,
скал, берегов — наши руки —
в огромное братство, простертое
от полюса к полюсу,
чтобы все мы, одним человечеством, плыли
вместе, в одном каноэ.

Вот послушай...
Небо вечера над головою
и зеленые волны прибоя
приближают к Чудесному Берегу
нас, плывущих
в одном каноэ.

Т Р И Н Д А Д Е

Вот он, черный человек. Он простирает усталые, обессиленные руки. У него больше нет сил напрасно стучаться во все двери. Его глаза налились кровью и ужасом.

Это было. Он вышел из камеры смерти. Он спасся, выжил, а тридцать его товарищей задохнулись, погибли без воздуха и воды.

Да, так было. Они погибли в феврале 1953 года. Только он один, потеряв сознание, упал на трупы своих товарищей, а когда очнулся, обезумел от ужаса и побежал по тюремному двору, крича от голода и жажды.

Мое имя — Гравид,
А мое преступление
В том, что родился в Триндаде,
В осужденном на смерть поселке.

Я красил дома,
Как и все маляры.
Как-то утром забрали
И бросили в тюрьму.

В каземате без воздуха
Заперли тело,
Хранимое ненавистью,
Переполнявшей душу.

Товарищей становилось все больше.
Товарищи падали друг на друга.
И железная дверь открывалась,
Всякий раз рождая надежду,
Что мы выйдем на свободу,
Подышим воздухом улиц.

Дверь захлопывали, запирали,
И надежда за ней исчезала,
А людей становилось все больше.
Двадцать... тридцать... сорок...

Двадцать... тридцать... сорок...
Становились все громче крики,
Пересыхали глотки.
И росла, нарастала жажда,
И задыхались люди,
И тираны на свежем воздухе
Издевались над ними.

Становились все громче крики...
«Воды... воды... воды...
Воздуха, воздуха...»
Хор смерти
Взывал к жизни...

Наступал вечер.
Приходила ночь.
И люди умирали,
Потому что полночь — это час смерти...
Хор гремел
Во тьме зловещей,
И людские тела падали наземь...

Старик моторист Алфредо,
Ты уже умер...
Твое слабое тело освободилось,
Ты избавился от жизни.
Тебе повезло.

А ты, Лима,
Подполз к двери
И просил воздуха,
Просил жизни,
Но насмешливая судьба
Сшибла тебя наземь.
И вот тебе уже не нужен воздух...

Брат за братом,
Друг за другом
Умирили товарищи
В хоре смерти,
В могильном мраке,
В вечной тьме
Погибшей надежды.

В это страшное утро,
В пятницу, пятого февраля,
Февраля,
Жестокого и вешего,
Я вышел живым.

Шестнадцать, шестнадцать человек,
Скелетов,
Вышли и упали замертво.
А я выжил.
Только сначала
Я лежал среди мертвых,
А потом возмущился
И встал.

Я встал другим человеком —
Безумным,
И рванулся к двери,
Требую воды
И еды,
А их все не было.

Я изверг на палача
Всю желчь, всю желчь,
Скопленную
Моей яростью.

А они, эти тираны,
Связали меня по рукам и ногам,
Когда я устал отбиваться.

Ярость росла,
Ее лавина заливала палачей,
Мои нервы напряглись
И порвали оковы.

Восстание росло,
И неизвестные палачи
Стреляли в меня.

Они попадали,
Но я стоял
И не умирал.

Они изрешетили меня всего
И все вокруг,
Но я не умер.
Волны восстания вздымают меня,
И я безумею от гнева.

Они пытались выслать меня,
Но я останусь здесь вечно...
Мои глаза не стекленеют.
Вечным укором я стою перед ними.

ЛАМИН ДИАКАТЕ

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«В КАЛУН ШЕСТОГО ДНЯ»

1

Мое желанье! Стада облаков,
когда нисходит сумрак,
стада облаков, чтобы окутать звезды.

Мое желанье! Таинственный перезвон
колоколов Воскресения!
И земля становится мирным полем надежды,
и в глазах — милосердие слез.

Мое желанье! Большая поэма, записанная
в древней крови моей Африки,
и колыханье становится ритмом
дуновения, щедрыми красками,
яркостью, блеском кровавого гребня.

Мое желанье! Мечта о ветре,
в братской неистовости овевающем
весь шар земной.

II

Пойдем, подруга моя, пойдем со мной,
мы покинем этот безмерный мир, чтобы восстать
среди древних.

Неужели

ты не слыхала, как на исходе третьего сна
звук пастушьей свирели сзывает
стада созвездий?

Это дыхание древних — там, внизу, в том краю
миражей.

Так взмахнем светоносными крыльями нашими
и направим полет наш в эпоху добра и покоя.

IX

Я буду идти день и ночь,
подобный вождям наших древних племен,
повинуясь мудрости — верному поводырю.
Я буду идти, не ведая отдыха и остановок.
Имя твое, словно тень,
словно дикий цветок,
прикоснется к моим губам,
и я затеряюсь
в глухом лабиринте ручьев и тропинок.

X

Скромен подарок,
который я приношу и кладу
к твоим обнаженным ногам.
Нет в нем роскоши Запада,
нет в нем дыхания
тех времен, когда все
было пронизано ритмом.
Робкие речи,
сбивчивые обороты,
корявые фразы —
вот и все,

что я предлагаю тебе
в наш механический век.
Но не печалься, сестра моя,
страсть остается...

XI

Наши богини владели наречием тайны,
наши атлеты — голосами тамтамов,
наши герои вздыбливали коней
над прозрачными безднами слов.
Голос твой —
он так явственно слышится
из глубины заповедных времен,
что я простираю ладони
к тебе в первобытном порыве,
в безудержной жажде объятья,
ибо ты рождена моей памятью,
вызвана к жизни моим заклинающим криком.

XII

О, эта призрачная улыбка витрин.
Взрыв одиночества в четырех стенах.
Я давно научился ткать
мягкие, мягкие,
словно масло, слова.
Просят девушки —
дай нам солнечный город,
город из бабушкиных сказок,
родившихся на пороге ночи.
Город света,
где улицы льются,
как белокурые волны волос,
скамейки дышат покоем,
фонтаны струят надежду,
глаза людей излучают уверенность,
тысячи детей
беспечно смотрят,
как приближается завтра.
Город солнца, где ты будешь править,
где улыбаются дети

своему детству, и солнцу,
и грядущему дню.
Город света из бабушкиных сказок,
родившихся на пороге ночи.

XIII

Мои глаза пронзают лесную чащобу,
и вот я уже в хороводе Предков,
в сердце зеленой Гвинеи.
Пусть двенадцать каури мне дарят заветные тайны,
пусть глядят на меня высокие тени умерших,
пусть мне шепчут о горестях жизни,
о вечном покое за гробом.

XIV

Кровь малинке — я слышу —
бурлит в твоих венах,
подобно потоку Джолибы.
Во мне просыпается
этот рокочущий голос,
его завораживающие ритмы — прибой,
ударяющий в сердце.
Вчера я беседовал с тенями усопших вождей,
мудрецов, покинувших мир.
Вчера я блуждал в миражах
затопленной солнцем дороги.
Вчера я прошел испытанье,
прошел обряд Посвященья.
Сегодня я слышу в крови
пробудившийся голос малинке —
голос величия и мудрости.
Сестра моя, слышу твою поющую кровь!

XVII

Сегодня ты так хороша:
серебряное ожерелье,
золотые браслеты,
суданские ткани,

гвинейские духи,
твое зыбкое лицо...
Сангомарские богини опять нашли
свою утраченную сестру после долгих времен безымянных
в бесчисленных толпах людских.
Так помнит ли он о тебе?
Это был день без солнца,
день в угрюмой тени,
озаренный одной лишь улыбкой твоей.

XVIII

Эти голые руки,
эти пальцы мои на тропинках
твоих волос.
Ты весна моя,
в этом году без весны,
мирнады почных фонарей на Монмартре,
и старый Париж, улыбаясь,
тонет в глазах твоих.
Видишь, этот бродячий художник
угодил прямо в сеть твоих сонных мечтаний.
А мечты его выются струйками пара
по волнам зонтов.
На груди твоей пламя застенчивой розы.
И цветочница будущее читает
по лепесткам.

ШЕЙХУ УМАР ДИОНГ

ОТКАЗ

Нет, довольно мне извиваться
В судорожном танце.
Довольно упиваться отзвуками старины,
Перебирая четки воспоминаний.
Мне спецовка и молот нужны.
Я сонные статуи предков хочу повалить,
Я хочу пахать и ковать,
Я хочу строгать и пилить,

Я хочу, возвращаясь с завода,
Обменяться с друзьями улыбкой у входа.
Нет, довольно мне кровью своей торговать,
У донорских пунктов толкаясь.
А захочется в пляску пуститься — плясать
Я хочу теперь фарандолу.

ПОСЛАНИЕ

Я отдал сердца солнечное пламя
За груды железного хлама
Тебе, наш машинный век.
Я развеял костры лесные,
Рассеял моих лучших сказителей,
Вырвал из рук воителей
Мщенья тяжелый меч.
Час единства пробил.
Провел я долгие ночи без сна
В мерцанье огоньков болотных
Трепетного мира первым дозорным.
В сердце своем, на муссон похожем,
Задушил я ненависти ураган.
Я всем улыбаюсь, я на «ты»
с черным,
белым,
краснокожим.
Я пишу, арабесками покрывая листы
Жгучих песков пустынь,
Вечных снегов вершин,
Зеленых лесных полей:
Мир и дружба народов.

ИЛЛЮЗИИ

Оставь иллюзии, мой брат.
Руки не подавай им, взгляд
Прочь отведи, сердцебиенье
Уйми, когда они тебя мапят.
Оставь иллюзии, мой брат,
Гони с порога их назад

Без всякого стеснения,
А сам ищи в земле зарытый клад.
Имей терпенье,
И поиски тебя вознаградят.
Не верь иллюзиям, мой брат.
Их запахи дразнящие не смогут
Тебя насытить, и в ночи дорогу
Их огоньки тебя не озарят.
Знай — жажду миражи не утолят.
Чтоб утолить ее, возьми кирку, мой брат,
Рой землю в пекле солнечных лучей,
Обуглись у пылающих печей,
Чтоб наших весен увидеть цветенье.
Твои иллюзии, мой брат,
Кровь высосать из жил хотят.
Руки не подавай им, взгляд
Прочь отведи, имей терпенье,
Да, терпенье,
И поиски тебя вознаградят.

БИРАГО ДИОП

ПОСВЯЩЕНИЕ

Глаза взглянули на меня в упор
и горькой нежностью своей сожгли.
И голоса я слышу до сих пор —
иные голоса иной земли.

Со светом тень вела извечный спор,
обманы дня растаяли вдали,
но отблески — почам наперекор —
на трудный мой, тернистый путь легли.

Живая жизнь бесследно не ушла:
от плоти плоть петленный дух взяла,
папев старинный ветром принесло,
и не иссякло на губах тепло;
по все же даль обманчиво светла,
и мучит явь, мечтам назло.

ВИДЕНИЕ

Чья-то смутная тень проплыла
в душных сумерках предвечерья,
и упала ночная мгла,
роняя черные перья.
Вдалеке, и темна и светла, —
верю я и не верю, —
не случайный ли отблеск стекла? —
в душных сумерках предвечерья
чья-то смутная тень проплыла,

СУМЕРКИ

Как сладостен сои, заверченный судьбой
в сиянье ночей, где в безмерную высь
уходят часы, не сыгравши отбой,
где вечность не скажет секунде — вернись!

Напрасно не сетуй, на ночь не сердись,
скорее напиток пригубь голубой —
в нем с явью твои сновиденья сплелись,
в нем звезды рождаются сами собой.

Легчайшим движеньем незримой руки
зажжен над землею опаловый глаз,
трепещут лучи, как ресницы, легки.

Не надо соперницы-лампы сейчас,
чтоб этот мерцающий свет не погас,
чтоб крылья свои не сожгли мотыльки.

МУКА

Гвоздика сохраняет цвет
среди страниц альбома.
Ложится розовый рассвет
на белый саван невесомо.

И болью стянуты виски
в орбите сновидений.
Дрожат зыбучие пески —
часы напрасных бдений.

Иссякнут волпы слез в бреду
и вдруг нахлынут снова.
И не приходит, на беду,
спасительное слово.

Я одиноч в потоке дней,
а дни проходят мимо...
И горечь на душе сильней,
и боль — неутолима.

МОНОТОННЫЕ РИТМЫ

Лежу, дремлю на дне челна,
скольжу, ленивых ритмов полный,
и плачет сердце, как волна;
расколот звоном летний полдень.

Скользит, ленивых ритмов полный,
мелодий медленных наплыв.
Расколот звоном летний полдень —
многоголосый перелив.

Мелодий медленных наплыв
в тяжелых ароматах молкнет.
Многоголосый перелив
струится, словно лента молний.

В тяжелых ароматах молкнет
лиловых волн легчайший плеск.
Вдали струятся ленты молний,
до слез слепит разлитый блеск.

НАД ЧЕМ ВЛАСТВУЕТ ЛЮБОВЬ?

Над сутью всех вещей, над смыслом слов,
над зыбкостью неповторимых снов,
над тишиной, тяжелой, как смола,
и над вопросами, которым нет числа;

над плачем, заглушенным тишиной,
над тяжелой тишиной души больной,
над болью, приходящей вдруг,
когда вдвоем молчат, не различая рук;

над местом встреч — началом всех начал,
над словом, столько значащим для двух,
над словом, не произнесенным вслух,

над нервами, чей яростен накал,
и над ленивой негой вечеров,
когда смолкают голоса ветров.

МУДРОСТЬ

Желанья, гнев и боль отброшу прочь,
из дальних стран вернусь домой,
пускай сожжет пылающая ночь
мою тоску и бред последний мой.
Желанья, гнев и боль отбросив прочь,

я подниму с земли кровавый ком —
остатки сердца моего,
растоптанного вашим каблуком,
и, если сердце не совсем мертво,
я подниму с земли кровавый ком.

Ко мне придет без сновидений сон,
и прилетят в рассветный час
четыре ветра с четырех сторон —
коснутся ласково усталых глаз,
и снизойдет без сновидений сон.

АНИМИЗМ

Когда проснется спящая страна, —
несбыточному сбыться суждено! —
забродит гнев, как старое вино,
и возвестит иные времена.

И кости, побелевшие давно,
восстанут и стряхнут остатки сна —
вот так душа истлевшего зерна
живет и входит в новое зерно.

И боги маски черные сорвут,
их голоса прокатятся, как гром,
и запылает ночь большим костром.

И неживые вещи оживут,
и в темных дебрях прозвучат слова,
что Африка по-прежнему жива!

Д И А Л О Г

Перекличку волны и весла
подхватил распалившийся бриз,
и над веслами наши тела,
словно яркая бронза, зажглись.

Раскалился песок добела,
и валы набегают на мыс,
и пирога в тоске замерла,
океан умоляет — вернись!

Колыбельная песня морей...
Хоть бы вечер пришел поскорей
и, ласкаясь, к пироге прилег!

Голос прошлого в сердце проник,
нам понятен печали язык —
и волны и весла диалог.

З А П У С Т Е Н И Е

В джунглях под черной листвой
труб оголтелых вой, буревой, грозовой,
и тамтам — зловещей совой,
Черная ночь, черная ночь!

Плачет тыквенная бутылка —
ядом стала вода,
и превратилась в пыль
в чаше еда,
в чаше — беда,
страшно в домах, страшно впотьмах,
черная ночь, черная ночь!

Под мертвой луной
факел в ночи,
свет, как больной,
бледнее свечи, тусклее свечи.
Только дым смоляной,
черная ночь, черная ночь!

Чья-то душа
бродит в тиши;
тише, чем вздох камыша, —
шепот души,
черная ночь, черная ночь!

Цыпленок ни мертв, ни жив —
хоть бы малейшая дрожь!
Хоть бы черная кровь из багровых жил —
камень — ломаешь нож!

Черная ночь, черная ночь!
Труб оголтелых вой, буревой, грозовой,
и тамтам — зловещей совой,
черная ночь, черная ночь!

Прочь с берегов реки
ушел народ,
стонет вода в порыве тоски,
и тростники вонзают в небо клинки.
Черная ночь, черная ночь!
Покинул саванну древнейший род,
в пустыне гудят пески,
труб оголтелых вой, буревой, грозовой,
и тамтам зловещей совой —
черная ночь, черная ночь!

На деревья взгляни —
сок застывает в стволе,

сохнут корни в земле,
и предков огни
погасли в густой тени.
Черная ночь, черная ночь!

Страшно в домах, страшно впотьмах,
факел слабей ночника,
плачет река,
в чашах больных поселился страх,
ветка дрожит, как рука старика.

В джунглях под черной листвою
труб оголтелых вой, буревой, грозовой,
и тамтам — зловещей совою...
Черная ночь, черная ночь!

ДЫХАНИЕ ПРЕДКОВ

*Голоса вещей слушай чаще,
к ним обрати свой слух:
голос огня шипящий,
голос воды стеклянный,
рыдание чащи,
шелест поляны —
это предков нетленный дух.*

Мертвые не уходят из привычных мест:
родные края озирая,
они блуждают окрест.
Их домом не стала земля сырая:
они населяют лес,
стоном ветра летят с небес,
в заводи вместе с водой молчат,
в водопаде водой играют,
бродят в толпе, стерегут очаг —
мертвые не умирают.

*Голоса вещей слушай чаще,
к ним обрати свой слух:
голос огня шипящий,
голос воды стеклянный,
рыдание чащи,*

*шелест поляны —
это предков нетленный дух.*

Предки не умирают.
Мертвые никуда не ушли,
мертвым тесно в лоне земли —
мертвые не умирают!
Мертвые не уходят из родных мест:
они в материнских сосках,
в плаче младенца, в смехе невест,
в тлеющих угольках.
Их домом не стала земля сырая:
они шелестят в траве,
пляшут в огне костров,
тучей плывут в синеве.
Мы с мертвыми делим кров —
мертвые не умирают!

*Голоса вещей слушай чаще,
к ним обрати свой слух:
голос огня шипящий,
голос воды стеклянный,
рыдание чащи,
шелест поляны —
это предков нетленный дух.*

Крепнет день ото дня наш союз,
крепче связь, расстояние короче —
все ближе пальцы незримых рук,
все тесней наших душ круг,
вставшие с нами в круг — мертвые — не умрут,
предки с жизнью связаны прочно.
Тончайшая нить самых прочных уз
тянется к нам от них:
они утесы крушат,
по дорогам ветром спешат,
и стонут в травах сухих,
и на крышах соломой шуршат,
оживают в сгущенье теней,
в сплетенье корней, в стоне пней,
в заводи спят, в водопадах играют...
Их дыхание в нас все сильнее,
дыхание мертвых, которые не умирают,
мертвые никуда не ушли,
мертвым тесно в лоне земли!

*Голоса вещей слушай чаще,
к ним обрати свой слух:
голос огня шипящий,
голос воды стеклянный,
рыдание чащи,
шелест поляны —
это предков нетленный дух.*

ПЕСНЯ ГРЕБЦА

*Что поет у причала
темнокожий гребец?
Есть ли в песне начало
и есть ли конец?..*

Я однажды спросил у болтливых сорок,
как рождается песня летящих пирог,
и сказали они: подхватив на лету,
ее бросил в волну озорной ветерок,
но хотела вода сохранить красоту,
и волну, как морщину, разгладил поток.

*Что поет у причала
темнокожий гребец?
Есть ли в песне начало
и есть ли конец?..*

Я однажды спросил у зеленых лиан,
кто мелодию весел уносит в туман,
и сказали они: подхватив на лету,
подарил баобабу ее ураган,
но кудрявый старик наводил красоту
и стряхнул эту песню с волос в океан.

*Что поет у причала
темнокожий гребец?
Есть ли в песне начало
и есть ли конец?..*

Я однажды спросил у стеблей тростника,
как рождается нежный напев челюка,

и сказали они: подхватив на лету,
его птица с собой унесла в облака,
но потом уронила на землю в цвету
и суровым гребцам отдала на века.

*Мой певец, мой кудесник,
темнокожий гребец!
Как рождается песня,
я узнал наконец.*

МИРОПОМАЗАНИЕ

В три кувшина, в три кувшина крепких,
близ которых ночью бродят души предков —
духи добрые, как легкий ветер,
духи светлые, как небо утром,
души пращуров и братьев,
души наших предков мудрых, —
погрузила мать три темных пальца, —
руку левую, — три пальца в три кувшина крепких:
указательный, большой и средний;
погрузил я руку правую в кувшины,
пальцы темные, один, другой и третий:
указательный, большой и средний.

Пальцами, багровыми от крови —
кровь быка,
и кровь козла,
и кровь собаки, —
мать меня коснулась трижды.
След большого пальца — вдоль надбровий,
указательный груди коснулся, к сердцу ближе,
средний прикоснулся к животу.

Я простер багровую от крови руку —
кровь быка,
и кровь козла,
и кровь собаки, —
и над пальцами по кругу
пронеслись четыре ветра, как четыре друга, —
ветры запада, востока, севера и юга;
а потом дрожали пальцы под луною полной,

под луной прохладной, голой,
и луна в кувшин упала.
А потом в песок, остывший в полночь,
погрузил я руку — три холодных пальца алых.
И сказала мать: «Иди, броди по свету!
Души предков за тобой пойдут по следу».

Я ушел,
и я бродил по тропам,
по звериным тропам и проторенным дорогам,
я ушел за море, за морские дали,
я ушел за море, в край заморский, дальний;
и когда встречал я злых и черствых,
злых людей с душою черной,
и когда встречал завистливых и лживых,
злых людей с душою черной,
духи предков были мне опорой.

Д И П Т И Х

Солнце, оранжевый перезрелый плод,
обрызганный синевой, упадет вот-вот
в котел кипящего дня.
Убегает тень от лучей — сыновей огня —
под солому крыш, где дремлет древний фетиш.
Саванна, раздетая догола,
в своем бесстыдстве чиста,
режут глаза несмешанные цвета.
Тишина и звук связаны крепче узла,
хранимые тишиной, ранимые тишиной,
бесконечные звуки творят
недоступный уму обряд...

На ложе своем расстелила ночь
покрывало, расшитое искрами звезд.
Убегает свет от теней — дочерей темноты,
кони храпят, завывает пес,
и человек под соломой крыш дрожит, какмышь.
Саванна, стыдясь наготы,
в черную тень легла.
Тишина и звук связаны крепче узла,
звуки, отточенные тишиной,

по заросшим тропам скользят,
и брезжит восход
для тех, кто придет,
и для тех, кто уйдет.

ДАВИД ДИОП

ВРЕМЯ СТРАДАТЬ

Белый убил моего отца —
Гордого моего отца.
Белый опозорил мать мою —
Мою красавицу мать.
Белый заставил брата,
Могучего моего брата,
Спину под солнцем гнуть.
Белый протянул ко мне руки,
Красные от черной крови,
И крикнул надменно:
«Бой! Умыться! Воды!»

ТОТ, КТО ВСЕ ПОТЕРЯЛ

В хижинах наших сверкало солнце,
И женщины были стройны и гибки,
Как пальмы в час вечернего бриза,
И беззаботно скользили дети
По мертвым глубинам реки,
И отважно сражались мои пироги
Со стадами злых крокодилов.
А ночами луна, как добрая мать,
Смотрела с улыбкой на пляски,
На наши пляски под гул тамтамов,
В тяжелом неистовом ритме тамтамов,
Тамтамов радости, страсти, счастья возле костров свободы.

А потом пришла тишина...
И солнце погасло в нашем небе,
И в хижинах наших погасло солнце,

И захватчик с глазами стального цвета
Потянулся своим тонкогубым ртом
К красным губам наших черных женщин.
И детям моим пришлось забыть
Свою беспечную наготу
И напялить на себя солдатский мундир
Цвета железа и крови.
Цепи рабства сковали мне сердце,
И ты замолчал, мой тамтам,
Тамтам моих ночей,
Тамтам моих отцов.

ВЫЗОВ ПАСИЛЬЮ

Ты плачешь, ты спину гнешь,
Ты гибнешь, не зная за что,
Ты бьешься, ночами не спишь,
Чтобы тот, другой, отдыхал,
Ты разучился смеяться,
О брат мой, с глазами, полным страха и боли,—
Поднимись и скажи:
«Нет!»

ГОРЕ ТЕБЕ, БЕДНЫЙ НЕГР

Горе тебе, бедный негр!..
Хлыст свистит,
Свистит над твоей спиной,
Облитой потом и кровью.
Горе тебе, бедный негр!
Долог, о, долог день,
Долго надо носить
Белую слоновую кость
Для белых твоих господ.
Горе тебе, бедный негр!
Голодны дети твои,
Голодны, а лачуга пуста,
Пуста: ведь жена твоя спит,
Спит в господской постели.
Горе тебе, бедный негр,—
Черный, как горе твое!

— Ты негр,
 Негр,
 Ты грязный негр!
 Губка — сердце твоё,
 Губка, что жадно глотает ядовитую влагу порока,
 А цвет твоей кожи обрек твою кровь
 На вечное рабство.
 Правосудье каленым железом тебя заклеямило,
 Заклеимило твоё греховное тело.
 Твой путь, о проклятое чудище,— глухая тропа униженья,
 Твой завтрашний день будет так же постыден и жалок,
 Как нынешний день.
 А ну, подставляй мне свою проклятую спину,
 Что сочтётся потом зловонным твоих прегрешений,
 Поганые руки свои подставляй,
 Неуклюжие руки раба.
 Шевелись, работа не ждёт!
 И пусть моя жалость угаснет
 При одном только виде твоём.

МОЕЙ МАТЕРИ

Когда меня осаждает память,
 Память о боязливых привалах над краем бездны,
 Память о ледяных океанах, поглотивших жатву,
 Когда во мне оживают бесприютные дни —
 В лохмотьях, в дыму дурмана,
 За наглухо закрытыми ставнями,
 Где одинокое слово в безумной гордыне
 Тщилось обнять пустоту,—
 Тогда о тебе я думаю, мама,
 О вѣках твоих прекрасных, опаленных годами,
 Об улыбке твоей, царившей в моих больничных ночах,
 Об улыбке, которая торжествовала над всеми невзгодами.
 О моя мать — моя и всего человечества,
 Мать ослепленного негра, который сегодня
 Снова увидел цветы!
 Я жадно, я жадно вбираю твой голос,
 Прочерченный криком отмищенья,
 Пронизанный кличем любви.

ЧАСЫ

Бывают часы мечтаний
В спокойствии ночи, на дне тишины.
Бывают часы сомнений,
Когда раздираешь со стоном бархатный занавес фраз.
Бывают часы мучительной боли,
Когда вдоль военных дорог материнская память бредет.
Бывают часы любви —
В хижинах светлых, пронизанных песней желанья.
И бывают часы — их светом своим озаряют грядущие дни,
Точно солнце, что на восходе румянит древесную плоть, —
Так в суতোлке часов,
В бреду беспокойных часов
Наливается нового времени завязь —
Плодотворных часов равновесья.

ЦЕПИ В АГОНИИ

Димбокро... Пуло-Кондор...
Хороводы гиен вокруг кладбищ,
Земля до отвала кровью сыта, солдатня ухмыляется,
На дорогах дьявольский скрежет бронированной злобы,
В рисовом поле лежит убитый вьетнамец,
В Конго каторжник стонет, в Штатах брата его линчуют.
Я слышу зловещую поступь молчания —
Тень стального крыла пронесится над новорожденным смехом.
Димбокро... Пуло-Кондор...
Мечтали они, что цепи задушат надежду,
Что пот загасит искры горящего взгляда.
Но брызжет солнце из наших песен,
И от саванн до джунглей
Наши руки, готовые к бою,
Протянули удрученным невольникам полные горсти надежд.
Димбокро... Пуло-Кондор...
Слышишь? Подземные соки бурлят.
Это песня убитых братьев.
Несет нас она к садам расцветающей жизни.

Уроды бесстыдные с дорогими сигарами в пасти,
 Погрязшие по уши в оргиях,
 Посадившие равенство в железную тесную клетку,
 Вы проповедовали
 Голубую печаль, закованную в цепи страха,
 Вялую меланхолию в кандалах отрешенности от всего земного,
 Ваши больные мозги
 Неотвратно влекли вас к бездне,
 Содрогаясь от ужаса, и кошмаром вставал перед вами
 Образ арены, гудящей от поступи негров-атлетов.
 А сегодня дрожат ваши площади и города от запоздалых рыданий,
 И цепляются ваши слащавые речи за руины домов,
 И мыслители ваши дружным плаксивым хором
 Извергают стоны и жалобы
 И пытаются молнию превратить в мишуру.
 Но теперь — кто поверит теперь гипнотическим заклинаньям,
 Кто не заметит ловушек, окруживших трухлявые
 триумфальные арки,
 Кто поддастся теперь гнусавым призывам церквей, —
 Теперь, когда вольное лезвие ветра
 Режет жалкие пути,
 Когда корчатся маскарадные тени под пятой пробудившихся гор?
 Сегодня достаточно вздрогнуть нежному стеблю маиса,
 Достаточно вскрикнуть арахису над поверженным голодом
 негритянским,
 Чтобы наши шаги устремились навстречу прямому и честному
 свету.

А вашим ночам, задурманенным пропагандой смиренья,
 Вашим ночам, забрызганным воплями о благодати,
 Вашим ночам нескончаемых клятв и молитв
 Мы противопоставим
 Гимн раскованных мускулов,
 Гимн поднявшейся Африки, Африки в рубище,
 Африки, рвущей тысячелетнюю тьму.

О Т С Т У П Н И К

Мой брат с белозубой улыбкой, тающий от лицемерного
 комплимента,
 Мой брат в золотых очках,
 С глазами, заголубевшими от хозяйских речей,

Бедный мой брат в смокинге на подкладке из тонкого шелка,
С отважным писксом принимающий позы в снисходительно
любезных салонах,—

Нам жалко тебя.

Солнце родной страны оставило только тень

На твоём цивилизованном лбу,

И память о хижине бабки твоей

Заставляет краснеть твои щеки,

Посветлевшие за долгие годы покорности и унижений.

Но когда, пресытись словами, такими же звучно-пустыми,

Как барабан, что сидит на твоих плечах,

Ты пойдешь по горькой и красной африканской земле,

Тогда, в такт своим беспокойным шагам, ты будешь твердить:

«О, как я одинок, как я здесь одинок!»

ВОЗЛЕ ТЕБЯ

Возле тебя я обрел наконец свое имя,

Имя свое, погребенное солончаками времён.

Возле тебя обрел я глаза, не замутненные лихорадкой,

А смех твой, как пламя, прорвавшее мрак,

Африку мне возвратил, и вчерашние льды отступили.

Десять лет отступили, любимая,

Десять лет нелепых иллюзий и мешанины идей,

Десять лет дурманящих снов,

Десять лет... И дыханье огромного мира

Боль людскую вдохнуло в меня,

Эта боль помогла мне в сегодняшнем грохоте

Чистый голос завтрашней песни услышать,

Эта боль затопила меня необъятным приливом любви,

Возле тебя я обрел наконец память крови своей,

Обрел ожерелья беспечного смеха на груди ликующих
дней,

Дни обрел нескончаемой радости.

А Ф Р И К А

Моей матери

Африка, моя Африка,

Африка воинов гордых в древних саваннах,

Африка, о которой поет моя бабушка

На берегу далекой реки,—

Я тебя никогда не знал,
Но полнится взгляд мой кровью твоей,
Черпой прекрасной кровью, пролитой в полях,
Кровью твоего пота,
Потом твоей работы,
Работой твоею рабской,
Рабством твоих детей.
Африка, скажи мне, Африка,
Эта спина, что согнулась
Под бременем униженья,
Эта исполосованная спина,
Говорящая «да» хлысту на дорогах полудня,—
Ты ли это? Скажи!
И мне отвечает суровый голос:
«Нетерпеливый мой сын! Ты видишь юное, крепкое
дерево
Там, вдалеке,—
Ослепительно одинокое среди белых увядших цветов?
Вот она, Африка, вот твоя Африка,
И она терпеливо, упрямо растет,
И плоды ее день за днем
Наливаются терпким соком свободы».

ЧЕРНОМУ ЮНОШЕ

В пятнадцать лет
Вся жизнь полна обещаний...

В стране, где дома задевают небо,
Но ничто и никто не в силах задеть сердце,
В стране, где так любят руку на Библию класть,
Но Библия всегда остается книгой за семью печатями,
Пятнадцатилетняя жизнь — это корм для голодной реки,
Если это жизнь молодого проклятого негра.
Однажды в августе, вечером теплым,
Юноша черный совершил преступление.
Посмел — о, ужас! — воспользоваться своими глазами.
Его мечтательный взгляд скользнул по губам,
По груди, по ногам белой женщины.
Он посмотрел на белую женщину, которую только белый
Право имеет обнять в ритмах черного блюза,
А черный разве — лишь за безымянными стенами.

«За каждый проступок надо платить»,— говорили тебе
не раз.

И вот двое белых решили свершить правосудье,
Двое взрослых людей встали на чашу весов,
А на чаше другой — твоя пятнадцатилетняя жизнь,
Полная обещаний.
Эти двое вспомнили обо всех запятнанных женщинах,
О безумце слепом, который осмелился видеть,
О господстве своем, которое подгнивать начинает,—
И взлетела твоя голова
Под истерический гогот.

В виллах с кондиционированным воздухом,
Над стаканами с лимонадом,
Спокойная совесть вкушает заслуженный отдых.

РАМА КАМ

Песнь, посвященная негритянке

Мне нравится твой диковатый взгляд.
На губах твоих — привкус манго,
О Рама Кам.
Твое тело — как черный перец —
Разжигает во мне желанье,
О Рама Кам.
Ты проходишь —
Завидуют девушки
Бедер твоих горячему ритму,
О Рама Кам.
Ты танцуешь,
И тамтам, Рама Кам,
Тамтам, тугой, как победная сила мужская,
Прерывисто дышит под быстрыми пальцами
музыканта.
А если ты любишь,
О Рама Кам, уж если ты любишь,
Ты — словно черная ночь
В отблеске синих зарниц,
Рама Кам!

Ты, шагавший с трудом, как потрепанная мечта,
Как мечта, измочаленная всеми ветрами вселенной,
Скажи мне, какими кремнистыми тропами,
Какими оврагами, полными грязи, мученья, смиренья,
Какими, скажи, каравеллами, водружавшими от острова к острову
Негритянской крови знамена, вырванные из почвы Гвинеи, —
Скажи мне, какими путями-дорогами донес ты терновое рубище
До странного кладбища, где небо открылось тебе.
Я вижу в твоих глазах отраженья привалов усталости,
Вижу отсвет рассветов, возвещавших начало нового дня
На плантациях и в рудниках.
Я вижу забытого Сундияту
И непокорного Чаку, который унес на дно океана
Скровище пламенных и шелковистых легенд.
Вижу эхо военных оркестров,
Звавших к убийству,
Вижу вспоротые животы среди белых снегов.
И страх, затаившийся в провалах улиц.
О старый мой негр, жнец неизвестных земель,
Благоуханных земель, где каждый бы счастье нашел!
Что же случилось с зарей, осенившей твой лоб,
И с твоими камнями прозрачными, и с золотыми мечами?
Ты несчастен и гол,
Ты — потухший вулкан, мишень непрерывных насмешек,
Ты отдан на милость чужого богатства
И чужой ненасытной жадности.
Шутники тебе дали кличку «Белянка», —
Ах, это смешно, ах, это прелестно,
И в восторге тряслись эти жирные морды,
Ах, какое забавное слово и, право, не злое,
И вот ему, бедному, грош...
Но я-то, но я — я что сделал в то утро, тебя повстречав,
В то сырое печальное утро,
Утонувшее в пене тумана, где гнили короны, —
Что я сделал? Я витал в облаках
И сносил снисходительно
Ночные тоскливые звуки,
Недвижные раны,
Рубища в лагерях бескрайнего ужаса.
Был кровавым песок,

Или Сены — павшие ныне у подножья холмов.
Не мешайте мне думать о мертвых моих!
Вчера был День всех святых, торжественный праздник Солнца,
И никто ни на едином кладбище
Не вспомнил о мертвых — о них, отрицавших Смерть.
Мертвые! Вы, посмеившие спорить со Смертью
Повсюду — от Сины до Сены, и в моей упрямой крови,
наполняющей хрупкие вены, —
Защитите мечты мои, как вы некогда защищали ваших сынов,
тонконогих кочевников.
О мои мертвые! Оградите от гибели кровли Парижа в воскресном
тумане,
Кровли, охраняющие мертвых моих.
И пусть я спущусь со своей тревожно-спокойной башни на улицу
К братьям моим с голубыми глазами,
С жестким пожатием руки.

НОЧЬ НА БЕРЕГАХ СИНЫ

Женщина, положи мне на лоб твой благовонные руки,
мягче меха, руки твои.
Там, в вышине, качаются пальмы и под пальцами бриза ночного
Шепчутся и умолкают колыбельные песни.
Пусть нас баюкает ритм тишины.
Слушай песню ее, слушай глухое биение крови, слушай,
Как бьется пульс Африки в сонном тумане, в груди деревьев,
затерянных в бруссе.

Лик луны клонится к ложу недвижимого моря.
Зампрают раскаты далекого смеха, а рассказчики сказок
Мерпо качаются, носом клюют, словно малыш за спиной
у матери,
И тяжелеют ноги танцоров, паливается тяжестью горло певца.

Время звезд настает, Ночь в спокойном раздумье
Облокотилась на холм облаков, бедра в Млечный Путь завернув.
Крыши хижин трепещущим тронуты светом. О, какие секреты
шепчут созвездьям они?
Очаги угасают, погружаются хижинны в уютные волны
домашнего запаха.

Женщина, лампу с прозрачным маслом зажги, и пусть, словно дети, что спать улеглись, но никак не уснут, — пусть зашепчутся Предки вокруг.

Голоса прародителей слушай. Они тоже, как мы, вкусили изгнание.

Но умереть отказались, чтоб не иссякло их семя в песках.

А я — я в продымленной хижине, которую посетило отраженье благожелательных душ, прислушаюсь чутко.

Пылает моя голова на твоей горячей груди.

Пусть будет дано мне вдохнуть запах Предков моих, собрать голоса их живые и вложить их в горло свое.

Пусть мне будет дано научиться

Жить, жить до того последнего мига, когда я нырну в высокую глубь забвенья.

Ж О А Л Ь

Жоаль!

Я вспоминаю.

Я вспоминаю синьяр — красавиц в зеленой тени веранд,
И глаза их неправдоподобные, словно сиянье луны
на морском берегу.

Я вспоминаю роскошь Заката,
Из которого Кумба Н'Дофен повелел королевскую мантию
выкроить.

Я вспоминаю поминальные пиршества и запах дымящейся
крови зарезанных стад,
Песни гриотов и шум перебранок.

Я вспоминаю языческие голоса, распевающие католическую
молитву,

Процессии, пальмы, триумфальные арки.

Я вспоминаю танцы готовых к замужеству девушек,

Пляски — о, боевые пляски! — воинственных юношей, их боевые
песни,

Их устремленные в битву тела,

И женские крики — чистый голос любви: «Кор-Сига!»

Я вспоминаю, я вспоминаю...

И качается в такт голова — я устало бреду вдоль бесчисленных
дней Европы, из которых порою
Вынырнет джаз-сирота и рыдает, рыдает, рыдает.

ЧЕРНАЯ ЖЕНЩИНА

Обнаженная женщина, черная женщина!
Твой цвет — это жизнь, очертания тела — прекрасны!
Я вырос в тени твоей, твои нежные пальцы касались очей
моих;

И вот в сердце Лета и Юга, с высоты раскаленных высот
я открываю тебя — обетованную землю,
И твоя красота поражает меня орлиной молнией прямо
в сердце.

Обнаженная женщина, непостижимая женщина!
Спелый тугоналившийся плод, темный хмель черных вин, губы,
одухотворяющие мои губы;
Саванна в прозрачной дали, саванна, трепещущая
от горячих ласк Восточного ветра;
Тамтам изваянный, тамтам напряженный, рокошущий
под пальцами Победителя-воина;
Твой голос, глубокий и низкий, — это пенье возвышенной
Страсти.

Обнаженная женщина, непостижимая женщина!
Благовонное масло без единой морщинки, масло па теле атлетов
и воинов, принцев древнего Мали;
Газель на лазурных лугах, и жемчужины-звезды на ночных
небесах твоей кожи;
Игра и утеха ума; отсвет красного золота на шелковой коже
твоей,
И в тещи твоих волос светлеет моя тоска в трепетном ожидании
восходящего солнца твоих глаз.

Обнаженная женщина, черная женщина!
Я пою переходящую красоту твою, чтоб запечатлеть ее
в вечности,
Пока воля ревнивой судьбы не превратит тебя в пепел и прах,
чтоб удобрить ростки бытия.

НЕГРИТЯНСКАЯ МАСКА

Посвящается Пабло Пикассо

Маска спит, она отдыхает на простодушье песка.
Спит Кумба-Там. Зеленая пальма скрывает лихорадочный трепет
волос, медные блики бросает на выпуклость лба,
На прикрытые веки, две невесомые чаши, замурованные родники.
Полумесяцем тонким сгустилась у губ чуть заметная чернота,
отблеск женской лукавой улыбки.
Дискосы щек, изгиб подбородка, немой полнозвучный аккорд.
Маска, лик, недоступный для сустных мыслей,
Лпк бестелесный, безглазый,
Совершенство бронзовых черт в патине времен,
Лпк, не знавший румян и морщин, ни поцелуев не знавший,
ни слез,
О лицо, сотворенное богом еще до того, как забрезжила память
веков,
Лицо на заре мирозданья,—
Не раскрывай предо мной своего нежнейшего устья, не смущай
мою плоть.
Обожаю тебя, Красота, божество моего однострунного глаза!

СНЕГ НАД ПАРИЖЕМ

Сегодня, господь, в день рождения вашего, вы посетили Париж,
Потому что он мелочным стал и дурным.
Вы от скверны его пеподкупным очистили холодом,
Белой смертью.
Нынешним утром даже трубы заводов согласно поют,
Провозглашая на белых полотнищах:
«Мир для людей доброй воли!»
И сегодня, господь, вы предлагаете снег вашего Мира планете
разодранной, Европе разодранной,
Испании, горем истерзанной,
А мятежник — еврей и католик — направляет против горных
твердынь вашего Мира все свои тысячу четыреста
пушек.
Господь, я принял ваш белый холод, обжигающий злее, чем соль.
Тает сердце мое, как снег под лучами солнца.
Я забываю
Белые руки, которые стреляли из ружей и сокрушали империи,

Руки, которые бичевали рабов, вас бичевали, господь,
Белые запыленные руки, по щекам хлеставшие вас, господь,
руки, напудренные, хлеставшие меня по щекам,
Руки, которые, дрожи не ведая, вручили меня
Неависти и одиночеству,
Белые руки, валившие царственный лес, что возвышался
над Африкой, в сердце Африки,
Валившие стройных и крепких юношей племени сара,
прекрасных, как первые люди, что выпли, господь,
из ваших коричневых рук.
Эти белые руки свалили черного леса стволы, чтобы шпалы
сработать для железных дорог,
Свалили леса африканские, чтобы спасти Цивилизацию: стало
у них туговато с человеческим сырьем.

Но мне жалко, господь, свою ненависть тратить на улыбчивых
дипломатов, что сегодня скалят клыки,
А завтра начнут торговаться, скупая черное мясо.
Мое сердце растаяло, словно снег на парижских крышах,
Под солнцем кротости вашей.
Сердце мое незлобиво к врагам, моим братьям, в чьих белых
руках нет белого снега,
Сердце мое незлобиво, потому что монах пылающих щек
касаются вечером руки росы.

К МАСКАМ

Маски, о Маски.
Черные, красные, бело-черные Маски —
Четыре точки лица, откуда доносится мне дуновение Духа,
Маски, в молчанье приветствую Вас,
И не последним тебя, мой предок с обликом Льва.
Вы охраняете это священное место от брэнного женского
смеха, от гаснущих быстро улыбок.
В этом чистом воздухе вечности я вдыхаю дыханье Отцов.
Маски с лицом обнаженным, с которого спали морщины,
Это Вами, в подобие Ваше, создан мой облик, склонившийся
пред алтарем чистой бумаги.
К Вам я взываю.
Пыне, когда уходит навек Африка древних Империй, —
царица в агонии жалкой,
Когда погибает Европа — а мы связаны с ней пуповиной, —

Опустите взгляд неподвижный на Ваших детей, подвластных
жестоким приказам,
На Ваших детей, отдающих жизни свои, как нищий —
последнее рубище.
Пусть мы ответим: «Здесь!» — когда нас призовет Возрождение
мира.
Пусть мы станем дрожжами, — без них не взойти былому тесту,
Ибо кто внесет оживляющий ритм в этот мертвенный мир
машин и орудий,
Кто издаст ликующий возглас, пробуждая сирот и погибших
к новой заре,
И вернет память о жизни тем, в ком штыками пронзили
надежду?
Нас называют они людьми хлопка, масла и кофе,
Нас называют они людьми безропотной смерти.
Мы же — люди радостной пляски, чьи поги обретают мощь,
ударяя о твердую землю.

ПУСТЬ МНЕ ВТОРЯТ КОРЫ И БАЛАФОНГИ
(Из поэмы)

ТРЕТЬЯ ОДА

«Повелитель», — мне так сказала она!
Выбрать я должен... И, четвертованный сладостно
между ладонями дружелюбными,
«Сокейна, ты меня поцелуй!» — между двумя мпрами
враждебными,
Четвертованный горестно — ах, я уже не знаю и сам, кто из них
родная моя сестра, кто молочная,
Ведь обе они убаюкивали ночи мои своей удивительной
нежностью, своими руками сплетенными, —
Четвертованный горестно: «Поцелуй меня ты, Изабелла!» —
Как я хотел в своей жаркой руке снова их слить!

Но если в час испытания предстопт мне свершить свой выбор,
Я свершил его.
Я выбрал псалмы наших рек, ветров и лесов,
Ассонансы долин, ритмы гудящей крови и тела, с которого
содрана кожа,
Я выбрал трепетный гул балафонов, струение струн и медленной
меди биенье,

Я выбрал качанье суинга, да, суинга, суинга!
И приглушенную песню трубы, эту жалобу дальней туманности,
кочующей где-то в ночи,
Этот голос, зовущий на Страшный суд, эту вспышку фанфар
над полями Европы, где под снегом лежат миллионы
убитых.
Я выбрал мой черный народ, чей вековечный удел — работа
до сотого пота, выбрал крестьянский народ мой,
выбрал крестьянскую расу всех континентов.
«И братья твои от тебя отвернулись, и тебя осудили,
мой черный народ, землю пахать во веки веков...»
Народ мой, я выбрал тебя, чтобы стать твоею трубою!

*Шато-Гонтье,
октябрь — декабрь 1939 г.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

(Из поэмы)

*Жаку Магилену Сенгору,
моему племяннику*

I

И опять мое сердце на каменной лестнице, у высоких почетных
дверей;
И содрогается пепел, еще не успевший остыть,— прах человека
с глазами, метавшими молнии... О, мой отец!
Мой голод пропитан пылью шестнадцатилетних скитаний,
и тревогою всех дорог Европы,
И гулом больших городов, и прибором тысяч страстей, бьющих
в стены кварталов и не умолкающих в моей голове.
Но сердце мое по-прежнему чисто, как в марте Восточный
ветер.

III

Пуст и просторен двор, пропитанный запахом тлена!
Двор дрожит в пустоте, как равнина в пору сухого сезона.
Где же дерево, какой ураган-дровосек смог свалить этот ствол
вековой?

А когда-то целый народ кормился живительной тенью, лежавшей
на круглой террасе.
Кормился весь дом, конюхи, слуги, ремесленники и пастухи,
И стены красной террасы в великие дни огня и крови охраняли
ревущее море скота.
Пуст и просторен двор... Или, быть может, это руппы квартала,
пораженного пламенем четырехмоторных орлов
И хищными прыжками фугасных львов?

IV

И опять мое сердце на ступенях высокого дома.
Я припадаю к вашим стопам, в пыли моего уваженья,
К вашим стопам, мои бессмертные предки; ваши маски
здесь, в этом зале, смеются с презреньем в лицо
бездушному Времени.
Верная служанка моего детства, омой мои ноги, покрытые
грязью Цивилизации,
И пусть по циновкам молчанья белые подошвы пройдут.
Мир, мои предки, мир и еще раз мир нисходит к блудному
сыну.

VI

Слон Мбиссея, пусть твоими ушами, невидимыми для глаз,
слушают предки меня, мою почтительную молитву.
Благословенны будьте, мои отцы, будьте благословенны!
Купцы и банкиры, властители золота и предместий, где лесом
вздыхаются трубы, —
Они благородство свое купили за деньги, и черной была
белая кость их матерей, —
Купцы и банкиры вычеркнули меня из Нации.
На гордом моем гербе они написали: «Наемник». Хотя они знали:
я не требую платы,
Разве только десять грошей, чтоб укачать свои грезы в табачном
дыму и смыть глотком молока синюю горечь.
Я снова посеял зерно своей верности на полях пораженья —
в тот час, когда бог обрушил на Францию свинцовый
кулак.
Благословенны будьте, мои отцы, будьте благословенны!

Вы разрешили, чтоб ваших детей терзали насмешки, презренье,
вежливые плевки, скромненькие намеки,
Запреты и сегрегации.
Вы оборвали нити, которыми было связано сердце мое с сердцем
целого мира.
Будьте благословенны за то, что не позволили ненависти занести
песком мое человеечье сердце.
Знаете вы: я связал себя узами дружбы с изгнанными князьями
духа, князьями прекрасной формы,
Знаете вы: я вкусил от скудного хлеба, имя которому — голод,
терзающий великую армию рабочих и безработных.
Знаете вы: я мечтал о солнечном мире, где мы побратаемся
с синеглазыми нашими братьями.

VIII

Слон Мбиссея, слушай мою почтительную молитву.
Вдохни в меня пламя знаний великих ученых Томбукту,
Дай мне волю, какой обладал Великий Али, рожденный от
ярости Льва, — эту волю, что рвется приливом на штурм
континента.
Вложи в меня мудрость Кейтов.
Дай мне храбрость Гельваров, крепость гибкого стана
мятежных борцов.
Дай мне умереть в битве за свой народ, и если должно так
случиться, пусть я вдохну перед смертью запах
порохового дыма.
Сохрани и укрепи в моем освобожденном сердце извечную
любовь к моему народу.
Сделай меня Повелителем Слова. Или нет! Другое прошу: дай
мне стать полномочным послом народа.

IX

Благословенны будьте, мои отцы, благословляющие блудного
сына!
Я снова хочу увидеть женскую половину дома, там, направо,
где я когда-то играл с голубями и с моими братьями,
сыновьями Дьогуйе-Льва.
О! снова заснуть в прохладной постели детства!

О! Снова мой сон берегут эти добрые черные руки!
И снова белеет улыбка на черном лице моей матери.
Завтра опять я пойду по дорогам Европы,
Посол, тоскующий о покинутой Черной стране.

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«ЧЕРНЫЕ ЖЕРТВЫ» (1948 г.)

ЗАГЛАВНАЯ ПЕСНЬ

Сенегальские стрелки, мои черные братья с ладонями,
сохранившими жар во льду и в смерти,
Кто прославит вас, если не брат по оружию, не брат ваш
по крови?

Я лишаю слова министров и генералов,
Нет! Не позволю с презрительным одобрением зарыть вас
в безымянной могиле.
Вы — не просящие подаяния, не лишённые чести.
Я сдеру со стен Франции рекламную вашу улыбку!

Потому что другие поэты воспевали неживые цветы
монпарнасских ночей,
Воспевали неподвижность шаланд в сером шелке широких
каналов,
Воспевали изысканную безнадежность чахоточных
стихотворцев.
Сны бродят под ажурным пролетом белых мостов,
Потому что другие поэты воспевали героев, — ваш смех был
для них несерьезен, а черная кожа далека от канонов.

Нет! Не говорите, что Францию я не люблю — пусть сам я не
Франция, я знаю, что значит Франция, —
Знаю, пламенный ее народ, каждый раз, когда руки его
становились свободны,
Писал слово «Братство» на пьедесталах своих монументов
И одарял жаждой разума и жаждой свободы
Все народы земли, всех гостей на всеобщем, торжественном
празднестве.

Так разве все это мне чуждо? Но зачем тогда бомба в саду,
что возделан так бережно среди зарослей бруссы?
Зачем тогда бомба, упавшая в дом, что построен так тщательно
камень за камнем?

Прости меня, Сира Бадраль, прости южную звезду моей крови!
Прости своего потомка за то, что сменил он копые
на шестнадцать звуков соронга!
Наша новая доблесть не в том, чтобы властвовать, а в том, чтобы
стать ритмом и сердцем народа,
Не в том, чтобы лелеять землю, а в том, чтобы в ней умереть,
а потом прорасти, словно зернышко проса,
Быть не главою народа, но устами его и трубой.

Кто прославит вас, если не брат по оружию, не брат ваш
по крови,
Сенегальские стрелки, мои черные братья с жаркими ладонями,
распростертые подо льдом и смертью?

*Париж,
апрель 1940 г.*

СЕНЕГАЛЬСКИМ СТРЕЛКАМ, ПОГИБШИМ ЗА ФРАНЦИЮ

Вот оно, солнце.
Под его лучами наполняется нежностью девичья грудь,
Улыбаются старики на зеленых скамейках
И готовы проснуться в материнской земле мертвецы.

Слышу гул канонады... Может быть, это снова пушки Ируна?
Люди несут на могилы цветы, зажигают вечный огонь —
пусть прогреется Неизвестный Солдат..
Мои чернокожие братья, разве кто-нибудь вспомнил о вас?
Полмиллиона ваших детей обрекли на закланье во славу
войны, и авансом льется елей похвал на будущих
мертвецов.

Die schwarze Schande! ¹

Слушайте меня, сенегальские стрелки, в одиночестве
смерти и черной земли,
В одиночестве вашем без глаз и ушей, в одиночестве кожи моей
черней,

---

¹ Черный позор! (нем.)

В ночи, не согретой даже теплом товарищей ваших, с вами
бок о бок лежащих, как прежде лежали они бок о бок
в окнах, как прежде сидели рядом на деревенских
сходках, —

Слушайте меня, стрелки с черной кожей, слушайте, хоть и нет
у вас глаз и ушей, лишь тройная ограда мрака.

Здесь не будет ни плакальщиц, ни даже слез ваших вдов.

Вдовам помнятся только приступы вашего гнева, вдовам
правятся только ласки живых.

Вопли плакальщиц слишком светлы.

Слишком быстро высохли слезы на щеках ваших жен —
так в жару высыхают потоки, бегущие с Фута-Джаллона.

Даже самые горькие слезы слишком светлы и вышиты слишком
поспешно уголками забывчивых губ.

Мы вам приносим... Слушайте нас — нас, по складам
повторявших имена ваши в долгие месяцы, когда вы
умирали...

Мы вам приносим, в эти дни безмерного страха, мы приносим
вам дружбу... Мы — ровесники ваши...

О, если б сумел я воспеть голосом, докрасна раскаленным,
Дружбу, словно чрево, жаркую, крепкую, как сухожилье!

Слушайте нас, мертвецы, в болотах среди бесконечных равнин
Севера и Востока.

Примите горсть этой красной земли, пропитанной кровью
ваших белых братьев,

Примите привет от ваших черных товарищей,
Сенегальские стрелки, павшие за республику!

Тур,
1938

ЛЮКСЕМБУРГСКИЙ САД. 1939

Люксембургский сад в это утро, Люксембургский сад в эту
осень, — прохожу его, словно юность свою прохожу,
Ни влюбленных, ни лодок в прудах, ни цветов, ни фонтанов.
Где цветы Сентября, где веселые детские крики, отрицавшие
близость зимы?

Только два смешных старичка копошатся на теннисном корте.
В это осеннее утро не видно детей: детский театр закрыт!

Люксембургский сад, в нем найти не могу моей юности,
свежей, как зелень лужаек.
Неужели и вправду разбиты мечты, неужели друзья,
побежденные, пали?
Пали, как падают листья в саду, растоптаны, ранены пасмерть,
истекая последнею кровью,
Чтоб улечься в братской могиле?..

Люксембургский сад, я узнать его не могу — стоят часовые,
Пушки свозят сюда, чтобы прикрыть трусливое бегство властей,
Роят окопы у старой скамейки, где я познал нежность впервые
раскрывшихся губ.

Узнаю эту надпись — да, опасная юность!
Я смотрю, как падают листья в укрытия, в окопы, в траншеи,
Где струится кровь моего поколения.
Европа хоронит тех, кто стал бы дрожжами для наций, кто
стал бы надеждой новых народов.

ГЕЛОВАРУ

Геловар!
Мы слушали тебя, мы внимали тебе слухом сердца.
Вспыхнул светозарный твой голос в ночи нашей неволи,
Как глас Повелителя бруссы, и трепет пробежал по позвонкам
наших скрюченных спин!
Мы — птенцы, выпавшие из гнезда, лишённые надежды,
ослабевшие телом,
Звери с выдранными когтями, обезоруженные солдаты, голые
люди.
Вот мы, одеревенелые, неуклюжие, как слепые без поводыря.

Самые честные умерли: они не сумели протолкнуть себе
в горло корку позора.
А мы в тенетах, и мы беззащитны перед варварством
цивилизованных.
Нас истребляют, как редкую дичь. Слава танкам и самолетам!
Мы искали опоры, но она осыпалась, как песчаные дюны,
Искали командиров, их не было, однополчак — они уже не желали
нас знать.
И мы уже не узнавали Францию.
Мы в ночи взывали о бедствии. Но молчанье нам было ответом.

Князя церкви замолкли, Правители провозгласили великодушье
гиен:

«Разве дело в неграх?! Разве дело в людях?! Пустяки! Когда дело
идет о Европе!»

Геловар!

Твой голос вещает о чести, о борьбе и надежде, ее крылья
трепещут в нашей груди.

Твой голос обещает нам Республику, где мы воздвигнем Город
в свете синего дня,

Среди равных народов-братьев! И мы отвечаем: «Мы здесь,
Геловар!»

*Лагерь военнопленных,
Амьен, 1940*

ЛАГЕРЬ. 1940

Священная роща любви снесена ураганом,

Сломаны ветки сирени, увяли запахи ландышей,—

И бежали невесты на Острова, открытые ветрам, на южные
Реки,

Горестный вопль прошелся по влажному краю виноградников
и песнопений,—

От Восхода к Закату, как по сердцу клинок молнии.

Вот огромный поселок из глины и веток, поселок, распятый
чумными канавами.

Голод и ненависть здесь набухают в оцепененье смертельного
лета.

Это огромный поселок, намертво схваченный колючим
ошейником.

Огромный поселок под прицелами четырех настороженных
пулеметов.

И благородные воины клянчат окурки,

И ссорятся с псами из-за объедков, и ссорятся во сне из-за собак
и кошек.

Но все же только они сохранили простодушие смеха и свободу
пламенных душ.

Опускается вечер, словно кровавые слезы, освобождая ночь.

И не спят эти большие розовые младенцы, охраняя больших
русых детей, больших белых детей,

Что не находят покоя во сне, ибо грызут их вши плена и блохи
заботы.
Их баюкают сказки ночного бдения, и печальные голоса
сливаются с тропами тишины,
Их баюкают колыбельные песни, колыбельные без тамтамов,
без ритмичного всплеска черных ладоней:
«Это будет завтра, в полуполуденный час — виденье подвигов
И скачка солнца в белых саваннах по бесконечным пескам».
А ветра как гитары в деревьях, и колючая проволока звучнее, чем
струны на арфе,
И прислушиваются кровли, и склоняются звезды, улыбаясь
бессонными очами, —
Там, вверху, там, вверху, сияют их черно-синие лица!..
И нежнеет воздух в поселке из глины и веток,
И земля становится живой, как часовые, и дороги зовут их
к свободе.
Они не уйдут! Не отступятся ни от каторжного труда, ни от
радостного долга.
Кто же примет на себя позорный труд, если не тот, кто рожден
благородным?
Кто же будет плясать в воскресенье под тамтамы солдатских
котлов?
И разве они не свободны свободой судьбы?

Священная роща любви снесена ураганом,
Сломаны ветки сирени, увяли запахи ландышей, —
И бежали невесты на Острова, открытые ветрам, на южные
Реки.

Фронтной концлагерь 230

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

Распластались они по дорогам неволи, по дорогам разгрома,
Стройные тополи, статуи черных богов в золотых
торжественных мантиях,
Сенегальские пленники — как угрюмые тени на французской
земле.

Напрасно скосили ваш смех — этот черный цветок, чернейший
цветок вашей плоти,
Цветок первозданной красоты среди голого отсутствия цветов,

Горделиво смеющийся черный цветок, самоцвет
незапамятной древности!

Вы — первичная плазма и тина зеленой весны мироздания,
Плоть первозданной четы, плодоносное чрево,
Вы — священное изобилие светлых райских садов
И неукротимый лес, победитель молнии и огня.

Необъятная песнь вашей крови победит машины и пушки,
Ваше трепетное слово одолеет софизмы и ложь,
Нету ненависти — ваши души свободны от ненависти, нет
вероломства — ваши души лишены вероломства.
О черные мученики, бессмертное племя, позвольте, я скажу
за вас слово прощения.

Фронтовой концлагерь 230

РАССТРЕЛ В ТИАРУА

Черные узники, вернее, французские узники! Значит, правда,
что Франция — больше не Франция?

Значит, правда, что враг украл ее душу?

Правда то, что злоба банкиров купила ее стальные руки?

И разве ваша кровь не омыла нацию, позабывшую о прежнем
своем назначении?

Разве кровь ваша не смешалась с искупительной кровью
героев Франции?

И разве ваши похороны не станут погребением святой
Девы-Надежды?

Кровь, кровь, о черная кровь моих братьев! Ты пятнаешь
белизну моих простынь,

Ты — пот, омывший мою тоску, ты — страданье, от которого
хрипнет мой голос.

О, услышьте ослепший мой голос, глухонемые гении ночи!

Кровавым ливнем падает саранча! И сердце мое взывает
к лазури и к милосердию!

Нет, вы не напрасно погибли, о Мертвые! Ваша кровь не была
тепловатой водицей.

Она орошает глубинные корни нашей надежды, что еще
расцветет в этом сумраке.

Она наш голод и жажда чести — великие наши властители.

Нет, вы не напрасно погибли. Вы — свидетельство бессмертия
Африки.

Вы — залог грядущего мира.

Спите, Мертвые! Пусть вас баюкает мой голос, голос гнева, голос,
который лелеет надежду!

*Париж,
декабрь 1944 г.*

СТИХИ ИЗ КНИГИ
«ОБРАЗЫ ЭФИОПИИ» (1956 г.)

КАЙЯ - МАГАН

Я — Кайя-Маган! Я первейший из первых,
Я царь ночи черной, ночи серебристой, царь ночи прозрачной.
Пасите газелей моих в лугах, безопасных от львов, вдали
от чарующей власти моего голоса.

Восхищением украшены эти долины молчания!

Здесь вы, мои повседневные звезды и цветы, здесь вы, чтобы
разделить радость моего пиршества.

Так кормитесь от моего изобильного лона, — мне не надо
кормиться, ибо сам я — источник радости.

Кормитесь молочной травой, что сияет на моей мощной груди!

Пусть возжигают каждый вечер двенадцать тысяч звезд
на Главной Площади,

Пусть греют двенадцать тысяч плошек, украшенных морскими
змеями, для моих верноподданных, для оленят моего
стада, для чад моих и для домочадцев,

Для геловаров девяти крепостей и деревень, затерянных
в бруссе,

Для всех, кто вошел через четыре изукрашенные арки —
Торжественным шествием моих покорных народов (их следы
затерялись в сыпучих песках Истории),

Для белых из северных стран, для черных с лазурного юга,
Для краснокожих с далекого запада и для кочевников с великих
рек.

Так кормитесь соком моим, и растите, дети силы моей,
и живите, познавая всю глубину бытия, —

Мир тем, кто уходит! Дышите дыханьем моим.

Говорю вам: я Кайя-Маган — Царь луны, я объединил
день с ночью,
Я Князь Севера и Юга, Князь восходящего солнца и заходящего
солнца
И долины, где бьются самцы из-за самок. Я — горнило, где
плавятся драгоценные руды
И исторгается оттуда красное золото и красный-красный человек,
моя чистая и нежная любовь,
Я Царь Золота, в ком соединилось великолепие полудня и неги
женственной ночи.
Птичьи стаи, слетайтесь на мой выпуклый лоб под змеевидными
волосами
И вкусите не от пищи, а вкусите от мудрости того,
Кто познал тайные знаки в своей прозрачной башне.
Пасите оленят моего стада под царским жезлом моим, под моим
полумесцем.
Я Буйвол, что смеется над Львом и над ружьями его,
что набиты зарядами по самую глотку, —
Пусть остерегается Лев за своей неприступной оградой.
Мое царство есть царство изгнанников Цезаря, великих изгоев
разума или чувства.
Мое царство есть царство Любви, — я слабею
Пред тобой, чужеземная женщина, с глазами, как светлая
просека, с губами, как румяное яблоко, возделывающая
и трепещущая, как неопалимая купина.
Ибо я — две створки ворот, двойной ритм пространства и третье
время.
Ибо я — ритм тамтама, сила грядущей Африки.
Спите, оленята моего стада, под моим полумесцем.

НЬЮ-ЙОРК

(Для джаз-оркестра и соло на трубе)

I

Нью-Йорк! Сначала меня смутила твоя красота, твои
золотистые длинноногие девушки.
Сначала я так оробел при виде твоей ледяной улыбки
и металлически-синих зрачков,
Я так оробел. А на дне твоих улиц-ущелий, у подножия
небоскребов,

Подслеповато, словно сова в час затмения солнца, моргала глухая
тревога,
И был, точно сера, удушлив твой свет, и мертвенно-бледные
длинные пальцы лучей смыкались на горле у неба,
И небоскребы зловеще грозили циклонам, самодовольно играя
своими бетонными мышцами и каменной кожей.
Две недели на голых асфальтах Манхэттена —
А к началу третьей недели на вас прыжком ягуара налетает
тоска, —
Две недели ни колодца, ни свежей травы, и птицы откуда-то
сверху
Падают замертво под серый пепел террас.
Ни детского смеха, ни детской ручонки в моей прохладной
ладони,
Ни материнской груди, только царство нейлоновых ног, только
стерильные ноги и груди.
Ни единого нежного слова, только стук механизмов в груди —
Стук фальшивых сердец, оплаченных звонкой монетой.
Ни книги, где бы слышалась мудрость. Палитра художника
расцветает кристаллом холодных кораллов.
И бессонные ночи... О ночи Манхэттена, заселенные бредом
болотных огней, воем клаксонов в пустоте неподвижных
часов.
А мутные воды панелей несут привычную тяжесть гигиеничной
любви, —
Так река в половодье уносит детские трупы.

II

Пробил твой час, о Нью-Йорк, — час последних расчетов.
Пробил твой час! Но ты еще можешь спастись,
Только раскрой свои уши навстречу тромбонам бога, только
нужь новым ритмом стучит твое сердце — ритмом
горячей крови, твоей крови!
Я видел Гарлем, гудевший ульем торжественных красок, рдевший
огнем ароматов, —
То был час чаешитий в американских аптеках, —
Я видел, как Гарлем готовился к празднику Ночи, и призрачный
день отступал.
День отступал перед Ночью, ибо Ночь правдивее дня.
Я видел Гарлем в тот час, когда сквозь кору мостовых господь
прорастать заставляет перевозданную жизнь —

Все элементы стихий земноводных, сверкающих тысячью
 солнц.
 Гарлем, Гарлем, вот что я видел!
 Гарлем, Гарлем, я видел: зеленые волны хлебов плеснули
 из-под асфальта, что вспахан босыми ногами пляшущих
 негров.
 Бедро, волны шелков, груди как наконечники копий, пляска
 цветов, пляска сказочных масок,
 У самых копыт полицейских коней — круглые манго любви.
 Я видел: вдоль тротуаров струились потоки белого рома,
 и черное молоко бежало ручьями в синем тумане
 сигар.
 Я видел: вечером с неба падал хлопковый снег, видел
 ангелов крылья и перья в волосах колдунов.
 Слушай, Нью-Йорк! Слушай Гарлема голос —
 это твой собственный голос рыдает в гулком горле гобоя,
 это тревога твоя, сдавленная слезами, падает крупными
 сгустками крови.
 Слушай, Нью-Йорк, это вдали бьется сердце твое ночное в ритме
 и крови тамтама, тамтама и крови,
 тамтама и крови.

III

Слушай меня, Нью-Йорк! Пусть Гарлема черная кровь вольется
 в жилы твои,
 Пусть она маслом жизни омоет, очистит от ржавчины
 твои стальные суставы,
 Пусть вернет твоим старым мостам крутизну молодого бедра
 и гибкость лианы.
 Я вижу: возвращаются незапамятные времена, обретенное
 братство, примирение Древа, Льва и Быка.
 Грядут времена — и слово сливается с делом, сердце с разумом,
 буква со смыслом.
 Я вижу: реки твои заполнены плеском кайманов и ламантинов
 с глазами-миражами. И не нужно выдумывать новых
 Сирен.
 Только раскрой глаза — и увидишь апрельскую радугу,
 Только уши раскрой — и услышишь господа бога, который
 под смех саксофона создал небо и землю в шесть дней,
 А на седьмой — потянулся, зевнул и заснул крепким сном усталого
 негра.

ЧАКА

(ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОЭМА ДЛЯ НЕСКОЛЬКИХ ГОЛОСОВ)

*Погибшим банту
Южной Африки*

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Под звуки траурного тамтама.

Белый голос

Здесь ты, Чака, подобный пантере, подобный зловонной гиене,
Здесь, на земле распятый тремя ассагаями, ты, завещанный
небытию.

Вот хождение твое по страстям. Пусть кровавые реки, что тебя
омывали, послужат тебе искупленьем.

Чака

(лицо его спокойно)

Да, я здесь, и два брата со мной, два разбойника, два проходимца,
Два глупца. Ха! Я здесь, но я не гиена, я Лев Эфиопии
с поднятою головой.

Я вернулся сюда! Я в стране лучезарного детства!
Здесь должно завершиться хождение мое.

Белый голос

Чака, зябко дрожишь ты в пределах крайнего Юга, а гневное
солнце хохочет в зените.

Для тебя — о черная тень среди белого дня — замолкли гобои
воркующих горлиц.

Один лишь мой голос, светлый клинок, пронзает твоих семь сердец.

Чака

Белый голос, голос заморских краев! Огонь очей моих изнутри
освещает алмазную ночь.

Мне не нужно сияния лживого дня. Грудь моя, словно щит,
принимает удары упреков.

Предрасветные росы на ветвях тамаринда предвещают явление
светила на прозрачных моих небесах.

Я слушаю полуденное воркованье Ноливы и, ликуя, содрогаюсь
до мозга костей!

Белый голос

Ха-ха-ха! Чака, смеешь ли ты говорить о Ноливе, о твоей
нежно-прекрасной невесте,

Чье сердце как масло, чьи глаза — лепестки остролистных
кувшинок, чья речь — пенье ручья?
Ты убил ее, нежно-прекрасную, и с нею убил свою совесть.

Ч а к а

Э! Зачем говоришь ты про совесть!..
Да, я ее убил, когда она пребывала в лазурном краю сновидений.
Да, убил бестрепетной дланью.
Только вспыхнула узкая сталь в благоуханных зарослях
подплечья.

Белый голос

Ага! Ты признался, о Чака! Так признайся тогда, что ради тебя
погибли миллионы мужей и тысячи молочных младенцев
и беременных жен.

Ты, великий кормилец гнен и стервятников, песнопевец
Загробных долин.

Там, где ждали вонителя, объявился мясник.

И овраги разбухли от крови, и сочатся источники кровью,
Одичалые псы воют в мертвых долинах, и в поднебесье кружат
коршуны смерти.

О Чака, Зулус, ты страшней, чем чума или жадный пожар
сухолесья.

Ч а к а

Да, гогочущий птичник! Да, голодная стая просянок!

Да! Сотни блестящих полков, в шелковистых мохнатых зачесах,
лоснящихся маслом, подобно надраенной меди.

Я секиру занес в этом мертвом лесу, я поджег бесплодные заросли,
Словно мудрый хозяин. Этот пепел удобрил осеннюю вспашку
земли.

Белый голос

Как? Ни слова раскаянья...

Ч а к а

Сожалеют о зле.

Белый голос

Величайшее зло — похитить сладость дыхания.

Ч а к а

Величайшее зло — это слабость людского нутра.

Белый голос

Слабость сердца прощительна...

Чака

Слабость сердца священна...

А! Ты думаешь, я ее не любил,

Золотистую деву, легче перышка, благоуханней бальзама,

С бедрами испуганной выдры, с кожей, прохладной, как снега

Килиманджаро,

Грудь — поле созревшего риса, холмы благовонных акаций
под ветром Восточным,

Нолива, чьи руки как гибкие змеи и губы как малые змейки,

Нолива, чьи очи — созвездья, при ней не надо луны и не надо
тамтама,—

Во мне ее голос и пульс лихорадочной ночи!..

Ты думаешь, я не любил!

Да! Но эти бессчетные годы, это четвертованье на плахе годов
и ошейник, который душил мою волю.

Эта долгая ночь без сна... Я блуждал, как Замбезская

кобылица, я скакал и брыкался, натываясь на звезды,

я терзался неведомой болью, словно леопард мне впился
зубами в загривок.

Я б ее не убил, если б меньше любил...

Нужно было бежать от сомненья,

Забыть опьяненье от сладкого млека пылающих уст, от безумных
тамтамов, от ночного бненья крови,

От нутра, где кипит раскаленная лава, от урановых колеи моего
сердца,

От страсти к Ноливе —

Во имя моего черного Народа,

Во имя моей негритянской сути...

Белый голос

Честное слово, Чака, ты просто поэт... или краснобай... или даже
политик!

Чака

Гонцы доложили:

«Они высадились на берегу, взяв отвесы, компасы, секстанты.

Белокожие и светлоглазые, слишком грубая речь, слишком
тонкие губы,

Гром они привезли на своих кораблях!..»

И тогда я превратился в рассудок и в твердую руку, я стоял —
ни палач, ни солдат —

Да, политик, как ты говоришь, а поэта убил я в себе,— я стоял человеком, готовым на подвиг.

Да, я был одинок и был уже мертв, прежде всех, прежде тех, о ком ты теперь сожалеешь.

Кто познает великие страсти мои?

Белый голос

Ты же умен, но откуда такая забывчивость?

Так вслушайся, Чака, и вспомни!

Голос знахаря Исанусеи

(в отдаленье)

Думай, Чака, я тебя не хочу принуждать — я всего только знахарь, я только подручный.

Власть не дается без жертвы, полная власть — она требует крови тех, кто нам дорог.

Голос

(похожий на голос Чаки, в отдаленье)

Нужно все принять и решиться на смерть...

Завтра кровь моя оросит твои зелья, как молоко орошает кускус.

Прочь с глаз моих, знахарь! Каждый смертник имеет право на минуту забвенья!

Чака

(очнулся)

Нет, нет, Белый голос, ты знаешь прекрасно...

Белый голос

Что цель твоя — власть...

Чака

Только средство...

Белый голос

Упоенье!

Чака

Скорбный путь.

Я увидел мой край — на четыре стороны света, под властью компаса, секстанта, отвеса,

Где загублены рощи, сглажены горы, где в железо закованы реки и доли.

Я увидел мой край, на четыре стороны света, весь в сплетенье стальных двухколейных путей.

Я увидел народы крайнего Юга муравейником, копошащимся
в молчаливом труде.

Труд священный уже не высокое действо — ни тамтам,
ни ритмичное пенье, ни танец на празднествах весен
и осеней.

Люди дальнего Юга — на верфи, в порту, в мастерской и на шахте.
А ночами упрятаны в тесный крааль нищеты.

Люди Юга воздвигли огромные горы из черного золота, из красного
золата — а сами они голодают.

И я увидел однажды возникающий в дыме зари лес мохнатых
голов, и молящие очи, и запавшие животы,
и бесчисленные уста, призывающие непостижимого бога.
Мог ли я оставаться глухим к их страданиям и к их унижениям?

Белый голос

Голос твой раскалился от ненависти...

Ч а к а

Ненавижу одно угнетенье...

Белый голос

Раскалился от ненависти, превращающей в пепел сердца.
Слабость сердца священна, умерь свои буйные вихри!

Ч а к а

Любить свой народ — не значит ненавидеть других.

Нет, не может быть мира, когда наготове оружие, и не может
быть мира под гнетом,

И не может быть братства без равенства. Я ж хотел, чтобы все
были братья.

Белый голос

Юг ты поднял на Белых...

Ч а к а

Ах! Вот ты о чем, Белый голос, голос пристрастья, усыпляющий
голос,

Голос силы, восставшей на слабость, совесть заморской корысти.
Разве я ненавидел Розовоухих? Мы их приняли, словно
посланцев богов,

Словом ласки, и яством, и сладким питьем.

Им хотелось товаров — мы дали им все: и бивни медового цвета,
и кожи, пестрее, чем радуги,

Драгоценные пряности, дивные камни, обезьян, попугаев,— что
надо еще?

Что сказать об их ржавых дарах, о пустых побрякушках?
Только громом их пушек был разбужен мой разум,
И стало страданье моим уделом — страданье духа и сердца.

Белый голос

Смирненные души страдают во имя спасенья...

Ч а к а

Я принял страданье...

Белый голос

Сокрушенной душой...

Ч а к а

Во имя любви к моим черным народам.

Белый голос

Во имя Ноливы и тех, что погибли в Смертной долине?

Ч а к а

Во имя возлюбленной. К чему повторять то, что уж сказано!
Каждая смерть убивала меня. Надо было готовить грядущую
жатву.

Тесать жернова для помола, для белой муки, добываемой черною
мукой.

Белый голос

Да простится тому, кто много скорбел и страдал...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Тамтамы любви, стремительно.

Ч а к а

*(мгновение глаза его закрыты; он поднимает веки и устремляет
долгий взор к Востоку, лицо его строго и вдохновенно)*

Вот и Ночь! Эта нежно-прекрасная Ночь с золотой, как монета,
луной.

Слышу утреннее воркованье Ноливы, оно катится, словно алое
яблоко по душистой траве.

Хор

Он нас покидает! О, как черна его кожа!
Это час одиночества.
Восхвалим Зулуса, пускай укрепит его звук песнопений.
Байете Баба! Байете о Зулу!..¹

Корифей

Он весь излучает сиянье! Вот минута перевоплощенья!
Песнь созрела в садах лучезарного детства, и пришел час любви.

Чака

О возлюбленная, я так долго томился по этому часу.
Так долго стремился и ждал нескончаемой ночи любви и так
бесконечно страдал.
Как труженик в полдень, обнимаю прохладную землю.

Корифей

Вот время ожившей любви, пришедшее в миг расставанья,
Здесь Чака, один! Он полон страстей и желаний,
И счастье теснит его грудь наподобье тоски.

Хор

Байете Баба! Байете о Байете!

Чака

Я не песнь, не стремительный голос тамтама,
Я еще и не ритм. Я стою неподвижен, как изваянье бауле,
Я еще и не песнь, что пробилась из звучных глубин,
Я не тот, кто творит эту песнь, я лишь тот, кто ей помогает.
Я не мать, я отец, я баюкаю, и ласкаю, и держу на руках, и тихие
речи твержу.

Корифей

О Чака, Зулус! Ты больше не пламенный Лев, чей взор пепелил
отдаленные села.

Хор

Байете Баба! Байете о Байете!

Корифей

Ты больше не Слон, что топчет посевы батата, сокрушая гордые
пальмы.

---

¹ Зулусский приветственный клич в честь вождя.

Хор

Байте Баба! Байте о Байте!

Корифей

Ты больше не Буйвол, что яростней Льва и Слона,
Не Буйвол, ломавший щиты храбрецов...
Твоим ли устам твердить слова поражения и страха пред смертью?

Хор

Байте Баба! Байте о Байте!

Чака

О возлюбленная, я так долго томился по этому часу,
Так долго блуждал по степям моей юности и пребывал в убежище
мудрых,
А другим доставались звучные флейты и вся сладость
мычанья.

Хор

О Зулус! Ты, прошедший суровый обряд посвящения, ты,
украшенный воинской татуировкой.

Чака

Я долго вещал в бесплодной пустыне,
Я долго сражался в смертельном моем одиночестве,
Я боролся с призывом. Таков был мой искус, и таков
очистительный подвиг поэта.

Корифей

О Зулус, ты вырастил сильными нас, ты — источник, который
снабдил нас живою водой,
Ты С Рожденья Отмеченный Мощью, возложивший па черные
плечи свои судьбу чернокожих народов.

Хор

Байте Баба! Байте о Зулу!

Корифей

Ты — воитель. Ниспадают завесы, и отважные воины смотрят, как
ты умираешь,
И от этого горького хмеля трепещут тела.

Хор

Байте Баба! Байте о Зулу!

К о р и ф е й

Ты — гибкий танцор, порождающий звуки тамтама соразмерным движением тела и рук.

Х о р

Байете Баба! Байете о Зулу!

К о р и ф е й

Я пою твою мощь, детородную щедрую силу.
О, возлюбленный Ночи, чьи длинные волосы словно падучие звезды, творец животворного слова,
Песнопевец страны лучезарного детства.

Х о р

Пусть Правитель умрет и останется только Певец!

Ч а к а

Пусть ритмы тамтама наполнят этот час невыразимого счастья,
воспой эту Ночь и Ноливу.
Ты же, Хор, стань ночным караулом, стань бессопною стражей нашей любви.

К о р и ф е й

И вот мы стоим у врат этой Ночи, вдыхая старинные сказки,
вкушая плоды и орехи.
Нет, мы не сомкнем наших глаз, мы бодрствуем в ожидании
Добрых Вестей.

Х о р

Нолива умрет, покинет смертный свой облик.
И заря принесет нам Добрые Вести.

Ч а к а

О Ночь! О Нолива!
Великая слабость умирает в твоих благовоющих руках,
облегчающих горе.
И пальцам дыханием пальмы наполнена грудь,
В этот миг аромат укрепляет усталые мышцы,
Фимнамы у брачного ложа одаряют всевиденьем сердце.
О моя золотистая Ночь! Ты, спящая на окрестных холмах!
Словно влажные ветры веют над рубиновым ложем, над тобой,
моя Черная, — в каплях алмазного пота,
С черной лоснящейся кожей, с телом, прозрачным, как в первое
утро творенья.
И когда мы встаем, обнаженные, друг перед другом и стоим,
потрясенные и ослепленные перед взором любви, —

Умирает сжимавшая горло тоска.
О душа, обнаженная до корней, до первородного камня!
Да, тоска умирает в твоих благоуханных руках.

Х о р

Байете Баба! Байете о Зулу!

Ч а к а

Звучи, отдаленный тамтам! Вбирай в себя голос ночи и дальних селений,

Звучи над холмами и рощами, над болотистой поймой реки.
Я лишь Тот, Кто Способствует Звуку, резная ударная палочка,
Ладья, рассекающая волны, рука, засевающая небо, стопа,
попирающая чрево земли,

Колотушка, обрученная со звонким деревом. Я лишь ударная палочка, бьющая по тамтаму.

Кто говорит, что мелодия однообразна? Однообразна радость, однообразно прекрасное

И предвечное небо без тучек, и безмолвные синие чащи, и голос, одинокий и строгий.

Продлись, великая звучная битва, это стройное состязанье, где пот подобен жемчужным каплям росы!

О нет, я погибну от ожидания...

Меня задушит восторгом золотистая ночь, — о Черная Ночь, о Полива!

И звуки тамтамов, в которых родится солнце нового мира.
(Медленно опускается на землю: он мертв.)

К о р и ф е й

Светлый рассвет, новые зори, да спадет пелена с глаз моего народа.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

К о р и ф е й

Росы, прохладные росы пробуждают подземные корни народа.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

К о р и ф е й

И там — высокое солнце в зените светит всем народам земли.

Х о р

Байете Баба! Байете о Байете!

(Повторяет припев, медленно удаляясь за занавес.)

СТИХИ ИЗ КНИГИ «НОКТИОРНЫ» (1961 г.)

(Для флейт)

Рука рассвета ласково тронула веки мои ночные,
И улыбка твоя взошла над туманами, что монотонно плывут
над Конго моим,
И я откликнулся сердцем на девичью песню с зарей проснувшихся
птиц,
Кровью своей откликнулся, которая некогда отмечала горячими
ритмами белую песню соков в ветвях моих рук.
Видишь бруссы цветов, и звезду у меня в волосах, и ленту на лбу
пастуха?..
Я флейту пастушью возьму, что ритмом своим охраняет
спокойствие стад,
И весь день, до заката, в тени твоих длинных ресниц, возле
источника,
Верный тебе, я буду пасти твоё светлорунное стадо.
Потому что сегодня утром рука рассвета ласково тронула веки
мои ночные,
Потому что весь день, до заката, откликается сердце мое
на девичью песню птиц.

(Для калама)

Ты долго сжимала руками голову черного воина,
Казалось, сумерки роковые уже охватили его,
И я видел с холма, как солнце закатилось в бухты глаз твоих...
О, когда же, когда смогу я увидеть родину, чистый горизонт
твоего лица?
Когда голод смогу утолить у стола твоей темной груди?
Но в сумрак уходит теплая нежность гнезда.
Я увижу другие глаза, буду жить под небом чужим,
Буду пить из ручья иных губ, прохладней лимона,
И, укрытый от бурь, засыпать под крышей волос чужих.
Но каждый год, когда вино весны воспламенит воспоминанья,
Я вновь томлюсь, зову я родину мою и свежий дождь твоих
глаз над жаждою саванн.

(Для флейт и балафона)

О дороги бессонницы, дороги полуденные и дороги ночные, такие
безмерно длинные!
Цивилизованный чуть ли не с детства, я не научился смирять
белого бога Сна.

Я знаю его язык, но акцент мой ужасен...
Тьма непроглядно черна, а скорпионы на ленте дороги — цвѣта
ночного песка.
Оцепененье сдавило грудь, и в груди — колючки и хрипы...

А сегодня ко мне наведалься бриз, тот, что ко мне прилетал
в Жоале

В час, когда странные птицы, посланники Предков, пели оду
вечерней росе.

О, лицо твое... Память о нем раскинула жаркий шатер у меня
на сердце,

Я вижу синюю рощу твоих волос.

Улыбка твоя Млечным Путем мой небосклон рассекла.

Золотистые пчелы на щеках твоих смуглых жужжат, словно
звезды,

И на твоём подбородке мерцает Южный Крест,

И Большая Медведица горит на высоком твоём челе.

Я кричу, чтобы выплеснуть радость, затопившую сердце, —
так Нигер бывает небесной затоплен водою во время сезона
дождей.

Я выплесну радость мою, я крикну птицам: «Нанио!»¹

Я крикну влюбленным, что шепчутся на песчаной цинковке
океанского берега: «Нанио!»

И долго под пологом испния-черного отдыха буду лежать,

Долго спать в спокойствии мирном Жоала —

Пока ангел Зари не вернет меня в руки твои,

К твоему жестокому и такому жестокому свету, Цивилизация!

(Для калама)

Я сидел как-то вечером на унылой прозе скамьи.

Часы ожиданья вытягивались передо мной в бесконечную
линию, как монотонность столбов на долгой дороге.

И вдруг у меня на щеке — золотисто-коричневый луч твоего лица.

Где я встречал этот теплый и гордый цвет? Это было во времена
правителей древнего Сина.

Когда отец отца моего читал невесты лицо на оловянных
страницах прудов.

Как стало тепло на закате... Это на улицы сердца снова Лето
пришло.

Деревья облиты золотом, деревья в пылающих бликах; что же это?
Весна?

---

¹ Слушайте! (язык народа серер)

У женщин — воздушная поступь купальщиц на солнечном пляже,
А длинные мускулы ног — струны арфы под матовой кожей.
Проходят служанки с царственной шеей, — верно, идут за водой
к источнику в час вечерней прохлады.
А газовые фонари — высокие пальмы, в них ветер поет свои
жалобы,
А улицы — тихие, белые, как в послеобеденный час моего
далекого детства.
О подруга моя цвета Африки! Продли этот час ожидания.
Те, кого мучит голод, безмерно богаты своей Прозорливостью.
Их улыбка нежна. Это улыбка Предков моих, танцующих
в синей деревне.

(Для флейт и балафона)

О, забыть всю эту ложь, как рваные раны на теле предместий,
Все измены, и взрывы, и плен, и смерть, поразившую душу, —
То молчанье развалин, там, далеко, в заснеженной белой
России, —
Все надежды мои, что скошены грубо под корень, и душа, как
обезумевшая Дева, отданная поруганью.

В мягкой нежности, в светлой нежности этой весны,
Вспомнить, о, вспомнить девушек наших, как мечтаешь о чистых
цветах
В жестокой чащобе бруссы. Во мраке диких лесов
Помнить, верить, что есть еще свет удивленных весенних глаз,
Раскрытых, как светлая просека на заре, ее повелителю — Солнцу.
Верить, что есть еще пальцы, нежнее, чем пальмы, нежней
колыбельной ньомника,
Нежные пальцы, чтоб убаюкать мне сердце, нежные пальмы
для сна моего и тревоги.

Привет тебе, пальма, твой стан, и гибкий и стройный, твой
строгий лик взнесены над чащей.
О черные губы, их поцелуй — только для братьев воздушных,
пассатов.
Только бы слушать твой голос, медлительный и глубокий,
как вдали гудящая бронза.
Только бы слушать биенье наших сердец в ритме тамтамов,
Верить, что Юная Дева в нетерпенье на пристани ждет меня,
Ищет лицо мое в ярком цветенье платков.
В ясной нежности этой весны верить: она меня ждет, Дева
черного шелка.

(Для двух флейт и одного далекого тамтама)

То была ли магрибская ночь? Я покидал Могодор, его девушек
цвѣта платины.

То была ли магрибская ночь? Нет, и нашей она была, эта ночь,
наша Ночь, ночь Жооля,

Ночь до рождения нашего. Ты причесывалась перед зеркалом
моих глаз.

Мы сидели с тобою в сумраке нашей тайны, полные смутной
тревоги,—

Ожидание имя ее,— и трепетали ноздри твои.

Ты не забыла еще спокойного гула, заливавшего ночь? Волна
за волной, вырываясь из города,

Гул накатывался на нас и у ног утихал. Далекий маяк подмигивал
справа,

А слева, у сердца,— неподвижность твоих зрачков.

О внезапные молнии в душевной ночи! Я видел твое лицо,

Я его пил, оно было ужасно, и его черты искаженные разжигали
все больше жажду мою,

И в моем удивленном сердце, в моем молчаливом сердце, которому
было уже невмочь,—

Каждый звук, доносившийся издали, даже лай далекого пса,
в нем взрывался гранатой.

Потом золотисто песок захрустел, будто листья взмахнули
ресницами.

Черные ангелы, гигантские боги Эдема, мимо прошли,

И ночные легкие бабочки, словно лунные блики, мерцали у них
на руках. А для тебя и меня это счастье чужое было
точно ожог.

Наши сердца колотились — их стук долетал до Фадьюта,

Как дрожь возмущенной земли под победной ступою атлетов,

Или голос влюбленной женщины, поющей сумрачный блеск
красоты любимого своего.

А мы не решались рукой шевельнуть, и наши губы беззвучно
дрожали.

Ах, если бы камнем на грудь кинулся с неба орел, оглушая нас
клеточкой дикой кометы...

Но неумолимо течение влекло меня прямо на рифы — на ужасную
песню твоих неподвижных зрачков.

Будут ночи другие у нас, ты вернешься, сопъ, к сумрачной этой
скамье,

Ты будешь все та же всегда — ты будешь другая всегда.

Но сквозь все твои превращения я буду боготворить

Лицо нашей Кумба-Там.

(Для кларнетов и балафона)

Но воспоют ли вас, влюбленные, при стеклянном свете грядущего?
Воспоют ли под звуки флейты любовные ночи прошлых времен?

О дождь зеленый! На что мне все славословья певцов, если я
иссохшею веткою стану,
Если Христос не воскресит меня светлой весной?
Ни к чему мне робкие пляски юных влюбленных! Я б умчал
тебя на коне туарега, опьяненное тело к сердцу прижал бы
Среди вскриков взметнувшейся крови и посвиста кошей.

Я порву все пути Крови. Я буду на вахте
Всю бесконечно долгую, единственную ночь любви.
Твой голос мягче теплоты гнезда, и сердце — черная голодная
змея — ждет хлеба твоих губ.
Я порву все пути Европы, чтобы выткать мой стих на золотистом
песке твоих бедер.

И что мне Христос! Пусть имя его горит на святых вратах.
Без тебя мне и рай не рай, и я обречен на ад.

(Для калама)

За какой грозовой ночью вот уже трое суток
ты прячешь свое лицо?
Какие раскаты грома срывают с теплой постели
это сердце твое,
Когда сотрясаются хрупкие стены моей груди?

Пленник росистой поляны, я дрожу на холодном
ветру.

Вероломные тропы лесные завели меня в дебри.
Лианы — а может быть, змея? — опутали ноги мои.
Я сползаю по скользкому склону в овраг
непонятного страха,
И увязает мой крик во влажной трясины хрипа.

Когда я услышу твой голос, лучезарная радость Зари?
Когда я увижу свое отражение в смеющемся зеркале
твоих беспредельных очей?

И какими дарами умиротворить мне белую маску богини?
Кровью ли птиц и козлят или жертвенной кровью своей?
Или песней смиренною смыть с себя пятна гордыни?

Будь же милостива ко мне.

(Для калама)

Я тебя проводил до деревни, до самой границы Ночи,
И нечем мне было ответить па золотую загадку улыбки
твоей.

Короткие сумерки причудой божественной на твое
упали лицо,

С вершины холма, где искал прибежища свет, я смотрел,
как тускнеет пламя повязки на бедрах твоих

И узел волос, точно солнце, погружается в темень полей.

И вдруг вероломной пантерой древние страхи вцепились
в меня,

И не в силах был разум отбросить их прочь за дневной
горизонт.

Значит, ночь? Значит, ночь навсегда?

И прощание без «до свиданья»?

Буду плакать во мраке, уткнувшись лицом
в материнское лоно Земли,

Буду спать в тишине своих слез,

Пока надо мной не забрезжит млечный рассвет
твоих губ.

(Для калама)

И мы окунемся, моя подруга, в волну африканского мира.

Мебель Гвинеи и Конго, тяжелая, гладкая, темных и светлых
тонов.

На стенах исконные маски, чистые, и такие далекие, и такие
живые!

Табуреты почетные для наследных гостей, для Принцев
из Верхней Страны.

Хищные запахи, циновки густой тишины,

Подушки прохлады и сумрака, мирный ропот ручья.

Слова лаконичные; песни вдали чередой, как повязки
на бедрах суданцев,

И дружелюбная лампа, твоя доброта, чтоб укачать
наваждение — обступивший нас мир,

Черный, белый и красный, ох, красный, как африканская
почва.

(Для калама)

Не удивляйся, любимая, если напев мой мрачнеет,

Если сменил я певучий тростник на ропот калама,

Если сменил я зеленые запахи рисовых влажных полей

На галон боевого тамтама.

Вслушайся — это угроза клокочет в божественном голосе
Предков, это гневом вдали канонада гремит.
Может быть, завтра навеки умолкнет пурпурный голос поэта.
Вот почему так спешат мои ритмы и пальцы над струнами
кровоточат.

Может быть, завтра, любимая, я упаду на тревожную землю
И глаза твои вспомню с тоской и туманный тамтам —
перестук деревенских ступок вдали.
А ты в опустившихся сумерках вспомнишь с тоскою
пылающий голос, что пел твою черную красоту.

(Для двух флейт)

Я сложил тебе песню, нежную, как воркование голубя
в полдень,

И тоненько мне подпевал четырехструнный калам.

Я соткал тебе песню, но ты меня не услышала.

Я цветы полевые тебе подарил, их запах загадочен, точно
глаза колдуна,

И богаче их краски, чем закаты над Сангомаром.

Я цветы полевые тебе подарил. Неужели ты дашь им
увянуть —

Ты, что часами следишь за пестрой игрой мотыльков?

(Для риты)

— О Сестра, эти руки ночные на вёках моих!..

— Угадай эту музыку Тайны!

— Знаю, это не топот свирепого Буйвола,

не глухая тяжелая лапа толстокожего зверя,

И не хохот браслетов на плавных лодыжках прислужниц,

И не стук сонных пестиков в утренних ступках,

И не ритмы гудящих под невольничьим шагом дорог.

О, балафонг ее ног и молочных птиц щебетанье!

О, высокие струны кор, о, нежная музыка бедер!

Это мелодия белого верхового Верблюда, это царственный
Страуса шаг.

— Ты узнал свою Даму, ты угадал эту музыку —

Она одаряет прекрасной прозрачностью мои руки и
веки твои.

— Я только назвал имя дочери Арфауга Сига.

(Для трех флейт)

Перелетные стаи дорог, путешествие к древним истокам.
Флейта черного дерева, лучистого, гладкого, ты густые туманы
    пронзи моей памяти.
О певучая флейта! Туманы пронзи, покрывала на снах моей
    памяти, на ее изначальном лице.
О, воспой изначального света сиянье и воспой тишину, ибо она
    возвещает
Песню Встающего Солнца, гонг слоновой кости, зарю над моей
    затуманенной памятью,
Возвещает рассвет над двумя близнецами-холмами, над певучим
    изгибом бедра и над щекою ее.
Я сижу под спокойным навесом листвы, в запахе стад и дикого
    меда.
Солнце улыбки моей! И сверкала роса на траве ее индиговых
    губ.
Колибри, цветы невесомые, устилали ласкающим ворсом
    несказанную прелесть ее речей.
Зимородки ныряли в ее глаза синей молнией радости,
Над струящимся рисовым полем ресницы ее трепетали ритмично
    в прозрачности воздуха.
О, блаженство! Я слышу, как время поднимается в белый зенит
    разукрашенных ярко небес.
Скоро застынут стада в неподвижной истоме, скоро уснет
    воркование горлинок
В полдневной ленивой тени. Но должен я встать, чтобы следовать
    дальше безупречной дорогою страсти.

СЕМБЕН УСМАН

КАЗАМАНС

Казаманс — великая река,
Любимая река,
Расскажи о времени,
Когда меня
    еще не было,
Когда,
Величественная, ты сливалась с небом
И сроднилась с ним на века.

Ты ведь старше
самой старой старухи,
Ты ведь старше
самого старого свитка,
Месяца серп
в твоём ухе,
Казамапс — река великая!
Ты лишь моложе
молочного неба,
Ты, что нас веками сторожишь.
Расскажи о времени,
Когда меня
еще не было,
Расскажи,
река,
Расскажи!
На твоём берегу
Я ещё в детстве рыбачил,
Ты куда разговорчивей
Была
тогда.
О нехитрые детства
удачи, —
Сколько ты мне
их дарила,
Река!
В лоне своём
Ты житейскую грязь
Уносила,
Ты незлобива,
Река,
Ты — народ,
Ты — сила,
Ты — мне протянутая
Рука.
Другие сидят мальчишки
Над гладью твоей
Голубой...
Ты молчишь,
Что с тобой?
Послушай, Казамапс,
В изгнании я видел
Сену
с мостами её элегантными,

Темзу,
        трущуюся о туман,
Рейн
        и Рону,
Где пароходы
        вместо аллигаторов.
Нет твоего богатства там
И нет твоей красы.
И сколько бы я вод других
Ни видел,
Я сын твой,
Из вод твоих
Я вышел.
Бег твой — наше дыхание.
Твоя вода — животворящий сок
Полей.
Ты в нас,
Ты с нами,
Ты новых вырастишь людей.
Они придут,
Воспоют твое имя,
Ты их богатством станешь
И сама
Воды свои, что глазом не окинешь,
Отдашь во власть
        их дерзкого ума.
Народ —
        он подымается,
Тот,
        что ты укачивала.
Все новые,
        новые волны встают...
И те,
        которым ты путь указывала,
Вскроют, как устрицу,
Тайну
Твою.
Твой голос,
        уходящий к горизонту,
В моем изгнание
Ощущал я остро.
Звуки тамтама
        неслись
От волн твоих желтых,

Цепи рабства разбиты.
Термиты изгрызли
остатки старых колодок —
ошейников боли,
стыда и бессилья.
Но до сих пор на нашей земле
высятся тюрьмы, где содержали рабов, —
монументы кровавой истории,
зарубки на камне,
которые нам невозможно забыть.
Диуана,
сестренка!
Лучи восходящего солнца
позолотили твою могилу.
Ее украшают колосья
риса и сорго —
подарки нашей земли.
Диуана,
сестренка!
Аромат нашей бруссы,
огненно-жаркие ночи веселья,
поле свое,
орошенное собственным потом,
не променяет никто
на даровую похлебку раба...
Тоска по отчизне —
тоска о свободе...
Диуана,
ты луч предстоящих рассветов,
ты на чужбине погибла,
как гибли в цепях наши предки.
Тебя обманули,
купили руки твои за бесценок.
И ты зачахла, как пальма,
которую перевезли
на пасмурный север
с родных берегов Казаманса.
Диуана,
сестренка!
Будет день,
и день этот близок,
когда мы, африканцы, скажем:
«Эти леса, эти поля, эта земля,
эти могучие черные мышцы —

все это наше,
и только наше!»
Рыдают наши сердца
над твоей могилой.
Но знай,
скоро вся Африка будет свободной!
Африка будет свободной!

Т Р О П И Н К А

Я пойду по этой тропе!
И пускай четвертуют меня,
Все равно я путь проложу
Через гибельный жар саванн,
Над кипеньем яростных рек,
Сквозь леса, что в себе таят
Лихорадки коварный яд.
Я по этой тропе пойду.
Я пойду, устилаю ее
Щебнем своих костей.
Я пойду, укрепляю ее
Цементом крови своей.
Я пойду, я пойду по тропе,
Которая к людям ведет,
К миру и дружбе ведет.
И пускай четвертуют меня,
Все равно я путь проложу,
Ибо имя мое — Народ.

М А Л И К Ф А Л Ь

М Е Ж Д У Н А М И

Не говори мне,
Как я образован,
Не говори,
Что изысканно я изъясняюсь,
Не говори,
Что прекрасны манеры мои.

Нет, ты лучше скажи,
Что я к морю стремлюсь,
Как шальные ручьи,
И упрямые реки,
И выносливые потоки.
Ты скажи,
Что я вам приношу
Мудрость предков моих,
Что во мне оживает
Моего народа душа.
И не надо мне говорить,
Что я стал твоим соплеменником.
Нет,
Ты скажи мне сурово,
Что ново
Каждое слово мое.

ТВОРЧЕСТВО

Я не стану писать
Черно-белой картины
На старой стене клюющего носом тумана.

Я напишу
Многоцветье сонаты
На старой стене звящего солнцем тумана
Цвета золы
На ветру.

Ты закроешь глаза,
Чутким ухом лова
Клокотанье горячечных красок,
Ты увидишь таинственный шепот
Колдовства,
И дождей отдаленную песню,
И жужжание пчел
В любовной пылице золотистой,
И даже —
Если ты ослепленные уши заткнешь —
Картина моя
Передаст тебе тайно посланье
Красоты изначальной
И единства, разлитого в мире.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Если друзья по секрету от вас
Вам готовят какой-то подарок —
Книги, цветы,
Игрушки, стихи
Или просто улыбку,

Если друзья вам в большом секрете
Готовят подарок, —
Пожалуйста, будьте
Сострадательны к ним,
Отгадать не старайтесь,
Что вам подарят.

Не огорчайте друзей
Своим фантастическим нюхом!

Н Е Т

Я не хочу изгнания
На остров
Пустынный.
Я был бы так одинок
Без друзей моих белых и желтых,
Я утратил бы там
Благородство.
Нет.
Не хочу изгнания.

Т О С К А

Это солнце было б моим
Если б не было таким бледным
С этим облаком я бы дружил
Не будь оно таким зыбким
Этот ветер был бы мне мил
Если б не был он переменчив
Этот голос меня бы пленил
Не будь он так равнодушен
Этот смех меня бы согрел

Не будь в нем притворства
Этот взгляд бы меня за живое задел
Если б был в нем открытый вызов
Эти стихи окрылили б меня
Воспевай они человека
Эта молитва зажгла бы меня
Если б была понятна
Эта любовь мне бы в сердце вошла
Будь поменьше в ней эгоизма
В этом мире могла бы Африка жить
Если б он не был мертв.

ТУРИЗМ

Вам очень хочется увидеть слонов
На рынке в Сандаге
И хочется очень на пленку заснять
Негритянок с кувшинами на голове
Вам желательно хоть разок
Поглазеть на живых людоедов
Вам просто не терпится
На крокодилов взглянуть
Спящих среди проспекта Свободы

Ну так вот господа аншлаг
На сегодня билеты проданы
Мест нет.

ОЖИДАНИЕ

Старая Дадо пела
Вместе с Кумба Кангадо

Если мой муж уехал
Зачем я белье стираю
Мой муж уехал
А ужин стынет
Мой муж уехал
Скулит собака
Мой муж уехал
Зачем дрожу я
Когда бьет полдень

Кумба Кангадо пела
Вместе со старой Дадо

Зажигает солнце зарю
Бледнеет от страха луна
К берегу льнет волна
Возвращается муж домой

Старая Дадо и Кумба Кангадо
Все еще верят воротится муж
Воротится муж
Который умер
Тому не один сезон дождей.

ГИЛИ АБД АР-РАХМАН

УЛИЦЫ ГОРОДА

Улицы города,
Улицы страшные,
Окнами хлопайте!
Улицы города,—
Стены, скверно окрашенные,
Стены, пропитанные маслом и копотью!

В душных кварталах,
В кварталах нагих
Отчаяние на лицах усталых,
Проблеск надежды
В глазах живых!

Горем придавлен
Любой закоулок!

Вслушайся: голос рабочих сутулых
Грозно звучит,
Тверд, как гранит!

Завод работает, мерно вздыхает,
Электростанция свет посылает
Живущим в чертогах,
Богатым,
Упоенным развратом!

Мосты создаются,
И мрамор шлифуется,
И циновки плетутся,
А кругом: во мраке лежащая улица!

Труды. Толчея.
Каждодневные хлопоты.
Улицы города,
Улицы страшные —
Липкие стены,
Кровью окрашенные,
Стены, пропитанные маслом и копотью!

Мы живем
Ночью и днем
На самом дне, в суете городской,
Живем обездоленные,
Изглоданные лютой тоской,
Живем и таем
И умираем!

Однажды,
Исполненные разрушенья жажды,
Сомкнутся все городские зданья,
Как волны в яростном океане,
Вдали от земли
Поглощающие
Корабли!

И бросил господь наконец
На улицу нашу
Взор,
Полный тревоги,
И вырос на ней за забором забор,
И были замощены дороги, —
Человек измучился и устал,
Свет в очах его медленно угасал.

Человек утомлен был,
Истерзан и болен.
Печальный звон
Летел с колоколен,
С колоколен древних церквей.

Много дней песни горького горя звучали,
Но никто не помог нам
В нашей печали!

Я и мои товарищи воздевали руки,
Раздавались удары, тревожны и глухи:
Долго-долго мы ждали ответа
И лучей золотого рассвета...

Приближался закат.
Тени двигались наугад
По вечернему переулку, —
Вечер звезды выстраивал на прогулку.

Обращается сердце к небу с мольбой:
«О луна, погоди,
Не выходи,
Пусть будет тьма
Темней темноты любой!
О луна, непроглядную ночь не делай светлей,
Погуби недобрых людей!»

Я что кроткий ягненок
В дальнем селе.
Как батрак на чужом наделе.
Я тоскую по доброй своей змле,
По желанной своей свирели!
Воспеваю поля,
Воспеваю деревья и реки,
Только грустный напев не печалит меня.
Палачи, не сковать вам свободы вовеки!
Света нового дня,
Даже в дальней деревне моей,
Не укрыть от людей
Ни стенами высокими,
Ни цепями жестокими, —
Этот свет сбережем мы,
Как трепет извечный
Огня!

Шел я по горестным улицам города,
Медленно шел да глядел во все стороны,
Шел, глядел
Да хвалить тех чудес не хотел!

Предо мной —
Богатея дворец золотой,
Вкруг дворца столпился народ простой...

Да это же братья голодные наши,
Я слышу их смех,
Я слышу их кашель!
Стоят у стены сутулясь.

Увидел упрямую девушку
На перекрестке улиц,
Девушку с ампутированной рукой, —
Девушке этой был чужд покой!
Она, человек нелегкой судьбы,
Жаждала только
Борьбы!

Люди тут замерзают, кричат во сне.
Люди эти мечтают о грядущей весне!
Я вернулся из дальней деревни,
От чистоты полей —
Нивы там древние-древние,
Ручьи там стекла светлей!

Благословляю всех.

Благословляю хохот рабочих сутулых:
Голод спины согнул их!

Хохот звучит,
Тверд, как гранит!
Завод работает.
Песня льется.

А мы живем,
Как на дне колодца;
Живем, страдаем
И не умираем
На улицах страшных,
Кровью окрашенных,
Пропитанных маслом и копотью;
Живем, и о нас вспоминают похода!

На самом дне, в суете городской,
Живем в обнимку с тоской,
Страдаем и не умираем!

ТАДЖ АС-СИР ХАСАН

ВОЗВРАЩАЙСЯ

Ждет меня
старый,
давно покинутый дом —
память
о позабытом детстве моем.
Песня, звучащая в сердце,
на самом дне,
свирель,
протяжно поющая,
стонущая во мне, —
дом,
где столько осталось
моих следов,
откуда ко мне долетает
безмолвный зов:
«Возвращайся!»

...С поля
отец приходил на закате.
Падал на хижину
знойный вечер.
Мать,
и братья мои,
и сестры
выбегали ему навстречу.
Помню,
даже младший братишка,
неуклюжий, смешной,
неловкий,
не умел говорить —
смеялся,
улыбался,
кивал головкой...
А потом
начинались сказки.
Голос бабушки
слаб, натужен.
Мы сидели, не шелохнувшись,
забывали про сон и ужин.

Помню руки ее большие
и лицо
в лиловых морщинках.
Море молодости
и света
жило в сказках ее старинных...
Мы засыпаем,
а сказка еще струится.
Тень тишины
упала на наши лица.
Сад засыпает,
птицы в саду засыпают,
лунная полночь
добрые сны посылает...
А поутру
свирель зовет за окном,
утро приходит
в старый, далекий дом...
Дом,
где столько осталось
моих следов,
откуда сегодня слышу
безмолвный зов:
«Возвращайся!»

МУХАММАД АЛЬ-ФЕЙТУРИ

ГОЛОС АФРИКИ

Молчаливая Африка!
Жизнь,
принесенная в жертву
чужеземным богам,
земля,
орошенная
реками крови и пота,
изможденная,
горькая Африка,
кончилось время твое!

Начинается новая эра —
эра Сорванных Пут
и Разбитых Оков,
и Расправленных Плеч.
Слышу голос твой,
Африка,
дерзкий,
разгневанный голос.
В нем — горячее пение ветра
и гул прорастающих трав,
и живое дыхание рек,
и гром водопадов,
и удары морского прибоя,
и шелест опавшей листвы
под тяжелыми лапами льва.

Слышу голос твой,
Африка,
ясный,
отчетливый голос.
В нем —
мелодия песен
простого крестьянского поля,
и размеренный скрип
деревянного плуга,
и скрежет
веторопливых ручных жерновов,
превращающих зерна в муку.

Слышу голос твой,
Африка,
юный,
ликующий голос.
В нем —
призывы вождей,
и рокот народный собраний,
и биение наших сердец,
переполненных яростной кровью,
и сумасшедшая дробь
неукротимых тамтамов,
говорящих:
Свобода!
Свобода!
Свобода!
Свобода!

СТАРЫЙ МОРЯК

Ветер отчаянно бьет в паруса.
В море открытое парусник правит.
Время — шатер, и его продырявят
солнце, и звездная ночь, и гроза.
Эй, обернитесь назад, корабли!
На горизонте, у края земли,
старый моряк под флагами порта —
смятая фуражка,
ступни затекли;
смех словно савап,
холодный и желтый,
смотрят глаза
в океан распростертый...
Вам они смотрят вослед,
корабли!

Время прошло.
Нас навывлет прожгло.
Нет больше моря, и ветра, и утра.
В раковинах
не найти перламутра.
Время — как сломанное весло.
Время — как высохшая река.
Нет тишины в зрачках старика.
Он наклоняется над погасшей
трубкой —
в ней пепел, боль и тоска.

...В ночь паруса разрывались в клочья.
Тучи спадали, словно кора,
когда мы вышли к порту
и ночью
бросили гулкие якоря.
Эй, моряки, спускайте трапы!
Неужели все это зря?
Неужели ночь провисит, как тряпка,
на перекрестке добра и зла?
Вскинуты на головы фуражки,
бушлаты черные на плечах.
Но хохот веселый смолк и зачах,
будто разбился о камень тяжкий.

Город, откройся,
разбей замки,
двери раскрой,
отодвинь засовы,
сбрось дремоту свою, полусонный,
протяни нам ладонь руки!
Дай эту ночь,
молчаливый порт!
Зажги все лампы в барах и лавках!
Пусть в ноздри ударит звериный запах,
пусть заструится огненный пот.
Если ты спрячешь себя от нас,
от бесшабашных наших желаний
в час непогожий, глухой и ранний,—
мы проклянем тебя в тот же час!

Старик вспоминает,
и падают слезы,
как с ветки листва,
и пепел
бессильно слетает
с трубки...
И альбатросы
крыльями плещут,
летят,
и цепкой сетью морщин
опутаны руки.

Время проходит,
и те, кто сменили нас,
будут, как мы,
бродить среди скорби и мрака.
В гавани горьких утрат
они бросят якорь,
и угнездится тоска
в расщелинах глаз.
Будет все —
и прибой прощанья,
и соль изгнанья,
и боль угасанья,
и пустота увяданья,
если не смогут с ходу порвать паруса,
остаповить бесплодное ожиданье.

ГАСТОН БАРТ-УИЛЬЯМС

КЛАВИШИ РОЯЛЯ

Кожа твоя горда белизной,
Кожа моя черна;
Дай мне руку, пойдем со мной,
Музыка грядет, звучна.
В одной гармонии соединим,
В песню одну сольем
Все, что в призыве моем звучит
И в зове звучит твоём.
Музыка в воздухе:
Слышат все,
Как, ненависть прочь гоня,
Звучат, сочетаясь,
Клавиш ночной
И клавиш белого дня.

Когда же мы рядом,
В тени стены,
В страхе или смятенье,—
Наши тени,
Как ночь, темны,
Одной становятся тенью.
Музыка в воздухе:
Видят все,
Как дерзновенно и смело
Одною гармонией сплетены
Облик черный
И облик белый.

ПИСЬМО К МАТЕРИ
ОТ ЧЕРНОГО СЫНА ИЗ ВЬЕТНАМА

Милая мама,
слава богу,
я уже прикончил нескольких вьетконговцев,
и белый капитан
сказал мне, что я молодец
и настоящий герой.
Но когда я убью гораздо больше,
то он представит меня к медали,
и когда я убью еще больше,
он поместит мое имя во всех газетах,
и ты будешь гордиться твоим родимым сыном,
всеамериканским героем всей Америки!
Здесь никто не упрекнет цветного, что он цветной,
поле боя усеяно трупами цветных.
Вы ведь знаете: Кассиус Клей не решился приехать,
но ваш сын — герой,
и, быть может, когда я убью кучу этих красных,
отсюда сообщат мою фамилию в Белый дом,—
быть может, Президент узнает мое имя,
быть может, он в один прекрасный день
самолично наградит меня орденом
и скажет,—
до чего горда Америка мною.
«Господь на вашей стороне, мой мальчик!»
И я щегольну своей медалью в своем родном городе,
в Детройте, в Ньюарке и в Алабаме,—
и я увижу черные тела в лужах крови,
и я вспомню Шарпевиль,
и я вспомню моих задушевных братьев во Вьетнаме.
Милая мама,
черная мама,
прости твоего черного мальчика во Вьетнаме!
Я не Кассиус,
прости,
я, понимаешь, не Мохаммед Али,
я твердо запомнил наконец,
что я
неуточенный,
необразованный,
неуклюжий
и т. д. и т. п.,

и все, что я делаю здесь,
я делаю для того только,
чтобы стать *всеамериканцем*,
культурным и окультивированным —
истинным сыном Америки;
ты знаешь это, мамочка, —
и, если бы не цвет кожи и не курчавые волосы,
я был бы парень хоть куда!
Впрочем, парик стоит всего лишь сто долларов,
а белололлейный крем «Беляночка» всего лишь пять долларов
банка!
И ежели это мерзопакостное снадобье не подействует вовсе,
лучше уж я околею здесь,
я предпочту,
мамочка,
лучше останусь здесь, в этой заморской могиле!
И ежели я помру здесь,
так и знай,
что я погиб за Америку,
за счастье быть сыном этой Земли Обетованной...
Но ежели я погибну, сражаясь,
скажем,
в Ньюарке,
или в Миссисипи,
или в Детройте,
или в Чикаго,
или в любом другом месте, которое ты назовешь,
мама, —
то ты уж пойми, дорогая,
что президент не назовет меня героем,
а мой белый капитан
не станет перевозносить меня до небес.
Моей вдове не назначат пенсию,
и они скажут, что я из красных,
и они скажут, что было бы лучше,
если бы твоего черного сына убили во Вьетнаме.
Прости,
мама,
я знаю,
что я тупой,
неразумный,
невоспитанный грубиян и т. д. и т. п.
Я знаю все это,
и мне

совершенно точно известно,
почему именно
я должен
помогать здесь моим соотечественникам
в осуществлении плана
истребления цветных.

Не плачь обо мне,
черная мама,
не оплакивай мой американизм и т. д. и т. п.
Горе Америке! Джазы ее грохочут,
их громыханья и возгласы
не прерываются ни на мгновенье,
и дыхание их донеслось до Хиросимы,
их лопотание и гром реют над Аффрикой,—
вспомни, мама,
что они визжат везде и всюду, где есть наши братья,
и тебе теперь
превосходно известны все резоны,
всякие там *отчего* и *почему*,
И на кой ляд,
прошу прощения,
милая мамочка,
ваш черный малыш
обязан убивать здесь как можно больше цветных!

Видишь ли, мама,
я здесь сражаюсь за свободу,
сражаюсь во имя божие,
видишь ли,
я храбро сражаюсь здесь с красными,
знаешь ли,
я здесь слышу,
как свистят пули,
и я снова должен проводить в жизнь
расширенные наметки по истреблению цветного населения.

Милая мама,
я, право же, предпочту погибнуть здесь,
в этой заморской могиле,
нежели околеть где-нибудь в Нью-Йорке,
и вообще
ты, конечно, поймешь, почему это у меня такое странное желание!
Ну а ежели ты меня не захочешь понять,
так, может, и впрямь
твой родной сын — грубиян невоспитанный,
чурбан совершеннейший,

неблагодарный остолоп

и т. д. и т. п.!

И к тому же еще самый разнегодный негодяй
изо всех,

что носят солдатский мундир!

Да будет тебе земля пухом, милая мамочка!

Покойся с миром,—

знаешь ли,

я здорово уважаю всех тех,

которые отдают свою душу господу

у себя дома,

в собственных своих постелях,

в наших старых-престарых американских городах!

Ваш любящий сын,

Грубиян Невоспитанный,

Остолоп Неблагодарный

и т. д. и т. п.!

ДА БЛАГОСЛОВИТ НАС ГОСПОДЫ!

Я спал,

и мне приснился мотылек,

ярко-желтый и прекрасный мотылек,

и я услышал, что вы назвали его красным,

и умертвили его,

и я ничего не сделал,

я только отошел в сторону

и умыл руки.

Прослувшись,

я услышал старый джаз,

старый задушевный джаз...

Проснувшись,

я прислушался к лязгу и скрежету,

и увидел, как остро выточенная сталь

пронзает

веткопговцев,

и все, что я сделал —

отошел в сторонку

и умыл руки.

Я слушаю вас,
мои братья,
я слушал, как вы плачете над Миссисипи,
я видел, как вы гниете в родимом Гарлеме,
пустяшное дело, что ваши пули визжат,
пронзая ваших желтых братьев!
И я видел шрамы на ваших геройских подбородках.
Да благословит господь нас и нашу страну,
а я уж лучше отойду в сторонку
и умоюсь.

БЛЮЗ ОТЧАЯНИЯ

Всю ночь, о Господь Всемогущий,
зова жду твоего,
всю ночь, о Господь Всемогущий,
жду, что руку протянешь мне.
Ты возьми меня на небо заживо,
а не то меня здесь забьют,—
так возьми меня на небо заживо,
а не то меня здесь забьют!

Всю ночь, о Господь Всемогущий,
ищу я лицо твое
ищу я, Господь, ищу я,
ищу я лицо твое!
А вокруг меня только цепи,
да решетки, да кандалы,—
а вокруг меня, Правый Боже,
все решетки да кандалы!

А вокруг все стены да колья,
и в оковах ноги мои,—
я ищу, где ж она, свобода,
где же свет улыбки людской?
Только все, что нашел я, Боже,
это ссадины да пинки,—
право, все, что нашел я, Боже,
это ссадины да пинки!

Так сойди же ко мне, Всевышний,
так сойди и освободи,—
не ослеп ты, Господь, я знаю,
знаю, ты, Господь, не оглох!

Я взывал к тебе и молился,
знаю, где-то витаешь ты,—
так приди ж меня вызволить, Боже,
а не то я знаю, как быть!

Напишу я с тебя картину,
чтоб все знали, какой ты есть!
Напишу палача-живодера
с перекошенным страшным лицом!
Если ты не придешь меня вызволить,
знаю, как поступлю тогда!
Если ты не придешь меня вызволить,
знаю, что учиню тогда!

ВЫСОКОКУЛЬТУРНАЯ ДАМА

Я был в концерте
с высококультурной дамой.
— Вам нравится музыка Бартока? —
спросила она.
Я ответил, взглянув ей прямо в глаза:
— Что ж, я не чужд культуры!

На деревенской площади,
на выступлении африканского ансамбля
я спросил ее:
— Вам нравятся наши говорящие барабаны? —
Она ответила, глядя на меня искоса:
— Что ж, и я не чужда культуры!

ЦАРИЦА БАРАБАНОВ

В музыку и в жарынь
вышла богиня богинь:
черных волос хаос,
как табакерка — нос,
ласков, и мил, и груб
очерк карминных губ,—
темен, угрюм и строг
лоск барабанных щек!

Грудь подобна плодам,
каждая словно плод:
на тебе, на тебе — вот!
Бедра ее круты —
ведрами черноты,
в них — плодородья стан,
каждое — с барабан,—

гром барабанный, хлынь:
вышла богиня богинь!

Схлынь, грусть, схлынь:
пляшет богиня богинь!

Будто ложбинный зной,
пот струится спиной,—
два барабана, нежны,
пляшут без пелены,
пляшут без пелены,
стройных повыше ног,—
ритм барабанный строг,
поги ее стройны,—

горечь полыни, схлынь:
пляшет богиня богинь!

Пляшет богиня — она,
будто луна, темна,
солнца она светлей:
рокота не жалей,
грохота не жалей,
в звонкую шкуру — бей!

Горечь полыни,
схлынь,
пляшет богиня богинь!

Темная, как божок
солнечных душных дорог,—
дробных раскатов град,
мать барабанных стад,—
это твоя, господь,
идолица и плоть,

это твоих теперь
злых барабанов дщерь —
это во тьме утроб
ритм барабанных троп!

В ропоте перепонок,
в отзвуках музыки ранящей,
бей, золотой барабенок,
в чудище барабанище!

В музыку и в жарынь
пляшет богиня богинь!

САИДИ НГУЗО

ЯЗЫК СУАХИЛИ

Словно реку дожди,
 меня наполняют мысли
 о языке родном —
 зеркале чувства и мысли.
 Где твой исток и начало,
 где прозвучал ты впервые,
 о мой родной язык,
 о суахили?

Ты пробуждаешь к свету
 спящего человека.
 Влагой познания щедро
 ты поишь человека.
 Где твой исток и начало,
 где прозвучал ты впервые,
 о мой родной язык,
 о суахили?

Я нахожу слова
 для моей любимой,
 самые ласковые
 слова для моей любимой.
 Где твой исток и начало,
 где прозвучал ты впервые,
 о мой родной язык,
 о суахили?

Верных друзей
друзьями я называю.
Подлых врагов
врагами я называю.
Где твой исток и начало,
где прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили?

Есть у меня копьё —
испытанное оружие.
Но слово привета и мира
дороже мне, чем оружие.
Где твой исток и начало,
где прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили?

Спрашиваю людей,
умудренных опытом жизни,
славных людей,
чей ум — украшение жизни:
где твой исток и начало,
где прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили?

Мне ничего не сказали
мудрые люди, —
в книгах ищут ответа
мудрые люди,
где твой исток и начало,
где прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили?

Словно ночной небосвод,
суахили прекрасен.
Блещут созвездия слов —
суахили прекрасен!
В сердце народа
твое начало,
в нем прозвучал ты впервые,
о мой родной язык,
о суахили!

ШААБАН РОБЕРТ

СВОБОДА

Нет прекрасней слова «Свобода» —
В нем — бесстрашие, честь и гордость,
Свежий воздух, простор и свет.

В нем — надежда для всех живущих,
В нем — величье и гордость духа,
Радость жизни, вера в добро.

В нем — вся мудрость веков прошедших.
В нем — достоинство человека,
Справедливость и красота.

Ничего нет позорнее рабства,
Даже если мягкие руки
Над рабами заносят хлыст.

Рабство горькое проклиная —
Пусть оно безвозвратно сгинет,
Пусть зачахнет, умрет, сгорит!

Пусть повсюду царит свобода —
В каждой хижине, в каждом сердце,
В каждом взгляде, в каждой улыбке,
В чистом небе и на земле.

ОГЕНДО ХЕЙСТИНГС

СКАЖИ БОГУ, СКАЖИ ЕМУ

Скажи богу,
Что я видел друзей моих, евших отбросы,
Рывшихся в мусорных ящиках, каждый в своем,
Радуюсь тухлому джему и другому гнилью.
Скажи ему,
Что душа моя плакала, ибо любил я этих несчастных —
С их обедками, грязью, обносками.
С их нищетой, позором, озлобленностью, я их любил бесконечно.

Скажи богу, что я видел, как они шли в его церковь святую.
Скажи ему, что я слышал, как им проповедник блаженство
на небе сулил.

Но проповедник никогда не был в их шкуре.
Тех несчастных ждет ад, ему же он не грозит.
«Блажен, кто наг и сир», — он читал без особой уверенности.
Но они потеряли всю веру, веру в могущественные небеса.

Скажи ему,
Что этот пастырь перебрался в Нью-Стенли
Под призывно манящие ветви тернового куста,
Где покой, довольство и святость хранят от греха и мук людской
любви.

Скажи ему,
Что я мучился болью людей и его появления ждал.
Скажи ему, что я искал его всюду, но не нашел,
Что я к нему взывал, но он молчал,
Что молился все ночи и душа моя кровоточила, по в Диго-Роуд
он не пришел.

Скажи богу, скажи ему, что довольно в раю блаженствовать,
пусть он появится в этом аду
Ради страждущих, больных и отверженных, с плачем руки
простерших к нему.

Скажи: те, кто наг и сир, ждут, чтобы он о себе возвестил,
Что сирота и бездомный, одержимый и безумный исстрадались,
ожидая его.

Скажи богу, о! скажи ему,
Что он был слишком долго в соборах и прекрасных церквях
современной архитектуры.

Скажи ему, что он был слишком долго в священных местах,
где мы молимся у его алтарей

И где нет никого, только священники.
Скажи богу: пусть он в трущобы придет, о, скажи ему: пусть он
придет

скорей!!

АБУ АЛЬ-КАСИМ АШ-ШАББИ

ВО МРАКЕ

Трепещет во мраке грустной ночи
Рой моих мечтаний,
Над темной грядой боли,
Над тучами страданий.

Очи звезд удивились,
Увидя воскресших влюбленных,
С небес на них изливая
Лучи, словно дождь зажженный.

И сердце грусть источало,
Хранил я ночью молчанье,
Любовь — судьбы отголосок —
Таилась в моем страданье.

Молчал я, как все живое,
И песен моих не стало,
А сердце мое в испуге
В глубинах жизни блуждало.

О, сила любви всевластной, —
Жизни она сильнее!
О, свет любви лучезарной,
Мрак жизни пред ней бледнеет.

Мощь зла, и мечты покоя,
И все сиянье востока,
Улыбка зари во мраке
В глазах моей черноокой.

КРАСОТА ЖИЗНИ

Шел я полями, вставал рассвет,
И становилось светло.
Мрак отступал, трепетало над ним
Чистой зари крыло.

Словно красавица гордая, ночь
Не ускоряла шагов,
И в холодке пролетал ветерок
Влажным простором лугов.

Как охмелев, бормотала река,
Трезвым стоял цветок,
И мирозданью хвалебную песнь
Мощно слагал восток.
И, покрывало тумана сняв,
Ясное солнце встает,
Лилия кубок серебряный свой,
Полный росы, подает.

Время идет. На престол ночной
Всходит царица ночей.
Солнце идет на закат, и кровь
Льется в борьбе лучей.
И воцаряется ночь, победив
Солнце, и меркнет заря.
Ночь — как убийца, проливший кровь
И поразивший царя.

* * *

Так и судьба — пришла и ушла,
В разных одеждах она,
Или светла, или темна,
Вопль и тишина,

Песня она, а порою стон,
Радость и горькая тень.
Верно, что в сговоре с ночью судьба,
Но побеждает день.

ПЕСНЯ ГРОМА

Когда в молчании ночи
Вселенная страхом объята,
И голос надежды скрылся
За тучею горя косматой.

Гром песню свою грохочет,
И все живое ей вторит,
Как будто истины голос
Зовет из пучины горя.

И гром в извилах долины
На вопль ее отвечает,
Как будто дух пробудился
И к ней из бездны зовет.

Тогда я спросил у ночи,
Внушающей ужас тайный,
И бросил я вызов ночи
Прекрасной, необычайной:

«Что в песне той отразилось,
Не стон ли глубин вселенной,
Не жалоба ль тяжелой грусти
Ее — смятенной и пленной?»

Иль это проснулась сила,
О помощи грозно взывая.
Мы слушаем мощный голос,
Терзанье ее узнавая.

Как пруд в степи, опемела
Грозовая полночь эта,
И голос мой тоже замер,
Без отклика, без ответа.

ВОЛЯ К ЖИЗНИ

Если однажды захочет народ пробудиться,
То и судьба отозваться будет готова,
И неминуемо тьма рассеется ночи,
И распадутся оковы.
— Тот, в ком любви нет и воли нет к жизни,
Сам в ней исчезнет, растлится растлитель,
Горе ему, если жизнь его возненавидит,
Небытие встанет над ним, как победитель,—
Так, торжествуя, мне жизнь говорила.
Так все живое мне это открыло.

*

Ветер звенел, проносясь над горами:
— Огненный смерч я на бой вызываю!
Я промчу между скал, над листвою,
Об осторожности я забываю,
Не сторонюсь я ни круч, ни ущелий,
Только б достичь мне намеченной цели!
Тот, для кого высота не отрадна,
Вечно в болоте останется смрадном.
Кровь молодая во мне заиграла,
Вихри в груди закружились моей,
Слушаю песню могучую грома,
Музыку ветра и ритмы дождей.

Землю спросил я: — О мать, неужели
Нас не видишь ты, злобой полна?
— Благословляю только отважных,
Тех, для кого никакая беда не страшна,
И проклиная подобных лежачему камню,
Тех, кто не видит, какая настала пора,
Так и вселенная вся — жизнь принимает с лихвою,
Мертвое гневно клеймит, хоть она и стара.

Мертвую птицу не станет поддерживать воздух,
Не поцелует пчела мертвых цветов,
Если б не я, не моя материнская жалость,
Даже могилы б извергли своих мертвецов.
Горе отверженным жизнью, им нет утешенья,
Вечным уделом их — уничтоженье.

Ночью одной осенней,
Отягощенной болью и гневом,
Был опьянен я сияньем звездным,
Пел своей грусти хмельным напевом.
Мрак я спросил: — Вернется ли к жизни,
Все, что она погубила весной? —
И ничего мрак не ответил,
Девы зари не запели со мною.

Голос раздался, на струнный похожий,
Роща сказала мне с жалостью нежной:
— Время зиме дождей и туманов,
Время зиме холодной и снежной,
И волшебство исчезнет деревьев,
Все волшебство плодоношенья.
Очарованье ясного неба,
Благоуханного луча цветенье.
Листья с ветвей упадут и увянут.
Вместе с цветами, тебе дорогими,
Ветер, играя, умчит их в долины,
Бурно потоки хлынут над ними.
Все, как мечта, в этом мире проходит.
Все промелькнет, все живущее — бременно,
Но семена останутся навеки
Жизни прекрасной и драгоценной.

МОИ СТИХИ

Стихи мои, сердца певучая часть,
Вы жизни частица, где вся моя страсть.
Она неизменна навек, навсегда,
Тяжелые думы вложил я сюда.
Желаний моих вы несете напев,
И в вас зазвучал затаенный мой гнев,
Еще не излитый до этой поры,
В вас горнего сумрака дышат миры,
И утро, что в чистом сиянье встает,
В вас звездной улыбкой горит небосвод,
И быстро бегут по нему облака,
И дымка тумана в пустыне легка.
В вас бодрствую я и тихонько дремлю,
И детства покой я опять узнаю.

Улыбку и радость всего бытия,
Любовь в вас былая и юность моя.
И вновь неподвижность, движение и страсть,
Над сердцем весны торжествующей власть,
Колосья склоняются, роза цветет,
И песню любви это утро поет,
И на ухо юности шепчет моей;
Стихи мои — жатва сияющих дней,
Где вечные летних мечтаний плоды,
Но в вас есть и осень, и горя следы;
Увяли цветы, облетела листва,
И облаком черным укрыты слова.
Стихи! К вам приходит и плачет зима,
Бушует гроза, и грохочут грома,
И мрачного сердца засохли цветы,
И падают в бездну они с высоты.
Стихи! Повесть жизни, мое существо!
В стихах навсегда отразил я его,
Вы — свадебной песнью, так, значит, я рад,
Вы — лютиях печалей моих и утрат.
Вино драгоценное! Вас я вкусил
И пью с наслаждением вино средь могил,

ПРОЩАНИЕ

Боль, замри! Скорбь, замри!
Вот над горем сиянье зари!
Лет безумия — нет!

Я в смертельных ущельях укрыл свою боль,
Смерть развеяла муку мою,
Лютию жизни беру, заиграю на ней
И для новых времен запою.

Пусть отчаянье тает в красе бытия,
Стало сердце оазисом песни моей,
Розы в ней, и трава, и сиянье, и мрак,
Юность, страсть, все желанья в ней.

Боль, замри! Скорбь, замри!
Вот над горем сиянье зари,
Лет безумия — нет!

Стало сердце большим, храм оно красоты,
Жизнь его создала, отдаваясь мечтам,
В нем я жизни молюсь, перед ней преклонясь.
Свечи жгу и курю фимиам.

Сила жизни волшебна и давно — вечна,
Что роптать нам на мрак! Он пройдет,
Снова утро займется, минует зима,
И весны неизбежен приход.

Боль, замри! Скорбь, замри.
Вот над горем — сиянье зари!
Лет безумия — нет.

Пусть же волны режут и сгущается мрак,
К жизни утро меня позвало
И потряс меня зов! Даже эхо его
В край далекий меня повлекло.

Горы горя, прощайте! Прощайте навек,
Кручи адской тоски и туман,
Парус я распустил. Безнадежность, прощай!
Челн мой вышел теперь в океан.

МУХАММАД АЛЬ-АРУСИ АЛЬ-МАТВИ

ЗОВ ЗЕМЛИ

Земля — моя!
Я вышел из нее!
Она цвела
Для прадедов моих.
Она должна
Навеки быть моей,
Я — сын ее, и возвращу я ей
Почет и славу прежних дней.
Захватчики коварны и сильны.
Но им не победить моей страны.
Я — сын ее!
Таких, как я, — не счесть.
Нас не сразят ни страх, ни меч, ни месть,

Нас не поставит на колени враг,
Глаза народа не застелит мрак,
Не горек будет мне и смертный час,
Когда сама земля, сама — за нас!

Земля — моя!
Ее хозяин — я!
Мне до чужих законов дела нет.
Тот, кто писал их, в кровь макал перо,
Хлеб у детей он отнимал
И свет.
Чужой закон насилем живет,
Он землю чужестранцам отдает,
Родных полей лишает он народ,
Богатств подземных и прозрачных вод.

Земля — моя!
Я прогоню врагов,
Что превратили мой народ в рабов.
Кто б ни был враг —
Да обратится вспять,
Земля моя да расцветет опять,
Доколе жив, доколе силы есть,
Я славу сохраню ее и честь.
Жестокие настали времена?
Мне до времен жестоких дела нет.
Могучие восстанут племена,
Рабу поработоритель даст ответ.
Земля — моя! Верну ее себе,
Обиды, горя, гнева не тая.
Ее добьюсь в отчаянной борьбе.
Земля — моя!

Е. - С. АТИЕНО - АДХИАМБО

ВОЗРОЖДЕННАЯ АФРИКА

Адонго сидела на бревне, курила глиняную трубку,
Потягивала дым через прокуренный тростниковый мундштук
И размышляла о «ветре перемен».
Какой-то толстосум купил землю Окело и пустил ее в дело:
Насадил райский сад, поставил деревья ряд в ряд,
Не сад, а дамская завивка;
Сделал всем коровам медицинские прививки.
Вот это и было отмечено министром как «выдающийся прогресс».

Адонго посмеивалась; а чего ей было теперь бояться?
Чернокожий помещик — свой человек; его не приходится бояться.
Он построил новые магазины и раздавал соль бесплатно.
Кто мог бы назвать его эксплуататором?
К тому же его избрал народ.
Он не мог быть подлецом.
Ведь он только что прогнал всех подлецов.
Оговорить его мог только злейший враг.

Так она размышляла: часы текли незаметно.
Вдруг появился и стал держать речь о Справедливости
быстроглазый Военный.

Мы повесили носы, поняв, что
Обмануты глупейшим образом, бессловесные, покорные.
Но капитан держал автомат на прицеле и нас приободрил.

Он сказал, что освободит нас от злодея помещика — вот этой
рукой.
Надеясь на спасительный автомат, я поближе к нему продрался.
Я хотел увидеть своими глазами, как упадет злодей помещик.
Но увидел вдруг, как упала Адонго с простреленной головой.

ПИТЕР МУВАТИ

НЕ ИЩИ, СЕРДЦЕ

Не ищи, сердце,
Трепещущих пальмовых веток
На чужом пустом берегу,
Журчанья ручьев торопливых
На горе непривычно высокой,
Одинокого крика таинственной птицы
На зеленых полях при закате.
Упрямое сердце,
Зря не ищи.

ОКОТ П'БИТЕК

ЖАЛОБА ЛАВИНО

(Из поэмы)

Муж глядит на меня с презреньем,
злится, рычит,
все ему не по нраву,
говорит, я — глупей своей тетки,
ни на что не гожусь,
старая рухлядь,
пора, мол, на свалку.

Муж, сын вождя,
одумайся, милый,
зачем ты меня позоришь, Окол,
равняешь с облезлой обезьяной?
За то, что азбуки не учила?

За то, что не сидела в школе?
За то, что живу, как все, некрещеной?

Муж, ровесник моего брата!
Опомнись, Окол!
Придержи язык,
посмотри на себя ты —
мужчина зрелый,
а сам, как младенец,
пузыри пускаешь.
За ум возьмись-ка,
банан зеленый!

Сын вождя, ты себя унижил.
О тебе судачит вся деревня.
Вместо хвалы — одни пасмешки.

Плюешь на всех,
дурачок несчастный,
на меня глядишь, будто я
бесплодна,
никудашна,
пуста, как зола без соли.

Поле отца своего топчешь,
вырываешь заветную тыкву предков!

Родичи! Плачу!
Куда податься?!
Нет сил выносить обиду.
Муж родителей моих поносит,
родную мать мою обзывает
такими словами — стыдно вспомнить.
Он теперь стал важная шишка —
по-английски жену облаял.

Кричит: никуда не годишься, рожа!
Не нужна ты мне
и нужна не будешь!
Кроет меня и так и этак.
Ты, кричит, древесная обезьяна,
не умеешь играть на гитаре,
пустоглазая жаба —
читать не умеешь.

Кричит, что я, как овца,
скудоумна,
глупа, будто муха
на пивной бочке.

Ну, конечно, я ничему не училась,
английской брани не понимаю,
не умею считать и копить монету...

Родичи! Он всех костит и песочит,
с утра и до вечера дурнословит.
Каждое слово — больнее палки:
моя мать — ведьма,
родные — свихнулись,
крысоеды мы, кафры,
живем в пещерах,
не знаем священных книжек.
Мать на шее носит
зуб крокодила,
мы все — колдуны и ждет нас
пекло!

С его языка стекает ругань,
дурная, как кровь бездетной бабы.
Язык — ядовитый корень лионно,
осиное жало, рот скорпиона, зуб змеинный.
Послушаешь — тошно,
будто наелся прокисшей тыквы.

Мой муж оплевывает черных.
Он как спятившая паседка,
клюющая собственные яйца —
такой в котелке — самое место!

Брызжет слюной,
глаза таращит,
что твой нильский окунь,
когда прет на нерест.
Весь трясется,
дрожит от гнева —
ополоумевшая гиена.

— Черномазые, — кричит, — подонки!
Дикари! Обычай ваши — мерзость,

ваши пляски — срам, разврат и пакость,
вы — прыщавые, пищие дурни!

А еще называет себя современным,
прогрессивным, цивилизованным мужчиной.

Он теперь такой умный, такой ученый,
что спать со мной больше не желает.

Я — деревенщина
тупоголовая,
в модах не смыслю,
красоту свою потеряла...

Я мешаю ему расти, развиваться.
Он кричит мне: слониха!
Толстые кости — мало мозгу!
Зря теряю с тобой время!..

*

Окол меня сторонится.
завел «современную»,
молодую...
Говорят, она смазлива
и лопочет с ним по-английски.

А еще недавно каждый вечер
мы сидели рядом, обнявшись.
А еще недавно каждый вечер
пели вместе старую песню.
А еще недавно он мне клялся
быть верным до смерти.
Шептал по-английски —
ничего не понимала я, дура...

Окол меня сторонится,
на стороне завел молодую...
Звать ее Клементина, Тина.
Эта тина его засосала...

Родичи,
видели б вы Клементину!

Черная кожа, не белей, чем у прочих,
а ночи не спит, лезет вон из кожи,
лишь бы сделаться белой леди.
Круглый день накрашены губы —
будто два раскаленных угля.
Глянeshь, точь-в-точь дикая кошка
с окровавленными усами.
Рот ее — клубень сырого ямса,
пахучая, открытая язва,
и красная глотка злого духа.
Лицо посыпано белой золою —
позеленевшее, как у трупа.
Страшное, будто маска
колдуна, танцующего в полночь;
губы — точно их в кровь разбили;
волосы — прямые, как прутья;
кожа в опалинах, как у лисицы,
которой факел под хвост воткнули,
чтобы из норы ее выгнать.

А меня мутит от мыла с карболкой.
Злые духи в голове пляшут
от вонючей золы — от пудры.
У родного дяди, у брата мамы,
выпрошу козла; я его прирежу
и помажу щеки жертвенной кровью.

Козлиный запах сильнее пудры,
и злые духи меня покинут,
и покой поселится в сердце...

МАКОМБО БАМБОТЕ

ПЕСНЬ ДВОИХ МОИХ ДЯДЕЙ

(Из поэмы)

1

Свет молодой луны
куда моложе был,
чем я, хотя сиял он
давным-давно,
задолго до меня.
Из дебрей доносились
глухие голоса
зверей и птиц полночных
и шум ветвей.

Обычай был таков: идти
ночами. Может быть,
однажды в этом разберутся.
Едва лишь солнце заходило,
мы поднимались, чтоб идти
в глубокой тьме.
Тревожной,
беспорядочной толпой
растягивались мы
на много верст. У этих
коротконогих человечков
вставали дыбом волосы, катился
холодный пот
по их гусиной коже.

Ни у кого и никогда
так слух не обострился
от страха.
Их ждали дали.

Под молодой луной
их ждали дали,
подростков пятнадцатилетних.
Смех вызывает хромота.
Кому по нраву спотыкаться,
ступая по камням
распухшими ногами
у деревушек сонных на виду?
Но это было
незадолго до ухода.
Обычай был таков:
идти ночами.

А дело в том, что день сулил
немало бед скитальцам.
Днем солнце вспять ползло
над руслами дорог,
над быстринной колеи,
оставленных грузовиками,
которые везли
колониальный хлопок.
Я помню берега
и броды рек,
опасных для машин,
где было всякое,
где столько потонуло.
Мне объяснила все
моя родная тетка,
согбенная крестьянка,
которая на старческих ногах
с трудом передвигалась, опираясь
на две клюки.
Мы жили у нее —
мой младший братец Ванго
и я. Старуха с нами
сурово обходилась.
Ни на один вопрос
ответа мы не ждали.
Рассказывали в Бао...

О чем? Узнаете.
В какой-то там глуши,
вдали от городов
живут в достатке люди.
Неужто вправду есть
земля такая?
И днем и ночью
распевали птицы,
а рядом находились
лесные звери.
Нет, я писать не собираюсь
для прогрессивной прессы.
Все эти звери,
все эти звери
не были убиты,
хотя лежали бездыханны,
хотя пейзаж
был так обезображен.
Конечно, жители селенья
потом клялись,
что ничего не знают.

Рассказывали в Бао...
О чем? Узнаете...
Мой дядя Канза,
тот говорил,
что дело в колдовстве.
Вам это не понять
веки. Это было
и вправду колдовство.
Живите
в довольстве, толстяки,
отращивайте щеки
и возвращайтесь в город,
взяв про запас денегжат.

2

Узнаете ли вы
когда-нибудь, собратья.
как изобильны наши
саванны и леса?

Достиг мой дядя Канза
преклонных лет, он стал
остер, как нож, как бритва.

Родился он и вырос
в селенье Бао,
жил рядом с кузницей,
все дни он пропадал
в полях и чащах.
Достиг мой дядя
преклонных лет. С тех пор
произошло немало перемен.

Он рос, его кормил
зеленый лес. Он рос
поджарый, стройный, черный, —
рука протянута всегда,
а рот разинут
на буйволятины кусок,
на мясо антилопы,
которое томится
в ореховой подливе,
в масле золотом.
Такое блюдо вы едали,
но я хочу напомнить,
что пиршество
отрада для мужчин.

Его изнанка — чад
и сажа на котлах из глины,
которую с травкою пополам
на берегу реки
месили руки женщин.

3

Узнаете ли вы
когда-нибудь, собратья,
как изобильны наши
саванны и леса?
Мой дядя мог разгрызть
любую кость зубами,

а как мотыжил он
податливую землю,
она пред ним ложилась,
покорная, пропитанная потом.
Мой дядя сокрушал ее
всей мощью круглых плеч.

Чтоб жрать за четверых,
чтоб жить в достатке,
чтоб выстроить, как надо,
три хижины для жен,
работал дядя Канза,
как вол. Как он стонал
в конце работы,
когда мерцали
последние лучи,
когда он покидал
распаханный надел,
чтоб завтра вновь прийти
и корни корчевать.

Чтоб жрать за четверых,
мой дядя Канза спал
на сельской площади.
Там на песке
лежал он, как шпинат
на плоском блюде,
упругий, как шпинат
на белых жерновах зубов.

Теперь известно вам,
что это за натура,
мой дядя Канза мог
жить полуголым в чаще,
при этом усмехаться
и нить своей судьбы
кровавую плести,
а ведь на свете
столько вахлаков.

Мой дядя Канза в Бао
твердил, — вам это не понять
веки... это было
и вправду колдовство.

**Живите
в довольстве, толстяки,
отращивайте щеки
и возвращайтесь в город,
взяв про запас денег.**

КЭББЭДЭ МИКАЭЛЬ

ВСЕ УНЕС УРАГАН

Суесловье и спесь,
Лести с жалобой смесь,
Горе, свары, нападки,
Строгий суд без оглядки,

Оскорбления, ложь
И гордыню вельмож,
Измышленья, упреки,
Сплетни, плутни, намеки,

Нежность к ближним своим,
Страсть к тому, кто любим,
Верность другу и брату,
Клятву мстить супостату,

Все благие плоды,
Все людские труды,
Все, что мы повстречали,
И добро и печали, —

Все унес ураган
Из неведомых стран,
Сгреб в охапку без правил,
Ничего не оставил,

Ни земли, ни травы,
Ни червей, ни листвы,
Нет и пыли в пустыне,
Нет и грязи в помине.

Что за буря была,
Все смела, все дотла,
Даже в тихой ложбинке
Не осталось песчинки.

Все унес ураган,
Как бесплотный туман,
Не осталось в помине
Ни любви, ни гордыни.

МИР И ВРЕМЯ

С давних пор я живу, и за долгий свой срок
Видел многое, много прошел я дорог.
Помню: долго я странствовал и наконец
Предо мною возник исполинский дворец.
У ступеней толпился народ — не пройдешь,
Был дворец на огромнейший улей похож.
Пораженный его высотой и красой,
Я глядел на дворец, я стоял сам не свой,
И подумалось: кто из волшебников мог
Возвести этот сказочный светлый чертог?
И тогда, восхищенье свое не тая,
К одному из прохожих направился я
И спросил: «Растолкуй мне, почтенный старик,
Чей дворец? Кто такие хоромы воздвиг?»
Мне отвечивал старец, кивнув головой:
«Это зданье — дворец богача родовой,
Жил здесь некогда прадед владельца и дед,
Этим стенам стоять до скончания лет».

*

Поколенья сменялись, мелькали года,
Долго шел я и снова вернулся сюда.

*

Где дворец? Ни дворца, ни ступеней, ни стен.
Где хоромы? Осталась лишь пустошь взамен.
И ни камня, ни древнего щебня у ног,
Словно маревом был этот пышный чертог.
Озадаченно я озираюсь вокруг,
Предо мною канал и просторнейший луг.
Вижу: дерево с шумною кроной растет,
Вижу я пастуха и пасущийся скот.
Пастуха вопрошаю: «С каких это пор
Здесь канал и травую порос косогор?»
И пастух отвечает, взглянув на меня:
«Это пастбище — с самого первого дня,
И всегда здесь в канале струилась вода,
И всегда в этих травах бродили стада».

*

Поколенья сменялись, мелькали года,
Долго шел я и снова вернулся сюда.

*

Нет канала, и луг травянистый исчез,
Вырос город, касаются крыши небес.
Сколько улиц и зданий! Порядок и лад
В новоявленном городе этом царят,
На цветистом базаре толпится народ,
Красота этих людных кварталов берет
Восхищенное сердце и разум в полон,
И умением строителей я изумлен,
И все больше меня покоряет краса,
И стою, и на эти дивлюсь чудеса.
Я гармонию вижу на каждом шагу.
И гляжу я и глаз отвести не могу.
Мне навстречу шагает почтенный старик,
Вопрошаю: «Когда этот город возник?»
С удивленьем я слышу ответ старика:
«Этот город, мой друг, существует века.
Он становится краше, меняет свой вид,
Но стоял он века и века простоит».

*

Поколенья сменялись, мелькали года,
Долго шел я и снова вернулся сюда.

*

Но не вижу я города, город исчез,
Там, где были дома, вырос девственный лес.
Вижу птиц я диковинных среди листвы,
Бродят хищники в чащах — гиены и львы.
Всюду слышится щебет, рычанье и вой,
Всюду чаща смыкается над головой.
Потрясенный бреду без дорог наугад
По бескрайнему лесу, где звери кишат,
Все иду я, вокруг озираюсь, и вот
Одинокий туземец навстречу идет.
Говорю я туземцу: «С каких это пор
Темный лес в небеса свои ветви простер?»
Поглядел он в глаза мне и взор перенес
На стволы и листву: «Что за странный вопрос?
Вечно эти смоковницы, эти хвощи
Здесь росли, и начала ты им не ищи».

*

Все меняется в мире: уходит одно,
А другое на смену явиться должно,
И приходит, свои утверждая права.
Мы в бессмертные верим, а надо сперва
Вспомнить истину: в мире лишь путники мы,
Исчезаем во тьме, как явились из тьмы.
Поколенья проходят, мелькают века,
Словно горный поток. Весь наш мир — как река.
Погляди: все бежит, как течение вод,
Что-то гибнет — на смену другое идет.

НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ

Развевал ветер прах,
Рассеял в небе тучи,
Пшеница на полях
Взошла стеной могучей.

Взгляни с горы крутой:
Слепящих красок море.
Окрестность пред тобой
Вся в праздничном уборе.

Тростник, чабрец, пырей
Сплошной ковер соткали,
И весь простор полей
В цветочном покрывале.

Но, все цвета затмив,
Лиловый цвет взошел там,
Взлетают птицы с нив
На крыльях, черных с желтым.

Напев плывет вдали,
И аромат струится.
Прекрасен мир земли,
Я сам его частица.

МЭНГЭСТУ ЛЕММА

Л Ж И В Ы Й   Р О Д И Ч

Мой родич и во сне
Не жаловал ко мне,
Но умер я — и что же?
Пришел он с постной рожей.
Печаль его узрев,
Пришел я в страшный гнев,
Взяла такая злоба,
Что я восстал из гроба.
«Ты не пришел, нахал,
Когда я подыхал!
Явился на поминки?
Стираешь две слезинки?
Терпеть тебя невмочь!
Пошел отсюда прочь!»
Изрекши это слово,
Я в гроб улегся снова.

НАДОЕЛО

И денди-эфиопы,
И снобы из Европы —
Все это светский сброд.
Тошнит от их острот,
От споров и бахвальства,
От сплетен и нахальства.
Грызутся там и тут,
Друг друга не поймут.

Сбежим-ка в лес зеленый,
Чтобы глядеть на кроны,
Вдыхать листвы настой,
Бродить в траве густой,
Чтоб, вторя птичьим стаям,
Носился пес мой с лаем,
Чтоб на траву упасть
И отоспаться влать.

ПИТЕР ГЕНРИ АБРАХАМС

ОДИНОКАЯ ДОРОГА

Одинокая дорога,
Не видно звезд;
Одинокая дорога,
Тень, тишина,
Все тихо, недвижно,
Как в сердце, что умирает,
Печальный звук,
Замирающий шаг,
Одинокая дорога и ты.
Тени,
Странные, тусклые тени,
Ползущие тени
Стучатся в душу тюрьмы.
Печаль, печаль,
Горькая печаль —
Вот дорога моя.

ДЕННИС БРУТУС

* * *

По всей земле родной пролег мой путь.
Я — трубадур, не знающий покоя;
леса меня приветствуют листвою,
и я спешу им руку протянуть.

Запреты презираю я: их суть —
глумление над мыслью, над мечтою,
и, под прицелом пулеметов стоя,
достоинства не уроню ничуть.

Иду, пою, не смея отдохнуть.
В отплату за добро, за все благое
обидчик мой стремится затянуть
петлю на шее у меня, изгоя;
и милостью не взыскан я — отнюдь.
Мне тень стрелы перечеркнула грудь.

* * *

Мы уцелели,
и — пусть отвергнутая — нежность не увяла.

Снопы лучей обыскивают грубо
беспомощную нашу наготу;

над нами — вечным ужасом обвала —
фашистских запрещений декалог;

и под ударами сапог
растрескались и облупились двери.

Мы уцелели, пережив
лишения, разлуки и потери.

На темных улицах патрульные — как змеи,
свернувшиеся перед нападе́ньем.

И худшее изо всего — террором
обезображена земля моя родная,

а мы разрознены, изнемогаем в муках;
по — пусть отвергнутая — нежность не увяла.

* * *

Опаснее свирепейшего зверя,
не поддающееся прирученью,
чудовище железное меня
наметилось схватить огромной пастью.

Как балерина, легконог,
как мотылек, недолговечен,
я пританцовываю осторожно,
от гибели пытаюсь ускользнуть.
И вдруг с небес гранитно-серых
на мрачный прах земной
лучи — потоком.

Сиянье вдалеке
струит воспоминанья
о ком-то светлом, милом сердцу —
таком далеком.

* * *

Над мокрой мостовую — солнце.
Избитые до синяков, —
как ни оспаривай бесспорное, — укладкой
мы радуемся передышке краткой,
и наши души, наши костяки,
изломанные сапогами,
целует золотистое сиянье.

Быть может, скоро наши костяки
напишут имя гневной Немезиды,
погибнувшей от пули в Шарпевиле.
Пока же на устах, смиривших гордость, —
безмолвие тоски.
Мы благодарны передышке краткой —
и солнцу этому — над мокрую брусчаткой.

О Б С Л У Ж И В А Н И Е
В Ю Ж Н О А Ф Р И К А Н С К О М С Т И Л Е
Т О Л Ь К О Д Л Я Н Е Б Е Л Ы Х

1

Девушка зауряднейшего вида
с невыразительными мелкими чертами
и похотливинкой в глазах
взирает с царственным презрением

на вшивое мое существование
и, с томной неохотой изъявив
свое согласие — даже нос картошкой
внезапную точность обретает —
продать мне несколько почтовых марок,
губами сморщенными старого хрыча
подсчитывает медяки, ворча.

2

Еще ни разу чай, что подают в буфете,
не возбуждал во мне подобной жажды.
Глумятся надо мною расписанья,
со свистом пробегают поезда;
и здесь, в прибежище бессилья моего,
часы нашептывают мне: «Будь стоек!
Терпи, пока тебя обслужит наглость!»
О мысли, полные отравы, перестаньте
тянуть свое унылое анданте.

* * *

С обычной шумихой приходит осень в эти края.
Словно старушечий, голос ее визглив.
Золотые, с каштановыми прожилками,
пряди ее волос
развешаются над дубами,
осветляя их нервную зелень;
полное затаенной страсти,
порывистое дыхание ее
сладостно разливается в утреннем воздухе,
пронизанном жаждою обладанья —
и смерти.

ЭРОЗИЯ: ТРАНСКОЙ

Шрамы, стонущие под покрывалом зеленым,
беззвучно рыдающие кровавые раны
молят об утолении жажды;
жизнь по множеству русл устремляется к морю.

Земля моя дорогая, раскрытая передо мною,
истерзанная и послушная воле моей;
по горным уступам карабкается проворно
мое восхищенье, а гнев извергает потоки,
дымящиеся любовью и болью;
прекрасные смуглой своей наготой, в покое обманчивом
к неведомым горизонтам убегают пространство и время,
томясь ожиданьем дождя.

НОЧНОЙ ГОРОД

Да будет тих, любимая, твой сон!
Над пристанью — разлив сиянья студенистого;
патрульные машины расползлись
по городу, как стая тараканья.

Из хижин, где живут страданья,
насилье вышвырнуто — вшивым тюфяком;
и в дрожи колокола ужас затаен.

В песках и скалах дышит гнев неистовый.
Да будет безмятежен в эту ночь,
земля моя любимая, твой сон!

* * *

Все те же звуки: дикий
сирены вой в ночи,
стук громовой — и нервов
пронзительные вскрики.

Крещендо — боль. В глазах
разгневанные блики,
неудержимый плач —
все горше и надрывней.

Дней пережитых лики
назойливее ливней.
Все те же звуки — стук сапог
и вой сирены дикий.

Я в памяти храплю твои черты:
у стула опустившись на колени,
печальными глазами смотришь ты,
как я бреду по остриям ножей,
и на губах твоих, обидчиво поджатых,
застыло обвинение в измене.
Мы оба знаем тщетность оправданий.
Любимая, в любви я отдаю
стране своей родимой предпочтенье.

Вину свою охотно признавая,
я все же ожидаю списхожденья:
не ты ли, красотой своей маня,
в сообщничество вовлекла меня?
И сердца моего не гложет стыд.
Я верю, что она, страна родная,
мое невольное предательство простит,
к сопернице напрасно не ревнуя.

К БЕРНИС

Как ласково струенье лепестков,
окутывающих мою нагую землю!
Как ласково струенье лепестков!

Как нежен лиловатый их покров
в благоухании задумчивых намеков!
Как нежен лиловатый их покров!

Порхающие стаи мотыльков
едва тревожат воздух полусонный —
порхающие стаи мотыльков.

Несмело приближаюсь я к подножью
рыдающей печально джакаранды;
и вот опять люблюсь с тайной дрожью,
как ласково струенье лепестков...

БЕНЕДИКТ ВИЛАКАЗИ

ПОСВЯЩЕНИЕ В ПОЭТЫ

Возле ворот Дукузы —
Великого города предков —
Я молил заходящее солнце о том,
Чтобы Чака послал наконец за мной.

Вождь услышал и повелел:
«Стань для земли копьем и щитом».
А потом, вослед за славой земной,
Тень прекрасной Уманкабайи
Мне явилась во сне.
Она приоткрыла тайны вселенной
И меня обучила парить в вышине.

Ворота — старинный сторож — Дукузы
Предо мной растворились по воле ее;
Я вошел, от волнения не дыша,
Не зная, как славить Уманкабайю.

От скорбей исцелилась моя душа,
И я, упав на сухую траву,
Себя ощутил могучим вождем.
Как знать, что во сне, а что наяву...

Я жаждал встретить Уманкабайю,
Но призраки всплыли из бездны зла,—
Сомкнулись створы ворот Дукузы,
И пеплом Дукуза к ногам легла.

С тех пор стало тесно словам во рту,—
Я понял, что прежде жил, как немой,
С тех пор я поэт, даже смерти самой
Вновь не отбросить меня в немоту.

Я спал, по явившаяся во сне
Уманкабайя сказала мне:
«О сын Манципзы, глаза раскрой,
Ты рожден не затем, чтобы спать, поэт,
Воспой боевого копья полет,
Сердцу не дай обрасти корсй!»

Я БЕЛОМУ ЗАДАЛ ВОПРОС

Как-то я белому задал вопрос:

— Зачем ты пришел сюда, что ты принес,
Почему колени мои дрожат,
Отчего моя жизнь черна,
Почему даже в полдень кажется мне,
Что затмила солнце луна?

Как-то я белому задал вопрос:

— Можно ль вернуться туда, где я рос,
Где кобе я ел, и пил молоко,
И жизнь начинал, как дед?
Неужели ничем уже не отмыть
Вашей грязи и копоты след?

Как-то я белому задал вопрос:

— Почему окровавлен я и безголос?
Я крепкую черную кожу имел,
Я честный язык имел;
Кто же сегодня мне рот заткнуть
И кожу спустить посмел?

Как-то я белому задал вопрос:

— Везде ли цветных превращают в отброс?
В землю уходят тысячи стен
И вздымаются до облаков;
Не заблудился ли я меж домами,
Пугающими стариков?

Как-то я белому задал вопрос:

— Скажи, неужели ты веришь всерьез,
Что и впредь, покорившись тебе, вожди,
Подобно предкам своим,
Будут зулусами править, пока
Ты голов не открутишь им?

Белый, конечно, молчал в ответ,
Но я разобрался, где мрак, где свет,
И ныне вперед поведу народ,
Который давно уже сбит с пути,—
Сгусток страданья черных людей
Недаром трепещет в моей груди.

В Е Ч Е Р

Стало чернеть темно-синее небо,
Дальние горы исчезли во мраке,
И солнце закатное приняло цвет
Красного железняка.

Юркие ласточки в гнездах укрылись,
Зашевелились летучие мыши,
А ветры устали гнать с океана
Растрепанные облака.

Искусственный свет побелил дорогу,
Где-то вдали завывали гиены,
Только они, пожирая падаль,
Бродят вблизи от мест,

Где гибнут деревья и сохнут травы,
А пыль, поднимаясь из горла шахты,
Летит по ветру и покрывает
Мир на сто миль окрест.

Здесь нет ни реки, ни болот прохладных,
Ночью лягушек здесь не услышишь,
Коростели и белые цапли
Давно улетели прочь.

Теперь здесь водятся только... люди.
Вот наконец они показались.
Значит, их день рабочий окончен,
Значит, настала ночь.

НА ЗОЛОТОМ РУДНИКЕ

Гремите, машины, и скрежещите,
Вы трудитесь без перерыва на сон,
Я тоже сутками сна лишен.
Гремите, машины, и скрежещите,
У вас я не стану просить о защите,
Какое вам дело до черных рабочих,
Какое вам дело до слез и страданья;
Шахта не знает ни дня, ни ночи,

Вместо покоя здесь ожиданье
Отбоя, похлебки и воскресенья...
Гремите, орите, ищите спасенья,

А мы устали от криков боли
И грубой брани в дороге длинной
Меж этим адом с названьем Голи
И краем, где из гончарной глины
Нас вылепил бог и обжег в печи,
Чтоб стали черны мы и горячи.

Дымом наполненные машины
Нас обрekli
Неволе и горю;
Нас провезли
По суше и морю
И бросили в жадную пасть темноты,
Где, мучаясь издавна, люди-кроты
Тянут тугие соски земли,
Чтоб золотые струйки текли
В бездонный карман хозяина шахты.

Люди-кроты не знают о солнце;
Солнце у предков их отобрали,
Деда и прадеды умирали
Для того, чтобы вам помогать в работе,
О колеса, крутящиеся бессонно,
О гиганты, лишённые стонущей плоти!
Мы в рабстве, но кто, по какому праву
Вас заставляет работать, работать,
Давиться работой, скрипя от злости,
Пока не устанут сгибаться суставы
И не источит ржавчина кости,
А после выбрасывает на свалку?

Я видел скончавшиеся машины,
В шахте мы с ними родные братья:
И нам разъедает ржавчина кости,
И мы отдыхаем лишь на погосте...

Но машина не станет рожать машину,
Как мы, потому что она умнее,
Но машина не кашляет перед смертью,
Как мы, потому что она сильнее.

Нам и за проволокой колючей
Мерещится случай, счастливый случай,
А ей не нужно глупой надежды.

Бездонны штольни,
А день рабочий —
Это весь день
И три четверти ночи.
Кроты под землей
Ведут коридоры,
Кроты на земле
Поднимают горы.
И бесконечность этой работы
Потрясает их простодушных предков.

Так было: люди племени моши,
Голос сирен услышав однажды,
Из хижин вышли на всякий случай;
А белые проволокой колючей
Им путь преградили
И обратили
Мужчин в кротов, копающих землю,
А землю — в подобье большой коровы,
Чье молоко — золотой песок.

Чем глубже в землю уходят шахты,
Тем больше снаружи пустой породы,
Ныне гигантские терриконы
Могут тягаться с горой Эсанзлвана;
В тот день, когда я становился кротом,
Они были меньше,
Но, верно, потом
Станут больше.
Я жду, чтоб весь мир покрыли
Груды красно-коричневой пыли,
Которая к небу взлетает тучей,
Едва прошуршит ветерок летучий
Над глоткой нашей проклятой шахты.

Гремите, машины, ревите, машины,
Вы заглушаете наши крики,
В себе вы прячете гнев великий,
Ваши проклятья слышнее наших.

Не смейтесь, слушая наши стоны,
Мы будем молча лежать в могилах,
Вам помогать мы уже не в силах:
Вы только ржавеете,
Мы — умираем!

СЛУШАТЬ ГОТОВ Я

Слушать готов я, пой мне, о Ветер,
Дай отдохнуть и набраться силы,
Только один ты на белом свете
Умешь качать и баюкать деревья.
В песне твоей чудеса повинны,
И красота, и реальность видений,
И любовь, приходящая без причины.
А мелочность старости и тишина,
Те, что меня оставляют без сна,
И тебя настораживают, наверно.
Но что же, давай уьем тишину!
Сердце мое полно ожиданья,
Оно для любого дерзанья открыто,
Радость тревогу в нем не убила, —
Молчанье вечера мы разрушаем,
Подобно упрямым рыжим термитам,
Забравшимся в брошенную могилу.

Слушать готов я, пой мне, о Птица.
Здесь, где закрыто небо ветвями,
Песня твоя свободней струится
И голосок твой звучит сильнее.
Я шел от рожи невдалеке,
И так заслушался ненароком,
Что прилег и уснул на горячем песке.
Благодеянье великое — сон:
Забуть помогает измученным он
О страданиях, о голоде, о болезнях
И о людях, которых лучше не помнить,
Пой же мне песню с ветки зеленой
Такую, чтоб даже луна удивленно
Остановилась над нами в тумане,
Шепча: «Вы сытее пятнистых гнец,
Идущих по следу Номкубулваны».

Слушать готов я, пой мне, Цветок,
Древнюю песню любви и пчелы,
Сладкую песню дождя и реки,
Которые жизнь возвращают в пески.
Твои лепестки нежны и малы,
Но мудрость тверже алмазной скалы.
Ты знаешь секрет молодой любви,
Подобной свету предутренних звезд,
Перекинувших легкий волшебный мост
От ночной темноты к рассвету.
Ведь росы, упавшие на траву,
Сперва их мерцанием были согреты,
А потом уже розовым светом зари.

Песни об этом умеют петь
Только Ветер, Цветок и Птица.
Дайте же мне до конца насладиться,
Дайте же сердцем уразуметь
Песню Ветра, Цветка и Птицы.

КУВШИН СОНКОМОСЕ

О праотец мой, я постиг тебя
И о многом хочу говорить с тобой,
Во времени встретиться мы не могли,
Но зерна поступков твоих проросли,
И каждый побег, сохраненный судьбой,
О тебе рассказывает, любя.

Передо мною сосуд старинный.
«Старый кувшин», — говорили люди.
Кто знал, что в одну из тяжелых годин
Ты с ним остался один на один
И пепел твой погребли в сосуде,
Забитом затычкой из красной глины.

Теперь на музейную полку лег,
Формой подобный неведомой птице,
Кувшин — посланник иных времен.
Тщательно пемзой очищен он,
Он за граненым стеклом хранится,
И лампу служитель над ним зажег,

Но, пристально вглядываясь в узоры,
Я вижу открытые Сонкомосе,
Стоящие возле границы мира,
Горы — подобные слою жира —
На туше, ножом рассеченной косо, —
Скрывавшие всех, кто бежали в горы.

Мастер ушедший из вязкой грязи
Птицу-кувшин сотворил с любовью,
Но позабыли мы слишком скоро
Все, перед чем трепетали горы,
Когда, траву перепачкав кровью,
Пировал народ вождя Мзиликази.

И все же порой гнилая вода
Становится слаще пчелиного меда.
Почиет минувшее в этом сосуде, —
Сквозь глину внутрь посмотрите, люди,
Тени былого у горлышка-входа
Теснятся, замкнутые навсегда.

А. - С. Д Ж О Р Д А Н

ВЫ МНЕ ПРИКАЗАЛИ..

Вы мне приказали смириться навеки
С украденной жизнью, с нуждой и стыдом,
Быть вечно довольным, хотя вы решили
Разбить и разграбить мой нищенский дом!

Но прикажите пчелам,
Хранительницам сот,
Грабителя не жалить,
Ворующего мед.

Вы мне приказали, чтоб ради богатых
Принес я безропотно в жертву детей —
Пускай голодают, слабеют, тупеют,
До смерти не ведая радостных дней!

Но прикажите лучше,
Чтобы наседка-мать
Не смела пса-задиру,
Храпя цыплят, клевать.

Вы мне приказали слепым оставаться,
Хоть свет наконец-то и мне просиял,
Чтоб я с моим родом томился во мраке
И радость ученья вовеки не знал!

Но прикажите гордым
И пестрым петухам
Не поднимать с рассветом
Хвалебный звонкий гам.

Вы мне приказали отречься от знаний,
Которые миру богатство несут,
Быть мрака рабом, быть забитым невеждой,
Не чувствуя гнета мучительных пут!

Но прикажите травам
Среди лугов и роц
Завянуть, коль омоет
Их теплый летний дождь.

Зиме прикажите в весну не излиться,
Весне — зеленеющим летом не быть,
Не делаться щедрою осенью — лету,
Венере — сиянье с зарею не лить,

И прикажите мраку,
Чтоб он не посветлел,
Когда осыплет солнце
Его потоком стрел.

ИНГРИД ЙОНКЕР

РЕБЕНОК, ЗАСТРЕЛЕННЫЙ СОЛДАТАМИ В НЬЯНГЕ

Ребенок не умер
ребенок заносит кулаки на мать
которая кричит Африка! и в крике дыханье
свободы и вельда
в округе оцепленного сердца

Ребенок заносит кулаки на отца
в походе поколений
которые кричат Африка! и в крике дыханье
правоты и крови
на улицах его воинственной гордости

Ребенок не умер
Ни в Ланге ни в Ньянге
ни в Орландо ни в Шарпевиле
ни у полицейского поста в Филиппе
где он лежит с пулей в голове

Ребенок это темная тень солдат
настороженных с винтовками и дубинками
ребенок присутствует на ассамблеях и законодательных собраниях
ребенок заглядывает в окна домов и сердца матерей
ребенок который хотел только играть на солнце в Ньянге
теперь везде

ребенок ставший взрослым проходит по всей Африке
ребенок ставший гигантом идет по всему миру

Без пропуска

ОЛЬГА КИРШ

СЛОВОПЛЕТЕНИЕ

Черная девочка, зачем из конца в конец
по зимним улицам ты ходишь? Дом, дворец...

В лохмотьях, на ветру оцепенев,
куда пойдешь ты ночью? Стойло, хлев...

А я домой пойду: ты чуть жива,
а дома в камельке трещат дрова,

в столовой аккуратно стол накрыт,
и в спальне мягкая постель стоит.

О чем же скажут мне твой взор и вздох?
О том, что бог — лишь белым детям бог?

БЛОКГАУЗ

Фундаментом для крепости был страх,
Замкнула злоба двери у нее.
Строитель у бойницы, сжав ружье,
Прочесть не смеет надпись на стенах.

ПИТЕР КЛАРКЕ

ИГРОВАЯ ПЕСНЯ

Поскорей побежим по зеленым холмам
К облакам, к облакам,
К облакам!
Там цветут маргаритки — белей, чем снега,
Для венка, для венка,
Для венка!
Мы спешим маргаритки в гирлянды сплетать,
Мы спешим, чтобы завтра вернуться опять,
Чтоб и завтра взбираться по склонам холмов,
Собирая цветы для венков, для венков!

Поскорей побежим к синей бухте морской,
Где прибой, где прибой,
Где прибой!
Где мальчишки, как рыбы, плывут в глубину
Под волну, под волну,
Под волну!
Можно вниз, — где мальчишки плывут в глубине,
Где крылатая яхта скользит по волне,
Можно вверх — к облакам по зеленым холмам:
Все сегодня позволено нам!

ЛЕОНАРД КОСА

ЖАЛОБА АФРИКАНЦА

Не ходи
мимо боссов дебелих,
мимо розовых
злых джентльменов,
мимо маленьких леди
надменных,
мимо важных матрон
поседелых.
Там на страже
стоят полисмены,

там написано:
«Только для белых!»

На отелях,
на барах веселых,
на гранитных
церковных приделах,
на больницах,
вокзалах
и школах —
всюду надписи:
«Только для белых!»
На рассветах,
пылающих в небе,
на мечтах,
безрассудных и смелых,
на любви,
на свободе,
на хлебе —
всюду надписи:
«Только для белых!»

На ногах моих
черных,
проворных,
на руках моих
черных,
умелых,
на плечах моих
каменно-черных
отчеканено:
«Только для белых!»

Б У М

Говорят, у нас в страпе
наступило процветанье.
Посему на пропитанье
что-нибудь подайте мне.

Всем дельцам — хвала и честь!
Изобилье! Конъюнктура!
А жена твердит мне, дура:
«Дети плачут, просят есть».

Крик стоит на всю округу:
«Много строится жилья!»
О, с каким подъемом я
прихожу к себе в лачугу!

Нашу славную страну
бум обогатил безмерно.
Я — от радости, наверно, —
скоро ноги протяну.

Ц В Е Т Н О Й

В автобусе и в лавке,
в кафе, на пляже, в сквере,
на почте и в конторе,
в аптеке и в кино —
езде косые взгляды,
захлопнутые двери.
Цветному
рядом с белым
дышать запрещено.

Наверное,
за гробом,
придя к воротам рая,
спеша вдохнуть блаженство,
забытое давно,
я это изречение
у входа прочитаю:
«Цветному
рядом с белым
дышать запрещено!»

П Р О Щ А Н И Е

Дайте мне паспорт,
дайте мне визу,
не провожайте в дорогу.
Больше я эту страну
не увижу,
слава всевышнему богу.

Можно ли жить
в преисподней,
во мраке,
в этой трясине промозглой?
Люди безмолвствуют,
Лают собаки.
Душно.
Дышать невозможно.

Больше, родные,
вас не увижу.
Спрячу тоску и тревогу.
Дайте мне паспорт,
дайте мне визу,
дайте билет на дорогу!

БРАТЬЯМ

Будьте взрослыми людьми.
Затянулось ваше детство.
Опекун проест наследство.
Будьте взрослыми людьми.
Будьте гордыми людьми,
ибо жизнь дешевле чести.
В одиночку или вместе
будьте гордыми людьми.
Будьте смелыми людьми.
Чтобы жить — нужна отвага.
Ради собственного блага
будьте смелыми людьми.
Будьте сильными людьми
не для мести, не для славы.
Только для защиты слабых
будьте сильными людьми.
Будьте стойкими людьми.
Пусть неправедным законом
каждый намертво закован,
будьте стойкими людьми.
Будьте честными людьми.
Нынче правда не у власти...
До конца, а не отчасти
будьте честными людьми.

Будьте добрыми людьми,
хоть оно теперь не в моде.
При любой дурной погоде
будьте добрыми людьми.

Будьте вольными людьми.
Дело близится к развязке.
Время жить не по указке.
Будьте вольными людьми!

Э И С К Р И Г Е

В С Т Р Е Ч А

Черный ветер пропосится в черной ночи
Над черной горой и черной бескрайней водой.
И море, рыча, скалит белые зубы у скал
И бросает на берег волну за волной.

Ночь. Ни звезды. Ни огня. Пустая дорога.
Слева — глухие дома богачей, справа — слепой
Черный ветер, ревуший на небе и в море.
Пустынной дорогой бредет человек, охваченный пустотой.
Мрак. Одиночество. Бездна. Безнадёжность.
Любовь не струится
Нежным ручьем по утесу сердца,
Только черный ветер стремится

Все дальше и дальше над верами, классами, материками,
Морями — над всею ночной планетой.
Огонек выплывает внезапно из непроглядного мрака, —
И мысль, блуждавшая где-то,
Скачком возвращается к черной дороге над морем,
Где мокрые ветви
Бьют по глазам, как крылья,
Где крики чаек
Глохнут в грохочущем ветре,

В старой консервной банке мечется слабое пламя.
Огонек то сникает, то вновь набирает силы.
Черный оборванный негр обогревает ладони,
Стоя у недостроенной виллы.

Сторож ночной, он бросает приветствие вструг,
И, когда долетает ответ,
Белые зубы сверкают в черной широкой улыбке.
Все ярче и ярче слабого пламени свет!

Пустыня теперь не пустынна!
О стойкое пламя!
Я прохожу, освещенный
Твоими лучами.

МОЛИТВА МОЛОДОЙ ЛУНЕ

*(Молится молодой бушмен в своем последнем убежище
на вершине Драконовых гор)*

Юная луна —
Белый лепесток над бездной
В вышине небесной —
Славься, юная луна!
Славься, славься,
Юная луна!

Новая луна,
Белая луна,
Черная луна,
Светлая во тьме,
Ты услышь меня,
Снизойди ко мне
И открой
Передо мной
То, что выше гор таится
И глубже ущелий гнездится,
Что весеннего ветра теплее
И вечных снегов холоднее.

Новая луна,
Тихая луна,
Покажи мне
Тайные письма,
О которых поет тишина.
Расскажи мне
О Духе, который
Один Во Всех И Все В Одном,

Чья чернота
В небе ночном,
Чья белизна
В пене морской.
Он — молний сверканье,
Зерна прорастанье,
Грохочущая волна
И подаемых пещер тишина.
Он не виден нам,
Он — и жизнь и смерть.
Он вдали, и он здесь,
Я им сегодня
Полон весь.

Слава тебе,
Молодая луна!
Посмотри на меня,
Подай мне знак!

Но когда настанет серый
Предрассветный час
И солнце будет на небо всходить,
Предвещая смертельный бой,
О золотой калебас
Света и жизни ночной!
Как я буду тебя молить —
О богиня земли и неба! —
Снизойти ко мне, научить,
Как отвести все беды,
Которые бродят вокруг меня,
Смерть предвещая с приходом дня.

А сейчас я лежу и жду,
Ненавидя рассвет.
Я жить хочу,
Как первый росток!
Посмотри на меня
И уверь меня,
Что смогу я врагов победить,
Что я буду жить!
Юная луна,
Серая луна,
Тонкая луна,

Ты очень скоро должна
Исчезнуть,
Истаять
На широкой ладони дня.

Юная луна,
Бледная луна,
Расскажи мне
О самом простом,
Пусть я знаю,
Что кровь молодая
Будет в жилах бить,
Что я буду жить!
Слава тебе,
Молодая луна,
Голубая луна!
Ты уже заходишь...
Ты еле видна...

МАЗИСИ КУНЕНЕ

СТИХОТВОРЕНИЕ

Встать однажды утром,
Обойти землю,
Собрать всю тоску
Всех душ,
И пусть она пробьется родником.
Пускай источник Мпинделела
Вечной влагою напоит океаны:
Не океаны юга — горькие на вкус, —
А океаны утешенья жаждущих.

ПРОЩАНИЕ

Я пел вам песни из года в год,
И вот ухожу.
Связь оборвалась.
Тонет черный росток в тине,

Стопнут в плаче ветров семена,
Ветра их рассеют в пустынных полях,
И восстанет лес — питомец дождей.
Я верю: великий день настанет
И соединит нас в пути.
Я страхну с себя дремоту пустынь,
Когда вы подойдете с кувшинами прохладной воды.
Мы сядем у отцовского порога
Распутывать узлы, пока тянется день,
Пока плодородит смоковница,
Пока тень ивы безбрежна,
Пока легконога антилопа в саванне.

БЛИЗОСТЬ

Дремота пытается разлучить нас,
Но приходят сны, и — настужь ворота.
Ты нисходишь под звон бубенцов
В самую середину просторного дома
И играешь с мохнатыми псами...
Я срываю створки восточных дверей,
Я бросаю их в гигантский костер,
И пламя освещает твое лицо.
Оно красиво красотой многоликой земли,
Оно поворачивается, тая улыбку,
Но дальний голос зовет тебя —
И ты исчезаешь молча, не заговорив со мной,
И тоска сохраняет твои очертания.

ДРУГИЕ

Когда у меня совсем не останется желаний,
Дайте мне эти корзины, где хранили зерно.

Я доверху их нагружу желаниями других людей,
Чтобы те, чей путь пролегает в пустыне,
Не ведали голода.

ДРУЗЬЯ

Меня медленно уносит сон,
И словно мед тихая речь твоя.
Ты ведешь бесконечный рассказ,
А я дремлю в колыбели твоей ладони,
Пока ты укачиваешь пробитое болью тело.
Ты ласково укрываешь его
И шепчешь, шепчешь.
Ты ведь знаешь, я все равно не слышу тебя.
Но шепот твой отгоняет от сердца
Бессонницу одиночества.

ЖЕЛЕЗНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Я видел их, бритоголовых.
Их, когтистых, в клацающих башмаках,
Их, таращащих медяки глаз.
Я видел, как они
Сбивались в бескрайнее стадо
У алтарей железа:
Вываливались языки
У раздавленных ими детей.
Я видел, как железный идол с острыми когтями
Сжигал младенцев в своих объятиях.
Они слонялись по дорогам,
Вынашивая плод из крови и молока
И падая на колени перед идолом из железа.
Я видел, как железо
Шагало по потокам молока.
Земля корежилась
И выла всеми сущими в ней механизмами.
И не было больше людей,
И не было больше женщин,
Любовь выбросили на торжище улиц, словно
Золото стряхнули в пыль, как пену,—
Подходящий товар для их железного праздника.
А золотодобытчики ее
Скрючились на камнях мостовой,
Убитые смерчем.
Я видел их, железопоклонников,
С сомкнутыми ртами...

Дочь дочери небес,
 Нет на свете, поверь, песен без слез.
 Многоцветные радуги песен все взошли из земли,
 На них тленья земного печать!
 Дней не трать на земле,
 С ласточкой вместе взлети к небу!
 Вот они,
 Эти великие песни — отголосок бездонных недр,
 Полных слезами.
 Они, только они на рассвете дня утоляют жажду толп,
 Жажду всемогущих слов.
 Так покинь же колыбель неведения,
 Сердце свое отвори ветрам.
 Настанет день — хлынут песни слепых на землю,
 Вторя громыханию вечных рек.
 И вновь зацветут деревья,
 Осеня уставших,
 Утоляя их голод плодами своего величья.

ГЛЯДЯ НА ЮНОШЕЙ

Я любил сыновей льва —
 Когда у львят пробивается грива,
 Они похожи на древних героев.
 Я провидел их великолепное будущее:
 Как хрустнет под тяжелым прыжком
 Податливый стан антилопы,
 Прежде гордой своей быстроногостью,
 Я славил их богатырское искусство
 В ожидании дня первой охоты на буйволов.

Н. - М. КХАКЕТЛА

БЕЛАЯ И ЧЕРНАЯ

Ты, мать белых, заколи быка,
 И мясом напитай своих, и дай навар,
 Что льется через край, лизать собакам,

А весь избыток перекинь за океан
Твоим от дома отошедшим детям.

А ты, о мать черных, будь тверда —
Провижу я великие события,
И пламя ярости растет в твоих зрачках...
Пока кружит, кружит, кружит Земля,
Зерно запретное находит куропатка.

РОЙ КЭМПБЕЛЛ

ЗУЛУСКА

Когда поля под зноем мреют звонко
И бронзу кожи обливает пот,
Мотыгу отшвырнув, она ребенка
От мух жужжащих со спины берет.

И в тень несет, что разливают терны,
На тельце от клещей пурпурный блеск,
И под ее ногтями волос черный
Шлет электрических разрядов треск.

И ротик на сосок ее намотан
И по-щенячьи чмокает слегка;
Она струит в него свою дремоту,
Как в камышах широкая река.

Он впитывает все, что в ней разъялось, —
Неукротимый зной пустынь глухих,
Племен разбитых скованную ярость
И величавую угрюмость их.

А мать над ним склоняется, маяча,
Как над деревней дремлющей гора,
Как туча, урожай из мглы горячей
Несущая в разливе серебра.

ТЕОЛОГИЯ ПАВИАНА БОНГВИ

Луну, как я, встречая, вой —
Вот мудрость обезьян:
Бог, мне придавший образ свой, —
Великий Павиан.

Он искривляет лик луны,
Сгибает веток сеть.
И небеса ему даны,
Чтоб прыгать и висеть.

Качаясь в голубой глуши,
Свивая дивный хвост,
Для услаждения Души
Грызет он зерна звезд.

Меня возьмет Он в смертный миг
К себе из естества,
Чтоб до конца я Зло постиг
И Ловкость Божества.

ЗЕБРЫ

Из пахнущих дождями темных дебрей,
Гордясь лучей упряжкой золотой,
В цветах пунцовых по колено, зебры
Волочат солнце по траве густой.
На их боках — зари играет пламя.
Оно в траве скользит среди теней,
И ветер электрический, с телами
Бегущими, проносится по ней.

Здесь пар в багровом воздухе клубится,
И голубиным зовом кобылица
К самцу взывает среди красных лилий,
А жеребец — машина красоты! —
Восторгом одержим, топча цветы,
Несется, взмыленный, к своей кобыле.

У МОГИЛЫ ОЛИВИИ ШРАЙНЕР

Когда иссякнут мужество и силы,
Я вспомню, как предгрозовая мгла
Плыла над одинокою могилой,
И распростертого над ней орла,
Что уронил безмолвно, сизокрылый,
Перо серебряное из крыла.

РАБ

Идет, горячей мглой одет и наг,
За плугом пахарь, будто в полудреме,
И, рассекая дерн, за шагом шаг
Он борозду проводит в красноземе.
А сердце ранит притесненья плуг,
Острее, чем лемех, бороздящий луг.
Для красного комка был благодатным
Дождем победный клич на поле ратном,
Что копытами гордилось родовыми —
Колосьями своими роковыми.
Оно — под паром. Но бредет вперед
В долготерпенье хмуром раб упорно,
Отваливая грунт и глыбы дерна,
Круша дворцы и троны, в свой черед.

ДЖУЛИЕТ ЛОУВ

ТРОПИНКИ АФРИКИ

Из веера долин Наталя, с поросших соснами холмов,
От Умтаты и от Блентайра к воронкам шахт и рудников
Спешат-бегут босые ноги, траву затаптывая в пыль.
И вяжется узор тропинок, раскинувшись на сотни миль.
Вдоль зыбких топей Мозамбика, вдоль голубых Басутских скал,
Вдоль Берега Слоновой Кости, где лижет гальку пенный вал,
Вдоль красной выжженной пустыни, разрушенной ветрами с гор,
Вдоль быстрых рек в дремучих чащах следы сплетаются в узор.

Спускаясь с плоскогорий Ньясы, шагают сотни ног босых, —
Их поджидают леопарды, и львы охотятся на них.
Они спешат к богатым фермам, где есть работа и еда:
Доят коров, метут конюшни, молотят хлеб, пасут стада.
Спешат, спешат босые ноги в чужие сытые дворы,
Чтоб впрячься в рабскую упряжку, изнемогая от жары.
Прокладывая путь в болотах, указывая путь впотьмах,
Тропинок желтые знамена призывно реют на холмах.

ЭЗЕКИЕЛ МПАХЕЛЕ

ИММИГРАНТ

Северный ветер,
метущий землю от самой Сахары,
серый шарф на меня набрасывает — и срывает.
Машина таранит торпедой дымный туман.
И хотелось бы мне понять:
что с моею душой творишь ты,
обжигающий досуха глотку и ноздри,
пропзающий,
разрывающий легкие мне,
ярящийся харматтан!

Северный ветер,
продирающийся
сквозь деревья, сквозь гриву трав, сквозь меня,
слышишь ли ты, как во мне распахиваются окна,
ржавыми петлями заскрипев,
окна, что были так долго закрыты наглухо —
о, как долго! —
в краю мучений, на самом юге дальнего юга?
А ты еще надо мной смеешься,
резвящийся харматтан!

Северный ветер,
доносящий запахи, уловить которых я не умею,
рождающий память о том,
чего не могу или не смею вспомнить, —
что ты творишь со мной?
Может, последние тлеющие угольки

ощупью ищешь
пальцами изможденными,
или же это — порыв насилья,
в который меня ты ввергаешь,
яростно шаря
в подвалах мозга —
среди дремотных тропинок, сходящих в давно прошедшее.
Эй, береги дыханье свое!

Я чувствую странную пустоту:
мой враг — давно за пределами зренья,
лишь отдаленный лай длинноязыких псов
летит
через Конго, через Замбези, через Лимпопо,
из края страданий — самого дальнего юга,
и темный гнев —
словно тяжелый осадок на дне желудка,
ждущего,
чтобы Время ему поднесло
свое очищающее и подстегивающее средство —
терзающий харматтан!

Северный ветер,
одно только знаю:
ты леденишь, и ты сотрясаешь меня,
стегаешь меня, из мускулов сок выжимая,
грудь наполняя горечью неутоленности,
смутными жаждами,
безрадостными мгновеньями,
хрупкостью обещаний, сводящих с ума!
Все двенадцать месяцев о тебе я слышал
в той сырой окраине наших родных песков,
где жгучий жар
из меня сочился
и обнажал комки моих южных болей.
Ты не пришел ко мне,
и вот я пришел к тебе,
издалека пришел — с тобой повстречаться.
Вчера наблюдал я,
как листья склоняются, трепеща,
все ниже,
ниже,
целуя землю у ног твоего величества,—
как это было манерно!

Северный ветер,
то хнычущий и скулящий,
то обрывки лепечущий мертвых пророчеств,
тобою подобранных средь руин
погибших империй,
со свистом вплетаешь ты,
простираешь ты
свои узловатые пальцы
сквозь деревья, сквозь гривы трав, сквозь меня,
сдувая печальную пыль,—
но постой,
содрогнись,
увидев дикие заросли наших жизней,
до которых не дотянуться тебе!
Ты не похож
на палящие ветры августа
в том краю, содрогающемся от мук,—
на самом юге дальнего юга,
на жгучие ветры,
вплетающие по-прежнему нас
в слезы и смех отчаянья,
в гнев и надежду,—
о, эти мучительные сплетенья! —
толкающие по-прежнему нас
в ад или в рай,—
и вот мы бежим, отбиваясь, бежим,
бежим, напрягаясь,
будто воинство гнущихся тростников.

Но уж лучше это,
северный ветер,
чем бесконечно долгая спячка,—
о, до чего же долгая! —
когда любой зевок превращается
в толкий, бессильный вой,
та бесконечная спячка ума,
которой неведомы устремленья
даже к тому, что пока еще недостижимо,
неведомы неисполненные желанья,
неведомы ни пыланье сердца,
ни вспышки гнева,
ни костры, запаленные кучкой беспутных,
изломанных,
в психопатической панике,—

те костры,
что тлеют и тлеют, тлеют и тлеют
в негритянском сердце
на взбудораженной, полной мучений земле —
на самом юге дальнего юга...
Когда же на этих бескрайних просторах
владений своих
сможешь ты задушить зевки вековой апатии,
равнодушный к ним харматтан?

Северный ветер,
пока я с тобой говорил,
наконец осознал я то, что догадкой смутной
зрело во мне
с той минуты, как я покинул
пульсирующий от боли край
на самом юге дальнего юга, —
понял я, что сотворили они со мной:
они обучили меня насилью,
по-европейски мстительным быть,
снова меня превратили в варвара
с помощью подлых законов,
газет,
винтовок,
дубинок,
заставили лгать меня — улыбаться и лгать,
заставили думать,
что злоба, и горечь,
и уметь бежать, сражаться, бежать —
вот что жизненно-необходимо для человека!

А сейчас,
очутившись здесь,
я дыплюсь от злобы, землю скребу и рою,
мычу,
хрипло дыша, словно бык перед схваткой, — и
нет предо мной
ни врага,
ни смертельной опасности,
ни обжигающе-красного вызова, — пустота!
О, эта поющая пустота в груди —
нейтрализованная, бессильная едкость душевной мути!..
Понял ли ты наконец,
как неустойчива точка опоры у иммигранта?

А теперь скажи:
что кроется в этой праздности величавой —
в этих
горизонтально спящих просторах севера?
Не тайна ли вечного побуждения: быть —
и только быть,
не великая ли необъятность северной спячки?
Не сладость ли наркотической мудрости Тао —
твой древний дух, харматтан?

Северный ветер,
ничего-то не знаешь ты:
с рассвета
я только мчусь и мчусь,
за слоем слой пробивая мутную серость,
сухи и чутки
ноздри мои,
а тяжесть твоя в моих волосах запуталась.
Всю дорогу за мной ты следовал
неотступно
сквозь катакомбы ночи,
и до сих пор
чувствую за своей спиной
дьявольских псов из кровотокающего края —
с самого юга дальнего юга
гонящихся за мной.

А ты
все хлопаешь крыльями над головой моей,
крутясь, как гурьба идиотов,
что пляшут
внутри и снаружи — между бегущих колес.

Довольно!

Меня никто домогаться уже не станет —
не те времена:
Шелли давно уже умер,
посланий больше не шлют с мимолетным ветром.
Хватит с меня
обезвоженных поцелуев,
бесплодных девиц, ночных заведений — хватит!

Теперь я думаю о другом:
как бы возле кафе придорожного остановиться

совсем ненадолго,
только чтоб выпить пива, —
долгим, долгим будет скитание иммигранта,
долгим и трудным:
придется туннель прорывать
назад —
под угрюмой дорогой, утоптанной
грубою поштыю трех нескончаемых десятилетий,
полных обид и терзаний, —
под этою тяжкой дорогой,
давящей, давящей, давящей на меня.

Когда же прорвусь
к заре — к истокам давно тяготящих вопросов,
взглянуть я еще успею на бабочек и на листья,
которые ты по пути, сумасшедший ветер,
к моему радиатору пригвоздил,
как собиратель редкостей, любящий,
чтобы его экспонаты были
распластаны и мертвы.

Утро!
И новый рассвет уверяет меня,
что не вечна эта опустошенность:
ведь путь иммигранта — долгий и трудный путь.
А я вспоминаю о тех,
что столько столетий подряд,
являясь к нам с берегов занесенной снегами скуки,
грызлись и спорили
из-за нашей великой Матери,
думаю
о духовном распаде,
протухших винах, дряблых телах
тех, что когтями рвали ее зеленую девственность,
выворачивали ее суставы,
расторговывали ее святыни
и насаждали
тысячи медных и деревянных крестов,
а после
сами же их, будто кегли, валили наземь,
в хищном азарте
разыгрывая эту землю,
пока голодные наши глаза прикованы были к чуду
на вершине Голгофы.

Я — леопард,
рожденный великой Матерью,
муками черного Бога,
средоточье столетий, полных крутых перемен,
континент, клочующий, как реактивы в ретортах.
Когти мои затаили яд,—
только дайте улечься мне — отдохнуть немного,
выжидая удобного случая,
шею почесывать и расправлять усы,
когти свои точить — и думать и вспоминать.
И тогда мой разум сумеет связать единой чертой
бешеных псов
и черные толпы гонимых
в полыхающем, полном мучений краю
на самом юге дальнего юга.

Я спасаюсь оттуда,
и пусть хоть на этот раз мне поможет
опыт белых людей — их мозги и машины.
И, однако, в другой стране, где мир и покой найду,
думаешь,
я изменю свои леопардовые пятна?
Но не все ли равно
и о чем сожалеть,
если Бог моей Африки,
древняя наша Мать,
рано иль поздно цивилизует свой мир,
распознает своих друзей и гонителей
и обучить их сумеет загадкам жизни и смерти.
А пока что
пускай мое сердце оставят в покое!

ОСВАЛЬД ДЖОЗЕФ МТШАЛИ

ГОЛУБИ В ОППЕНГЕЙМЕРОВСКОМ ПАРКЕ

Любопытно, почему это голубей в Оппенгеймеровском парке
не отдадут под суд за незаконное пребывание
на частной земельной собственности и за непристойное поведение
в общественных местах,

Каждый день я вижу, как эти наглые птицы садятся
На скамейки «Только для белых», бросая вызов любой власти.

Неужели им неведом Акт о расовых привилегиях?
Белый полицейский в полном обмундировании,
с пистолетом в кобуре, проходит мимо
и даже не погрозит пальцем нарушителям,
которые дерзко попирают закон.
Они не только садятся на священные скамейки,
но еще обгаживают их птичьим дерьмом.

Ох! Благостные Правила! Только взгляните на этих двоих
на гребне
прыгающей импалы, они занимаются любовью прямо
на виду у барынь, бродяг, хихикающих конторщиц.
Куда же идет наш мир?
Где священный Закон против безнравственности? Sie's!¹

ВЕРХОМ НА РАДУГЕ

*(Мое первое выступление со своими стихами
на вечере Джаз-гигантов 22.5.68)*

Бум! Бум! Бум! —
рокочет контрабас, верещит труба.
шипят тарелки, стонет саксофон, бренчит пианино.

И тут я лечу
через небо, словно камень из пращи Давида
и ударом вшибаю «Гигантов»
прямо в лицо радуге.

Выше и выше
на джазовом диком коне
мы скакали галошом по сети

блюзовых нот,
возглашая призыв:
Люди, Братья, Гиганты!

---

¹ Sie's — смотри-ка! (*африканс*).

ПО ГАЗОНАМ НЕ ХОДИТЬ

Газон — зеленый ковер
с узором из гладиолусов,
красных, как пламя в горне.
Скамья освященная парковая
держит гуляющего, и слушает он
песнопение фонтана,
окропляющего святой водой
прихожан-голубей.

«По газонам не ходить,
вход собакам без поводков воспрещен».

И тут-то барыня прогуливает пекинскую болонку,
мытую, пудреную, надушенную.
Пес нюхает дощечку с надписью «не ходить»
носом, холодным, как мороженая рыба,
и салютует ей задней лапой,
а дощечка плачет от злобы и стыда.

ВСЕГО-НАВСЕГО ПРОХОЖИЙ

Я видел, как его лупцуют дубинками,
я услышал, как он кричит от боли,
подобно скоту на бойне;
до меня донесся запах свежей крови,
она лилась у него из ноздрей
и текла по улице.

Вошел я в церковь
и стал на колени.
«Я люблю тебя, господи,
а также ближнего моего. Аминь».

Я вышел
с сердцем, легким, как лобзание ангела
на ланите святой души.

Я пошел домой.
Толпа обступила что-то.

Тут подошла
моя соседка:
«Вы слышали? Вашего брата убили».
«Нет-нет! Я ничего не слышал. Я был в церкви»,

ОТВАГА, МОЯ ТЕНЬ

Тень моя — фокстерьер по кличке Отвага;
куда ни пойду я — она за мною;
она рычит и щелкает зубами на всех гремлинов,
которые хотят мне устроить засаду;
она нюхает, чихает и мочится у телеграфного столба,
оставляя послание всем, кто пройдет потом:
«Я здесь прошла. Если смеешь, следуй».

Увы! В ту ночь я услышал «стук»,
он прогремел в дверях моего сердца,
стук, от которого съежится плоть,
стук, от которого корни волос
кругами на цыпочках бегают по голове.

Ах! Отвага! Ты меня покинула,
поджала хвост
и заползла на рваную блошиную подстилку,
оставив открытой мою наготу.
От озноба мне захотелось надеть
шкуру, оставленную змеей в траве.
Пальцы копались в глазницах,
глаза летели от страха,
на парашютах запрыгали слезы.

Чей-то нос глубоко ткнул палкой в пуп,
и выползла пара смеющихся вшей,
они хихикали, как пьяные от бензина чертенята,
выворенные из полной кладовой моих стихов.
Я посмотрел на часы,
было далеко за полночь.
Зубы зудели, желая пришить
нитку к куску хлеба и супу.
Я на ощупь искал дверную ручку рассвета,
пощечины утренней дымки разбудили мое лицо.

Я посмотрел на себя.
Вот он я. Вот он я, лишенный тени,
пустой, как старый корабль,
ждущий, что его сломают.

Ах, Отвага! Неужели ты покинула меня навсегда?

ЗВУКИ БАРАБАНА ИЗ КОРОВЬЕЙ ШКУРЫ

Бум! Бум! Бум!
Слышу, далеко по северным небесам
разносится рокот и рев, похожий на гром.

Я наострил уши,
как олень, готовый бежать от неминуемой бури.

Бум! Бум! Бум!
Пока раскаты все приближаются
и приближаются к южному небу,
они хватают меня за сердце
и надежды мои взмывают все выше к престолу орла.

Бум! Бум! Бум!
Я барабан, что вырезан из черной шкуры жертвенной коровы,
я пробужу твою спящую душу.

Я дух твоих предков,
живших в священных хижинах,
я вечный заступник,
я вечный страж.

Дай рассказать о твоём драгоценном наследье,
о славном прошлом, растоптанном завоевателем,
уничтоженном рвением миссионера,

Я обнажаю факты,
все догмы и декларации,
пусть твой пытливый ум их рассмотрит.

О! Услышь меня, Дитя,
в пляске зулусов,
доводящей сердца их до иступления.

О! Услышь меня, Дитя,
в ночных бдениях черных молельщиков,
возвышающих дух до экстаза.

Бум! Бум! Бум!
То звуки барабана из коровьей шкуры —
голос Матери-Африки,

АРТУР НОРТТЬЕ

ГОЛОСУЯ НА ДОРОГЕ

Изможденные песчаные дюны, мазутные скалы
в полдень, отравленный душным зловоньем;
ощетинившаяся проволока; и в небе — черными кляксами —
вбóроны, сгустки сентябрьского мрака.

Мой дом стоит по соседству с ивовой рощицей,
плещущей ликованьем весенним...
Напрасно смуглый мой палец взывает, качаясь,
к проносящимся мимо автомобилям.

Над свалками — легкий дымок мошкары; на асфальте
старые знахари, искривленные, как больные деревья,
пьяно шатаясь, выделывают свой танец;
глаза, раскаленные докрасна, прожигают насквозь,

В грустной ярости я умоляю подбросить меня домой.
Никакого внимания — словно безумные,
зеркально сверкающие лимузины
мчатся, кудрявя дорожную пыль,

О сладостное ощущение полета:
в удобной позе развалиться на мягком сиденье,
обмениваться с соседом любезностями,
истаивая в полудремотной истоме.

Два цвета: бежевый и бледно-лиловый,
кремовая обивка, и за рулем безмятежно
улыбается господин... Ах, эти жирные боровы,
отмахивающиеся от меня, как от мухи!

Стою, окутанный выхлопными газами. Белые флаги
возвещают — пусть отравленное — перемирие.
И вот наконец я в машине — мои мечты
уплывают к далекому горизонту.

М О Р Е

Море — старый ваятель, любовно
обтесывающий скалы и рифы, —
бродит среди погребенных сокровищ,
поблескивая голубыми глазами на пристань;
застывшие на устах его мифы
взбесили бы иконоборца любого.

А там, в глубине, под накидкой из тюля, —
обломки мраморных рук Афродиты,
растерзанной стайей акульей.
Надменной, как храмовая колонна,
богиней когда-то пленялся влюбленный,
но — бурные прежде — восторги уснули.

В чем рыбы окаменелой тайная сущность?
Зачем раскапывают торфяные болотца?
Напрасно мы, молодые, мучась,
ищем — разгадка никак не дается;
наша стихия — стихия любви
в ртутном сверкании солнца.

Н И Ч Е Г О Н Е О Б Ы Ч Н О Г О

Взгляд, как орел, воспаряет ввысь,
к сводам туч темно-серых. Неистовствуя,
ливень обламывает о плитняк
длинные иглы свои серебристые.

Громко булькает старый двор.
Ничего необычного — только разве что
горбун, отвечающий на окрик с веранды
без угодливости или развязности.

Странно, что ни одного деревца —
лишь налетающий ветер. Эту картину
сами запомните; память откидывает
все привычное и все рутинное.

Неожиданно хлынув, солнечный свет
золотом нашу улицу вымостил.
Окна закрыты по-прежнему. Скоро ли
мы отрешимся от нерешимости?

А Л А Н П Е Й Т О Н

С А Н Н А

Наш городок в воскресный день
Печат нещадно зной,
И чинно взрослые идут
Суровой чередой.

Завесу едкой пыли взбил
Чужой автомобиль,
Не чинно взрослые идут,
Презрев и зной и пыль.

Болтает всевозможный вздор
Подонков наших сброд,
Но чинно взрослые идут:
Молитва в церкви ждет.

Костюм и взор любого строг,
Желанна благодать,
И чинно взрослые идут
Словам любви внимать.

И Санпа семенит им вслед,
Играя скромно роль,—
Ей чрево жжет дитя любви,
А сердце — страх и боль.

С ХОЗЯЙСКОГО ПЛЕЧА

Мы ей подарили какое-то старье,
Отслужившую ветошь, отжившую век.
Ее с восклицаньями надела она,
Глаза ее сияли, она ахала и восторгалась,
Ее тучное тело в пляске тряслось,
Она строила рожи, пела обрывки песен,
Возглашала хвалу на родном языке,
Взывала к подругам-служанкам,
К незнакомым и прохожим,
Ко всему Африканскому континенту —
Взглянуть на это чудо, принять участие
В ее невыносимой радости.

И так, задаром,
Куплены были верность и доверье,
Нерассуждающее повиновенье
Земной драгоценнейшей простоты.
Задаром —
Гибель целого мира.

МАЛЕНЬКОМУ МАЛЬЧИКУ, УМЕРШЕМУ В ДИПКЛООПФСКОЙ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ

Малолетний преступник, невинный ребенок,
Не имеющий представления и понятия
О громоздкой машине, пущенной в ход
Твоим пустяковым проступком,
О великом войске служителей власти,
О судьях, адвокатах и прокурорах,
Психологах, психиатрах и докторгах,
Директорах, полицейских и социологах,

Черпающих силу и жизнь в твоей провишности,
Сегодня под ярким солнцем
Я предаю твое тело земле,
О дитя, о потерянный и одинокий.

Твоя смерть призвала чиновников к действиям;
Все твои документы аккуратно собраны
И перемещены из отдела живых в отдел мертвых.
Вот свидетельство о рождении,
В нем сказано, что ты родился, а также где и когда,
Но нет в нем и намека на радость или горе,
Сияло ли тогда солнце, шел ли дождь,
Что за птица с песней пролетала над крышей,
Когда твоя мать рожала. А вот твое имя,
На языке белых оно значит: «Он пришел»,
Но зачем, с какой целью — не сказано.

А вот последнее свидетельство о Смерти,—
Опережая власти, оно дает тебе свободу.
Ты, что пришел когда-то, отбыл теперь,
Заклученный в единственном добром объятии,
Которое когда-либо видел от земли.
Столь небрежная с тобой при жизни, теперь она запоздало
Осыпает тебя щедрыми дарами,
Изливает изобилие на трепетный лес
И тебя пеленает там, где ни град, ни гроза,
Ни ветер, ни снег, ни знойное солнце
Тебя не обидят, и холодные тонкие копыя
Дождя на вершинах вельда, что раньше пронзали тебя,
Упадая на твою могилу, лишь крепче тебя прижмут
К сердцу, полному глубоким раскаяньем.

А вот ордер на погребение.
За твой проступок, о маленький и одинокий,
За это нарушение, в котором насчитаешь
Миллион соучастников на земле,
Ты обречен. И тебя я обрекаю,
Твое хрупкое тело,— ожидающей земле,
Твой прах — праху вельда.
Лети домой, душа, к великому Верховному Судье,
Который, не отягощен крайней необходимостью
Охранять общество, может тебе вынести
Приговор неопределенного сострадания.

КОСМО ПИТЕРС

ЗЕМЛЕ, ИЗГНАВШЕЙ ЛЮБОВЬ

Я не стану грустить
Вдалеке от тебя,
Приютившей любовь, которая мною владеет.
Ты — и подмостки страсти моей,
И постель бессонная.
В сердце твоём я нашёл приют,
Хотя, вероятно, у крыльев мечты силы достанет
И пронести меня над океанами,
И к тебе возвратить невредимым, о любовь моя, навсегда.
Зерно этой мысли в том,
Что мы неизбежно соединимся, подхваченные потоком времени,
Как все социальные группы, что крылья к полету готовят
Во имя счастья народа;
И в том, что порою необходимо
Проходить мимо дивных цветов,
Чтоб вырваться из минувшего, и воедино слиться,
И прорасти в века.

УИЛЬЯМ ПЛУМЕР

СКОРПИОН

Стремилась к морю в разъяренных
Струях Лимпопо и Тугилы
Соломенные крыши, дыни,
Маис, деревья, крокодилы.

Щепу плотов, обломки лодок
К разбухшим устьям прибывало.
Порою — тело негритянки,
Все иссеченное о скалы.

Качали волны равнодушно,
Тащили по ракушкам мели;
Глаза и грудь кровоточили,
На шее бусины звенели.

Мы знали Африку такую.
Гуляя в полдень раскаленный,
Мы видели ее эмблему:
На плоском камне — скорпиона.

ТРАНСВААЛЬСКОЕ УТРО

Он вдруг проснулся. Был в шафранном блеске
Хозяйский дом, когда в тиши внезапно
Какой-то птицы голос резкий
Нарушил дважды замкнутость веранды.

Приезжий видел призрачный покой
В сернистом африканском небе,
Скелеты пальм над высохшей рекой,
Молчаньем предвещающие беды.

На склонах гор белели кварца лица,
Как полупогребенные скульптуры,
И пылью, тонкой, как корица,
Все трещины ущелий затянуло.

И вновь двойная нота дерзкой птицы!
И сам певец, зеленый мшистый дрозд, вдруг
Запрыгал по окну, готовый взвиться
В тяжелый бездыханный воздух.

Страна чужая, как струна, дрожала
В груди пришельца: «Я слышал не раз,
Что солнце здесь, в краю клыка и жала,
Дурманит ум и ослепляет глаз.

Сторожкий птичий взгляд и крик: «Qui vive!»¹ —
Быть может, объясняют что-то.
О, если б, над странкою воспарив,
Ее увидеть с птичьего полета!»

---

¹ Оклик часового: «Стоять! Кто идет?» (франц.)

РАЗВАЛИНЫ ФЕРМЫ

Склонявшееся мирно солнце
Вдали на миг огромным стало —
И потащилось по лощинам
Ночи глухое покрывало,

Молчанье, распуская косы,
Заполонило дом без крыши.
Неслышные брели шакалы,
Летучие кружили мыши.

Казалось, в тишине вечерней
Предупреждение скрывалось.
Во тьме змея над каждым нежным
И светлым утром издевалась.

ВОДОПАД ВИКТОРИЯ

Вот водопад Виктория, чей рев
Рождает рев восторга у туристов;
Разноязыкою толпой они галдят,
Уставясь на обычный водяной каскад.

Подвластен тяготенью, за порог
В провал летит неиссякающий поток,
И иностранцы смотрят изумленно
На проявление природного закона.

Виктория — одно из острых блюд
В глобтроттерском наборе пейзажном.
Кого влечет вода — пусть вдоволь пьют!
Кого паденье — что ж, под зад коленом!

Мне не понять, какого черта ради
Они проделали весь долгий нудный путь, —
Неужто только для того, чтобы когда-нибудь
Сказать: «Ах, знаете, тогда на водопаде...»?

По опыту желают, может быть,
Узнать, как далека Замбези от Чикаго,
Иль почитают за особенное благо
Натуру с фотографией сравнить?

Несутся вопли из кружка туристок:
— Ах, что за прелесть Африка! Ну да, повесть
Какая грязь! Зато какое солнце! В этот список
Я все внесла, что нам показывали здесь!

— Да, кафр — он черен, грязен, диковат.
Зато, как радуга, играет водопад!
А дивный лес под вим! Мы там надели макинтоши
И были счастливы, что привезли галоши!
(На дам из-за воды косятся токолоши.)

— Какие брызги! Шум! Какой отель!
И электричество, и чистая постель!
Подумайте, такой комфорт за тридевять земель!

Как голос гида на магнитофоне,
Вопль все настырней, все неугомонней...
А мне так хочется побыть наедине
С раздумьями, в священной тишине,
С путеводителем по мирозданью,
В котором даже водопад
Блюдет
Обет
Молчанья.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Вот поддапный Великой Белой Королевы.
Он смотрит сквозь очки направо и налево,
Но видит только птиц, животных и растенья;
Не выдавая чувств, не зная изумленья,
Он в шлеме пробковом гуляет без дорог,
И полы сюртука колышет ветерок.
В пути романтика подстерегают беды —
Но что ему жара, что львы и людоеды,

И что ему болезни, если для здоровья
Всегда он фляжку бренди держит наготове?
И лишь во сне он пьет домашний добрый эль
И слышит, как свистит шотландский коростель.

И О Г А Н Н Е С Б У Р Г

На Рэпде в восемьдесят пятом
Обогащенья кутерьма
Лишала разума; на скалах
Росли веселые дома;

Шампанским в ванне отмывали
Пыль золотую, чтоб опять,
Принарядясь, без промедленья
От жизни все, что можно, взять;

Один ловчил, бросая кости,
Другой за картами грешил,
А третий изводил на шлюху
Дары золотоносных жил;

Седобородые поныне
Воспоминаниям верны,
Кичатся юностью своею
И не желают знать вины —

Они под звездами скакали,
Верша над вельдом производ,
Судьбу оленей и зулусов
Решал тупой ружейный ствол;

О пионеры, пионеры,
Цивилизации оплот,
Мерзавцы в инвалидных креслах,
Рвачи, попавшие в почет,

В убогих снах вы самородки
Все ищете, и, как итог,
Заносится песком забвенья
Иссякший золотой песок.

РИЧАРД РИВ

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ РАДУГА

Там, где кончается радуга,
раскинулся дивный край,
где никому не возбранно, брат,
песню любую петь.
Давай же и мы запоем с тобою:
ты, белый, и я, небелый.
Не диво, что песня наша
сперва зазвучит уныло:
мы оба не знаем мотива,
а запомнить его не просто.
Ни белых мелодий нет,
ни черных мелодий нет —
есть только музыка, брат.
Под эту музыку
давай же и мы запоем с тобою
там, где кончается радуга.

ФРЭНСИС КЭРИ СЛЕЙТЕР

В ПУТЬ

(Песня рабочих коса, покидающих дом для работы в шахтах)

Дом родной! Мы уходим затем, чтобы выжить,
Но вдали от тебя мы умрем, как деревья:
Если вырвать их с корнем и бросить на камни,
Их листва пожелтеет, а ветви засохнут.
Мы погибнем, как гибнет вода ключевая:
Если влить ее в тыкву — умрет ее свежесть,
Замутится, прокиснет, протухнет она.
Пропадем, как младенцы у материнских трупов,
Как птенцы из разрушенных гнезд.

Нас жуют города челюстями домов,
Пожирают шахты наш свет и воздух,
Мы стареем на службе у жадных машин,
Поливая обильно их потом и кровью.
Дом родной! Мы уходим в надежде вернуться,
Мы сдыхаем вдали от тебя!

ПЛАЧ ПО МЕРТВОЙ КОРОВЕ

(Плач семьи коса по их единственной корове Вету)

Мы плачем, мы плачем, мы плачем: наша корова сдохла!
Была наша верная Вету прекрасней прохладных теней
На выжженных солнцем вершинах
В расселинах серых скал;
И черная кожа Вету, как ягоды инсипиго,
Слегка отливала синим на крупе и на боках.
Острым рогам нашей Вету мог позавидовать месяц,
Который резвится в небе с толпою вечерних звезд,
А в круглых глазах нашей Вету была тишина и ясность,
Как в круглых горных озерах,
В которых спят облака.
Теперь никогда наша Вету жужжащих мух не отгонит
Одним ударом хвоста,
Теперь никогда наша Вету не встретит смущенным взглядом
И ласковыми рогами твякающих дворняг.
Теперь никогда наша Вету ленивой медленной телью
По склону не проплывет.
И не утешит под вечер холмы протяжным мычаньем.
Мы плачем! Иссяк навеки наполнявший кувшины источник!
Под жаждущим солнцем он высох навек!
Пустынно над нами небо: растаяла черная туча,
Дарившая белый дождь!
Крааль наш осиротел
И высохли наши кувшины!
Мы плачем, мы плачем, мы плачем!

СБОРЩИЦЫ ХВОРОСТА

В час, когда в дальних горах, обагрив седые утесы,
Падая в синюю тень, меркнет и гаснет закат;
В час, когда полчища птиц небесам, перечеркнутым косо,
Тьмою расправленных крыл тьму возвращают назад,
Я прихожу поглядеть, как девчонки из племени коса,
Хворост в вязанки собрав, из лесу к дому спешат.
В желтых одеждах они торопливо сбегают к полянке
И полыхают во мгле, как полевые огни;
Над головами плывут, мерно качаясь, вязанки,
И золотистую пыль топчут босые ступни.

Ноша к земле их не гнет и не портит их гордой осаки:
Царственным шагом скользят ночи навстречу они.

Вскоре затем я слежу, как над крышами круглыми хижин
Пламя, срываясь с цепи, прыгает в черную пасть;
Как наступающий мрак опаляющим заревом выжжен,
Отданный смуглой рукой яростным искрам во власть;
Как очертания лиц появляются в сумраке рыжем,
Чтоб через миг в темноте вслед за огнями пропасть.

КИНГСЛИ ФЭРБРИДЖ

СОЧИНИТЕЛЬ ПЕСЕН

Одинокий под жарким солнцем,
Одинокий на жарком песке,
Одинокий у края крааля,
Одинокий в дорожной пыли
За клочками табачных участков, —
Все хозяйки работают в поле,
Все детишки укрылись в тень,
Лишь слепой сочинитель песен
Одиноко сидит весь день.

Сторонятся его собаки,
Даже крысы обходят его.
Целый день все сидит недвижно,
Целый день, уронив недвижно
На песок бессильные пальцы,
Все сидит от луны до луны
Тот, кто был сочинителем песен
До жестокой Белой Войны,

Сочинял он когда-то песни,
От которых война просыпалась:
Импи в бой отправились с песней,
И с песней вернулись назад.
Возвратились с победой живые
И с добычей все, как один, —
Но к певцу не вернулся с живыми
Ганеро, единственный сын.

Целый день он сидит одиноко
На песке под палящим солнцем,—
Он детям кажется спящим,
Он мухам кажется мертвым,
И собаки обходят его,
Но глазам его тусклым ясны
Законы слагания песен —
Песен Мира и песен Войны!

ПРИМЕЧАНИЯ

А Л Ж И Р

Над и а Гендуз родилась в 1932 году в Оресе (Алжир). Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «Поэты Алжира» (М., «Прогресс», 1965).

Анна Греки (настоящее имя Колеет Анна Грегуар, 1931—1966). Писала по-французски. Стихи взяты из сборника «Поэты Алжира».

Стр. 30. *Менаа* (арабск.) — портовый город в Алжире. *Смешанная община* — административная единица в Алжире колониального периода; в муниципалитет такого района назначались советники как из французов, так и из алжирцев, представительство которых было, разумеется, «символическим».

А с и а Д ж е б а р родилась в 1936 году в Шершеле (Алжир). Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «Поэты Алжира».

М у х а м м е д Д и б родился в 1920 году в Тлемине. Один из родоначальников современного алжирского романа. Пишет по-французски. Первые три стихотворения взяты из сборника «Поэты Алжира»; стихотворения «Стихии», «Порт» переведены впервые; взяты из составленной П. Сегерсом антологии «*Le Livre d'or de la poésie française*» («Золотая книга французской поэзии»), Paris, 1969.

З е х о р З е р а р и родился в 1937 году в Боне (Алжир). Пишет по-французски. Стихи написаны в тюрьме в 1958 году. Взяты из сборника «Поэты Алжира».

К а т е б Я с и н родился в 1929 году в Константине (Алжир). Пишет по-французски. Стихотворение «Секрет огня» взято из сборника «Поэты

Редакция сердечно благодарит писателей Алекса Ла Гуму (ЮАР) и Мапуэла Лопеса (Острова Зеленого Мыса) за помощь в подготовке и составлении нашей антологии.

Алжира», «Танец при свете костра» — из сборника «Ветвь оливы» (Ташкент, Издательство имени Гафура Гуляма, 1970), «Живая память» — из журнала «Иностранная литература», 1968, № 9; стихотворение «Ворон» — из драматического цикла «Le cercle des repressailles» («Круг репрессий»), Paris, 1959; переведено впервые.

А н р и К р е а родился в 1933 году в городе Алжире. Пишет по-французски. Стихотворение «Добрый народ» взято из сборника «Поэты Алжира», «Будет день» — из сборника «Ветвь оливы».

К а д д у р М'Х а м с а д ж и родился в 1933 году в Сураль-Гозлане (Алжир). Пишет по-французски. Стихотворения взяты из сборника «Поэты Алжира».

А б у а л ь - К а с и м С а а д а л л а родился в 1931 году. Пишет по-арабски. Сборник его стихов «Победа Алжиру» был издан в СССР (М., Издательство иностранной литературы, 1961). Стихи взяты из сборника «Ветвь оливы».

Ж а н С е н а к родился в 1926 году в Бени-Саф (Алжир). Пишет по-французски. Стихотворения «Сон», «Неужели настал мир?» взяты из сборника «Ветвь оливы», остальные — из сборника «Поэты Алжира».

М а л е к Х а д д а д родился в 1927 году в Константине (Алжир). Пишет по-французски. Стихотворения «Я француз?», «Мне снилось...» взяты из сборника «Ветвь оливы», остальные — из сборника «Поэты Алжира».

Стр. 63. *Калам* (арабск.) — тростниковое перо.

Стр. 65. *Джебель* (арабск.) — гора, здесь — название одной из гор в отрогах Атласа.

Б у а л е м Х а л ь ф а родился в 1934 году в городе Алжире. Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «Поэты Алжира».

Стр. 65. *Дождь, воспегый тобою, Верлен...* — Имеется в виду известное стихотворение П. Верлена «Осенние скрипки».

Б а ш и р Х а д ж А л и родился в 1920 году в городе Алжире. Искусствовед, критик. Видный политический деятель. Пишет по-французски. Стихотворение «5 июля» взято из сборника «Ветвь оливы», «Клятва» — из сборника «Поэты Алжира».

Стр. 67. *Али Буменджель, Морис Оден* — алжирские патриоты, погибшие в тюремных застенках колонизаторов. *5 июля 1830 года* был подписан так называемый мирный договор между Францией и Алжиром, по которому признавалась независимость Алжира, однако в том же месяце Франция нарушила договор и начала завоевание страны. Борьба алжирцев за независимость длилась сто тридцать два года.

АНГОЛА

Жоан Абел родился в 1938 году в столице страны Луанде. Стихи печатались в различных антологиях. Пишет по-португальски. Стихи взяты из сборника «Здесь и трава родится красной» (М., «Прогресс», 1967).

Марио Антонио Фернандес де Оливейра родился в 1934 году в Луанде. Один из вдохновителей «Движения новых поэтов Анголы», сыгравшего большую роль в пробуждении национального самосознания. Пишет по-португальски. Стихи взяты из сборника «Взглядом сердца» (М., Издательство восточной литературы, 1962).

Стр. 70. *Мугамба* — одна из центральных площадей Луанды.

Антонио Жазинто родился в 1924 году в Луанде. Пишет по-португальски. Стихотворение «Народ ушел на войну» взято из журнала «Иностранная литература», 1969, № 7, остальные — из сборника «Здесь и трава родится красной».

Стр. 72. В стихотворении «Поезд-каналъ» приводится отрывок из песни на языке кимбунду.

Стр. 74. *Котонанг* (Companhia Geral dos Algodões de Angola) — Объединенная акционерная компания по производству хлопка в Анголе.

Стр. 75. *Кассанже* — хлопководческий район Анголы, где в 1961 году произошло восстание крестьян, жестоко подавленное колонизаторами.

Мафумейра (или муфума) — распространенная в Анголе порода дерева.

Антонио Кардозо родился в 1933 году в Луанде. Пишет по-португальски. Арестован за участие в национально-освободительном движении. Стихи взяты из сборника «Здесь и трава родится красной».

Стр. 76. *Гуява* — плод фруктового дерева. *Маланже* — крупный железнодорожный центр, столица округа Маланже. *Луанда* — *Маланже* — первая железнодорожная линия, пересекающая Анголу с запада на восток.

Фернандо Коста Андраде родился в 1936 году в Лепи. Пишет по-португальски. Стихотворение «Мать-земля» переведено впервые из составленной Марио де Андраде антологии «Antologia temática da poesia africana de expressão portuguesa» («Тематическая антология португалоязычной поэзии Африки»), Algeria, 1967.

Алда Лара родилась в 1933 году в Бенгеле, умерла в 1961 году. Писала по-португальски. Стихи взяты из сборника «Здесь и трава родится красной».

Энрике Лопес Герра родился в 1938 году в Луанде. Стихи публиковались в антологиях. Пишет по-португальски. В 1961 году был арестован за участие в народно-освободительном движении. Стихотворение «Пряди, касимбо...» взято из сборника «Здесь и трава родится красной». Сонет «В ожидании бульдозера» переведен впервые из «Antologia temática...».

Агостиньо Нето родился в 1922 году в селении Кашикапе. Получил медицинское образование в Португалии. Председатель партии Народного движения за освобождение Анголы (МРЛА). Пишет по-португальски. Стихи взяты из сборника «Здесь и трава родится красной».

Арналдо Сантос родился в 1936 году в Луанде. В 1961 году был арестован за участие в народно-освободительном движении. Пишет по-португальски. Стихотворения взяты из сборника «Здесь и трава родится красной».

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Бериар Буа Дадье родился в 1916 году в Оссинии (Берег Слоновой Кости). Поэт, романист, драматург, фольклорист, общественный и политический деятель Западной Африки. Директор Национального института искусств и литературы Берега Слоновой Кости. Пишет по-французски.

Стихотворения «Не люблю», «Линии наших рук» взяты из сборника «В ритмах тамтама» (М., Издательство восточной литературы, 1961), стихотворение «Руки» — из сборника «Из африканской лирики» (М., «Наука», 1967), стихотворения «Цепи», «Люди всех континентов», «Маски», «И...», «Ветер» — из журнала «Иностранная литература», 1969, № 2; остальные — из книги «Голоса африканских поэтов» (М., «Художественная литература», 1968).

Стр. 89. *Литания* (лат.) — молитва, монотонное перечисление невзгод.

Стр. 91. *...ритм салумский*. — Салум — река в Сенегале; название государства (в конце XIX в. стало французской колонией). *...ритм баульский*. — Бауле — народность, живущая на территории Берега Слоновой Кости.

Стр. 92. *Пралине* (франц.) — конфета в сахарной пудре.

Стр. 95. *Пьер Сегерс* (род. в 1906 г.) — современный французский поэт и издатель поэзии.

ГАМБИЯ

Ленри Питерс родился в 1932 году в Батхерсте. Закончил колледж Тринити (Кембридж). По специальности медик. Пишет по-английски. Все стихи переведены впервые из сборника «Poems» («Стихи»), Ibadan, 1964.

ГАНА

Кофи Авунор (Джордж Авунор Уильямс) родился в 1935 году в селении Вета, около Кета. Образование получил в Ачимота, затем в Ганском университете. Работал в Институте африканистики в области фольклора. Редактор ганского журнала «Окьеаме». Пишет по-английски. «Море пожирает землю у моего дома» взято из сборника «Поэты Ганы»

(М., «Иностранная литература», 1963), стихотворение «Песня войны» — из «Modern Poetry from Africa» («Современная поэзия Африки»), Harmondsworth, 1963. Остальные — из сборника «Rediscovery» («Второе открытие»), 1964; переведены впервые.

Джойс Адду родилась в 1932 году в Секонди, в семье муниципального чиновника. Кроме стихов, пишет пьесы для радиовещания. Пишет по-английски. Стихи взяты из сборника «Поэты Ганы».

Гьормбеи Адали-Морти родился в 1916 году на севере Эвеленда. Учился в миссионерской школе, а затем — в колледже в Ачимота. Работал преподавателем Ганского университета. Известен как переводчик поэзии народности эве. Один из основателей журнала «Окьеаме». Пишет по-английски. Все стихи взяты из сборника «Поэты Ганы».

Рафаэл Эрнест Грейл Арматту (1913—1953). Родился в городе Дену (тогда Золотой Берег). С тринадцати лет учился в Европе. Получив высшее медицинское образование, долго работал врачом в Северной Ирландии. В 1950 году вернулся на родину. Писал по-английски. Стихотворение «Одинокая душа» взято из сборника «В ритмах тамтама» (Издательство восточной литературы, 1961). Остальные переведены впервые из сборника «West African Verse» («Поэзия Западной Африки»), London, 1967.

Бенибонгор Дж. Блей родился в 1915 году в Хальф-Ассини. Учился в миссионерской школе. Служил в горнорудной компании. С 1949 по 1953 год изучал журналистику в Лондоне. Пишет по-английски. Стихотворение «Знамя Африки» взято из сборника «Поэты Ганы», остальные переведены впервые из книги «The thoughts of youth» («Мысли юных»), Асса, 1961.

Квеси Брю родился в 1928 году в Кейп-Коуст. Осиротел в раннем детстве, воспитывался опекуном. Окончил Ганский университет. Находится на дипломатической службе. Пишет по-английски. Стихотворение «Мольба о сострадании» взято из сборника «Поэты Ганы», остальные — переведены впервые из сборника «Poetry from Africa» («Поэзия Африки»), London, 1968.

Джу де Графт. Поэт и драматург. Пишет по-английски. Стихотворение «Платиновая Лу» взято из книги «Messages. Poems from Ghana» («Послания. Стихи Ганы»), London, 1971. Переведено впервые.

Дж. - В. - Б. Данкве родился в 1933 году в Аккре. Сын известного ученого и политического деятеля. Окончил Ганский университет. Работает в агентстве печати. Пишет по-английски. Стихи взяты из сборника «Поэты Ганы».

Майкл Дей-Ананг родился в 1909 году в Мамконге (Мамконг Ашанти). Окончил Лондонский университет. Принимал участие в Бандунгской конференции. Занимал важные дипломатические посты. Пишет по-английски. Стихи взяты из книги «Голоса африканских поэтов» (М., «Художественная литература», 1968).

Стр. 125. *Ашанти котоко* — ашанти, слушайте; ашанти — народность, живущая на территории Ганы, а также название средневекового государства. *Тугу, Премпе, Бонсу* — правители африканского государства Ашанти (1697—1896 гг.).

Стр. 126. *Дагомбский...* — Дагомба — государство, возникшее около XV века между реками Белая Вольта и Оти. В конце XVIII века было захвачено государством Ашанти.

Стр. 127. *Га, аканы, зве, фанти, креппи, акимы, аквапимы* — народности Ганы.

Эллис Эйти Комей родился в 1927 году. Выходец из племени га. Много лет работал журналистом в Лондоне. Редактор журнала «Фламинго». Пишет по-английски. Стихотворение «Зло сотворивший» — из антологии Л. Хьюза «Poems from Black Africa» («Поэзия Черной Африки»), Bloomington, 1963.

Сет Д. Куджо родился в 1910 году в Ломе (Того). Изучал медицину в Эдинбурге и Глазго. Долгое время работал врачом в Лондоне. В 1955 году возвратился в Гану. Изучал музыкальное творчество народов Западной Африки. Пишет по-английски. Стихотворение «Волны» взято из сборника «Поэты Ганы».

Коджо Гинайе Къеи родился в 1932 году в Ахафо. Изучал архитектуру в Канзасском университете. Занимался живописью, в 1968 году выставлял свои картины в Лондоне. Пишет по-английски. Стихотворение «Африканец в Луизиане» переведено впервые из антологии «Poems from Black Africa».

Аква Лалуа (Глэдис Мей Кейсли-Кейфорд, 1904—1950). Родилась в Америке, в семье известного адвоката. Училась в Англии. Преподавала в женской школе в Фритауне. Писала по-английски. Стихотворение «Служанка» переведено впервые из антологии Л. Хьюза «An African treasury» («Сокровища Африки»), 1961.

Альберт Кейпер Менса родился в 1932 году в Секонди. Учился в школе Мфангисипили, Уэсли-колледже и университетском колледже в Ачимота. Окончил Кембриджский и Лондонский университеты. Работал

учителем, затем перешел на дипломатическую работу. Пишет по-английски. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама».

Стр. 136. *Лазарь* (библ.) — брат Марии и Марты, воскресенный Иисусом.

А туквей (Джон) Окай родился в 1941 году. Лауреат президентской премии Республики Гана. Учился в Московском литературном институте имени Горького. Пишет по-английски. Стихи взяты из сборника «Поэты Ганы».

Фрэнсис Эрнест Кобинна Паркс родился в 1932 году в Корле-Бу. Учился в Аккре, Алисаделе, затем в Лондоне. Работал клерком, репортером, редактором, служил в министерстве информации в Аккре. Пишет по-английски.

Стр. 139. *Калebas* — выдолбленная тыква, горлянка. *Бусы агри* — крупные бусы, которые носят женщины-матери.

Стр. 141. *Одоманкома* — одно из имен мифологического бога-создателя. *Тверампон* — имя бога-создателя.

Эффа Теодора Сазерленд родилась в 1924 году. Образование получила в миссионерской школе св. Моники, затем в Хамертонском колледже (Кембридж). Известный детский поэт. Основательница драматической студии. Пишет по-английски. Все стихи взяты из сборника «Поэты Ганы».

Стр. 147. *Кола* — ореховое дерево. Плоды его содержат много кофеина.

Израэл Кафу Хо родился в 1912 году в деревне Афиадениадба (Золотой Берег). Учился в миссионерских школах, в учительском колледже в Акропонге. С 1933 года занимался преподавательской деятельностью, затем работал в министерстве просвещения. Пишет на английском и на эве. Первые четыре стихотворения взяты из сборника «В ритмах тамтама». Остальные — из сборника «Поэты Ганы».

Стр. 149. *Холм Адаклуко* — гора, почитаемая у народности эве священной. *Леве* — божество эве.

Стр. 152. *Байя, амедзофе* — народности, проживающие в Гане.

ГВИНЕЯ

Нене Кхали родился в 1930 году в Бейла (Республика Гвинея). Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама».

Мамаду Траорэ Рэй Отра родился в 1916 году в Маму (Республика Гвинея). Поэт, этнограф, политический деятель. Пишет по-фран-

цузски. Стихотворение «Я — человек!» взято из книги «Мы живем на одной планете» (Ташкент, 1968), «Продавшемуся» — переведено впервые из сборника «Vers la Liberté» («К свободе»), 1961.

Кейта Фодeba (1921—1969). Основатель первой гвинейской театральной труппы «Африканский балет». Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама».

Стр. 161. *Марабут* — духовное лицо у мусульман Африки. *Джוליба* — местное название реки Нигер (на языке мандинго). *Кора* — струнный музыкальный инструмент. *Гриот* — народный сказитель, певец. *Они хотят послать его на войну в свои страны.* — Имеется в виду вторая мировая война (африканцев, мобилизованных во французскую армию, называли сенегальскими стрелками).

Стр. 162. *Мандинго* — народ Западной Африки, сложившийся из трех близко родственных народов: замбара, малинке и диула. *Балафонг* — вид ксилофона.

Стр. 163. *Тиаруа* — поселок под Дакаром, где в 1944 году были расстреляны сенегальские солдаты, не подчинившиеся распоряжению белого офицера. Они сражались во французской армии и возвращались с фронта домой.

ДАГОМЕЯ

Ришар Догбе родился в 1929 году в Котону (Дагомья). Пишет по-французски. Стихи взяты из книги «Rive des mortels» («Берег смертных»), Porto-Novo, 1964.

Юсташ Прюденсио родился в 1925 году в Вора (Дагомья). Пишет по-французски. Стихи взяты из книги «Мы живем на одной планете».

ЕГИПЕТ

Салах Джахин родился в 1931 году. Пишет на египетском диалекте арабского языка. Автор текста национального гимна Египта. Стихи взяты из сборника «Молодые поэты ОАР» (М., «Молодая гвардия», 1969).

Мухаммед Хафиз Ибрахим (1871—1932). В истории египетской поэзии известен как «поэт Нила». Многие стихи его стали народными песнями. Стихотворение «Одежда» взято из сборника «Поэты Египта» (М., Гослитиздат, 1956), остальные переведены впервые из собрания стихов «Диван», Каир, 1937.

Мугахид Абд аль-Мунейм Мугахид родился в 1920 году. Поэт, публицист, переводчик. Стихи взяты из сборника «Ветвь оливы»,

Ибрахим Мухаммед Наги (1898—1953). Один из основателей романтической школы в поэзии Египта. Стихи взяты из сборника «Ветвь оливы».

Ахмад Рами. Поэт старшего поколения. Многие его стихи положены на музыку и стали популярными песнями. Стихи взяты из сборника «Ветвь оливы».

Салах Абд ас-Сабур родился в 1932 году. Поэт, критик, драматург. Стихи взяты из сборника «Молодые поэты ОАР».

Нагиб Сурур родился в 1934 году. Поэт, драматург, критик, актер. Стихи взяты из сборника «Молодые поэты ОАР».

Стр. 178. *Фараджалла Хелу* — секретарь ЦК Ливанской коммунистической партии, убитый арабскими реакционерами в дамасской тюрьме 29 мая 1961 года.

Байрам ат-Туниси. Поэт первой половины XX века, основоположник поэзии на египетском диалекте арабского языка. Стихи взяты из сборника «Стихи поэтов Египта».

Зейнаб Мухаммед Хусейн. Поэтесса первой половины XX века. Стихи взяты из сборника «Новая арабская поэзия», М., ГИХЛ, 1958.

Ахмад Абд аль-Му'ты Хигази родился в 1935 году. Стихи взяты из журнала «Иностранная литература», 1968, № 7.

Ахмед Шауки (1868—1932). До первой мировой войны был известен как придворный поэт, мастер традиционного стиха, его называли «эмир поэтов». Когда в 1914 году английские колонизаторы низложили египетского хедива Аббаса, Шауки был выслан из страны. Вернулся в 1919 году. Стихи «Нил», «Почтовая марка» взяты из сборника «Стихи поэтов Египта», остальные переведены впервые — из сборника «Агами аль-хайят» («Песни жизни»), Тунис, 1966.

Стр. 188. 28 февраля 1922 года в результате национально-освободительного восстания египетского народа англичане были вынуждены отказаться от протектората над Египтом и формально приняли его независимость.

ЗАИР

Патрис Лумумба (1925—1961). Национальный герой Конго, один из основателей партии «Национальное движение Конго» (1958 г.). Возглавил движение борьбы за независимость страны. Правительство, руководимое

Лумумбой, явилось выразителем воли и чаяний конголезского народа. В 1961 году Лумумба был злодейски убит наемниками колонизаторов. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама». Писал по-французски.

Антуан Роже Боламба родился в Конго в 1913 году. Пишет по-французски. Стихотворение «К действию!» взято из книги «В ритмах тамтама».

Клементина Нзужи. Биографических данных нет. Все стихи переведены впервые из сборника «Murmures» («Шепот»), 1969.

ОСТРОВА ЗЕЛЕННОГО МЫСА

Освалдо Алкантара (псевдоним Балтазара Лопеса) родился в 1907 году на острове Сан-Висенте. Участник группы «Кларидаде» («Свет»). Поэт, романист, филолог. Был ректором крупнейшего учебного заведения страны — лицея Жила Эанеса. Стихи печатались в различных антологиях. Пишет по-португальски. Все стихи переведены впервые. «Прибой», «Странный человек в толпе», «Чистое стремление к поэзии» взяты из антологии Жайме де Фигерейдо «Modernos poetas caboverdianos» («Современные поэты Зеленого Мыса»), Praia, 1961; «Мать» — из «Antologia da poesia negra de expressão portuguesa» («Антология негритянской поэзии на португальском языке»), Paris, 1958.

Стр. 199. *Пазáргада* — созданный бразильским поэтом Мануэлом Бандейрой (род. в 1886 г.) образ фантастического города, нечто вроде «земли обетованной». *Дон Себастьян*. — Освалдо Алкантара объединяет здесь два исторических персонажа. Первый — дон Себастьян, двадцать шестой король Португалии (1554—1574). Чтобы укрепить и расширить португальские владения, предпринял поход в Северную Африку и погиб в битве с маврами при Альксер-Алькебире. Гибель его привела к утрате Португалией независимости: в 1581 году Филипп II присоединил ее к испанской короне. О короле Себастьяне сложено много легенд; согласно одной из них, он не погиб, но странствует по свету, выжидая случая вернуться на родину и возвратить ей былую славу. Второй персонаж — христианский проповедник Себастьян (III в.), впоследствии объявленный святым. Себастьян, пронзаемый стрелами, — излюбленный сюжет художников Пиренейского полуострова.

Жоржи Барбоза родился в 1902 году на острове Сантьяго. Один из организаторов журнала и группы «Кларидаде». Умер в 1972 году. Писал по-португальски и по-креольски. Лауреат одной из крупнейших литературных премий Португалии. Стихи «Лачуга», «Брат» взяты из сборника «Здесь и трава родится красной»; «Море» — из журнала «Иностранная литература», 1969, № 7; «Стихи», «Ноктюрн» переведены впервые — из «Мо-

dernos poetas caboverdianos». «День» — из сборника «Cadernos de um ilhéu» («Записки островитянина»), Lisboa, 1956.

Стр. 206. *Морна*. — См. прим. к стихотворению Э. Тавареса «Морна прощания» (стр. 638).

Стр. 208. Стихотворения «День» и «Ноктюрн» (см. стр. 209) воспроизводят однообразный ритм жизни на затерянном в океане острове. Описание скудного конторского дня — мотив, характерный для Ж. Барбозы, таможенного служащего по профессии.

Каобердиано Дамбара. Один из руководителей национально-освободительного движения на Островах Зеленого Мыса. Пишет на диалекте креольского языка острова Сантьяго. Стихи взяты из сборника «Noti» («Ночь»), изданного департаментом информации и пропаганды ПАИГК (без указания года).

Стр. 211. *Багукэ* — народное африканское празднество в честь какого-нибудь события, сопровождающееся танцами и песнями. *Пикинтон* — пик Антония, гора на острове Сантьяго. *Пилонкан* — селение на острове Сантьяго.

Стр. 212. *Манел Рубон* — руководитель крестьянского восстания на Островах (начало XX в.). *Менди* — героиня восстания в селении Мело (Острова Зеленого Мыса, первая половина XX в.).

Каобердиано Куноти. Один из руководителей национально-освободительного движения на Островах. Пишет на креольском языке. Стихи распространяются в рукописи.

Мануэл Лопес родился в 1907 году на острове Сан-Висенте. Участник группы «Кларидаде». Поэт, романист, новеллист. Пишет по-португальски. Стихотворение «Моменты» взято из антологии «Modernos poetas caboverdianos», остальные — из сборника «Crivulo e outros poemas» («Креол и другие стихи»), Lisboa, 1964.

Стр. 219. Эпиграф к стихотворению «Пять песен о разлуке и любви» взят из стихотворения Уитмена «Из бурлящего океана толпы...» (перевод К. Чуковского).

Стр. 223. В стихотворении «Креол» речь идет о коренном жителе Островов Зеленого Мыса, население которых составляет креольская народность, приближающаяся в своем развитии к национальной общности.

Габриэл Мариано родился в 1928 году на острове Сан-Николау. Один из организаторов «Культурного приложения» к журналу «Бюллетень Зеленого Мыса», 1958. Пишет по-португальски и по-креольски. Стихотворение «Поэма раба» взято из журнала «Иностранная литература», 1969, № 7. Стихотворение «Капитан Амброзио» переведено впервые — из «Antologia temática da poesia africana de expressão portuguesa».

Овидио Мартинс родился в 1928 году на острове Сантьяго. Один из организаторов «Культурного приложения». Пишет по-португальски и по-креольски. Стихотворение «Бичуемые Восточным ветром» взято из журнала «Иностранная литература», 1969, № 7. Стихотворения «Засуха», «Антибегство», «Дальний путь» переведены впервые из «Antologia temática...».

Стр. 230. Стихотворение «Антибегство». Написанное в полемическом духе, оно выражает протест против пассивной созерцательности, составляющей характерную особенность так называемой эвазионистской поэзии (от португ. *evásão* — бегство).

Стр. 231. *Восточный ветер* — иссушающий ветер (называемый в Южной Африке харматтаном — см. прим. к стр. 477), приносит на Острова Зеленого Мыса разорение, смерть.

Томас Мартинс родился в 1926 году на острове Брава. Пишет по-португальски. Стихи переведены впервые — из антологии «Modernos poetas caboverdianos».

Гильермо Рошто родился в 1924 году на острове Санто-Антао. Пишет по-португальски. Стихотворение переведено впервые из антологии «Modernos poetas...».

Эуженио Таварес родился в 1867 году на острове Брава, умер в 1930 году. Писал на креольском языке. Стихи переведены впервые из его книги «Mornas. Cântigas crioulas», Lisboa, 1931.

Стр. 235. *Морна* — характерный для фольклора Островов Зеленого Мыса синкретический жанр песни-танца, исполняется обычно под печальную медленную музыку. В «Морне прощания» речь идет о частом для Островов явлении — эмиграции коренных жителей, не нашедших работы на родине.

Агналдо Фонсека родился в 1922 году на острове Сан-Висенте. Пишет по-португальски. Стихотворение «Разделение труда» взято из сборника «Взглядом сердца», стихотворения «По долгому пути моей надежды», «Мертвая земля» — из сборника «Здесь и трава родится красной»; «Опустошение» переведено впервые из «Antologia temática...».

Марियो Фонсека родился в 1939 году. Пишет по-португальски. Стихи переведены впервые — из «Antologia temática...».

Арналдо Франса родился в 1925 году на острове Сантьяго. Пишет по-португальски. Стихи переведены впервые — из антологии «Modernos poetas...».

Стр. 241. В стихотворении «Антистихи о спящей красавице» поэт полемизирует с тенденцией к идеализации жизни, свойственной поэтам Островов Зеленого Мыса предшествующего поколения.

КАМЕРУН

Франсис Бебей родился в 1929 году в Камеруне. Пишет по-французски. Стихи переведены впервые — из сборника новелл и стихов «Embargas et Cie» («Тяготы и компания»), Yaoundé, 1968.

Стр. 243. *Ифе* — город в Западной Нигерии. Мировую известность приобрели найденные в Ифе произведения традиционной пластики XII—XIV веков, — в частности, маски (см. послесловие).

Элологэ Эпанья Йопдо родился в 1930 году в Дуала (Камерун), пишет на языке дуала и на французском. Стихи взяты из сборника «Камерун! Камерун!» (М., «Художественная литература», 1963).

Франсуа Сенгат-Куо (псевдоним Франческо Ндитсуна) родился в 1931 году в Дуала (Камерун). Пишет по-французски. Стихи переведены впервые — из сборника стихов «Colliers de Saugis» («Ожерелье из раковин»), Paris, 1970.

Стр. 254. *Тотем* — животное или растение, мыслившееся в эпоху общинного строя общим предком рода. Бытование тотема было связано с системой различных запретов.

Стр. 256. *Эль Хадж Амаду Ахиджо* — президент Республики Камерун. *Амадауа* — горное плато на юге Камеруна. *Вури* (ныне — Дуала), *Бенуэ*, *Вьонг*, *Санага* — реки в Камеруне.

Стр. 257. *Иерихон* — один из древнейших городов Палестины. В конце II тысячелетия до н. э. был разрушен вторгшимися в Палестину еврейскими племенами. Согласно библейскому преданию, неприступные стены Иерихона рухнули от звуков труб воинов.

Рене Филомбе (настоящее имя Филипп-Луи Омбеде) родился в 1930 году в Башенга (Камерун). Генеральный секретарь Ассоциации поэтов и писателей Камеруна. Пишет по-французски. Стихотворение «Цивилизация» взято из книги «Мы живем на одной планете».

КЕНИЯ

Марина Гаше (Элимо Ньяу). Принадлежит к племени кикуйю. Училась в колледже Макерере (Уганда). Стихотворение «Селенье» взято из антологии «Poems from Black Africa».

Джозеф Е. Кариуки родился в 1931 году близ Найроби. В 1954 году закончил колледж Макерере в Уганде. Затем учился в аспирантуре Кембриджского университета. В настоящее время — директор Кенийского института администрации. Стихотворение «Бессонные в Анголе» взято из журнала «Иностранная литература», 1969, № 3; «Кариуки» переведено впервые из антологии «A Book of African Verse», London — Ibadan, 1964.

Джон Мбити родился в 1931 году в Китуи. Окончил колледж Магерере и Баррингтонский колледж (США). Опубликовал несколько книг на своем родном языке кикамбе. Его стихи и рассказы печатались в журналах и сборниках. Стихотворение «Нью-йоркские небоскребы» — из сборника «Modern Poetry from Africa».

КОНГО

Максим Ндебекка родился в 1944 году в Браззавиле. Пишет по-французски. Стихи публикуются впервые — из книги «Soleils neufs» («Новые солнца»), Paris, 1969.

Марсиаль Синда родился в 1932 году в М'Баму-Кинкала (Конго). Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама». Стр. 266. *Даба* — африканская мотыга.

Жан-Батист Тати-Лутар родился в 1938 году в Нгойо (Конго). Пишет по-французски. Стихи публикуются впервые — из книг «Les racines congolaises» («Конголезские корни»), 1966, «L'envers du soleil» («Обратная сторона солнца»), 1970.

Чикайя У'Тамси (настоящее имя Жеральд Феликс Чикауа) родился в 1931 году в Мпили (Конго). Составитель антологии африканской поэзии «Trésor Africain» («Африканское сокровище»), 1968. Пишет по-французски. Стихотворение «Линии рук...» взято из сборника «В ритмах тамтама»; «Сквозь время и реки» — из сборника «Из африканской лирики», сонеты публикуются впервые — из книги «Le Mauvais sang» («Дурная кровь»), Paris, 1970.

ЛИБЕРИЯ

Роланд Тамбекай Демпстер. Окончил либерийский колледж. Изучал журналистику в США. По возвращении на родину стал главным редактором «Либериян эйдж». Был одним из основателей Общества либерийских писателей в Монровии. Стихотворение «Это Африка?» переведено впервые из «Poems from Black Africa».

Бай Т. Мур. Биографических данных нет. Все стихи взяты из журнала «Иностранная литература», 1963, № 6.

Стр. 275. *Флит-стриг* — улица, где расположены крупнейшие лондонские издательства.

Стр. 278. *Окро* — растение, употребляющееся в качестве острой приправы.

ЛИВИЯ

Али Мухаммад ар-Ракии родился в 1934 году. Стихотворение взято из книги «Ветвь оливы».

ОСТРОВ МАВРИКИЙ

Эдуар Ж. Моник родился в 1931 году. Поэт, переводчик африканской поэзии с английского на французский и с французского на английский язык. Стихи публикуются впервые из сборника «Les manèges de la mer» («Причуды моря»), Paris, 1964.

МАЛАВИ

Джеймс Дэвид Рубадири родился в 1930 году в Ньясаленде. Выпускник колледжа Макерере. За борьбу против колониального режима несколько раз подвергался тюремному заключению. Затем поступил учиться в Королевский колледж Кембриджского университета. По возвращении на родину работал преподавателем. Все стихи переведены впервые, из сборника «Poetry from Africa».

Стр. 286. *Стэнли* Генри Мортон (1841—1904) — английский журналист и путешественник. В 1871 году был послан нью-йоркской газетой «Хералд» на поиски Дэвида Ливингстона. Его путешествия способствовали установлению колониального ига в Африке. *Мутеса* — кабака (царь) Буганды, который оказал Стэнли дружественный прием в 1875 году.

Стр. 287. *Масаи* — воинственное племя, живущее в основном в Кении.

МАЛАГАСИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Жан-Жозеф Рабеаривело (1903—1937). Писал по-французски. Стихи взяты из книги «Голоса африканских поэтов».

Стр. 293. *Тананариве* — столица Малагасийской Республики.

Стр. 295. *Филау* — порода деревьев.

Стр. 298. *Имерина* — государство, сложившееся в середине XIV века на Мадагаскаре. Также название центральной части острова.

Стр. 299. *Утрилло* Морис (1883—1955) — французский художник, известный своими картинами, изображающими Париж и его предместья. *Драцена* — растение семейства лилейных.

Стр. 300. *Иарив* — сокращение от «Тананариве».

Стр. 301. *Ламба* — национальная одежда малагасийских женщин.

Стр. 303. *Ассагай* — метательное копьё, дротик.

Жак Рабеманандзара родился в 1913 году. Поэт, драматург, политический и государственный деятель Мадагаскара. Пишет по-французски. Поэма «Антса» взята из книги «Голоса африканских поэтов».

Стр. 305. *Антса* — гимн в честь вождя.

Стр. 307. *Мангабе* — название многих гор Мадагаскара. *Антсива* —

раковина (как музыкальный инструмент). *Кайамба* — музыкальный инструмент.

Стр. 309. *Папанг* — коршун.

Стр. 312. *Латериты* — глиноподобная кирпично-красная или бурая порода, характерная для некоторых африканских ландшафтов и Мадагаскара.

Стр. 313. *Менабе* — местность на западе Мадагаскара. *Саондра* — лотос. *Менамбия* — название реки и местности.

Стр. 316—317. *Ивондро*, *Манангарезе*, *Мангур*, *Икуп* (Икупе) — названия рек. *Алассур* — название деревни. *Мандросеза*, *Итаси*, *Алоатра* — названия озер. *Манингоро* — название реки. *Бетсибока* — самая большая река Мадагаскара. *Мананаре* — название реки. *Анкартра* — название гористой области. *Амбондромбо* — название гор.

Стр. 317. *Дронго* — порода птиц.

Стр. 318. *Геспериды* — в греческой мифологии: нимфы, дочери Атласа, сторожившие сад с золотыми плодами.

Стр. 319. *Пиастр* — здесь — похожее на монету белое пятно между рогами зебу. В прошлом таких зебу дарили властителям. *Дзирах* — малагасийское слово, обозначающее телесное и духовное величие. Поэт олицетворяет его в женском облике.

Стр. 320. *Салехи*, *Соари* (благая), *Баколи* (фарфоровая), *Вао* (новая), *Норо* (приносящая радость) — женские имена.

Флавиен Ранаиво родился в 1914 году. Поэт и собиратель малагасийского фольклора. Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама».

Стр. 325. *Равенала* — род дерева семейства банановых, встречающееся на Мадагаскаре. Здесь обычно равеналу называют «деревом путешественников».

МАЛИ

Мамаду Голого родился в 1924 году. Поэт, публицист. Пишет по-французски. Стихотворение «Тамтамы правды» взято из «Литературной газеты», 1962, 14 апреля.

Гауссу Диавара родился в 1939 году. Поэт, переводчик, театральный режиссер. Пишет по-французски. Стихотворение «Ленин» взято из сборника «Бессмертие» (М., «Художественная литература», 1970), остальные — из сборника «Поэты Мали» (М., «Прогресс», 1965).

Албакай Усман Кунта родился в 1938 году. Стихи публиковались в периодической печати. Пишет по-французски. Стихи взяты из сборника «Поэты Мали», кроме «Когда увидишь ты...» («Советская женщина», 1967, № 3).

Стр. 334. Секу *Туре* (род. в 1922 г.) — президент Республики Гвинеи. *Мумие Феликс* (1925—1960) — камерунский политический деятель. Председатель Союза народов Камеруна (ЮПК). Отравлен в Женеве агентами террористской организации колонизаторов «Красная рука».

Стр. 335. *Дженне, Сарафере, Ансонго, Кумикоро* — города в Мали.

Филип Дабо Сиссоко (годы жизни неизвестны). Писал по-французски. Стихи переведены впервые из сборника «*Poèmes de l'Afrique noire*» («Стихи Черной Африки»), 1964.

Стр. 336. *Хармакхи* — сфинкс.

Стр. 337. *Бида* — ядовитая змея.

МАРОККО

Мухаммед Азиз Лахбаби родился в 1918 году. Составитель «Антологии арабской и берберской поэзии» (Бленвиль-сюр-Мэр, Франция, 1965). Стихотворение «Эгоцентризм» взято из журнала «Сибирские огни», 1969, № 8; «Феллах» — из сборника «Из африканской лирики»; остальные — из журнала «Иностранная литература», 1970, № 5.

МОЗАМБИК

Опезимо Валима. Биографических данных нет. Участник национально-освободительного движения, боец армии освобождения. Пишет по-португальски.

Сержио Виейра родился в 1941 году. Стихи печатались в антологиях поэзии Мозамбика. Пишет по-португальски. Стихотворение «Черная Эвридика» взято из сборника «Здесь и трава рождается красной».

Стр. 348. *Маримба* — ударный музыкальный инструмент, распространенный у народов Африки и Латинской Америки, разновидность ксилофона.

Стр. 349. *Шарневиль* — город в Южно-Африканской Республике, где в 1963 году были расстреляны демонстрации африканцев. *Клайдсдел* (Клайдсдел-Колбрук) — центр угольной промышленности ЮАР, где в шахтах работают сотни законтрактованных мозамбиканцев. *Пандаджал* — внутренний засушливый район Мозамбика.

Стр. 350. *Полин*. — Имеется в виду Полин Лумумба, вдова Патриса Лумумбы. *Джомо* — Джомо Кениата, президент Кении, боровшийся против английских колонизаторов. *Мошеш* (1790—1870) — вождь народа басуто, объединивший разрозненные племена для борьбы с англичанами и бурами в первой половине XIX века.

Жозе Кравейринья родился в 1922 году в Лоренсо-Маркесе. Поэт, журналист, основатель Африканской ассоциации (первой патриотической организации Мозамбика). В 1965 году арестован за связь с ФРЕЛИМО (Фронт освобождения Мозамбика). Стихи его опубликованы во всех антологиях португалоязычной поэзии Африки. Пишет по-португальски. Все переводы публикуются впервые: «Матушка Сакина» — из антологии Алвеса дас Невеса «Poetas e contistas africanos de expressão portuguesa» («Португалоязычные поэты и прозаики Африки»), Sao Paulo, 1963; «Стихи о будущем гражданине» и «Поэма Африки» — из журнала «Présence africaine», 1966, № 7; остальные — из сборника «Chigubo» («Шигубо»), Lisboa, 1964, и «Cântigo a um Dio di Satrame» («Гимн богу Гудрона»), Roma, 1966.

Стр. 350. В стихотворении «Матушка Сакина» говорится об отправке законтрактованных в ЮАР.

Стр. 351. *Компания*. — Имеется в виду одна из мозамбикских компаний, которые берут в концессию участки земли и снабжают арендаторов семенами.

Стр. 352. *Макомя* — город на северо-востоке Мозамбика. *Метенго-Баламе* — город на северо-западе Мозамбика. *Ниньямуссу* — город в центральной части Мозамбика. *Мутамба* — река на юге страны. *Метангуло* — город на севере Мозамбика, на берегу озера Ньяса. *Чуламати*, *Маньока*, *Шиньямбанине* — небольшие города в центре страны. *Намаррой* — город в центральной части страны. *Морумбала* — город в центре Мозамбика. *Намапонда* — город на востоке Мозамбика. *Ангоше* — название группы островов по берегам Мозамбикского пролива. *Зобузэ* — городок на северо-западе страны. *Маррупа* — город на севере Мозамбика. *Мишафугене* — город в центре Мозамбика. *Тшумбула* — одно из многочисленных в Мозамбике злаковых растений.

Стр. 353. *Суахили* — государственный язык Танзании, широко распространенный во всей Восточной Африке, в том числе и в Мозамбике. *Широнга* — один из самых распространенных на юге Мозамбика языков, обладающий письменностью. *Шангана*, *битонга*, *хитсуа*, *макуа* — диалекты различных областей Мозамбика. *Мепонда*, *Рибаузэ*, *Моссуризе*, *Завала*, *Шиссибука*, *Зонгозне*, *Киссимажуло*, *Аруангуа* — названия городов и селений центральной и восточной части страны. *Муррупула* — город на северо-востоке Мозамбика. *Софала* — город на востоке Мозамбика, до португальской колонизации отличавшийся высоким уровнем развития культуры и ремесел. *Киссико* — город на юго-востоке страны. *Мапулангене* — город на юго-западе, на границе с Трансваалем. *Массинга* — железнодорожный центр на юго-востоке Мозамбика. *Мушилипо* — город на востоке страны. *Намакурра* — город в центральном Мозамбике, по соседству с портом Келимане. *Пиндагонг* — небольшой город в центре страны. *Бала-Бала*, *Мугазин* и *Шиньянгуанин* — названия сельских местностей в центральной части страны. *Пунгузэ*, *Ньякаузе*, *Инкомати*, *Матола*, *Лимпопо* — реки в южной и цент-

ральной части Мозамбика. *Бангу* — коренное население Центральной и Южной Африки; группа языков. *Шанго, импала, эгосеро, иньякосо* — разновидности мозамбикских антилоп, встречающихся в окрестностях Иньямбане. *Фуньялоуро* — город на юго-востоке Мозамбика. *Маазул* — местное божество. *Муньюана* — пригород Лоренсо-Маркеса, столицы Мозамбика. *Секуа* — общее название различных африканских птиц. *Шидана-ката* — африканское название рыбы. *Иньяка* — острова на юге Мозамбика. *Шинадана* и *гимбила* — музыкальные инструменты.

Стр. 354. *Ньянтсума, мапсинши, мавунгуа, куакуа* — названия наиболее характерных для Мозамбика съедобных плодов. *Пенгуз-у-Сун* — местное божество. *Мукарала, шанфуга, умбила* — ценные породы дерева. *Масекезе, Ньянзило, Эрати* — названия маленьких городов на западе Мозамбика. *Амарамба* — город на севере страны. *Нуанакамба* — город на северо-западе Мозамбика. *Зловещие перья вороньи.* — По африканским поверьям, ворон приносит несчастье. *Шикузмбо* — главное божество языческого культа коренных жителей Мозамбика.

М о г и м о — один из руководителей ФРЕЛИМО. Биографических данных нет. Пишет по-португальски. Стихи распространяются в рукописи, переведены впервые.

Стр. 362. *Шигубо* — большой барабан.

К р а в е й р и н я М п у м о родился в 1944 году в Лоренсо-Маркесе. Стихотворение «Уверенность» распространяется в рукописи. Перевод осуществлен впервые.

Стр. 362. *Шинаване* — название мозамбикского селенья, где в феврале 1960 года была расстреляна мирная демонстрация африканцев. *Муэда* — поселок портовых рабочих; в 1960 году там было расстреляно четыреста человек, отправившихся к губернатору просить справедливости.

Стр. 363. *Шивамбо Мондлане.* — Доктор Эдуардо Шивамбо Мондлане, председатель ФРЕЛИМО, был злодейски убит в Дар-эс-Саламе 3 февраля 1969 года.

Р у й Н о г а р родился в 1933 году в Лоренсо-Маркесе. Поэт, журналист. В 1965 году был арестован за связь с ФРЕЛИМО. Стихи его печатались во многих антологиях. Пишет по-португальски. Стихи переведены впервые — из журнала «Présence africaine», 1966, № 57.

Р у й д е Н о р о н я родился в 1909 году в Лоренсо-Маркесе. В 1943 году покончил с собой. Первый национальный поэт Мозамбика. Писал по-португальски. Сонет «Несчастье» взят из сборника «Здесь и трава родится красной»; сонеты «Безумец» и «Мятежность» переведены впервые из «Sonetos, Lorenzo-Marques, s.d.

Марселино дос Сантос родился в 1929 году в селении Лумбо. Поэт и публицист. Один из руководителей ФРЕЛИМО. В 1965 году награжден золотой медалью Всемирного Совета Мира за общественно-политическую деятельность. Пишет по-португальски. На русском языке издан сборник его стихов «Песня истинной любви» (М., Гослитиздат, 1962). Стихотворение «Здесь мы родились» взято из сборника «Песня истинной любви»; «Песня истинной любви» — из сборника «Здесь и трава рождается красной».

Поэзия де Соуза родилась в 1927 году в Лоренсо-Маркесе. Долгое время жила в эмиграции, в Лиссабоне, в Париже. Ее стихи публиковались во всех антологиях африканской поэзии, однако до сих пор не изданы отдельной книгой. Пишет по-португальски. Все переводы новые. Стихотворение «Негритянка» взято из «Antologia temática...», остальные — из журнала «Présence africaine», 1966, № 57.

Стр. 370. *Маконде* — народность банту, населяющая Восточную Тропическую Африку. *Шангана* — народность банту, живущая на юге Мозамбика.

Стр. 372. Стихотворение «В лесах» посвящено Руй де Норонье.

НИГЕРИЯ

Адду Агво. Сведений о его жизни не имеется. Стихотворения взяты из сборника «Поэты Нигерии» (М., «Прогресс», 1966).

Адебой Бабалола родился в 1926 году в Ипетумоди (юго-запад Нигерии). Учился в Ачимотском колледже, затем в Кембриджском университете. С 1952 года преподавал в Институте африканистики при университете города Ифе. Сейчас преподает в Лагосском университете. Знаток фольклора йоруба, одной из крупнейших и наиболее развитых народностей Африки (юго-запад Нигерии). Пишет по-английски. Стихотворение «Сказание о Маисовом Ростке» взято из сборника «Поэты Нигерии»; «Баламут» переведено впервые — из антологии «A Book of African Verse» («Книга африканской поэзии»), London — Ibadan, 1964.

Стр. 377. *Олугбере* — порода крыс, используемых для приготовления колдовских снадобий, якобы приносящих беду врагам. *Олугбола* — порода рыб, также употребляемых для изготовления колдовских снадобий с целью предотвращения несчастия.

Стр. 378. *Фулани* — кочевой народ, который с XIV века распространился по Западной Африке. В XIX веке фулани образовали несколько могущественных африканских государств.

Стр. 380. *Шанго* — бог грома и молнии (йоруба).

Мору Йосуфу Гива. Сведений о его жизни не имеется. Стихотворение «Бенин» взято из сборника «Поэты Нигерии».

Стр. 382. *Бенин* — город на юге Нигерии. Во времена царя Егуолы (XIII в.) — центр культуры и искусства (см. послесловие).

Минджи Карибо. Закончила университетский колледж в Ибадане. Работала библиотекарем в Энглу. Пишет по-английски. Стихотворение «Суевория» взято из сборника «Поэты Нигерии»; «Ласковое и нежное» переведено впервые — из книги «Nigerian Student Verse» («Стихи нигерийских студентов»), Ibadan, 1959.

Джон Пеппер Кларк родился в 1935 году. Принадлежит к народности иджо. Изучал английскую литературу в Ибаданском университете. Будучи студентом, начал издавать журнал «Рог» («Horn»), в котором появились первые его стихи. Работал в лагосской газете «Дейли экспресс». Преполагает в Лагосском университете. Пишет по-английски. Большинство стихов взяты из книги «Голоса африканских поэтов», последние два переведены впервые — из сборника «Casualties» («Потери»), London, 1970.

Стр. 386. *Ироко* — тиковое дерево. *Олокун* — божество вод. Иногда олицетворялся в образе девушки.

Стр. 389. *Иддо* — город на острове, соединенном с материком мостом.

Гэбриэл Окара (Имомотиме Обайбаинг Окара) родился в 1921 году в краю, населенном народом иджо, в дельте Нигера. Окончил государственный колледж в городе Умуахия. Его стихи публиковались в различных журналах и антологиях. Пишет по-английски. Стихотворения «Снежинки снижаются кротко», поэма «Заклинание рыбака» взяты из книги «Голоса африканских поэтов», остальные — из сборника «Поэты Нигерии».

Стр. 396. *Нун* — небольшая речка в дельте Нигера, на родине поэта.

Кристофер Окигбо (1932—1967). Родился в Оджото. Окончил классический колледж Ибаданского университета. Работал в библиотеке университета в Нсукка, являлся представителем кембриджского университетского издательства в Нигерии. Писал по-английски.

Стихи взяты из сборника «Поэты Нигерии».

Пайус Олехе. Окончил университетский колледж в Ибадане. Преподаватель английского языка в колледже Эдо (Бенин). Пишет по-английски. Стихотворение «Спокойствие» взято из сборника «Поэты Нигерии».

Деннис Чукуде Осадебей родился в 1911 году в Асаба. Окончил колледж в Калабаре. Изучал юриспруденцию в Англии. Принимал участие в антиколониальном движении. Пишет по-английски. Стихи «Песня бедняка», «Ода Нигеру» взяты из сборника «Поэты Нигерии», «Похоронная

песня» — из сборника «В ритмах тамтама»; стихотворение «Злоключения африканского торговца» переведено впервые — из антологии «Poems from Black Africa», «Женщинам новой Африки» — впервые, из антологии «West African Verse».

Стр. 411. *Парк* Мунго (1771—1806) — шотландец, корабельный лекарь, исследователь бассейна реки Нигер. Был убит в сражении с африканцами.

Клалпертон Хью (1787—1827) — шотландец, исследователь Центральной Африки. В 1822—1827 годах путешествовал по Нигерии.

Франческа Джетунда Перейра родилась в 1933 году в Лагосе, в семье бразильских репатриантов. В 1959 году окончила университетский колледж в Лондоне. По возвращении в Нигерию работала правительственным служащим. Исполнительница африканских народных песен. Пишет по-английски. Стихи взяты из сборника «Поэты Нигерии».

У.-И. Укву. Молодая поэтесса. Училась в университетском колледже в Ибадане, затем в Кембридже. Пишет по-английски. Стихотворение «В автобусе» переведено впервые — из антологии «A Book of African Verse».

Стр. 416. *Аби на ветин* — восклицание на нигерийском пиджин-инглиш, выражающее нетерпение.

Адебайо Фалети. Молодой поэт, пишущий на языке йоруба. Стихотворение «Независимость» получило первую премию на фестивале искусств Западной Нигерии в 1957 году. Перевод его взят из сборника «Поэты Нигерии».

Эг Хнго. Учился в университетском колледже в Ибадане. Преподавал английский язык в колледже св. Эндрю. Стихи взяты из сборника «Поэты Нигерии».

Стр. 418. *Руензори* — горный массив в Центральной Африке, на границе между Угандой и Конго.

Воле Шойинка родился в 1934 году в Абекуте (Нигерия). Получил образование в нигерийском государственном колледже, затем в университете Лидса (Англия). Работал преподавателем в Англии. Поэт, драматург, прозаик. Пишет по-английски. Первые шесть стихотворений взяты из книги «Голоса африканских поэтов». Последние три переведены впервые — из сборника «Idange and other poems» («Иданге и другие стихотворения»), London, 1967.

Стр. 421. *Негритюд* — проповедуемая некоторыми африканскими политическими деятелями и литераторами концепция об исключительной миссии африканцев. Возникшая первоначально как естественная реакция на духовное порабощение африканских народов, эта концепция стала в некоторых работах приобретать впоследствии отпечаток «черного расизма».

Стр. 422. *Семolina* — мука, используемая для приготовления макарон и некоторых других блюд.

Стр. 428. *Геккон* — порода ящериц.

Фрэнк Абиодун Эг-Имукхеде родился в 1935 году близ Ифе. Учился в колледже Игбоби и университетском колледже в Ибадане, где принимал участие в издании журнала «Pog». Работал в лагосской радиокорпорации и репортером в «Дейли экспресс». Служил в министерстве информации в Ибадане. Пишет по-английски. Стихотворение переведено впервые из «Modern Poetry from Africa».

Джон Эквере родился в Калабаре. Окончил Ибаданский университет. Пишет стихи, пьесы, рассказы. Актер и режиссер. Пишет по-английски. Стихотворение «Ответ» взято из сборника «Поэты Нигерии».

ОСТРОВ САН-ТОМЕ

Каэтано да Коста Алегре родился в 1864 году на Сан-Томе, умер в 1890 году в Лиссабоне. Писал по-португальски. Оба сонета переведены впервые из сборника «Versos» («Стихи»), Lisboa, 1951.

Антонио Томас Медейрос родился в 1936 году на Сан-Томе. Медик по образованию. Был генеральным секретарем Комитета освобождения острова Сан-Томе и Принсипи. Пишет на португальском и креольском языках. Стихотворение «Моя песнь Европе» взято из сборника «Здесь и трава родится красной», стихотворение «Черная пятница» переведено впервые — из антологии «Antologia temática...».

Стр. 433. *Балуба* — народность западных банту и ассимилированных ими племен, живущих по среднему течению Конго.

Франсиско Жозе Тенрейро. Родился в 1921 году на Сан-Томе, умер в 1963 году в Лиссабоне. Поэт, ученый. Стихотворение «Эпопея» взято из сборника «Здесь и трава родится красной», «Негры из разных стран света» — из сборника «Взглядом сердца»; первые два стихотворения переведены впервые: «Песня мулата» — из антологии «Poetas e contistas africanos...», «Цикл об алкоголе» — из «A ilha do Nome Santo» («Остров святого имени»), Coimbra, 1942.

Стр. 439. *Макумба* — обрядовое празднество в Бразилии. *Ораксила!* — ритуальный клич.

Алда до Эспирито Санто родилась в 1926 году на острове Сан-Томе. Арестована за участие в национально-освободительном движении. Пишет на португальском и креольском языках. Стихотворение «Где

люди, истребленные вихрем безумия...» взято из сборника «Здесь и трава родится красной», «Триндаде» — из журнала «Иностранная литература», 1969, № 7; «Сижу на пристани...» и «Рядом в каноэ» переведены впервые — из журнала «Présence Africaine», 1966, № 57.

Стр. 440. Пятого февраля 1953 года на острове Сан-Томе была расстреляна мирная демонстрация местных жителей, протестовавших против жестоких порядков колониальной администрации. *Фернан Диас* — тогдашний губернатор острова Сан-Томе. *Зе Мулат* — португальский наемник, руководивший расстрелом безоружных африканцев.

С Е Н Е Г А Л

Л а м и н Д и а к а т е родился в 1926 году. Пишет по-французски. Стихотворения IX—XIV взяты из сборника «Из африканской лирики», переводы заново пересмотрены для нашего тома; стихотворения I, II, XVII и XVIII переведены впервые — из сборника «Primordial du sixième jour» («В канун шестого дня»), 1963.

Стр. 451. *Каури* (с а н с к р.) — ракушки, заменявшие в Африке деньги. *Малинке*. — См. прим. к стр. 162.

Шейх Умар Дионг. Даты жизни неизвестны. Пишет по-французски. Все стихи переведены впервые — из книги «Mes Chants» («Мои песни»), Dakar, 1966.

Бираго Диоп родился в 1906 году. Поэт, фольклорист. Пишет по-французски. Все стихи взяты из книги «Голоса африканских поэтов».

Давид Диоп (1927—1960). Писал по-французски. Все стихи взяты из книги «Голоса африканских поэтов».

Стр. 468. *Димбокро* — город Берега Слоновой Кости. *Пуло-Кондор* — группа островов в Южно-Китайском море. На самом большом из них была тюрьма, где содержались борцы за свободу Индокитая.

Стр. 473. *Эме Сезэр* (род. в 1913 г.) — поэт и политический деятель Мартиники. *Сундията* (1230—1255) — правитель, положивший начало расцвету средневекового государства Мали. *Чака* (ок. 1787—1828) — прославленный зулусский вождь (инкоси), объединивший племена Южной Африки перед угрозой англо-бурского нашествия.

Стр. 474. *Томбукту* (Тимбукту) — город в Мали, старинный центр мусульманской культуры.

Леопольд Седар Сенгор родился в 1906 году в Жоале (Сенегал). Поэт и государственный деятель. Президент Республики Сенегал. Составитель антологии негритянской и малагасийской поэзии на французском

языке. Автор многочисленных сборников стихов. Пишет по-французски. Большинство стихов взято из книги «Песнь ночи и солнца» (М., «Художественная литература», 1965). Стихи «За какой грозовою ночью...», «Я тебя проводил до деревни...» взяты из книги «Голоса африканских поэтов»; «И мы окунемся, моя подруга...», «Не удивляйся, любимая...», «Я сложил тебе песню...» — из книги Л.-С. Сенгора «Избранная лирика» (М., «Молодая гвардия», 1969); «О Сестра, эти руки ночные...», «Перелетные стаи дорог...» — из журнала «Новый мир», 1963, № 6; стихотворение «Негритянская маска» переведено впервые — из книги: *Leopold Sedar Senghor, Poèmes* («Стихи»), Paris, 1964.

Стр. 474. *Гамбия* — река и государство в Западной Африке.

Стр. 475. *Сина* — река в Сенегале, на берегах которой существовало независимое государство Син, включенное французами в состав Сенегала лишь в 1925 году (округ Сине-Салум). Род Сенгора тесно связан с правителями и знатью государства Син. *Брусса* — обширные заросли деревьев и кустарника; обычно под бруссой в Западной Африке понимают сельскую местность вообще, в отличие от центров цивилизации.

Стр. 476. *Жоаль* — город и порт в Сенегале, родина Сенгора. *Синьяра* — госпожа (португ.). *Кумба Н'Дофен* — один из правителей Син, которого Сенгор в детстве видел в доме своего отца. *Кор-Сига* — избранник, «рыцарь» Сига (Сига — имя одной из сестер Сенгора).

Стр. 477. *Восточный ветер* (харматтан) — сухой ветер, дующий зимой (с ноября по март) из Сахары. *...принцев древнего Мали...* — У Сенгора речь идет о средневековом государстве в Западном Судане, достигшем расцвета в XIII—XIV веках.

Стр. 478. *Кумба-Там* — богиня красоты в африканском фольклоре. *А мятежник — еврей и католик...* — Здесь намек на генерала Франко, о котором говорили, что он по национальности еврей.

Стр. 481. *«И братья твои от тебя отвернулись...»* — Поэт здесь имитирует библейский текст (см. Книгу Бытия, III, 16—19).

Стр. 482. *Мбиссель* — святилище в окрестностях Жоаля, в котором находятся гробницы первых правителей народа серер.

Стр. 483. *Великий Али* (Сонни Али, ок. 1462—1492) — правитель средневековой империи Чао в Западном Судане. *Гельвар* (геловар) — знатный человек, воин в государстве Син, который вел свою родословную от древних завоевателей малинке. *Дьогуйе* — имя отца Сенгора, которое на языке серер означает «лсв».

Стр. 485. *Соронг* — слово народа фульбе, означающее вид коры.

Стр. 486. *Фута-Джаллон* — горный массив и плато в западной части Гвинеи.

Стр. 490. *Тиаруа*. — См. прим. к стр. 163.

Стр. 491. *Кайя-Маган* — «царь золота», титул правителя африканского государства Гана (III—XIII вв.); у Сенгора — символ властителей древних африканских империй.

Стр. 492. *Я Буйвол, что смеется над Львом...*— В африканском фольклоре буйвол символизирует силу, а лев — могущество, власть.

Стр. 494. *Примирение Дерева, Льва и Быка...*— Сенгор говорит о временах правления Сундьяты (середина XIII в.). Согласно преданиям, Сундьята, происходивший из рода Кейта, по отцу имел своим тотемом-покровителем льва, по матери — буйвола, а первый из подвигов Сундьяты связан с деревом; мальчик вырвал с корнем баобаб и принес его к хижине матери. См. Сундиата. Мандингский эпос. Перевод с французского (М.—Л., «Художественная литература», 1963).

Стр. 497. *Килиманджаро* — гора, высшая точка Африки (5895 м.).

Стр. 498. *Кускус* — кушанье, приготавливаемое из проса.

Стр. 501. *Изваяние бауле*.— Бауле — народность, живущая в стране Берег Слоновой Кости. Среди бауле много превосходных ваятелей. *Корифей* — предводитель хора в древнегреческой трагедии.

Стр. 505. *Калам* — вид четырехструнной гитары, под аккомпанемент которой обычно исполняют хвалебные и лирические песни (прим. Сенгора).

Стр. 507. *Ньоминка* — народ, обитающий в устье реки Салум.

Стр. 508. *Могадор* — старое название города и порта Эсуара в Марокко. *Фадьюг* — островок около Жоаля.

Стр. 511. *Рити* — вид однострунной скрипки; обычно под аккомпанемент рити исполняются песни шутливого или сатирического содержания.

Сембен Усман родился в 1928 году. Прозаик, кинорежиссер, поэт. Пишет по-французски. Стихи «Казаманс» взяты из книги Сембена Усмана «Новые страницы» (М., «Прогресс», 1964), «Эпитафия» — из книги «Из африканской лирики», «Тропинка» — из романа «Харматтан» (М., «Прогресс», 1966).

Малик Фаль родился в 1929 году. Пишет по-французски. Первые четыре стихотворения взяты из журнала «Новый мир», 1969, № 6; остальные переведены впервые — из сборника «Reliefs» («Рельефы»), 1964.

СУДАН

Гили абд ар-Рахман родился в 1934 году. Поэт, литературовед, публицист. Вместе с Таджас-Сир Хасаном издал сборник стихов. Пишет по-арабски. Стихи взяты из сборника «Стихи поэтов Египта».

Таджас-Сир Хасан родился в 1930 году. Пишет по-арабски. Стихи взяты из сборника «Из африканской лирики».

Мухаммад Мифтах аль-Фейтури родился в 1930 году. Поэт, драматург. Пишет по-арабски. Стихи взяты из сборника «Из африканской литературы».

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Гастон Барт-Уильямс родился в Сьерра-Леоне в 1938 году. Автор нескольких радиопьес. Пишет по-английски. Все стихи переведены впервые — из сборника «Poetry from Africa».

Стр. 537. *Барток Бела* (1881—1945) — венгерский композитор, пианист и музыкальный этнограф.

ТАНЗАНИЯ

Саиди Нгузо. Биографических данных нет. Стихи взяты из сборника «Из африканской лирики».

Шаабан Роберт (1909—1962). Поэт, прозаик. Писал на суахили. Стихи «Свобода» взяты из сборника «Мы живем на одной планете».

Огендо Окот Хейстингс. Биографических данных нет. Стихи переведены впервые — из сборника «Afro-Asian Poetry», Cairo, Series I, 1971.

ТУНИС

Абу аль-Касим аш-Шабби (1909—1934). Основатель современной тунисской поэзии. Писал по-арабски. Стихи переведены впервые — из сборника «Агани аль-Хайят», Тунис, 1966.

Муххаммад аль-Аруси аль-Матви родился в 1920 году. Поэт и прозаик. Пишет по-арабски. Стихи взяты из сборника «Новая арабская поэзия».

УГАНДА

Е.-С. Атиено-Адхамбо. Биографических данных нет. Стихи взяты из журнала «Иностранная литература», 1969, № 3.

Питер Мувати. Биографических данных нет. Стихи переведены впервые из «Afro-Asian Poetry», Series I, 1971.

Окот п'Битек родился в 1931 году. Поэт, прозаик, публицист. Пишет по-английски. Отрывки из поэмы «Song of Lavino» (в русском переводе — «Жалобы Лавино»), Nairobi, 1966, переводятся впервые.

Стр. 554. ...как зола без соли.— В Африке из золы некоторых растений добывают соль. Зола кладут в сосуд с отверстиями на дне, заливают воду,

которая стекает в подставленный снизу другой сосуд, где постепенно собирается солевой раствор. Использованную таким образом золу затем выбрасывают. *Лионно* — разновидность африканской лилии, корни которой содержат яд.

ЦЕНТРАЛЬНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Макомбо Бамботе родился в 1932 году в Уэдда (ЦАР). Поэт, прозаик, драматург. Пишет по-французски. Отрывки из поэмы «*La chanson de mes deux oncles*» («Песнь двоих моих дядей»), 1971, переведены впервые.

ЭФИОПИЯ

Кэббэдэ Микаэль — поэт, прозаик, публицист. Пишет по-амхарски. Все стихи переведены впервые — из сборника стихов «*Бырханinna хыллина*» («Свет разума»), Аддис-Абеба, 1954.

Мэнгэсту Лемма — поэт, драматург. Пишет по-амхарски. Все стихи переведены впервые — из сборника стихов «*Йегытым губае*» («Сборник стихов»), Аддис-Абеба, 1958.

ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Питер Генри Абрахамс родился в 1919 году в трущобах Йоганнесбурга. В молодости работал кочегаром на пароходе. Жил в Англии, затем переехал на Ямайку, где живет и сейчас. Автор многократно издававшегося у нас романа «*Тропюю грома*» и многих других. Пишет по-английски. Стихи переведены впервые из «*Poems from Black Africa*».

Деннис Брутус родился в 1924 году в Солсбери (Южная Родезия). Закончил Витватерсрандский университет. Работал преподавателем, участвуя во многих кампаниях борьбы против апартхеида (особенно в спорте). Подвергался тюремному заключению. В настоящее время находится в Лондоне. Стихи переведены впервые — из книги «*Sirens Knuckles Boots*» («Сирены, кулаки, сапоги»), Ibadan, 1963.

Стр. 573. *Транскей* (Транскейские территории) — территории в составе Капской провинции ЮАР. Большая часть Транскея — резерват для коренных африканцев, район полупринудительной вербовки рабочей силы для золотых и урановых рудников.

Бенедикт Вплакази (1906—1947) родился в Граутвиле. Окончил Витватерсрандский университет. Читал лекции по африканистике. Стихи писал на языке зулу. Один из составителей зулу-английского словаря. Стихи взяты из книги «*Песня зулуса*» (М., Гослитиздат, 1962).

Стр. 576. *Дукуза* — центр зулусской культуры. Здесь в 1827 году был похоронен Чака, полководец, создатель зулусского государства. *Уманкабайя* — зулусское божество, олицетворяющее добрые начала.

Стр. 577. *Кобе* — зулусское блюдо, приготовляемое из сорго и молока.

Стр. 582. *Сонкомосе* — легендарный зулусский вождь. *Мзиликази* — вождь, объединитель племени матабеле в XIX веке.

А. - С. Д ж о р д а н родился в 1906 году. Преподаватель языков группы банту в школе африканистики при Кейптаунском университете. Переводчик с языка коса и других местных языков. Стихи переведены впервые из «Poems from Africa».

И н г р и д Й о н к е р (1933—1965) родилась в Дугласе (Капская провинция). Училась в Кейптауне. Писать начала с детства. Опубликовала на африкаанс два сборника стихов. В 1964 году побывала в Европе. Вскоре после приезда в ЮАР покончила с собой. Стихи переведены впервые — из сборника «The Penguin Book of South African Verse».

Стр. 584. *Вельд* — поросшие травой холмистые плато в Южной Африке и Южной Родезии. *Ланга, Ньянга, Орландо* — локации (поселки для африканцев), где полиция со зверской жестокостью подавила волнения.

О л ь г а К и р ш родилась в 1924 году в Оранжевой Республике. После окончания Витватерсрандского университета занималась журналистикой. Пишет на африкаанс. Стихи переведены впервые — из сборника «The Penguin Book...».

П и т е р К л а р к е. Бывший портовый рабочий. Помимо поэзии, занимается живописным и графическим искусством. Стихотворение «Игровая песня» переведено впервые — из антологии Л. Хьюза «Poems from Black Africa».

Л е о п а р д К о с а. Биографических данных нет. Все стихотворения, кроме последнего, публикуемого впервые, взяты из сборника «Из африканской лирики».

Э й с К р и г е родился в 1910 году в Свеллендаме. Закончил Стеленбосский университет. Долго жил во Франции и Испании. Сражался против франкистов. Во время второй мировой войны был военным корреспондентом. Автор многочисленных сборников на африкаанс и английском языках. Стихи взяты из сборника «В ритмах тамтама».

М а з и с и К у н е н е родился в 1930 году в Дурбане. Окончил Натальский университет. В настоящее время живет в эмиграции, в Лондоне. Написал много работ по зулусской поэзии. Им написан сборник стихов «Zulu

Роems» («Зулусские стихи»), London, 1970. Из этой книги и переведены все стихи (автор пишет на зулу и переводит себя на английский).

Н. - М. К х а к е т л а. Поэтесса, пишущая на языке сото. Стихотворение «Белая и черная» переведено впервые — из «The Penguin Book...».

Р о й К э м п б е л л (1902—1957). Родился в Дурбане. Учился в Оксфорде, затем вернулся в Южную Африку. Вместе с Уильямом Плумером издавал журнал «Форшлаг» («Удар бичом»). В годы второй мировой войны служил в английском экспедиционном корпусе в Восточной Африке. Несмотря на правые взгляды, в лучших своих стихах, таких, как «Раб», выразил свободолюбивые устремления угнетенного африканского населения. Писал по-английски. Стихотворения «Зулуска», «Теология павиана Бонгви» взяты из сборника переводов М. Зенкевича «Поэты XX века» (М., «Прогресс», 1965). Остальные переведены впервые — из книги «Selected poetry» («Избранные стихи»), London, 1968.

Стр. 599. *Шрайнер Оливия* (1855—1920) — известная южноафриканская писательница. автор романа «История африканской фермы», повести «Рядовой Питер Холкет в Машоналенде» и аллегорий. Ее творчество было высоко оценено М. Горьким. Близкий друг семьи Марксов. Высказывала передовые по своему времени взгляды.

Д жу л и е т Л о у в родилась в 1910 году в Йоганнесбурге. Пишет на английском и африкаанс, главным образом для детей. Стихотворение «Тропинки Африки» переведено впервые — из антологии Р. Макнаба «Poets in South Africa», Cape Town, 1958.

Стр. 599. *Наталь* — провинция в ЮАР. *Умтата* — город в ЮАР (Транскей). *Бленгайр* — город на юге Малави. *Басутские скалы* — нагорье Басуто (юг Африки).

Стр. 600. *Ньяса* — озеро в Восточной Африке.

Э з е к и е л М п а х е л е родился в 1919 году. В детстве был подпаском. Работал в журнале «Драм». Вместе с женой и тремя детьми бежал из ЮАР в Нигерию, где преподавал в университетском колледже. Затем переехал в Париж. Поэма «Иммигрант» переведена впервые — из журнала «Black Orpheus», № 6.

Стр. 604. *Шелли давно уже умер, посланий больше не шлют с мимолетным ветром.* — Имеется в виду стихотворение Шелли «Ода к западному ветру».

О с в а л ь д Д ж о з е ф М т ш а л л родился в семье учителей. Живет в Йоганнесбурге. Сборник стихов «Sounds of a cowhide drum» («Звуки барабана из коровьей шкуры»), Johannesburg, 1971. Пишет по-английски. Все стихи переведены впервые — из названного сборника.

Стр. 609. *Гремлины* — существа, созданные фантазией американских летчиков во время второй мировой войны. Это нечто вроде чертенят, которые появляются в самолетах и производят мелкие и крупные неполадки и неприятности. Впоследствии поверье о гремлинах распространилось по всем англоязычным странам и вышло за пределы авиации.

Артур Нортгье. Живет в Иоганнесбурге. Все стихи переведены впервые — из журнала «Black Orpheus», № 12.

Алан Пейтон родился в 1903 году в Питермаритцбурге. Выпускник Натальского университета. Преподавал в натальских школах и был директором Дипклоопфской исправительной колонии для небелых. Пишет по-английски. Все стихотворения взяты из сборника «A Book of South African Verse». Переведены впервые.

Стр. 613. *Санна* — обычное имя служанок.

Космо Питерс родился в 1930 году. После окончания Кейптаунского университета переехал в Лондон. Стихи переведены впервые — из «Afro-Asian Poetry», Series I, 1971.

Уильям Плумер родился в 1903 году в Питерсбурге (Северный Трансвааль). Был фермером и торговцем. Романист, новеллист и поэт. Пишет по-английски. Стихотворения «Скорпион», «Трансваальское утро», «Развалины фермы» взяты из сборника «В ритмах тамтама»; остальные переведены впервые — из сборника «A Book of South African Verse».

Стр. 619. *Токолош* — добрый дух зулусского фольклора.

Стр. 620. *Рэнд* — район золотых приисков.

Ричард Рив родился в 1931 году в Шестом квартале Кейптауна, где живут «цветные». На русский язык переведены его роман «Чрезвычайное положение», 1967, и многочисленные рассказы. Пишет по-английски. Стихотворение «Там, где кончается радуга» переведено впервые — из антологии Л. Хьюза «Poems from Black Africa».

Фрэнсис Кэри Слейтер (1876—1958). Родился в Капской провинции. Образование получил в школе Ловдейл (где в то время учились белые и цветные). С 1899 года вплоть до отставки служил в различных банках. Все стихи переведены впервые — из сборников «The Penguin Book...» и «A Book of South African Verse».

Кингсли Фэрбридж (1885—1924). Родился в Грэхэмстауне. Учился в Оксфорде. Стихи взяты из сборника «A Book of South...».

*В. Л. Чесноков, Е. Ряузова, А. Ибрагимов,
М. Курганцев, И. Ермаков, Э. Ганкин*

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ
«ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПЕРВОИСТОКАМ»
И ТРАДИЦИОННАЯ АФРИКАНСКАЯ СКУЛЬПТУРА

«Маски, о Маски.
Черные, красные, бело-черные Маски...
Маски, в молчанье приветствую Вас...»

Л.-С. Сенгор

В настоящем томе воспроизведены образцы знаменитой «негритянской скульптуры», создававшейся народами Тропической Африки на протяжении более двух тысячелетий: от первых веков до н. э. (терракотовые головы Нок) до XIX и XX веков (деревянные маски и статуэтки). Выбор этот не случаен. И не только потому, что африканская скульптура оценивается ныне как «самый великий и самый прекрасный вклад» Африки в мировую культуру. Знакомство с нею помогает точнее уяснить замыслы современных поэтов Африки, и в первую очередь тех, чье творчество тесно связано со старой фольклорной традицией. Маски и статуэтки — это лишь часть синкретического художественного комплекса; поэтическое окружение для них — естественная среда, здесь они живы и говорят здесь о себе много больше, нежели просто как музейные экспонаты, хотя бы даже и самого высокого ранга.

Деятели современного африканского искусства видят в этих памятниках воплощение тех первоистоков, которые могут стать основой возрождающейся национальной культуры. Образы родоплеменного быта, «маски с лицом обнаженным», «их первозданная ясность» (Л.-С. Сенгор) тем настойчивее возникают перед мысленным взором современного художника, поэта, музыканта, чем дальше он уходит от них по пути профессионального творчества.

Движение за «возвращение к первоистокам» объединяет подавляющее большинство профессиональных деятелей африканского искусства¹.

Однако разрыв между старым и новым в современной Африке гораздо значительнее, чем это иногда представляется.

Глубокие социально-экономические сдвиги, в корне изменяющие структуру африканского общества, перераспределили и процессы, идущие ныне в сфере культуры, искусства.

Уже один только процесс урбанизации немало способствовал тому, что все те виды современного искусства, которые известны жителям городов

---

¹ «Эти страстные поиски национальной культуры, сложившейся до колониализма, совершенно законно вызваны стремлением интеллигентов колоний отойти от западной культуры, которая грозит поглотить их целиком», — писал в 1961 г. Ф. Фанон, известный деятель алжирской революции (Ф. Фанон. О национальной культуре. — В сб. «Литература стран Африки». Сб. II, М., 1966, с. 22).

во всех частях света, известны и в Африке. И если оставить в стороне теперь уже совсем редкие, затухающие очаги традиционного искусства и обратиться к творчеству современных профессиональных африканских художников и писателей, становится ясно, что все оно может быть классифицировано в соответствии с теми видами и жанрами, которые повсеместно существуют в современном мировом искусстве.

В отличие от своего предшественника, современный африканский художник стал полноправным хозяином своего ремесла, его творчество больше не связано четко ограниченным кругом тем и сюжетов, определенной системой кодифицированных знаков. Теперь он выразитель не только коллективного, но и индивидуального начала. Изменился и пополнился арсенал технических средств. Искусство сделалось профессией. Следовательно, продукты художественного творчества приобрели значение товара, оказались подвержены влиянию международного рынка, частного или государственного заказчика, а это создало обычные предпосылки для обезличения и фальсификации художественного творчества. Новые условия резко отличаются от тех, в которых находилось искусство в традиционном обществе.

Суть этого процесса заключается в расщеплении синкретического традиционного культурного комплекса на отдельные элементы, одним из которых становится искусство, рассматриваемое отныне как самостоятельный вид индивидуальной трудовой деятельности.

Процесс этот необратим. Современное профессиональное искусство, литература не могут в буквальном смысле «вернуться к первоисточкам», стать их прямым органическим продолжением.

Значит ли это, что традиционное искусство следует рассматривать как «забаллазамированные окаменевшие останки, которые несут в себе отрицание, неподвижность, инертность»?¹ Такой взгляд на традиционную культуру может быть справедлив по отношению к попыткам ее полной реставрации, но не тогда, когда речь идет о формальных достижениях традиционного художественного творчества, в частности, об изобразительных формах, методах пластической интерпретации художественных образов в африканской скульптуре.

Это подтверждается историей открытия в Европе африканского искусства и тем влиянием, которое оно оказало на творчество таких художников, как П. Пикассо, Ж. Брак, Матисс, П. Дерен, на поэтов Г. Аполлинера, Б. Сандрара, П. Реверди, М. Жакоба и многих других, а точнее, на целое поколение деятелей искусства в обоих полушариях, не исключая и некоторых крупных художников Африки.

Новое направление, сформировавшееся в искусстве и литературе в период открытия африканской скульптуры и начала так называемой «пе-

---

¹ Ф. Фанон. О национальной культуре.— В сб. «Литература стран Африки». Сб. II, М., 1963, с. 33.

гритянской эпохи» в творчестве Пикассо, известно теперь под названием «кубизма». В период между 1910 и 1925 годами кубизм и связанные с ним более поздние течения охватывают повсеместно изобразительное искусство, литературу, поэзию, драматургию. По свидетельству Пикассо, «это было время, когда живописцы и поэты взаимно влияли друг на друга». Гийом Аполлинер, имя которого в равной мере связано с новейшими направлениями и в литературе и в искусстве, писал: «От прежней живописи кубизм отличает то, что он не является искусством, основанным на подражании, но — на концепции, стремясь возвыситься до создания». По словам другого крупнейшего представителя этого направления, живописца Хуана Гриса, «кубизм задался целью открыть в объектах нечто наименее неустойчивое и найти способ изобразить это». Нетрудно заметить, что африканская скульптура, свободная от имитации, виртуозно вскрывающая архитектуру предмета, полностью отвечает этим требованиям. «Неоспоримая выразительность, экспрессивность африканской скульптуры, — говорит известный французский искусствовед-африканист Ж. Лод, — связана не с непосредственно наглядным изображением, имитацией или описанием, а с необычным построением форм, с четким пластическим рисунком, чередованием объем... одним словом, — с ритмом».

С начала 30-х годов, когда вобщее признание и увлечение африканским искусством в Европе достигло апогея, когда стала очевидной исключительная роль ритма для всех видов африканского искусства, представление о ритме как наиболее полном и ярком воплощении сугубо «африканского» начала стало все глубже внедряться в сознание самих африканцев. Совместно с идеей возрождения национальных художественных традиций это постепенно привело к созданию настоящего «культа ритма».

И если попытаться определить самые характерные черты современной африканской поэзии, анализируя структуру стиха, наиболее характерные формальные приемы, то первое место в ряду таких характеристик займет, безусловно, ритм. Это не значит, что современная африканская поэзия является прямым воплощением того своеобразного прерывистого ритма, который пронизывает традиционное искусство. Но идея ритма (которой, заметим, не существовало в традиционном обществе) господствует теперь повсеместно. Это проявляется не только в попытках воспроизвести размеры фольклорных поэтических жанров, перевести на язык поэзии ритмы знаменитых тамтамов и обрядовых танцев, но и в ярко выраженной тенденции к выявлению ритмичности любого предмета и явления: от «ритма прибой» до «ритма сплетенных объятий» (Л.-С. Сенгор). «Дыхание тех времен, когда все было пронизано ритмом» (Л. Диакате), вдохновляет художников и поэтов, музыкантов и хореографов.

Однако следует заметить, что круг образцов старого традиционного искусства, дошедших до нас в своем первоизданном виде, ограничен почти исключительно памятниками изобразительного искусства, так как то, что сохранилось от устного народного творчества, музыки и танца, в силу спе-

цифики этих жанров претерпело значительную трансформацию уже на наших глазах за последние десятилетия.

Памятники изобразительного искусства и в первую очередь знаменитая африканская скульптура являются сейчас самым подлинным воплощением «первоистоков» и в то же время самым наглядным пластическим выражением африканских ритмов.

Сходный первобытно-общинный уровень социально-экономического развития, на котором находилось подавляющее большинство населения Тропической Африки еще в середине прошлого века, определяющий сходство изначальных, наиболее общих элементов культуры, позволяет рассматривать в одном ряду различные архаические формы африканского фольклора, маски, статуэтки и т. д., хотя при этом нельзя забывать, что даже самая небольшая народность имеет свои собственные мифы, предания и легенды, а маски и статуэтки в каждом конкретном случае связаны с определенными, присущими только данному народу верованиями и обладают своими особыми стилистическими чертами. Одна только деревянная африканская скульптура, созданная за последние сто — сто пятьдесят лет, обнаруживает неисчерпаемое стилистическое богатство. Здесь представлены все оттенки от натуралистического иллюзионизма до чистой схематической абстракции. Причем эти ритмически организованные формы масок и статуэток отнюдь не являются результатом свободной игры воображения того или иного художника: все они более или менее строго канонизированы, имеют четкое назначение и не могут изменяться произвольно, так как играют роль определенных пластических идеограмм.

Существенно также и то, что скульптура и другие виды искусства, как уже было сказано, не есть отдельная область традиционной культуры: культурная деятельность здесь составляет нерасторжимое единство, в котором различные виды художественного творчества находятся в постоянном органическом взаимодействии. Так, притчи и поговорки обретают зримую форму в скульптуре, рисунках на калебасах, аппликациях. Повествования народных сказителей — гриотов являются органическим сочетанием прозаических и поэтических текстов с музыкой и пением. В этом едином художественном комплексе все взаимосвязано: музыкальные такты, пластические, поэтические и танцевальные ритмы, — все имеет единый исток... Существование традиционной скульптуры немисливо вне мифов, образы которых она воплощает, но, с другой стороны, трудно себе представить, как без нее могли явиться мифы, поскольку скульптура эта воспринимается не как отражение реальности, а как сама реальность; остается вопросом, что первично, с точки зрения африканца: миф, содержащий те или иные образы, или те же образы, воплощенные в культовых масках, появляющихся на торжественных церемониях. Четкие ритмические формы таких масок пластически повторяют ритм музыки и танца, сопровождающий их появление...

Древнейшими известными ныне памятниками африканской скульптуры являются фрагменты терракотовых статуэток так называемой культуры Нок

(Нигерия, IX в. до н. э.— II в. н. э.). Их отточенный стиль говорит о достаточно высоко развитых художественных традициях, уходящих в глубокую древность; некоторые особенности технического исполнения позволяют предположить, что в то время существовала и деревянная скульптура, которая не сохранилась из-за недолговечности материала. Пользуясь современной терминологией, стиль этой скульптуры можно определить в целом как реалистический с примитивно-экспрессионистическими элементами. Обе эти тенденции получают дальнейшее развитие в двух следующих по времени группах памятников: в искусстве Ифе и сао.

Скульптура Ифе (Нигерия) представляет собой серию удивительных портретов, выполненных в бронзе и терракоте. Ясный реалистический стиль этой скульптуры в значительной мере объясняется тем, что ифские головы и статуи являются преимущественно скульптурными изображениями обожествленных царей народа йоруба — «они», то есть портретами конкретных исторических лиц.

Совершенно иную картину представляет собой искусство легендарного народа сао, предков современных племен, населяющих прибрежные районы вблизи озера Чад. «Экспрессионистические» элементы, отмеченные в искусстве Нок, развиваются здесь в своеобразный зооморфный стиль, который можно сравнить только со стилями поздней традиционной скульптуры. И не случайно, ибо эта скульптура связана либо с культом предков, либо, так же как маски, воплощает различных невидимых и могущественных духов.

Особое место среди очагов искусства Западной Африки занимает искусство средневекового государства Бенин (Нигерия). Бенинские бронзовые головы, рельефы и резные слоновые бивни — первые произведения африканского искусства, с которыми познакомились европейцы. Бенинская скульптура создавалась на протяжении нескольких столетий — с XIV—XV веков до второй половины XIX века. Кроме широко известных голов и рельефов, скульптура здесь представлена стилизованными, богато орнаментированными фигурками рыб, птиц, змей, хищников, небольшими статуэтками воинов, музыкантов, придворных. Основным назначением этого искусства было поддержание престижа царской власти, устрашение подданных, демонстрация мощи и богатства обожествленного бенинского царя — оба. Эта узкая направленность бенинского дворцового искусства привела к выработке точных, жестких канонов, определивших характер его стиля. Стилистическое развитие этого искусства отразилось в постепенной эволюции бронзовых голов — от мягкой моделировки, кое в чем напоминающей ифские портреты, к строгой и жесткой схеме, лишенной всяких индивидуальных черт.

В области техники — литья и чеканки — придворное искусство достигло значительных успехов, однако по своим изобразительным средствам оно беднее и ограниченнее народной традиционной скульптуры.

Условный символический характер этой скульптуры призван выразить языком пластики сложные идеи и понятия, которые не могут быть переданы методом непосредственного отображения. Язык этот целиком обусловлен теми социальными функциями, которые выполняла скульптура: любая маска, статуэтка, как, впрочем, и любой предмет традиционного искусства, отражают не личные, индивидуальные, но коллективные взгляды, являются воплощением общего миропонимания.

Вместе с тем они могут рассматриваться наравне с фольклором как универсальные инструменты образования, как единственный в данном случае способ фиксации и передачи различного рода знаний. Статуи предков являются в то же время родовыми реликвиями, напоминающими о генеалогии семьи, рода, племени, выполняя функцию, подобную той, которую выполняют тотемные знаки, различные эмблемы и т. д. Те же статуэтки, являющиеся «вместилищами душ умерших предков», имеют и иное социальное значение, отражая реально существующую социальную структуру, ибо иерархия царства духов соответствует земной.

Происхождение масок и танцевальных головных уборов связано с древними тотемистическими представлениями, по которым каждое племя имеет своего покровителя в лице того или иного животного и ведет от него свой род. Маски имеют двоякое назначение. Одни из них — маски тайных союзов, родовой знати — использовались при обрядах посвящения молодежи, другие, выполненные в менее условном стиле, связаны с культом предков. Экспрессивные энергичные формы этой скульптуры образуют ясные, легко читаемые пластические символы, которые не имеют словесного эквивалента и должны восприниматься непосредственно, интуитивно. Причем для посвященных, членов данного племени, эти пластические символы-идеограммы наполнены более или менее конкретным содержанием, которое закрыто для иноплеменников. Африканец, находившийся в плену тех или иных анимистических представлений, был еще менее способен оценить маски и статуэтки своих ближайших соседей, чем, например, европеец, который видит в них только общее, а именно — их художественную структуру, и воспринимает исключительно как произведения искусства.

Можно представить себе богатство и разнообразие стилей африканской скульптуры, если вспомнить, что в Тропической Африке существовало несколько сот племен, обладавших самобытной культурой. Известный искусствовед, африканист, хранитель Британского музея У. Фэгг справедливо замечает по этому поводу: «Многие африканцы могут сожалеть о том, что в результате особенностей исторического развития в Африке существует множество языков вместо нескольких или даже одного, что вынуждает их думать и говорить на английском или французском; но тем же самым причинам фольклорное наследие Африки обязано своим несравненным богатством. А насколько еще более драгоценным для мирового искусства явилось многообразие местных скульптурных форм! Нет никакого сомнения в том, что именно в этой области Африка внесла в мировую культуру свой

самый великий и самый прекрасный вклад, вклад более глубокий и значительно превосходящий то влияние, которое она оказала на западную популярную музыку»¹.

Действительно, как уже было сказано, открытие в начале века европейскими художниками традиционной или, как она тогда называлась, «примитивной» скульптуры оказало серьезное влияние на формирование новых течений в искусстве и литературе. Это было также открытие тех заразных «африканских ритмов», которые вдохнули новую свежую струю в мировое искусство, в том числе и в новую африканскую музыку и поэзию, живопись и скульптуру — в современное африканское искусство, которое стало теперь неотъемлемой частью мировой художественной культуры.

В. Мириманов

На суперобложке:

Маска. Народность батек (Конго). Раскрашенное дерево. Деревянная резная дверь. Народность сенуфу (Берег Слоновой Кости).

---

¹ W. F a g g. Sculpture africain. Paris, 1966, pp. 9—10.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Роберт Рождественский. Обретенные голоса (Вместо предисловия)</i>	5
--	---

ПОЭЗИЯ АФРИКИ

А Л Ж И Р

Надиа Гендуз	
Алжир. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	29
Анна Греки	
В Менаа, в горах Ореса. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	30
Грядущее придет завтра. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	32
Асия Джеббар	
Каждое утро. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	34
Мухаммед Диб	
Весна расцветет. <i>Перевод М. Кудинова</i>	35
Весть. <i>Перевод М. Кудинова</i>	36
Стихи. <i>Перевод А. Ревича</i>	37
Порт. <i>Перевод А. Ревича</i>	39
Зехор Зерари	
Если бы ты... <i>Перевод М. Кудинова</i>	39
Казнь. <i>Перевод М. Кудинова</i>	40
Катеб Ясин	
Живая память. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	41
Секрет огня. <i>Перевод М. Кудинова</i>	42
Танец при свете костра. <i>Перевод М. Курганцева</i>	43
Ворон. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	45

А н р и К р е а

- Добрый народ. *Перевод М. Кудинова* 47
Будет день. *Перевод М. Курганцева* 50

К а д д у р М' Х а м с а д ж и

- Да, мой Алжир! *Перевод М. Кудинова* 51
Сон ребенка. *Перевод М. Ваксмахера* 52

А б у а л ь - К а с и м С а а д а л л а

- Бессмертие. *Перевод М. Курганцева* 53
Письмо с гор. *Перевод М. Курганцева* 54

Ж а н С е н а к

- «Друзья мои!..» *Перевод М. Кудинова* 55
«Если земля разверзнется вдруг под ногами...» *Перевод М. Кудинова* 55
«— Смотри,— сказал командир...» *Перевод М. Кудинова* 56
«Бубенцы его черной тоски растрavляли нам душу...» *Перевод М. Ваксмахера* 56
Эти бойцы. *Перевод М. Ваксмахера* 57
Сон. *Перевод М. Курганцева* 58
Неужели настал мир? *Перевод М. Курганцева* 59

М а л е к Х а д д а д

- Они входят в легенду. *Перевод М. Кудинова* 59
«Я бы хотел...» *Перевод М. Ваксмахера* 60
Чья очередь? *Перевод М. Ваксмахера* 60
Песня уверенности. *Перевод М. Ваксмахера* 62
Я француз? *Перевод М. Курганцева* 63
Мне снилось... *Перевод М. Курганцева* 64

Б у а л е м Х а л ь ф а

- «Родившись, плачет ребенок...» *Перевод М. Кудинова* 65
Дождь над моею страной. *Перевод М. Кудинова* 65

Б а ш и р Х а д ж А л и

- Клятва. *Перевод М. Кудинова* 67
5 июля. *Перевод М. Курганцева* 67

А Н Г О Л А

Ж о а н А б е л

- Аллегория солнца. *Перевод М. Кудинова* 69

Марио Антонио	
Четвертая линия. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	70
Субботний вечер. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	72
Антонио Жазинто	
Поезд-каналья. <i>Перевод П. Грушко</i>	72
Сегодня я могу писать только так. <i>Перевод П. Грушко</i>	74
Народ ушел на войну. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	75
Антонио Кардозо	
Завтра. <i>Перевод П. Грушко</i>	76
Поезд из Маланже. <i>Перевод П. Грушко</i>	77
Фернандо Коста Андраде	
Мать-земля. <i>Перевод П. Грушко</i>	77
Алда Лара	
Завещание. <i>Перевод М. Кудинова</i>	78
Энрике Лопес Герра	
Приди, касимбо... <i>Перевод П. Грушко</i>	79
В ожидании бульдозера. <i>Перевод П. Грушко</i>	80
Агостиньо Нето	
Дорога звезд. <i>Перевод Л. Некрасовой</i>	80
Пламя и ритмы. <i>Перевод Л. Некрасовой</i>	82
Западная цивилизация. <i>Перевод Е. Долматовского</i>	82
Арналдо Сантос	
Возвращение. <i>Перевод П. Грушко</i>	83
Два наброска. <i>Перевод П. Грушко</i>	84

БЕРЕГ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Бернар Буа Дадье	
Не люблю. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	85
Линии наших рук. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	86
Вытри слезы! <i>Перевод А. Ревича</i>	87
Черным по белому. <i>Перевод А. Ревича</i>	88
Литания на французский мотив. <i>Перевод А. Ревича</i>	89
Небо мое. <i>Перевод А. Ревича</i>	90
Праздничный тамтам. <i>Перевод А. Ревича</i>	91
Жизнь моя! <i>Перевод А. Ревича</i>	92

Руки. <i>Перевод М. Курганцева</i>	92
Цепи. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	94
Люди всех континентов. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	95
Маски. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	96
И... <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	97
Ветер. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	99

Г А М Б И Я

Ленри Питерс

«Осенняя улица...» <i>Перевод В. Рогова</i>	101
«Каждый раз когда запирая ворота...» <i>Перевод В. Рогова</i>	102
«Первая Роза...» <i>Перевод В. Рогова</i>	103
«Забывтая песня...» <i>Перевод В. Рогова</i>	103

Г А Н А

Коффи Авунор

Море пожирает землю у моего дома. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	105
Песня войны. <i>Перевод Н. Воронель</i>	106
Призыв барабана. <i>Перевод Н. Воронель</i>	107
Самое долгое путешествие. <i>Перевод Н. Воронель</i>	107
Я был среди толпы... <i>Перевод Н. Воронель</i>	108
Отзвуки. <i>Перевод В. Минушина</i>	108
Память. <i>Перевод В. Минушина</i>	108

Джойс Адду

Эфуа. <i>Перевод Н. Воронель</i>	109
--	-----

Гьормбен Адали-Морти

Пальмовые листья детства. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	111
Единственный суп. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	111
Король-кокос. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	112

Рафаэл Э.-Г. Арматту

Одинокая душа. <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	113
Африка. <i>Перевод А. Голембы</i>	114
Царьки-лакеи. <i>Перевод А. Голембы</i>	114
Юные мечтания. <i>Перевод А. Голембы</i>	115

Бенибонгор Дж. Блей

Ночь забот. <i>Перевод Н. Воронель</i>	115
Тень улыбки. <i>Перевод Н. Воронель</i>	115
Знамя Афрнкип. <i>Перевод Л. Тоома</i>	116

Квеси Брю

Рождение ребенка. <i>Перевод Н. Воронель</i>	116
Одинокый путник. <i>Перевод Н. Воронель</i>	117
Сеть. <i>Перевод Н. Воронель</i>	117
Мольба о сострадании. <i>Перевод Н. Воронель</i>	118

Джу де Графт

Платиновая Лу. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	118
---	-----

Дж.-В.-Б. Данкве

Голоса моря. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	121
---	-----

Майкл Дей-Ананг

Куда ты, Африка? <i>Перевод А. Симонова</i>	123
Ашанти Котоко. <i>Перевод А. Симонова</i>	125
Отважные рыбаки. <i>Перевод А. Симонова</i>	128
Паутинки мира. <i>Перевод А. Симонова</i>	129
Упрямая душа. <i>Перевод А. Симонова</i>	130
Мать-Луна. <i>Перевод А. Симонова</i>	130
Смерть. <i>Перевод А. Симонова</i>	131

Эллис Эйти Комей

Зло сотворивший. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	132
---	-----

Сет Д. Куджо

Волны. <i>Перевод Н. Воронель</i>	133
---	-----

Коджо Гннаие Къеи

Африканец в Луизиане. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	133
--	-----

Аква Лалуа

Служанка. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	134
--	-----

Альберт Кейпер Менса

Картина. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	134
Второе рождение. <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	135

Атуквей Окай

Симфония свободы. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	136
--	-----

Фрэнсис Паркс

Африканский рай. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	138
---	-----

Эфуа Теодора Сазерленд

Спасенная. <i>Перевод Н. Воронель</i>	141
Так случилось. <i>Перевод Н. Воронель</i>	143
Легенда. <i>Перевод Н. Воронель</i>	147

Израэл Кафу Хо

Холм Адаклуко. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	149
Небо. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	150
Малыш. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	150
Молитва. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	151
Лагуна Кета. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	151
Дрозды. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	152
Гемн. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	152
Солнце. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	153

ГВИНЕЯ

Нене Кхали

Победоносное шествие. <i>Перевод В. Львова</i>	154
Тамтамы. <i>Перевод М. Ваксмакера</i>	156
Воздух Африки. <i>Перевод М. Ваксмакера</i>	157

Мамаду Траорэ Рэй Отра

Я — человек! <i>Перевод Н. Горской</i>	158
Продавшемуся. <i>Перевод М. Кудинова</i>	159

Кейта Фодеба

Рассвет над Африкой. <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	161
--	-----

ДАГОМЕЯ

Ришар Догбе

...Между двумя взглядами. <i>Перевод А. Кашеиды</i>	164
---	-----

Юсташ Прюденсио

Мое тело. <i>Перевод Н. Горской</i>	165
Озерная Венера. <i>Перевод Н. Горской</i>	166

ЕГИПЕТ

Салах Джахин

Колосья. <i>Перевод М. Курганцева</i>	167
---	-----

Мухаммед Хафиз Ибрахим	
Бесплодные страдания. <i>Перевод Н. Стефановича</i>	168
Поэзия. <i>Перевод Н. Стефановича</i>	169
Одежда. <i>Перевод С. Северцева</i>	169
Мугахид Абд аль-Мунейм Мугахид	
Сокровище. <i>Перевод М. Курганцева</i>	171
Ибрахим Мухаммед Наги	
Трудящиеся. <i>Перевод М. Курганцева</i>	173
Ахмад Рами	
Вспоминай меня. <i>Перевод М. Курганцева</i>	174
Салах Абд ас-Сабур	
«Простите, друзья...» <i>Перевод М. Курганцева</i>	176
Песнь о Каире. <i>Перевод М. Курганцева</i>	177
Нагиб Сурур	
Реквием. <i>Перевод М. Курганцева</i>	178
Байрам ат-Туниси	
Жду тебя. <i>Перевод А. Голембы</i>	180
Звездочет. <i>Перевод С. Северцева</i>	181
Зейнаб Мухаммед Хусейн	
Счастлирое время. <i>Перевод Н. Павлович</i>	183
Ахмад Абд аль-Му'ты Хигази	
Свидетели. <i>Перевод О. Дмитриева</i>	185
Ахмед Шауки	
Нил. <i>Перевод С. Северцева</i>	186
План 28 февраля. <i>Перевод Н. Стефановича</i>	187
Вернулась жизнь. <i>Перевод Н. Стефановича</i>	188
«Сомнения нет...» <i>Перевод Н. Стефановича</i>	188
Почтовая марка. <i>Перевод С. Северцева</i>	189
О парус над Тигром. <i>Перевод В. Минюшина</i>	191

ЗАИР

Патрис Лумумба	
Пусть торжествует наш народ. <i>Перевод П. Антокольского</i>	192
Антуан Роже Боламба	
К действию! <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	193

Клементина Нзужи

Движения. <i>Перевод А. Якобсона</i>	194
Зеркало. <i>Перевод А. Якобсона</i>	195
Нет, не моя вина. <i>Перевод А. Якобсона</i>	195
Занесенный ко мне. <i>Перевод А. Якобсона</i>	196
Вечер. <i>Перевод А. Якобсона</i>	196

ОСТРОВА ЗЕЛЕНОГО МЫСА

Освалдо Алкантара

Прибой. <i>Перевод В. Марковой</i>	198
Станный человек в толпе. <i>Перевод В. Марковой</i>	199
Мать. <i>Перевод В. Марковой</i>	200
Ты всегда со мной. <i>Перевод В. Марковой</i>	201
Чистое стремление к поэзии. <i>Перевод В. Марковой</i>	203

Жоржи Барбоза

Лачуга. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	204
Брат. <i>Перевод М. Самаева</i>	205
Стихи. <i>Перевод М. Самаева</i>	207
День. <i>Перевод М. Самаева</i>	208
Ноктюрн. <i>Перевод М. Самаева</i>	209
Море. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	209

Каоберднано Дамбара

Тоска по моей родине. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	210
--	-----

Каоберднано Куноти

Ритм ожидания. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	214
---	-----

Мануэл Лопес

Голоса. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	215
Корабль. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	216
Моменты. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	216
Экран. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	217
Пять песен о разлуке и любви. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	219
Я разрою твою могилу. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	220
Робкий поэт. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	222
Другой. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	222
Креол. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	223
Мой край. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	224
Ноктюрны. <i>Перевод Новеллы Матвеевой</i>	225

Габриэл Мариано

- Капитан Амброзио. *Перевод В. Тихомирова* 226
Поэма раба. *Перевод Б. Слуцкого* 228

Овидио Мартинс

- Засуха. *Перевод М. Самаева* 229
Антибегство. *Перевод М. Самаева* 230
Дальний путь. *Перевод М. Самаева* 231
Бичуемые Восточным ветром. *Перевод Б. Слуцкого* 231

Томас Мартинс

- Стихи. *Перевод М. Самаева* 232

Гильермо Рошто

- Панорама. *Перевод П. Грушко* 234

Эуженно Таварес

- Морна прощания. *Перевод М. Самаева* 235

Агиналдо Фонсека

- Опустошение. *Перевод М. Самаева* 236
Разделение труда. *Перевод И. Тыняновой* 237
По долгому пути моей надежды. *Перевод И. Тыняновой* 237
Мертвая земля. *Перевод М. Самаева* 238

Марно Фонсека

- Когда жизнь возродится... *Перевод Ю. Левитанского* 239

Арналдо Франса

- Антистихи о спящей красавице. *Перевод П. Грушко* 241
Мир. *Перевод П. Грушко* 242

КАМЕРУН

Франсис Бебей

- Маска Ифе. *Перевод А. Якобсона* 243
Оптимизм. *Перевод А. Якобсона* 245

Элолонгэ Эпанья Йондо

Стихи из книги «Камерун! Камерун!»

- Сни, мой малыш. *Перевод А. Ревича* 246
Наседка. *Перевод А. Ревича* 247
Вепри. *Перевод А. Ревича* 248
Тебе. *Перевод А. Ревича* 249

Мама! Мама! <i>Перевод А. Ревича</i>	249
Согласие. <i>Перевод А. Ревича</i>	250
Черный атлет. <i>Перевод А. Ревича</i>	251
Служака. <i>Перевод А. Ревича</i>	252

Франсуа Сенгат-Куо

На первом листе. <i>Перевод Э. Ананиашвили</i>	254
Слова тотемы. <i>Перевод Э. Ананиашвили</i>	254
К маске. <i>Перевод Э. Ананиашвили</i>	255
Если бы я был гриот. <i>Перевод Э. Ананиашвили</i>	256
Стены Иерихона. <i>Перевод Э. Ананиашвили</i>	257

Рене Филombe

Цивилизация. <i>Перевод Н. Горской</i>	258
--	-----

КЕНИЯ

Марина Гаше

Селенье. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	259
---	-----

Джозеф Карнуки

Бессонные в Анголе. <i>Перевод О. Тугановой</i>	260
Карнуки. <i>Перевод В. Минушина</i>	260

Джон Мбити

Нью-йоркские небоскребы. <i>Перевод В. Минушина</i>	261
---	-----

КОНГО

Максим Ндебека

Рассвет. <i>Перевод М. Курганцева</i>	262
---	-----

Марсиаль Синда

Свет зари. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	264
Даба. <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	266

Жан-Батист Тати-Лутар

Обратная сторона солнца (Любовь звонит у дверей). <i>Перевод В. Микушевича</i>	267
Обратная сторона солнца (У молодого артиста — рак). <i>Перевод В. Микушевича</i>	268
Обратная сторона солнца (Сон безработного). <i>Перевод В. Микушевича</i>	268
Свобода. <i>Перевод В. Микушевича</i>	269

Чикайя У'Тамси

«Линии рук предвещают иные пути...» <i>Перевод Е. Гальпериной</i>	269
Сквозь время и реки. <i>Перевод М. Курганцева</i>	270
«Нам завтра помудреть...» <i>Перевод А. Эппеля</i>	271
«А дождь бубнил-бубнил...» <i>Перевод А. Эппеля</i>	272
«Рвать лепестки и сметь...» <i>Перевод А. Эппеля</i>	272
«Бессмыслица в природе...» <i>Перевод А. Эппеля</i>	273

ЛИБЕРИЯ

Роланд Тамбекай Демпстер

Это Африка? <i>Перевод В. Тихомирова</i>	274
--	-----

Бай Т. Мур

Взгляд в историю. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	275
Новая Африка. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	277
Месяц жатвы. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	277

ЛИВИЯ

Али Мухаммад ар-Ракии

На родине моей. <i>Перевод М. Курганцева</i>	280
--	-----

ОСТРОВ МАВРИКИЙ

Эдуар Моник

Стихи из книги «Причуды моря»

«моря! я на вас начертал...» (3) <i>Перевод А. Ревича</i>	282
«наутро море вновь...» (7) <i>Перевод А. Ревича</i>	282
«песок облепил нас...» (7) <i>Перевод А. Ревича</i>	283
«неподвижность...» (9) <i>Перевод А. Ревича</i>	283
«изо всех достойний...» (19) <i>Перевод А. Ревича</i>	284
«тебя встречать люблю...» (20) <i>Перевод А. Ревича</i>	284
«уходить как уходят...» <i>Перевод А. Ревича</i>	284
«— пишу тебе...» (23) <i>Перевод А. Ревича</i>	285

МАЛАВИ

Дэвид Рубадирри

Стэнли встречается с Мутесой. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	286
Африканское бденне. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	288
Черный работяга в Ливерпуле. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	288
Думы после работы. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	289
Африканская гроза. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	290
Владыка африканской ночи. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	291

МАЛАГАСИЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Жан-Жозеф Рабеаривело

Тананариве. Перевод С. Шервинского	293
Сикомор. Перевод С. Шервинского	294
Фплау. Перевод С. Шервинского	295
Тропическая лихорадка. Перевод С. Шервинского	295
Белый бык. Перевод С. Шервинского	296
Флейтисты. Перевод С. Шервинского	297
Зебу. Перевод С. Шервинского	298
Зимний вечер. Перевод С. Шервинского	299
Ветер. Перевод С. Шервинского	300
С языка ночи. Перевод С. Шервинского	301

Жак Рабеманандзара

Антса. Перевод Д. Самойлова	305
---------------------------------------	-----

Флавен Ранаво

Песенка простодушного влюбленного. Перевод В. Берестова	322
Советы новобрачным. Перевод В. Берестова	322
Сожаленье. Перевод В. Берестова	325
Весна. Перевод В. Берестова	325

МАЛИ

Мамаду Голого

Тамтамы правды. Перевод М. Кудинова	326
---	-----

Гауссу Диавара

Ленин. Перевод М. Курганцева	327
Голос свободы. Перевод М. Курганцева	329
Нигер. Перевод М. Курганцева	330
Закат солнца. Перевод М. Курганцева	331

Албакай Усман Кунта

Символ нашей борьбы. Перевод М. Ваксмахера	331
Коммунист. Перевод С. Болотина и Т. Сикорской	333
Рыбаки Джолибы. Перевод С. Болотина	334
Когда увидишь ты... Перевод М. Ваксмахера	336

Фили Дабо Сиссоко

Хармакхи. Перевод А. Ибрагимова	336
Вихри. Перевод А. Ибрагимова	337
Последний ливень. Перевод А. Ибрагимова	337
Встреча со змеей. Перевод А. Ибрагимова	337

Смеющийся ребенок. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	337
Плачущий ребенок. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	338
Словно цветок. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	338
Заботы красоты. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	338
Пока ты набиваешь свою утробу. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	338
Ты спишь. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	339

МАРОККО

Мухаммед Азиз Лахбаби

Кто кого создал. <i>Перевод М. Кудинова</i>	340
На скрещенье путей. <i>Перевод М. Кудинова</i>	341
Втроем. <i>Перевод М. Кудинова</i>	342
Рабат. <i>Перевод М. Кудинова</i>	342
Вся вселенная. <i>Перевод М. Кудинова</i>	343
Эгоцентризм. <i>Перевод М. Кудинова</i>	344
Феллах. <i>Перевод М. Курганцева</i>	345

МОЗАМБИК

Онезимо Валима

На рассвете. <i>Перевод П. Грушко</i>	346
Сержно Внейра	

Черная Эвридика. <i>Перевод П. Грушко</i>	347
---	-----

Жозе Кравейринья

Матушка Сакина. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	350
Стихи о будущем гражданине. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	351
Гимн моей земле. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	352
Ода живому грузу, погибшему во время пожара на корабле, называвшемся «Саве». <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	354
Африканская пауза. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	357
Прекрасная история, которую я расскажу однажды. <i>Перевод</i> <i>Ю. Левитанского</i>	358
Поражение. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	358
Возвращенье. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	359
Поэма Африки. <i>Перевод Ю. Левитанского</i>	360

Могпмо

Мать-Африка. <i>Перевод П. Грушко</i>	362
---	-----

Кравейринья Мпумо

Уверенность. <i>Перевод П. Грушко</i>	362
---	-----

Руй Ногар

Загадка № 2. <i>Перевод М. Самаева</i>	363
--	-----

Руй де Норонья

Безумец. <i>Перевод В. Васильева</i>	364
Мятежность. <i>Перевод В. Васильева</i>	365
Несчастье. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	365

Марселино дос Сантос

Здесь мы родились. <i>Перевод Л. Некрасовой</i>	366
Песня истинной любви. <i>Перевод Л. Некрасовой</i>	367

Ноэмия де Соуза

Негритянка. <i>Перевод Н. Горской</i>	369
Хочешь ты меня узнать? <i>Перевод Н. Горской</i>	370
Негритянская кровь. <i>Перевод Н. Горской</i>	371
В лесах. <i>Перевод Н. Горской</i>	372

НИГЕРИЯ

Адду Агво

Где-то в Африке. <i>Перевод А. Эппеля</i>	375
Странствие окончено. <i>Перевод А. Эппеля</i>	376

Адебой Бабалола

Сказание о Мансовом Ростке. <i>Перевод А. Сендыка</i>	377
Баламут. <i>Перевод А. Сендыка</i>	379

Мору Йосуфу Гива

Бенин. <i>Перевод Н. Воронель</i>	382
---	-----

Минджи Карибо

Суеверия. <i>Перевод А. Сендыка</i>	382
Ласковое и нежное. <i>Перевод В. Минушина</i>	383

Джон Пеппер Кларк

«Взлетай, о песня моя...» <i>Перевод М. Зенкевича</i>	384
Быки Фулани. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	384
Бабушке (<i>Из госпиталья</i>). <i>Перевод М. Зенкевича</i>	385
Ночной дождь. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	385
Олокун. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	386
Круг у месяца. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	387
Первый дождь. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	388
Возвращение рыбаков. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	388
Ибадан. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	389
Дерево. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	389

Мост Иддо. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	389
Погребальная песнь. <i>Перевод В. Минушина</i>	390
Дорога Лагос — Ибадан близ Шагаму. <i>Перевод В. Минушина</i>	390
Гэбриэл Окара	
Снежинки снижаются кротко. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	391
Барабаны и фортепьяно. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	392
Колдовской барабан. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	393
Ты смеялась, и смеялась, и смеялась... <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	394
Духи ветра. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	395
Зов реки Нун. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	396
Заклинение рыбака (<i>Поэма</i>). <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	397
Кристофер Окигбо	
Морская дева. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	407
Глаза видят звезды. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	408
Любовь в разлуке. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	408
Переулоч должника. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	409
Пайус Олегхе	
Спокойствие. <i>Перевод А. Сендыка</i>	410
Деннис Чукуде Осадебей	
Песня бедняка. <i>Перевод А. Сендыка</i>	410
Ода Нигеру. <i>Перевод А. Сендыка</i>	411
Похоронная песня. <i>Перевод Н. Воронель</i>	412
Злоключения африканского торговца. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	412
Женщинам новой Африки. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	413
Франческа Джетунда Перейра	
Черная мать. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	414
У.-И. Укву	
В автобусе. <i>Перевод А. Голембы</i>	415
Адебайо Фалети	
Независимость. <i>Перевод А. Сендыка</i>	416
Эг Хиго	
Беспомощность. <i>Перевод А. Сендыка</i>	418
На закате. <i>Перевод А. Сендыка</i>	419
Воле Шойинка	
Телефонный разговор. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	419
Эмигрант. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	420

Смерть на рассвете. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	422
Реквием. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	423
Мерещится мне дождь. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	425
Пора спелости. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	426
Посвящается Мардж, негритянской певице. Нью-Йорк. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	427
Первые седые волоски. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	427
Посвящается Морему. В 1963 году. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	428

Фрэнк Абиодун Эг-Имукхеде

Одна жена для одного мужчины. <i>Перевод А. Эппеля</i>	429
--	-----

Джон Эквере

Ответ. <i>Перевод А. Эппеля</i>	430
---	-----

ОСТРОВ САН-ТОМЕ

Каэтано да Коста Алегре

Смерть изгнанника. <i>Перевод А. Голембы</i>	431
Когда я умру. <i>Перевод В. Васильева</i>	431

Антонио Томас Медейрос

Моя песнь Европе. <i>Перевод М. Самаева</i>	432
Черная пятница. <i>Перевод М. Самаева</i>	433

Франсиско Жозе Тенрейро

Песня мулата. <i>Перевод А. Ревича</i>	433
Цикл об алкоголе. <i>Перевод А. Ревича</i>	434
Эпопея. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	436
Негры из разных стран света. <i>Перевод И. Тыняновой</i>	437

Алда до Эспирито Санто

«Где люди, истребленные вихрем безумия...» <i>Перевод М. Самаева</i>	440
«Сижу на пристани...» <i>Перевод М. Самаева</i>	441
Рядом в каное. <i>Перевод М. Самаева</i>	442
Тринидаде. <i>Перевод Б. Слуцкого</i>	444

СЕНЕГАЛ

Ламин Диакате

Стихи из книги «В канун шестого дня»

«Мое желанье!..» (I) <i>Перевод А. Голембы</i>	448
«Пойдем, подруга моя...» (II) <i>Перевод А. Голембы</i>	449
«Я буду идти день и ночь...» (IX) <i>Перевод М. Курганцева</i>	449
«Скромнен подарок...» (X) <i>Перевод М. Курганцева</i>	449

«Наши богини владели...» (XI) <i>Перевод М. Курганцева</i> . . .	450
«О, эта призрачная улыбка...» (XII) <i>Перевод М. Курганцева</i> . . .	450
«Мои глаза пронзают...» (XIII) <i>Перевод М. Курганцева</i> . . .	451
«Кровь малинке...» (XIV) <i>Перевод М. Курганцева</i>	451
«Сегодня ты так хороша...» (XVII) <i>Перевод А. Голембы</i>	451
«Эти голые руки...» (XVIII) <i>Перевод А. Голембы</i>	452

Шейху Умар Диоп

Отказ. <i>Перевод Ю. Стефанова</i>	452
Послание. <i>Перевод Ю. Стефанова</i>	453
Иллюзии. <i>Перевод Ю. Стефанова</i>	453

Бираго Диоп

Посвящение. <i>Перевод Н. Горской</i>	454
Видение. <i>Перевод Н. Горской</i>	455
Сумерки. <i>Перевод Н. Горской</i>	455
Мука. <i>Перевод Н. Горской</i>	455
Монотонные ритмы. <i>Перевод Н. Горской</i>	456
Над чем властвует любовь? <i>Перевод Н. Горской</i>	456
Мудрость. <i>Перевод Н. Горской</i>	457
Анимизм. <i>Перевод Н. Горской</i>	457
Диалог. <i>Перевод Н. Горской</i>	458
Запустение. <i>Перевод Н. Горской</i>	458
Дыхание предков. <i>Перевод Н. Горской</i>	460
Песня гребца. <i>Перевод Н. Горской</i>	462
Миропомазание. <i>Перевод Н. Горской</i>	463
Диптих. <i>Перевод Н. Горской</i>	464

Давид Диоп

Время страдать. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	465
Тот, кто все потерял. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	465
Вызов насилью. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	466
Горе тебе, бедный негр. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	466
Один белый сказал мне... <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	467
Моей матери. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	467
Часы. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	468
Цепи в агонии. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	468
Лжецам. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	469
Отступник. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	469
Возле тебя. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	470
Африка. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	470
Черному юноше. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	471
Рама Кам. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	472
Нищий негр. <i>Перевод М. Ваксмахера</i>	473

Леопольд Седар Сенгор

Стихи из книги «Песни в сумраке» (1945 г.)

Блаженной памяти... Перевод М. Ваксмахера	474
Ночь на берегах Сины. Перевод М. Ваксмахера	475
Жоаль. Перевод М. Ваксмахера	476
Черная женщина. Перевод Д. Самойлова	477
Негритянская маска. Перевод М. Ваксмахера	478
Снег над Парижем. Перевод М. Ваксмахера	478
К Маскам. Перевод Е. Гальпериной	479
Пусть мне вторят коры и балафонги (Из поэмы). Третья ода. Перевод М. Ваксмахера	480
Возвращение блудного сына (Из поэмы). Перевод М. Ваксмахера	481

Стихи из книги «Черные жертвы» (1948 г.)

Заглавная песнь. Перевод Д. Самойлова	484
Сенегальским стрелкам, погибшим за Францию. Перевод М. Ваксмахера	485
Люксембургский сад. 1939. Перевод Е. Гальпериной	486
Геловару. Перевод Д. Самойлова	487
Лагерь. 1940. Перевод Д. Самойлова	488
Памяти погибших. Перевод Д. Самойлова	489
Расстрел в Тиаруа. Перевод Д. Самойлова	490

Стихи из книги «Образы Эфиопии» (1956 г.)

Кайя-Маган. Перевод Д. Самойлова	491
Нью-Йорк. Перевод М. Ваксмахера	492
Чака (Драматическая поэма для нескольких голосов). Пере- вод Д. Самойлова	495

Стихи из книги «Ноктюрны» (1961 г.)

«Рука рассвета...» Перевод М. Ваксмахера	505
«Ты долго сжимала...» Перевод Е. Гальпериной	505
«О дороги бессонницы...» Перевод М. Ваксмахера	505
«Я сидел как-то вечером...» Перевод М. Ваксмахера	506
«О, забыть всю эту ложь...» Перевод Е. Гальпериной	507
«То была ли магрибская ночь?..» Перевод М. Ваксмахера	508
«Но воспоют ли вас...» Перевод Е. Гальпериной	509
«За какой грозовую ночью...» Перевод М. Ваксмахера	509
«Я тебя проводил до деревни...» Перевод М. Ваксмахера	510
«И мы окунемся, моя подруга...» Перевод М. Ваксмахера	510
«Не удивляйся, любимая...» Перевод М. Ваксмахера	510
«Я сложил тебе песню...» Перевод М. Ваксмахера	511
«О Сестра, эти руки ночные...» Перевод М. Ваксмахера	511
«Перелетные стаи дорог...» Перевод М. Ваксмахера	512

Сембен Усман

Казаманс. <i>Перевод Л. Халифа</i>	512
Эпитафия. <i>Перевод М. Курганцева</i>	515
Тропинка. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	517

Малик Фаль

Между нами. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	517
Творчество. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	518
День рождения. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	519
Нет. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	519
Тоска. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	519
Туризм. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	520
Ожиданье. <i>Перевод М. Ваксмагера</i>	520

СУДАН

Гли абд ар-Рахман

Улицы города. <i>Перевод В. Луговского</i>	522
--	-----

Таджас-Сир Хасан

Возвращайся. <i>Перевод М. Курганцева</i>	526
---	-----

Мухаммад аль-Фейтури

Голос Африки. <i>Перевод М. Курганцева</i>	527
Старый моряк. <i>Перевод М. Курганцева</i>	529

СЬЕРРА-ЛЕОНЕ

Гастон Барт-Уильямс

Клавиши рояля. <i>Перевод А. Голембы</i>	531
Письмо к матери от черного сына из Вьетнама. <i>Перевод А. Голембы</i>	532
Да благословит нас господь! <i>Перевод А. Голембы</i>	535
Блюз отчаяния. <i>Перевод А. Голембы</i>	536
Высококультурная дама. <i>Перевод А. Голембы</i>	537
Царица барабанов. <i>Перевод А. Голембы</i>	537

ТАНЗАНИЯ

Санди Нгузо

Язык суахили. <i>Перевод М. Курганцева</i>	540
--	-----

Шаабан Роберт	
Свобода. <i>Перевод М. Курганцева</i>	542
Огендо Хейстингс	
Скажи богу, скажи ему. <i>Перевод В. Минушина</i>	542

ТУНИС

Абу аль-Касим аш-Шабби	
Во мраке. <i>Перевод Н. Павлович</i>	544
Красота жизни. <i>Перевод Н. Павлович</i>	545
«Так и судьба — пришла и ушла...» <i>Перевод Н. Павлович</i>	545
Песня грома. <i>Перевод Н. Павлович</i>	546
Воля к жизни. <i>Перевод Н. Павлович</i>	547
Мои стихи. <i>Перевод Н. Павлович</i>	548
Прощание. <i>Перевод Н. Павлович</i>	549
Мухаммад аль-Аруси аль-Матви	
Зов земли. <i>Перевод А. Эфрон</i>	550

УГАНДА

Е.-С. Атиено-Адхиамбо	
Возрожденная Африка. <i>Перевод О. Тугановой</i>	552
Питер Мувати	
Не нищ, сердце. <i>Перевод А. Сендыка</i>	553
Окот п'Битек	
Жалоба Лавино (<i>Из поэмы</i>). <i>Перевод М. Курганцева</i>	553

ЦЕНТРАЛЬНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Макомбо Бамботе	
Песнь двоих моих дядей (<i>Из поэмы</i>). <i>Перевод А. Ревича</i>	558

ЭФИОПИЯ

Кэббэдэ Микаэль	
Все унес ураган. <i>Перевод А. Ревича</i>	564
Мир и время. <i>Перевод А. Ревича</i>	565
Начало сентября. <i>Перевод А. Ревича</i>	567

Мэпгэсту Лемма

Лживый родич. <i>Перевод А. Ревича</i>	568
Надоело. <i>Перевод А. Ревича</i>	569

ЮЖНО-АФРИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Питер Генри Абрахамс

Одинокая дорога. <i>Перевод В. Рогова</i>	570
---	-----

Деннис Брутус

«По всей земле родной...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	570
«Мы уцелели...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	571
«Опаснее свирепейшего зверя...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	571
«Над мокрой мостовой...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	572
Обслуживание в южноафриканском стиле. Только для небелых. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	572
«С обычной шумихой...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	573
Эрозия: Транскей. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	573
Ночной город. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	574
«Все те же звуки...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	574
«Я в памяти храню...» <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	575
К Бернис. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	575

Бенедикт Вилакази

Посвящение в поэты. <i>Перевод А. Сендыка</i>	576
Я белому задал вопрос. <i>Перевод А. Сендыка</i>	577
Вечер. <i>Перевод А. Сендыка</i>	578
На золотом руднике. <i>Перевод А. Сендыка</i>	578
Слушать готов я. <i>Перевод А. Сендыка</i>	581
Кувшин Сонкомосе. <i>Перевод А. Сендыка</i>	582

А. - С. Джордан

Вы мне приказали... <i>Перевод В. Рогова</i>	583
--	-----

Ингрид Йонкер

Ребенок, застреленный солдатами в Ньянге. <i>Перевод В. Рогова</i>	584
--	-----

Ольга Кирш

Словоплетение. <i>Перевод В. Рогова</i>	585
Блокгауз. <i>Перевод В. Рогова</i>	585

Питер Кларке

Игровая песня. <i>Перевод Н. Воронель</i>	586
---	-----

Леонард Коса

Жалоба африканца. <i>Перевод М. Курганцева</i>	586
Бум. <i>Перевод М. Курганцева</i>	587
Цветной. <i>Перевод М. Курганцева</i>	588
Прощание. <i>Перевод М. Курганцева</i>	588
Братьям. <i>Перевод М. Курганцева</i>	589

Эйс Криге

Встреча. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	590
Молитва молодой луне. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	591

Мази си Кунене

Стихотворение. <i>Перевод А. Симонова</i>	593
Прощание. <i>Перевод А. Симонова</i>	593
Близость. <i>Перевод А. Симонова</i>	594
Другие. <i>Перевод А. Симонова</i>	594
Друзья. <i>Перевод А. Симонова</i>	595
Железная цивилизация. <i>Перевод А. Симонова</i>	595
Строптивой поэтессе Алисии Медина. <i>Перевод А. Симонова</i>	596
Глядя на юношей. <i>Перевод А. Симонова</i>	596

Н.-М. Кхакетла

Белая и черная. <i>Перевод В. Тихомирова</i>	596
--	-----

Рой Кэмпбелл

Зулуска. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	597
Теология павиана Бонгви. <i>Перевод М. Зенкевича</i>	598
Зебры. <i>Перевод В. Потаповой</i>	598
У могилы Оливии Шрайнер. <i>Перевод В. Потаповой</i>	599
Раб. <i>Перевод В. Потаповой</i>	599

Джулиет Лоув

Тропинки Африки. <i>Перевод Н. Воронель</i>	599
---	-----

Эзекиел Мпахеле

Иммигрант. <i>Перевод С. Северцева</i>	600
--	-----

Освальд Джозеф Мтшалл

Голуби в Оппенгеймеровском парке. <i>Перевод В. Рогова</i>	606
Верхом на радуге. <i>Перевод В. Рогова</i>	607
По газонам не ходить. <i>Перевод В. Рогова</i>	608
Всего-навсего прохожий. <i>Перевод В. Рогова</i>	608
Отвага, моя тень. <i>Перевод В. Рогова</i>	609
Звуки барабана из коровьей шкуры. <i>Перевод В. Рогова</i>	610

Артур Норттье

Голосуя на дороге. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	611
Море. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	612
Ничего необычного. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	612

Алан Пейтон

Санна. <i>Перевод В. Рогова</i>	613
С хозяйского плеча. <i>Перевод В. Рогова</i>	614
Маленькому мальчику, умершему в Дипклоопфской исправительной колонии. <i>Перевод В. Рогова</i>	614

Космо Питерс

Земле, изгнавшей любовь. <i>Перевод А. Сендыка</i>	616
--	-----

Уильям Плумер

Скорпион. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	616
Трансваальское утро. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	617
Развалины фермы. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	618
Водопад Викторня. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	618
Исследователь. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	619
Иоганнесбург. <i>Перевод Андрея Сергеева</i>	620

Ричард Рив

Там, где кончается радуга. <i>Перевод А. Ибрагимова</i>	621
---	-----

Фрэнсис Кэри Слейтер

В путь. <i>Перевод Н. Воронель</i>	621
Плач по мертвой корове. <i>Перевод Н. Воронель</i>	622
Сборщицы хвороста. <i>Перевод Н. Воронель</i>	622

Кингсли Фэрбридж

Сочинитель песен. <i>Перевод Н. Воронель</i>	623
--	-----

Примечания *Вл. Чеснокова, Е. Рязовой, А. Ибрагимова, М. Курганцева, И. Ермакова, Э. Ганкина* . . . . .

<i>В. Мириманов</i> . К иллюстрациям. «Возвращение к первоисточкам» и традиционная африканская скульптура	658
---	-----

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ТРЕТЬЯ
Том 131

ПОЭЗИЯ АФРИКИ

Редактор В. С а н о в и ч
Оформление «Библиотеки»
Д. Б и с т и
Художественный редактор
Ю. К о н н о в
Технический редактор
Л. П л а т о н о в а
Корректор Г. А с л а н я н ц

Сдано в набор 6/XII 1972 г. Подпи-
сано к печати 30/III 1973 г. Бумага
типогр. № 1, формат 60×84 ¹/₁₆.
43 печ. л. 40,12 усл. печ. л. 35,75+8
накид. = 36,67 уч.-изд. л. Тираж
303 000 экз. Заказ № 3410. Цена
2 р. 06 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография име-
ни А. А. Жданова Союзполиграфпро-
ма при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

